

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Алтайский государственный университет»

На правах рукописи

Ким Дмитрий Владимирович

**СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ**

Специальность: 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика
и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант – Заслуженный юрист РФ,
член-корр. СО АН ВШ, доктор юридических наук,
профессор **В.К. Гавло**

Барнаул – 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретико-методологические аспекты развития криминалистики как системы знаний в борьбе с преступностью криминалистическими методами	24
1.1. Закономерности научного познания и их проявление в криминалистике	24
1.2. Онтологизация научного познания и возникновение криминалистической ситуалогии.....	47
1.3. Информационная структура (база) криминалистической ситуалогии	68
Глава 2. Криминалистическая ситуация как объект научного исследования	128
2.1. Понятие «ситуация» как междисциплинарная категория и ее роль в развитии науки криминалистики	128
2.2. Криминалистическая ситуация как системообразующий фактор криминалистической науки и практики	138
2.3. Классификация криминалистических ситуаций как разновидность систематизации научного знания.....	177
Глава 3. Ситуационный подход в уголовном судопроизводстве как процесс постановки и решения криминалистических задач.....	198
3.1. Трансформация криминалистической ситуации с учетом этапов и задач уголовного судопроизводства.....	198
3.2. Возникновение криминалистической ситуации и ее развитие на первоначальном этапе предварительного расследования преступлений.....	221
3.3. Криминалистические ситуации дальнейшего и заключительного этапов расследования	263

Глава 4. Криминалистические ситуации и их разрешение на судебных стадиях уголовного процесса.....	295
4.1. Судебно-криминалистическая ситуация. Ее понятие, значение и место в системе криминалистики	295
4.2. Системообразующая роль криминалистических ситуаций на судебных стадиях уголовного судопроизводства	307
Заключение.....	353
Список использованных источников и литературы	360
Приложение.....	408

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Современные преобразования, происходящие в России, наряду с демократизацией общественной жизни и общей гуманистической направленностью породили ряд негативных процессов, повлекших за собой утрату значительной частью россиян духовных и нравственных ориентиров, что в свою очередь привело к резкому и устойчивому росту преступности, ставшей одним из значимых факторов, дестабилизирующих общество.

Состояние криминогенной обстановки в стране свидетельствует об изменении тенденций в развитии криминальной ситуации. Преступность с каждым днем обретает все более организованные формы, латентный характер. Слияние государственных и криминальных структур препятствует проведению в жизнь прогрессивных реформ.

Все это существенно затрудняет работу правоохранительных органов, влияет на раскрываемость преступлений, в результате чего растет число приостановленных уголовных дел и, как следствие, нераскрытых преступлений.

Так, по данным МВД России, в январе – июле 2006 г. органами внутренних дел рассмотрено 10,6 млн заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, что на треть (+33,4%) больше, чем за первые семь месяцев 2005 г. Почти по каждому шестому сообщению принято решение о возбуждении уголовного дела. Всего возбуждено 1861,0 тыс. уголовных дел, что на 18,2% превышает показатели аналогичного периода прошлого года.

В текущем году зарегистрировано 2263,3 тыс. преступлений, что на 16,3% больше, чем за январь – июль 2005 г. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 78 субъектах Российской Федерации.

Хотя удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных снизился с 31,4% (январь – июль 2005 г.) до 28,6% (январь – июль 2006 г.), следует отметить, что более половины всех зарегистрированных преступлений (52,3%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 943,3 тыс. (+13,7%), грабежа – 206,2 тыс. (+17,0%),

разбоя – 34,5 тыс. (+1,7%). Почти каждая третья кража (38,0%), каждый двадцать третий грабеж (4,4%) и каждое четырнадцатое разбойное нападение (7,3%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище.

Что же касается раскрываемости преступлений, то в январе – июле 2006 г. раскрыто 1097,1 тыс. преступлений (+9,5%). В то же время нераскрытыми остались 1118,7 тыс. преступлений, что на 45,0% превышает аналогичный показатель в январе – июле 2005 г. Из этого количества на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 28,9% (в январе – июле 2005 г. – 33,1%). Остались нераскрытыми 2559 убийств и покушений на убийство (-5,6%), 7285 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (+4,4%), 641,4 тыс. краж (+35,7), 149,4 тыс. грабежей (+43,7%), 19,7 тыс. разбойных нападений (+24,1%).

Почти треть (29,3%) оконченных расследованием преступлений совершены лицами, ранее совершавшими преступления, каждое шестое (16,8%) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое двенадцатое (8,2%) – несовершеннолетними или при их соучастии¹.

В этих условиях криминалистика призвана разрабатывать и совершенствовать научно обоснованные методы раскрытия, расследования и предотвращения любых преступлений, а также их судебного разбирательства в любой складывающейся криминалистической ситуации. С другой стороны, и в самой криминалистике можно выявить «парадигмальные сдвиги»², обусловленные тенденциями развития криминалистического познания, которые позволяют говорить о растущей способности науки более эффективно отвечать на социальные заказы, обращенные к ней.

Предпринятый нами историко-системный анализ развития криминалистики позволяет утверждать, что в настоящее время криминалистическая наука переживает особый этап развития, стремясь к более системному пере-

---

¹ Состояние преступности в России за январь – июль 2006 года. – М., 2006.

² Кун Т. Структура научных революций. – М., 1977.

определению своего предмета. В связи с чем возникает острая необходимость объективировать тенденции развития науки по линии «классицизм – неклассицизм – постнеклассицизм». Известно, что постнеклассицизм опирается на определенный уровень системного представления изучаемой реальности, делая предметом исследования сложные саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) системы¹. Таким образом, прогрессивное развитие криминалистики оказывается детерминированным не только снизу (из опыта, полученного в процессе решения собственно криминалистических проблем), но и сверху, т.е. из общекультурного пространства, аккумулирующего в себе менталитет эпохи. Именно поэтому криминалистика (как и другие науки) оказалась чувствительной к идеям, которые изучаются синергетикой, являющейся междисциплинарной теорией, изучающей закономерности процессов системной интеграции и самоорганизации в различных системах. Однако эта ориентация на синергетику требует большой методологической работы, которая позволила бы не просто «пересаживать» эти идеи на новое предметное поле, что было бы явным редукционизмом, т.е. заведомо неудачной попыткой сведения сложных криминалистических реалий к реалиям гораздо более простым, на примере которых возникала и развивалась синергетика. Необходимо творчески переосмысливать эти идеи в рамках криминалистики, ориентированной на идеалы постнеклассицизма – «кримосинергетики», если использовать аналоги, возникшие в других науках («социосинергетика», «психосинергетика»).

Из науковедения известно, что наука как целостная теоретическая система может существовать только в том случае, если в качестве ее предмета выступает реальная, развивающаяся система. Выделение и изучение такой системы знаменует собой переход от эмпирического изучения содержания и определения предмета науки к теоретическому, ограничивая при этом дви-

---

¹ См.: Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-традиция, 2000; Он же. Наука и образование в эпоху цивилизованных перемен // Устойчивое развитие. Наука и Практика. – 2002. – № 1. – С. 143-152.

жение научных категорий, что и позволяет науке оставаться в собственном предметном и проблемном поле.

Поэтому не случайно исследователи в последнее время отмечают интенсивное развитие общей теории криминалистики с ее криминалистическими ситуациями, которое, в свете высказанных идей, можно оценить как явный признак ее перехода из эмпирической стадии своего развития в теоретическую стадию¹.

Если учесть, что неклассическая наука проявляет себя в виде тенденции преодоления дихотомии субъекта и объекта², выводя на первое место понятие «ситуация», как объемлющее в себе обе «противоположности», то легко заметить, насколько эта тенденция проявилась в криминалистике. Первые выраженные признаки ситуационного подхода можно обнаружить в работах конца 60-х – середины 80-х гг. прошлого века³. Можно полагать, что тем самым устанавливаются временные параметры возникновения неклассической криминалистики. Как развитие этих исходных идей можно понять возникновение нового понятия – «криминалистическая ситуалогия» – в трудах Н.П. Яблокова и Т.С. Волчецкой⁴, Г.А. Зорина⁵ и др., характерного тем,

¹ См., напр.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. – М., 1997; Гавло В.К. Методологические аспекты и некоторые пути развития криминалистики // Актуальні проблеми криміналістики: Матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Харків) 25-26 верес. 2003 р. / Ред. кол.: М.І. Панов (голов. ред.), В.Ю. Шепітько, В.О. Коновалова та ін. – Х.: Гриф, 2003. – С. 18-21; Возгрин И.А. Актуальные проблемы современной отечественной криминалистики // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. статей. В 3 ч. Ч. 2: Вопросы современной криминалистики. – М.: Академия управления МВД России, 2004. – С. 16-21; Кустов А.М. Криминалистика – этапы эволюционного развития // Вестник криминалистики. Вып. 2(10). – М.: Спарк, 2004. – С. 4-10; Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. – М.: Юристъ, 2005 и др.

² Асмолов А.Г. Психология личности: Принцип общепсихологического анализа. – М.: «Смысл», ИЦ «Академия», 2002. – С. 111-158.

³ См., напр.: Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1967. – С. 509; Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования: Мат-лы Минской науч. конф. – М., 1973. – С. 82-94; Следственная ситуация и раскрытие преступлений: Науч. тр. Свердловского юрид. ин-та. Вып. 41. – Свердловск, 1975; Следственная ситуация. – М.: Всесоюзн. ин-т прокуратуры, 1985 и др.

⁴ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – М., Калинингр. ун-т. – Калининград, 1997.

⁵ Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Мн.: Амалфея, 2000.

что на его основе стала выстраиваться целая теоретическая система, претендующая на роль общей криминалистической теории.

В связи с этим понятными становятся и истоки современного всплеска интереса к теории криминалистических (следственных) и судебных ситуаций¹. Таким образом, вполне закономерным является то, что именно ситуационный подход постепенно становится основополагающим при определении предмета криминалистики.

Вместе с тем полагаем, что проблема преодоления дихотомии субъекта и объекта в криминалистике еще не нашла должного теоретического решения. Несовпадающее понимание природы и структуры криминалистической ситуации представителями разных научных школ и направлений продолжает базироваться на этой исходной дихотомии, когда предпочтение отдавалось либо объективным, либо субъективным компонентам криминалистической ситуации. Такое предпочтение своеобразно преломляется в определении предмета криминалистики, предопределяя тем самым различное понимание системы криминалистических явлений.

Проблема, видимо, заключается в том, что дискуссии о содержании, месте и функциях понятия «криминалистическая ситуация» могут быть плодотворными в том случае, если показать, как различное толкование смысла этой категории вырастает из различного определения предмета науки, но такого анализа методология и теория криминалистики пока не предпринимала.

Можно предположить, что в современной криминалистике актуальность начнут обретать исследования, в которых будут предлагаться различные варианты реализации системного и ситуационного подходов, поскольку именно они предназначены для преодоления дуализма между субъективным и объективным, внутренним и внешним.

---

¹ См.: Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. – М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2001; Баев М.О., Баев О.Я. Об особенностях тактики судебного следствия в современном уголовном процессе // Эволюция права и закона как фактор изменения криминалистики: генезис профессиональной защиты и представительства. Екатеринбург: Изд-во «Чароид», 2003. – С. 5-18; Кисленко С.Л., Комиссаров В.И. Судебное следствие: состояние и перспективы развития. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2003. – С. 51 и др.

Дальнейшая разработка системного подхода применительно к проблемам криминалистики должна позволить выделение диалектики криминалистической ситуации как динамической информационно-познавательной системы. При этом остается задачей обнаружение источников трансформации криминалистической ситуации не во внешнем (объективном), не во внутреннем (субъективном), а в ней самой, в том сложном единстве субъективных и объективных, внешних и внутренних факторов, которые и обуславливают движение криминалистической ситуации, ее развитие. В этом случае криминалистическая ситуация знаменует собой единство личности (субъект расследования), деятельности и того многомерного (субъективно-объективного) пространства, в котором осуществляется деятельность. Только при таком подходе криминалистическую ситуацию можно представить в виде саморазвивающейся системы. Но именно такие системы, в свете вышесказанного, и составляют предмет постнеклассической науки¹.

Предполагается, что такой подход позволит более обоснованно отбирать и систематизировать рекомендации, относящиеся к частным методикам расследования и судебного разбирательства уголовных дел, а также обеспечить дальнейшую разработку и совершенствование на этой основе автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС) в методике расследования отдельных видов и групп преступлений.

Все сказанное актуализирует значимость научной разработки темы настоящего диссертационного исследования.

Объектом исследований выступает, с одной стороны, преступная деятельность, влияющая на формирование криминалистических ситуаций, с другой – правоприменительная деятельность по раскрытию, предварительному расследованию, предотвращению преступлений и их судебному рассмотрению и связанные с ней информационные процессы, а также процесс и

---

¹ Подробнее см.: Гавло В.К, Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 3-67; Ким Д.В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: Монография / Под ред. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 7-83.

научные результаты исследований ученых, связанные с разработкой и применением ситуационного подхода в уголовном судопроизводстве.

Предметом исследования являются закономерности, лежащие в основе подготовки, совершения и сокрытия преступлений, и особенности формирования и совершенствования научных основ и практических рекомендаций по применению ситуационного подхода в деятельности субъектов доказывания в зависимости от этапов их деятельности и стадий уголовного судопроизводства.

Цели и задачи диссертационного исследования. Цель исследования заключается в теоретическом обосновании и разработке концептуальных положений применения ситуационного подхода как методологической основы в деятельности субъектов доказывания по раскрытию, предварительному расследованию и предотвращению преступлений, а также в ходе судебного рассмотрения уголовных дел.

Поставленная цель конкретизируется в ряде исследовательских **задач**:

- используя различные методы, вскрыть и проанализировать смену этапов становления и развития криминалистики как науки;
- проследить детерминирующее влияние внутренних тенденций развития науки в трансформации понятия «криминалистическая ситуация»;
- исследовать информационную структуру (базу) криминалистической ситуалогии;
- проанализировать имеющиеся на сегодняшний день точки зрения по вопросу о понятии и содержании криминалистической ситуации;
- определить специфику понимания криминалистической ситуации с позиции оптимизации процесса расследования преступлений и судебного рассмотрения уголовных дел;
- исследовать основания классификации криминалистических ситуаций;
- показать эволюцию криминалистической ситуации в зависимости от этапов и задач уголовного судопроизводства;

- выявить закономерности информационно-познавательных процессов и структур, связанных с движением уголовно значимой информации в складывающихся криминалистических ситуациях предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел;

- исследовать возможности применения и значения выделенных механизмов развития криминалистической ситуации как динамической системы в деятельности субъектов доказывания на различных стадиях уголовного судопроизводства;

- разработать теоретические положения «криминалистической синергетики» как междисциплинарного направления применительно к криминалистической тактике и методике;

- с позиции ситуационного подхода исследовать возможности дальнейшей разработки и совершенствования автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС) на основе познания механизмов преступлений и криминалистических ситуаций в целях повышения эффективности раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, а также судебного разбирательства уголовных дел.

Методология и методика исследования. Методологической основой диссертационного исследования являются общие и специальные методы познания, такие, как: исторический, сравнительно-правовой, логико-юридический, статистический, комплексный, историко-системный, методы аналогии, обобщения, классификации и моделирования.

Составной частью методологической базы исследования явились социологические методы, на основании которых исследовалась судебно-следственная практика, проводились анкетирование и опросы.

Дополнительной методологической основой для выработки и формулирования научных категорий явились законы формальной логики и юрислингвистики.

Нормативную базу исследования составили положения Конституции Российской Федерации, международные правовые акты, федеральные зако-

ны, а также межведомственные и ведомственные нормативные акты, регулирующие деятельность правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью.

Диссертантом использованы многочисленные теоретические, статистические, методические и справочные источники по философии, психологии, кибернетике, уголовному и уголовно-процессуальному праву, криминалистике, криминологии, оперативно-розыскной деятельности.

Теоретической базой исследования послужили научные труды философов, психологов, специалистов в области системных исследований и управления: А.Н. Аверьянова, А.Г. Асмолова, И.В. Блауберга, Л.С. Выготского, Э.В. Галажинского, Г. Гегеля, Ю.А. Данилова, К.Х. Делокарова, Ф.Д. Демидова, Д. Зиглера, Е.И. Исаева, В.Е. Клочко, О.М. Краснорядцевой, В.П. Кузьмина, Т. Куна, К. Левина, А.Н. Леонтьева, М.М. Мамардашвили, В.П. Огородникова, И. Пригожина, С.Л. Рубинштейна, В.И. Слободчикова, Н.М. Солодухо, А.И. Умова, Д.Н. Узнадзе, В. Франкла, З. Фрейда, Г. Хакена, Л. Хьелла, Э.Г. Юдина, К.-Г. Юнга, М.Г. Ярошевского, К. Ясперса и др.

Объяснение, обоснование и развитие положений диссертации осуществлялись на теоретической базе, в основе которой лежат научные исследования:

- по проблемам криминалистики, уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности, изложенные в трудах таких ученых, как: Т.В. Аверьянова, В.А. Азаров, И.В. Александров, О.Я. Баев, В.М. Бозров, А.Р. Белкин, Р.С. Белкин, А.А. Беляков, В.М. Быков, А.Н. Васильев, А.И. Винберг, Н.Т. Ведерников, С.Э. Воронин, И.А. Возгрин, Т.С. Волчецкая, В.К. Гавло, Ю.П. Гармаев, И.Ф. Герасимов, Ф.В. Глазырин, А.Ю. Головин, В.И. Громов, Г.А. Густов, Л.Я. Драпкин, А.В. Дулов, В.А. Жбанков, Н.С. Железняк, А.А. Закатов, В.Д. Зеленский, Е.П. Ищенко, Л.Л. Каневский, М.К. Каминский, В.Н. Карагодин, В.Я. Колдин, А.Н. Колесниченко, И.М. Комаров, В.И. Комиссаров, В.Е. Корноухов, Ю.Г. Корухов,

С.Ю. Косарев, В.В. Крылов, И.Ф. Крылов, А.М. Кустов, А.М. Ларин, А.Ф. Лубин, И.М. Лузгин, В.М. Мешков, В.А. Образцов, И.Ф. Пантелеев, М.П. Поляков, А.А. Протасевич, А.Р. Ратинов, Е.Р. Россинская, Л.Д. Самыгин, М.К. Свиридов, Н.А. Селиванов, И.В. Смолькова, В.А. Снетков, В.Ф. Статкус, В.В. Степанов, М.В. Субботина, В.Г. Танасевич, Д.А. Турчин, А.Г. Филиппов, А.А. Хмыров, С.И. Цветков, Е.Е. Центров, А.Е. Чечетин, А.А. Эйсман, А.С. Шаталов, С.А. Шейфер, В.И. Шиканов, Н.П. Яблоков, Ю.К. Якимович, В.В. Яровенко и др.;

- по проблемам уголовного права, криминологии, юридической психологии и психиатрии (Р.М. Абызов, Ю.М. Антонян, А.О. Бухановский, А.И. Долгова, С.А. Елисеев, М.И. Еникеев, С.В. Землюков, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев, З.А. Незнамова, Л.М. Прокументов, В.А. Уткин, В.Д. Филимонов и др.).

Весьма существенную роль при написании работы сыграли труды таких зарубежных авторов, как А.Н. Ахпанов, В.П. Бахин, Э. Буржесс, А.Я. Гинзбург, Ж. Вернон, Д. Дуглас, Г.А. Зорин, В.Е. Коновалова, Г.А. Матусовский, Б.М. Нургалиев, Н.И. Порубов, В.И. Попов, Р. Ресслер, К. Роте, М.В. Салтевский, А. Форкер, С. Хартман, В.Ю. Шепитько и др., связанные с проблемами раскрытия и расследования преступлений.

Эмпирическую базу исследования составили результаты анализа опубликованной и неопубликованной судебно-следственной практики, в том числе: 850 уголовных дел по корыстно-насильственным преступлениям (грабежи, разбои, убийства и др.), находившихся в производстве органов предварительного расследования в период с 1994-2006 гг. и рассмотренные судами в Алтайском крае, Республике Алтай, Новосибирской, Кемеровской и Томской областях; данные, полученные в результате изучения 530 материалов по отказам в возбуждении уголовного дела, 460 материалов по прекращенным уголовным делам.

По специально разработанной программе проведено анкетирование 155 следователей, участковых уполномоченных уголовного розыска, прокуроров и судей Алтайского края и Республики Алтай.

Эмпирический материал получен и в результате анкетирования 410 лиц, отбывающих наказание за совершение преступлений в учреждениях УБ-14/1 и УБ-14/3, по вопросам раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Теоретические выводы, кроме того, основаны на изучении ведомственных приказов и инструкций, статистических данных, обзоров судебной и следственной практики, определений и постановлений Конституционного Суда РФ, Пленумов Верховного Суда РФ, касающихся вопросов уголовного судопроизводства.

Научная новизна исследования заключается, прежде всего, в монографической разработке проблемы применения ситуационного подхода как специального метода познания сложных систем, объединяющих деятельность субъектов доказывания по раскрытию, предварительному расследованию и предотвращению преступлений, а также их судебному рассмотрению.

Проведено теоретическое обобщение и более углубленное исследование предмета криминалистики и ее категориального аппарата с точки зрения синергетического подхода, позволяющего рассматривать все существующие на сегодняшний день в криминалистике теории в одной системе и на более высоком качественном уровне, учитывая не только чувственные пространственно-временные координаты, но и сверхчувственные, такие, как смысл, значение и ценность элементов окружающего нас мира.

С этих позиций в работе проанализированы и существенно дополнены концептуальные положения теории криминалистических (следственных) ситуаций, в частности, уточнены ее понятие и место в общей системе криминалистической науки, а также ее информационная структура.

Учитывая информационно-познавательную природу деятельности субъектов доказывания, в диссертации рассмотрены структура и динамика

криминалистических ситуаций комплексно, в системе «ситуации» как полидисциплинарного понятия, на различных этапах и стадиях уголовного судопроизводства. В частности, «криминалистическая ситуация» представлена как специфическая информационно-познавательная система, имеющая кроме логико-формальной структуры еще и неформальную (ценностно-смысловую) структуру, благодаря которой происходит избирательное, направленное и устойчивое развитие криминалистической ситуации как особой системно организованной реальности.

Под этим углом зрения рассмотрены механизмы возникновения и развития оперативно-розыскной, криминалистической и судебной ситуаций как самоорганизующихся систем, с собственными источниками саморазвития и трансформации, возникающими как новообразования процессов раскрытия, предварительного расследования и предотвращения преступлений, а также судебного рассмотрения уголовных дел.

Кроме того, новизной обладает авторский подход к решению таких научных проблем, как классификация криминалистических ситуаций и задач, анализ взаимосвязей между ними; разработка организационно-тактических приемов использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам; выбор оптимальных путей разрешения криминалистических ситуаций в зависимости от этапов деятельности субъектов доказывания и стадий уголовного процесса.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ современных тенденций развития криминалистической науки позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время в криминалистике происходит смена парадигмы, связанной с переопределением ее предмета. При этом принцип отражения, понимавшийся как главный системообразующий принцип науки, сменяется другим, более системным – *кримосинергетическим*, позволяющим интегрировать накопленные научные знания в одну систему, назовем ее кримосинергетической, которая выводит исследователей к пониманию криминалистики как открытой самоорганизующейся системы с

внутренними источниками развития. Учитывая ситуационный характер процессов системной интеграции, можно констатировать, что системообразующим фактором в криминалистике являются различного рода ситуации, знания о которых могут быть объединены в теории криминалистических (следственных) ситуаций.

2. Кримосинергетика есть более высокая ступень информационного познания и значения криминалистических ситуаций. Она развивается из криминалистических понятий и подходов к следственным ситуациям (ситуации досудебного производства и ситуации судебного производства), получившим название «криминалистическая ситуалогия» (Н.П. Яблоков, Т.С. Волчецкая).

3. С точки зрения кримосинергетического подхода криминалистическая ситуалогия может быть представлена как общая криминалистическая теория, изучающая закономерности процессов возникновения и развития криминалистических ситуаций в целях создания научных основ и практических рекомендаций для решения задач уголовного судопроизводства специальными средствами, приемами и методами.

4. Информационная структура (база) криминалистической ситуалогии состоит из данных, относящихся к криминалистической характеристике преступлений, криминалистической характеристике раскрытия, предварительного расследования и предупреждения преступлений, а также криминалистической характеристике судебного рассмотрения уголовных дел, имеющих значение для криминалистической тактики и методики.

5. Поскольку криминалистическая методика учитывает рекомендации криминалистической техники и тактики с присущими им ситуациями и приспособляет их для разработки методов расследования отдельных видов и групп преступлений, то целесообразно вести речь о разработке полноструктурной криминалистической методики, которая выступает как специфическая информационно-познавательная система в деятельности по решению задач уголовного судопроизводства, рассчитанная на определенные ситуации досудебного и судебного производств.

6. Криминалистическая ситуация представляет собой сложную динамическую систему информационного характера, которая возникает в деятельности по расследованию преступлений и их судебному разбирательству, является ее результатом и одновременно новообразованием деятельности, определяющим ее дальнейшую организацию.

7. Оперативно-розыскная ситуация понимается как сложная динамическая система информационного характера, возникающая в деятельности субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и влияющая на дальнейшую организацию этой деятельности в целях решения задач, стоящих перед оперативными аппаратами, путем применения ими специальных средств, приемов и методов.

8. Научно-практическое значение имеет классификация криминалистических ситуаций, которая может быть выделена по следующим основаниям:

- в зависимости от уровня познания: а) типовые; б) индивидуальные; в свою очередь индивидуальные можно подразделить на типичные и атипичные;

- с учетом роли составляющих компонентов: а) ситуации с элементами тактического риска; б) ситуации с элементами организационной неупорядоченности; в) ситуации с элементами конфликтности;

- в зависимости от разделов науки криминалистики: а) ситуации технического характера; б) ситуации тактического характера; в) ситуации методического характера;

- с учетом мыслительной деятельности: а) репродуктивные (алгоритмические) и б) продуктивные; последние можно подразделить на эвристические и творческие;

- в зависимости от стадий уголовного процесса: а) проверочные ситуации (относящиеся к стадии возбуждения уголовного дела); б) ситуации предварительного расследования; в) ситуации подготовки к судебному заседанию; г) ситуации судебного разбирательства; д) ситуации апелляционного производства; е) ситуации кассационного производства; ж) ситуации испол-

нения приговора; 3) ситуации производства в надзорной инстанции; и) ситуации возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

9. Структура криминалистической ситуации может быть представлена в виде двух тесно взаимосвязанных составляющих (характеристик). Первой составляющей является логико-формальная (формализованная) структура криминалистической ситуации, которая отражает природную (вне и независимо от человека существующую) взаимосвязь предметов и явлений. Второй составляющей является неформальная, ценностно-смысловая структура (ЦСС) криминалистической ситуации, в которой как сами ее элементы (объективные обстоятельства по уголовному делу), так и их взаимосвязь оказываются детерминированными значениями, смыслами и ценностями, которые они имеют для субъекта доказывания.

10. Развитие криминалистической ситуации начинается с познания тех ее элементов, которые имеют наибольший смысл и ценность для субъекта доказывания в решении задач уголовного судопроизводства. Только благодаря такому знанию криминалистическая ситуация может развиваться направленно, осмысленно и упорядоченно.

11. Показаны организационно-тактические и методические приемы разрешения криминалистических ситуаций на различных этапах и стадиях уголовного судопроизводства:

а) сформулированы рекомендации по приданию информации, полученной в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, статуса доказательств;

б) исследованы пути преодоления противодействия со стороны заинтересованных лиц раскрытию, предварительному расследованию преступлений и их судебному разбирательству субъектами доказывания;

в) выделены и исследованы тактические и методические особенности проведения отдельных следственных и судебных действий.

12. Криминалистическая характеристика судебного рассмотрения уголовных дел рассматривается как система обобщенных сведений, раскрывающих основные черты механизма судебного рассмотрения отдельных видов и групп преступлений с учетом его этапов и версий в складывающихся судебных ситуациях.

13. Поскольку производство по уголовным делам, подсудным мировому судье, имеет свою специфику, криминалистика должна наиболее полно реализовывать потребность судей в рекомендациях тактического и методического характера, обуславливая активизацию исследований в области судебных ситуаций в целях оптимизации судебной деятельности.

14. Под ситуацией судебного следствия следует понимать сложную динамическую систему информационного характера, складывающуюся в ходе судебного следствия, отражающую его состояние и перспективу по уголовному делу и характеризующуюся наличием у суда установленных в процессе предварительного расследования и судебного следствия доказательств, а также условиями и обстоятельствами, в которых эти доказательства исследуются.

15. Теоретически обосновано выделение ситуаций, возникающих на судебных стадиях уголовного судопроизводства (в том числе и исключительных), приводится их научно-практическая классификация по различным основаниям логического деления.

Теоретическая значимость исследования. Результаты настоящей работы могут рассматриваться как средство решения крупной научной проблемы, заключающейся в обосновании концептуальных положений применения ситуационного подхода как специального метода познания сложных систем к разработке теоретических основ предварительного расследования и судебного разбирательства преступлений в целях решения задач уголовного судопроизводства, составляющих объект криминалистической науки.

В своей совокупности диссертационные положения могут быть использованы в качестве теоретической и методологической базы для последующих

научных исследований преступной деятельности и деятельности по раскрытию, предварительному расследованию, предотвращению преступлений, а также их судебному разбирательству.

Разработанная концепция призвана внести определенный вклад в развитие общей теории криминалистики, ее отдельных разделов, криминалистической ситуалогии, а также в ряд важных научных направлений: криминалистическую характеристику преступлений; криминалистическую характеристику предварительного расследования преступлений; криминалистическую характеристику судебного рассмотрения уголовных дел; криминалистические версии и планирование и некоторые другие.

Практическая значимость исследования определяется его общей направленностью на совершенствование деятельности по борьбе с преступностью. Отдельные диссертационные положения демонстрируют новые подходы не только к формированию, но и практическому применению тактики и методики раскрытия, предварительного расследования, предотвращения преступлений и их судебного разбирательства.

Апробация результатов исследования и их внедрение в практику осуществлены:

1) публикациями основных положений диссертации: опубликована 51 работа по теме общим объемом свыше 50 п.л.;

2) ознакомлением научных и практических работников с основными выводами, предложениями, рекомендациями в выступлениях:

- на международных научных и научно-практических конференциях: «Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе» (Красноярск, 2000, 2004, 2005 гг.); «Проблемы совершенствования борьбы с преступностью, наркобизнесом, терроризмом и религиозным экстремизмом» (Караганда, 2001 г.); «Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями» (Барнаул, 2003-2006 гг.); «Проблемы борьбы с преступностью на современном этапе» (Караганда, 2003 г.); «Проблемы уголовно-процессуального права» (Караганда, 2004, 2006 гг.);

- всероссийских научно-практических конференциях: «Публично- и частноправовое регулирование в России: теоретические и практические проблемы» (Барнаул, 2002 г.); «Уголовно-процессуальная реформа: УПК РФ – год спустя. Актуальные проблемы применения» (Санкт-Петербург, 2003 г.); «Стабильность и динамизм общественных отношений в Российской Федерации» (Барнаул, 2005 г.);

- республиканских научных конференциях: «Современное российское право: федеральное и региональное измерение» (Барнаул, 1998 г.); «Российская правовая система: становление, проблемы, пути совершенствования» (Барнаул, 2001 г.);

- межрегиональных научно-практических конференциях: «Российская юриспруденция на рубеже XX-XXI веков: проблемы и решения в творчестве молодых ученых» (Барнаул, 1997 г.); «Достоинство человека: от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства» (Барнаул, 1999 г.); «Правовые проблемы борьбы с правонарушениями в России» (Барнаул, 2003 г.);

- региональных научно-теоретических и научно-практических конференциях: «Фиксированные формы поведения в образовании, науке и культуре» (Бийск, 2000 г.); «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае» (Барнаул, 2001-2006 гг.);

- межвузовских научно-практических конференциях: «Совершенствование борьбы с преступностью в условиях Дальнего Востока» (Хабаровск, 1997 г.); «Актуальные проблемы борьбы с преступностью и иными правонарушениями» (Барнаул, 2001 г.);

- научно-практических конференциях профессорско-преподавательского состава Карагандинского юридического института МВД Республики Казахстан (1994, 1995, 2003-2006 гг.); Барнаульского юридического института МВД России (1995-2006 гг.); Томского филиала РИПК работников МВД России (1997 г.);

- заседаниях кафедр уголовного процесса и криминалистики Барнаульского юридического института МВД России (1995-2006 гг.) и кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (1999-2006 гг.);

- семинарах и совещаниях руководящего состава ГУВД Алтайского края, следственного состава ГСУ при ГУВД Алтайского края, прокурорско-следственного состава прокуратуры Алтайского края (1996-2006 гг.);

3) при подготовке научно-практических и учебно-методических пособий: «Словарь основных понятий и терминов по курсам «Уголовный процесс» и «Правоохранительные органы России»»; «Курс лекций по Общей части уголовного процесса»; «Уголовный процесс» и в ряде других изданий (1997-2006 гг.), предназначенных для студентов, курсантов и слушателей вузов и работников правоохранительных органов;

4) в учебном процессе при преподавании курса «Уголовный процесс» и спецкурсов в Барнаульском юридическом институте МВД России, в том числе для слушателей – работников правоохранительных органов, на факультете повышения квалификации;

5) в фондовых лекциях кафедр уголовного процесса и криминалистики Барнаульского юридического института МВД России и кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, а также монографиях: «Изменения в обществе и классический университет: история и современность» (Томск, 2005 г.); «Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты» (Барнаул, 2006 г.); «Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве» (Барнаул, 2006 г.);

6) внедрением основных положений в учебные процессы Алтайского государственного университета, Барнаульского, Калининградского, Сибирского юридических институтов МВД России, Омской академии МВД России, НИИ ФСИН России, Карагандинского юридического института МВД Рес-

публики Казахстан; в практику правоохранительной деятельности ГСУ при ГУВД Алтайского края.

Тема диссертации разрабатывалась в соответствии с тематикой научных исследований кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФ АлтГУ «Проблемы повышения эффективности борьбы с организованными и насильственными транснациональными преступлениями в Сибирском федеральном округе», а также кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России «Проблемы эффективности предварительного расследования» в рамках плана научно-исследовательских работ, выполняемых в Алтайском научном центре Сибирской академии наук высшей школы «Сибресурс-2002».

Объем и структура диссертации. Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, четырех глав, объединяющих 11 параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений. Диссертация выполнена в объеме, соответствующем предъявляемым требованиям ВАК России.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ КАК СИСТЕМЫ ЗНАНИЙ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ

1.1. Закономерности научного познания и их проявление в криминалистике

Реформирование криминалистики как системы знаний, на которое указывали А.И. Винберг, С.П. Митричев, Б.М. Шавер, А.Н. Васильев, Н.В. Терзиев, С.А. Голунский и другие ученые, началось давно¹. Наиболее активно этот процесс происходил в 80-90-е гг. XX в.² Уход из жизни профессора Р.С. Белкина – выдающегося ученого, внесшего значительный вклад в развитие методологии криминалистики, вновь инспирировал дискуссию о предмете криминалистики, ее методах и тенденциях развития. Как справедливо заметил профессор Ю.Г. Корухов, «можно с полным основанием говорить об эпохе Р.С. Белкина в криминалистике»³. Сейчас очень остро стоит проблема прогнозирования тенденций развития криминалистики, ее движения к новым методологическим парадигмам, которые едва ли будут иметь столь выражен-

¹ См, напр.: Винберг А.И., Шавер Б.М. Криминалистика: Учебник для юрид. школ. – М., 1950; Винберг А.И. О сущности криминалистической техники и криминалистической экспертизы // Сов. гос-во и право. – 1955. – № 8. – С. 82-88; Советская криминалистика. Ч. 1 / Под ред. С.П. Митричева, Н.В. Терзиева. – М., 1958; Васильев А.Н. О тактике следствия // Советская криминалистика на службе следствия. – Вып. 7. – М., 1956. – С. 136; Криминалистика / Под ред. С.А. Голунского. – М., 1959. – С. 7-10 и др.

² См., напр.: Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. – М., 1984; Криминалистика: Учебник / Под ред. Н.П. Яблокова, В.Я. Колдина. – М., 1990. – С. 6-10; Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Ч. I, II. – СПб.: Санкт-Петербург. ин-т МВД России, 1992; Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. – М., 1994. – С. 6-10; Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. – М., 1997. – С. 112; Криминалистика / Под ред. В.А. Образцова. – М., 1997. – С. 5; Колдин В.Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология? // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. – 2000. – № 4. – С. 15 и др.

³ Корухов Ю.Г. Значение творческого наследия Р.С. Белкина в развитии отечественной криминалистики // Вестник криминалистики. Вып. 1(3). – М.: Спарк, 2002. – С. 7.

ное авторство¹. В «эпоху Р.С. Белкина» наука консолидировалась и, смеем думать, в ней заработали свойственные достаточно устоявшимся наукам механизмы самоорганизации. Одним из проявлений таковых является похожесть внутренних тенденций ее развития, указывающая на всеобщие закономерности наукообразования. С учетом этого попытаемся проследить развитие современной науки, соблюдая принцип поиска нового, действуя «на стыке наук, в иных областях знаний, за счет интеграции знаний, путем перетекания идей»².

Любая научная дискуссия, любое исследование являются способом, посредством которого самоопределяется наука, т.е. осмысливает и переосмысливает себя как целое, как более или менее сложившуюся систему знаний, систему специфических средств и методов познания, систему постепенно трансформирующихся научных категорий, которыми пользуется наука. Эта трансформация в наибольшей степени отражает внутренние тенденции становления науки как открытой системы, т.е. системы закономерно усложняющейся – по мере все более системного (теоретического) определения своего предмета³.

Как же обеспечивается интеграция науки, если сам предмет ее определяется по-разному представителями различных научных школ и направлений? Ведь, как совершенно точно заметил науковед и психолог Л.С. Выготский, «единство науки обеспечивается единством точки зрения на предмет»⁴. Полагаем, что этот вопрос является одним из ключевых в современной криминалистике. Примером тому может служить дискуссия о методологических

¹ См.: Филиппов А.Г. О системе отечественной криминалистики // Гос-во и право. – 1999. – № 8. – С. 37-41; Он же. Еще раз к вопросу о системе криминалистики // Вестник криминалистики. – Вып. 2. – М.: Спарк, 2001. – С. 43-52; Лаврухин С.В. Система криминалистики // Гос-во и право. – 1999 – № 8 – С. 31-36; Возгрин И.А. Актуальные проблемы современной отечественной криминалистики // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. статей. В 3 ч. Ч. 2: Вопросы современной криминалистики. – М.: Академия управления МВД России, 2004. – С. 16-21 и др.

² Корухов Ю.Г. Указ. раб. – С. 6.

³ См. подробнее: Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Методологические аспекты криминалистики на современном этапе ее развития // Вестник криминалистики. – Вып. 2(14). – М.: Спарк, 2005. – С. 4-12.

⁴ Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. в 6 т. – Т. 1. – М., 1982. – С. 360.

проблемах науки, развернувшаяся среди ученых-криминалистов не только на страницах «Вестника криминалистики»¹ после публикаций статей М.К. Каминского² и А.Г. Филиппова³, но и в других научных изданиях⁴.

Так, М.К. Каминский указывает на то, что до сих пор теория криминалистики начинается чаще всего не с анализа методологической парадигмы, а со сравнения «точек зрения» и «критики авторов», считая такой подход неправильным и даже опасным⁵. В то же время А.Г. Филиппов полагает, что любое исследование можно начинать по-разному, в том числе и с критического анализа точек зрения различных авторов, занимавшихся данной проблемой, и «все дело в том, каковы будут глубина научного анализа, обоснованность суждений и выводов автора»⁶. В связи с чем заслуживает внимания позиция В.Ю. Шепитько, который справедливо считает, что «тенденции криминалистики в большинстве своем зависят от ее методологических основ. Методология криминалистики требует новых исследований. Роль методоло-

¹ См., напр.: Статкус В.Ф. Криминалистика – наука о раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений // Вестник криминалистики. – Вып. 2(4). – М.: Спарк, 2002. – С. 15-19; Эксархопуло А.А. О предмете криминалистики и его определении // Вестник криминалистики. Вып. 4(8). – М.: Спарк, 2003. – С. 19-28; Кустов А.М. Криминалистика – этапы эволюционного развития // Вестник криминалистики. – Вып. 2(10). – М.: Спарк, 2004. – С. 4-10; Бабаева Э.У. Криминалистика – наука и учебная дисциплина // Вестник криминалистики. – Вып. 1(13). – М.: Спарк, 2005. – С. 4-11 и др.

² Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Вестник криминалистики. – Вып. 1(3). – М.: Спарк, 2002. – С. 8-14.

³ См.: Филиппов А.Г. Субъективные заметки (о статье М.К. Каминского) // Вестник криминалистики. – Вып. 1(3). – М.: Спарк, 2002. – С. 15-18.

⁴ Волчецкая Т.С. Развитие криминалистической науки и предмет криминалистики // 50 лет в криминалистике. К 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина: Мат-лы междунар. науч. конф. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 61-72; Зорин Г.А. Современные проблемы криминалистики сегодняшнего и завтрашнего дня с позиции исследования и развития научного наследия профессора Р.С. Белкина // Там же. – С. 73-98; Аверьянова Т.В. Формирование взглядов Р.С. Белкина на предмет криминалистики // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: Мат-лы междунар. науч. конф. – М., 2002. – С. 17-22; Яблоков Н.П. Нужно ли менять предметную область и систему современной криминалистики // Актуальні проблеми криміналістики: Матеріали міжнар. наук.-пр. конф. (Харків) 25-26 верес. 2003 р. / Ред. кол.: М.І. Панов (голов. ред.), В.Ю. Шепітько, В.О. Коновалова та ін. – Х.: Гриф, 2003. – С. 14-17 и др.

⁵ Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Вестник криминалистики. – Вып. 1(3). – М.: Спарк, 2002. – С. 8.

⁶ Филиппов А.Г. Субъективные заметки (о статье М.К. Каминского) // Вестник криминалистики. – Вып. 1(3). – М.: Спарк, 2002. – С. 15.

гии состоит в противодействии возникновению криминалистических "фантомов", антинаучных концепций и теорий, ложного пути развития науки»¹.

Наше мнение по этому вопросу заключается в следующем. Объективные основания парадигм возникают внутри научных школ и направлений в результате методологической работы ученых, их представляющих, а вызревают и объективируются парадигмы в полемике, дискуссии, борьбе, в попытках отстоять свое видение в столкновении с «оппонентским кругом», в убеждении противоположной стороны в правоте личных методологических конструкций. Собственно парадигмой считаются идеи, уже ставшие «общепринятыми образцами научной практики», по крайней мере, так определил понятие научной парадигмы ее автор Т. Кун². Поскольку парадигма кристаллизуется в определении предмета науки, постольку научное сообщество представляет собой некое единство, пользующееся методологическими образцами, которых придерживаются большинство исследователей. Другое дело, что становление парадигмы часто оказывается вне научного анализа. Оно стоит как бы за борьбой научных идей и его нельзя проследить в критическом анализе методологических установок различных теорий, но необходимо разглядеть в тенденциях развития этих установок, в смене форм мышления и уровней системности, которое этим мышлением реализуется.

Следовательно, проблема не в том, с чего начинать исследование – с манифестации собственной методологической парадигмы или с критического анализа чужих парадигмальных установок. Проблема в том, чтобы увидеть в построениях авторов признаки трансформации актуальной методологической парадигмы и признаки зарождения новой – в виде более или менее определившихся тенденций в становлении науки. И дело, как нам кажется, не в глубине анализа различных теорий, если уж с этого начинать, а в особой направленности анализа, в его высоте, ибо, как писал Л.С. Выготский, только тот,

---

¹ Шепитько В.Ю. Предмет и природа криминалистики: научные дискуссии и тенденции // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: Мат-лы междунар. науч. конф. – М., 2002. – С. 200-203.

² Кун Т. Структура научных революций. – М., 1977.

«кто поднимает свой анализ из плоскости критического обсуждения той или иной системы взглядов на высоту принципиального исследования средствами общей науки, только тот разберется в объективном смысле происходящего в психологии кризиса; для него откроется закономерность происходящего столкновения идей и мнений, обусловленная самим развитием науки и природой изучаемой действительности на данной ступени ее познания»¹. В этой цитате слово «психология» можно заменить на слово «криминалистика» или просто «наука» и ничего не изменится по существу. Здесь объясняется и необходимость «общей науки», и ее предназначение.

Что же получает исследователь взамен? «Вместо хаоса разнородных мнений, пестрой разноголосицы субъективных высказываний для него раскроется стройный чертеж основных мнений развития науки, система объективных тенденций, с необходимостью заложенных в исторических задачах, выдвинутых ходом развития науки и действующих за спиной отдельных исследователей и теоретиков с силой стальной пружины. Вместо критического обсуждения и оценки того или иного автора, вместо уличения его в непоследовательности и противоречиях он займется положительным исследованием того, чего требуют объективные тенденции науки, и вместо мнения о мнении он получит в результате чертежа скелет общей науки как системы определяющих законов, принципов и фактов»².

Итак, действовать в науке профессионально – значит понимать смысл и ценность своих действий не только по отношению к тому участку реальности, который исследует ученый, но и по отношению к внутренней тенденции развития науки, логике ее становления как теоретической системы.

Сегодня в криминалистике все больше обнажаются противоречия, заключающиеся не только в определении предмета науки, ее методологии, но и в ее категориальном аппарате, и только через призму общих закономерностей научного познания, внутренних тенденций развития науки можно понять те

---

¹ Выготский. Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. в 6 т. – Т. 1. – М., 1982. – С. 324.

² Там же.

преобразования, в которых происходит постижение их сущностных характеристик. Поэтому одной из важнейших задач, стоящих перед учеными, «является исследование методологии науки криминалистики, ее предмета и сферы приложения научного потенциала»¹.

Не ставя своей задачей подробный анализ существующих методов, принципов и подходов историко-криминалистического познания, сосуществующих сегодня в криминалистике, достаточно подробно представленных в многочисленных исследованиях², отметим только основные их особенности и прогностические возможности, позволяющие изучать логику развития науки. Следует также заметить, что эти подходы применяются как самостоятельно, так и в различном сочетании.

Одним из наиболее известных средств историко-криминалистического анализа является **хронологический метод**. Данный способ научного познания осуществляет реконструкцию исторических событий, предлагая рассматривать вклады отдельных исследователей, научных школ с точки зрения изменений, происходящих в предметном поле науки. С учетом этого в теории криминалистики выделяют три основных этапа, когда происходило существенное изменение взглядов на ее предмет³.

Первый этап охватывает период с 1917 по 1937 гг. Для этого этапа характерно отмежевание криминалистики от науки уголовного процесса и становление ее самостоятельной областью знания. В связи с чем были предпри-

---

¹ Гавло В.К. Методологические аспекты и некоторые пути развития криминалистики // Актуальні проблеми криміналістики: Матеріали міжнар. наук.-пр. конф. (Харків) 25-26 верес. 2003 р. / Ред. кол.: М.І. Панов (голов. ред.), В.Ю. Шепітько, В.О. Коновалова та ін. – Х.: Гриф, 2003. – С. 18-21.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – С. 9-157; Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985; Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Мн.: Амалфея, 2000. – С. 8-26; Кустов А.М. Криминалистика – этапы эволюционного развития // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. 2(10). – М.: Спарк, 2004. – С. 4-10 и др.

³ См.: Курс криминалистики / Отв. ред. В.Е. Корноухов. – Т. 1. – Красноярск, 1996. – С. 3-8; Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – С. 73-115; Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. – М.: Юристъ, 2005. – С. 17-36 и др.

няты попытки ученых определить предмет «молодой» науки. Развивая идеи Г. Гросса, Г.Ю. Маннса, С.Н. Трегубова, первое развернутое определение предмета криминалистики предложил И.Н. Якимов, который полагал, что криминалистика «имеет своим предметом изучение наиболее целесообразных способов и приемов применения методов естественных, медицинских и технических наук к расследованию преступлений и изучению физической и моральной личности преступника, а своей целью ставит помощь правосудию в раскрытии материальной истины в уголовном деле»¹. Развитие этих идей нашло свое отражение и в первом коллективном учебнике по криминалистике, вышедшем в свет в 1935 г.² Во введении к нему говорилось, что криминалистика представляет собой науку о расследовании, включает в себя уголовную технику, уголовную тактику и частную методикку. Первая часть разрабатывает способы применения естественных наук, вторая – приемы проведения отдельных следственных действий, систему и планирование расследования, а третья – особенности расследования отдельных видов преступлений. Таким образом, на первоначальном этапе криминалистика понималась как наука о способах применения данных естественных наук к расследованию преступлений и о наилучших приемах проведения отдельных следственных действиях.

Второй этап охватывает период с 1938 по 1966 гг. Началом ему послужила статья Б.М. Шавера, который при определении предмета науки, в отличие от своих предшественников, сделал акцент не на то, что наука разрабатывает, а на то, что изучает. Он полагал, что криминалистика изучает «приемы и методы совершения преступлений, следы, оставшиеся в результате совершения преступных действий или оставляемые преступником, и данные естественных и технических наук в целях приспособления всего этого к зада-

---

¹ Якимов И.Н. Криминалистика. – М., 1925. – С. 3.

² Криминалистика. Кн. 1. Техника и тактика расследования преступлений. – М., 1935. – С. 6-7.

чам расследования преступлений»¹. Не трудно заметить, что автор попытался определить криминалистику как самостоятельную область научного знания, которая имеет не только свой предмет, но и объект исследования. Эта новая идея не могла остаться незамеченной. Не случайно в дискуссию включились ученые-процессуалисты. Отстаивая свои взгляды, они полагали, что криминалистика является не самостоятельным научным знанием, а технической (вспомогательной) дисциплиной. Что же касается вопросов тактики и методики расследования преступления, то их они отнесли к прерогативе науки уголовного-процесса². Позиции криминалистов, вступивших в дискуссию, характеризовались в то время выходом на обсуждение общетеоретических положений, суть которых заключалась в попытках неоправданно расширить или сузить предмет криминалистики³.

Как справедливо заметил Р.С. Белкин, «определение криминалистики как науки о технических средствах, тактических приемах и методических рекомендациях, относящихся к собиранию и исследованию доказательств, в целях расследования и предотвращения преступлений, отражало состояние криминалистики и ближайшие перспективы ее развития в то время, когда данное определение складывалось»⁴. Поэтому совершенно естественно, что определение криминалистики нуждалось в пересмотре.

Начало новому периоду в развитии взглядов на предмет науки, который продолжается и сегодня, положила статья Р.С. Белкина и Ю.И. Краснобаева, в которой авторы, в отличие от традиционного взгляда, высказали

---

¹ Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики // Соц. законность. – 1938. – № 6. – С. 66.

² См.: Строгович М.С. Уголовный процесс. – М., 1946. – С. 28; Уголовный процесс: Учебник для юрид. вузов. – М., 1948. – С. 32 и др.

³ Потапов С.М. Введение в криминалистику. – М., 1946. – С. 5-8; Винберг А.И. Предмет и метод советской криминалистики // Криминалистика / Под ред. А.И. Винберга, С.П. Митричева. – М., 1950. – Гл. 1. – С. 4; Тарасов-Родионов П.И. Советская криминалистика // Соц. законность. – 1951. – № 7. – С. 12; Митричев С.П. Предмет, метод и система советской криминалистики. – М., 1956. – С. 24; Васильев А.Н. Введение в курс советской криминалистики. – М., 1962. – С. 13; Шаламов М.П. Некоторые проблемы советской криминалистики. – М., 1965. – С. 31 и др.

⁴ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – С. 80.

мысль о том, что в качестве закономерностей, составляющих предмет науки, являются закономерности возникновения, собирания, исследования, оценки и использования доказательств, на основе познания которых разрабатываются приемы и средства судебного исследования¹. По мнению ученых, их познание составляет одну из задач криминалистической науки; познанные, они получают отражение в законах криминалистики, в ее категориях и систематике (классификациях, структурах, системах). Существенным отличием этого определения от предыдущих явилось то, что авторы на первое место поставили закономерности, на основе которых разрабатываются методы. Указанное определение вызвало оживленную дискуссию, которая свидетельствовала о значительном расхождении точек зрения по рассматриваемой проблеме. Суть их сводилась не только к формулировке понятия криминалистики, но и к отражению содержания науки.

Так, В.Г. Танасевич, не соглашаясь с Р.С. Белкиным, предложил уточнить определение криминалистики исходя из того, что «1) криминалистика научно разрабатывает не только проблемы расследования, но и проблемы выявления (обнаружения) преступлений; 2) криминалистика не ограничивается сферой уголовно-процессуальной, она изучает явления и разрабатывает рекомендации о приемах, методах и средствах не только в пределах уголовно-процессуальной регламентации, но и вне ее; и в стадии предварительного следствия и дознания, и в стадии возбуждения уголовного дела, и до нее»². Исходя из этого автор определил предмет криминалистики следующим образом: «Предмет криминалистики – это система средств и методов деятельности правомочных органов по раскрытию и предупреждению преступлений, состоящая в выявлении, собирании и исследовании фактических данных, на основании которых устанавливаются общественно опасные деяния и винов-

---

¹ Белкин Р.С., Краснобаев Ю.И. О предмете советской криминалистики // Правоведение. – 1967. – № 4. – С. 90-94.

² Селиванов Н.А., Танасевич В.Г., Эйсман А.А., Якубович К.А. Советская криминалистика. Теоретические проблемы. – М., 1978. – С. 113.

ность лиц, их совершивших, а также применяются меры по предупреждению преступлений»¹.

Анализ такого подхода позволяет говорить о чрезмерно широком толковании предмета криминалистики. В частности, к предмету криминалистики необоснованно отнесены приемы, средства и методы, применяемые не только в сфере уголовного процесса, но и за ее пределами (например, в оперативно-розыскной деятельности). Кроме того, как правильно было отмечено В.К. Гавло, в нем «недостаточно четко выражено то, что именно присуще криминалистике – это указание на изучение механизма совершения и сокрытия преступлений, их следы и как по ним **с учетом возникающих следственных ситуаций** (выделено нами. – Д.К.) необходимо расследовать преступления»².

Основным оппонентом Р.С. Белкина относительно предмета криминалистики в то время выступал А.Н. Васильев, который полагал, что в предложенном Р.С. Белкиным определении не видно различия между науками уголовного процесса и криминалистики, не отражена природа криминалистики³. По его мнению, криминалистика – наука «об организации планомерного расследования преступления, эффективном собирании, исследовании доказательств в соответствии с уголовно-процессуальными нормами и о предупреждении преступлений путем применения для этих целей приемов и средств, разработанных на основе специальных наук и обобщения следственной практики»⁴.

В целом, такой подход к объяснению предмета криминалистики нам представляется правильным. Главное, что им охватываются указания на криминалистическую «организацию планомерного расследования и предупреждения преступлений», которая основывается на рекомендациях технического,

---

¹ Там же. – С. 43.

² Гавло В.К. Некоторые вопросы предмета криминалистики // Проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. – С. 106-107.

³ Васильев А.Н. Следственная тактика. – М., 1976. – С. 12-17.

⁴ Там же. – С. 27.

тактического и методического характера, разрабатываемых в соответствии с уголовно-процессуальным законом.

Аналогичного мнения на определение предмета криминалистической науки, в котором должны быть отражены закономерности в области криминалистической техники, тактики и методики, отличающие криминалистику от других смежных наук, придерживались и другие ученые¹.

Дискуссия, развернувшаяся вокруг определения криминалистики, продолжается и сегодня. Большинство ученых придерживаются определения Р.С. Белкина, согласно которому «криминалистика – наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средств и методах судебного исследования и предотвращения преступлений»².

Однако рядом исследователей такая трактовка предмета криминалистики не разделяется. Так, В.Я. Колдин, развивая с 80-х гг. свои взгляды, считает, что «предметом криминалистики является структура информационно-познавательной деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений и обеспечивающие ее оптимизацию легальные организационные, технические и тактико-методические средства, приемы и технологии»³. По мнению В.Я. Колдина, в концепции Р.С. Белкина «мы не видим самого понятия криминалистической деятельности, которая рассматривается в деятельности по борьбе с преступностью, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений»⁴. Но если Р.С. Белкин предмет криминалистики видел в познании закономерностей криминалистического меха-

---

¹ См., напр.: Попов В.И. Советская криминалистика и ее роль в претворении ленинского принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление // Некоторые вопросы борьбы с преступностью. – Алма-Ата, 1970. – С. 60; Винберг А.И. О некоторых теоретических проблемах криминалистики // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики: Мат-лы науч. конф. – Свердловск, 1972. – С. 10 и др.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – С. 112.

³ Колдин В.Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология? // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. – 2000. – № 4. – С. 15.

⁴ Там же.

низма расследования преступлений не только на предварительном следствии, но и в ходе судебного разбирательства (и это, на наш взгляд, правильно), то В.Я. Колдин к предмету криминалистики последнее не относит (что, на наш взгляд, спорно).

Свое понимание предмета криминалистики высказал В.А. Образцов. Криминалистику он понимает как науку «о технологии и средствах практического следоведения (поисково-познавательной деятельности) в уголовном судопроизводстве»¹.

Близость позиций В.Я. Колдина и В.А. Образцова проявляется, с нашей точки зрения, в акценте на поисково-познавательной деятельности (по В.Я. Колдину, она называется «информационно-познавательная деятельность»). И это в целом, действительно, есть важное направление познания вида криминалистической деятельности, но только одного из ее видов.

Анализ сконцентрированного в предложенном В.А. Образцовым определении предмета криминалистики и ее системы знаний свидетельствует, что она, по сравнению с системой знаний, сформулированной Р.С. Белкиным и В.Я. Колдиным, и тем, что она объективно представляет собой, сужена до технологии и средств практического следоведения, с чем трудно согласиться.

При такой (весьма абстрактной) трактовке предмета криминалистики из нее выпадают базовые элементы, характеризующие практическую деятельность и ее криминалистическую суть: механизмы и способы совершения преступлений, свидетельствующие об их избрании определенными преступниками, в отношении определенных объектов преступного посягательства и т.д. Об этом раньше В.А. Образцов правильно писал, опираясь на деятельностный метод.

В связи с чем заслуживает внимания позиция В.К. Гавло. Суть ее заключается в следующем.

Преступная деятельность исторически интересовала науку криминалистики с точки зрения собирания и использования криминалистически значи-

---

¹ Криминалистика / Под ред. В.А. Образцова. – М., 1997. – С. 5.

мых признаков – последствий подготовки, совершения и сокрытия преступлений, как бы ухищренно они ни совершались. Ее рекомендации, основанные, в частности, на познании преступной деятельности, выполняют прогностическую функцию в борьбе с преступностью криминалистическими методами.

Преступной деятельности всегда противостояла законная деятельность правоохранительной системы по предотвращению, выявлению, раскрытию и расследованию **на досудебных и судебных стадиях** уголовного судопроизводства.

На этом поле деятельности криминалистика как наука всегда изучала и изучает ошибки и положительные результаты борьбы с преступностью, разрабатывала и разрабатывает свои научные теории и практические, наиболее оптимальные методы действий субъектов правоохранительной системы в складывающихся криминалистических (следственных и судебных) ситуациях.

В связи с чем В.К. Гавло предлагает определять криминалистику как «науку, изучающую закономерности целостного движения уголовно значимой информации в ситуациях совершения, раскрытия и расследования преступлений, а также судебного рассмотрения уголовных дел в целях создания научных основ и практических рекомендаций для решения задач уголовного судопроизводства специальными средствами, приемами и методами»¹.

Преимущество этой позиции заключается в том, что она позволяет объединить в одну систему все информационно-познавательные структуры, связанные с постоянным движением уголовно значимой информации, обнаружением, исследованием и использованием ее и доказательств в уголовно-процессуальной деятельности – от выявления признаков преступления, воз-

---

¹ См., напр.: Гавло В.К. Проблемы теории и практика криминалистической методики расследования преступлений: Автореф. ... д-ра юрид. наук. – М., 1988; Он же. Проблемы предмета криминалистики в свете состояния и перспективы развития криминалистической методики расследования преступлений как ее части. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: Мат-лы третьей междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2005. – С. 8-10.

буждения уголовного дела и до момента окончательного принятия процессуального решения по делу судом. Полагаем, этой позиции нужно придерживаться в дальнейшем.

Приведенный краткий исторический анализ развития криминалистики позволяет сделать вывод, что немаловажную роль в этом процессе сыграло становление категориального (терминологического) аппарата науки. В этом проявляется так называемый **историко-категориальный подход**. Один из его основоположников, М.Г. Ярошевский считает, что развитие научных исследований обусловлено заинтересованностью науки в самопознании, в понимании современной ситуации и в теоретической перспективе, в потребности осмысления векторов собственного развития. По его мнению, новая тенденция развития науки проявляется в стремлении «отстоявшийся» научный материал интерпретировать в контексте исторического процесса в целом¹. С этой точки зрения, исторический анализ означает не только констатацию событий, но и их интерпретацию и объяснение с помощью понятий (категорий), которые, будучи связанными между собой, образуют сложную систему, «сетку», категориальный строй науки. Иными словами, некая система знаний превращается в науку только тогда, когда складывается ее категориальный аппарат, т.е. предмет науки представлен в системе категорий.

Можно согласиться с мнением М.Г. Ярошевского в том, что потребность в анализе тенденций и закономерностей развития науки порождается не внешними обстоятельствами, а развитием самой науки, и адекватным можно признать только такой анализ, для которого характерны историзм, конкретность и системность.

В этой связи Р.С. Белкин выделяет следующие тенденции развития категориального аппарата криминалистики:

1. Расширение круга используемых понятий и определений.
2. Изменение определений.

---

¹ Ярошевский М.Г. Предмет психологии и ее категориальный строй // Вопросы психологии. – 1971 – № 5. – С. 111-121; Он же. О категориальном анализе развития психологического познания // Вопросы психологии – 1973 – № 3. – С. 15-31.

3. Дифференциация понятий и их определений.

4. Унификация терминологии криминалистики¹.

Нам кажется, что необходимо учитывать и то усложнение категориального аппарата науки, которое происходит в связи с все более системным переопределением ее предмета. Научная дискуссия, развертывающаяся в последнее время, свидетельствует о том, что криминалистика претерпевает некий кризис, свойственный всем наукам на определенном этапе, поднимающий их на более высокий уровень развития².

Эмпиризм, свойственный наукам на ранних стадиях их становления, уходит, уступая место теоретическим конструктам, фиксирующим сложную («совмещенную», субъект-объектную) онтологию. При этом принцип отражения, понимавшийся как главный системообразующий принцип науки, сменяется другим, более системным. Криминалистика отреагировала на это появлением нового понятия – «криминалистическая ситуалогия» (Н.П. Яблоков, Т.С. Волчецкая, Г.А. Зорин и др.), всплеском интереса к теории криминалистических (следственных) ситуаций. И это не случайно, ибо именно ситуационный подход является основополагающим и центральным при определении предмета криминалистики, на что не раз обращалось внимание в современной литературе³.

Сегодняшний день криминалистики можно охарактеризовать следующим образом – криминалистика поднимается к более сложному (системному,

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – С. 265-268; См. также: Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. – М.: Юристъ, 2005. – С. 119.

² См. Лаврухин С.В. Система криминалистики // Гос-во и право. – 1999. – № 8. – С. 31-36; Филиппов А.Г. О системе отечественной криминалистики // Гос-во и право. – 1999. – № 8. – С. 37-41 и др.

³ Волчецкая Т.С. Ситуационный подход в криминалистике // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: Мат-лы междунар. научн. конф. – М., 2002. – С. 77-80; Баев О.Я. Следственные ситуации: их тактическая и методическая сущность. Там же. – С. 107-110; Курс криминалистики: В 3 т. Т. 2. Криминалистическая методика: Методика расследования преступлений против личности, общественной безопасности и общественного порядка / Под ред. О.Н. Коршуновой, А.А. Степанова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 65-69, 89-91; Шмонин А.В. Методика расследования преступлений: Учеб. пособие. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2006. – С. 233-254 и др.

теоретическому) определению своего предмета, получая возможность объяснить избирательность поведения субъекта доказывания и его детерминацию не просто «внешними причинами» (следами преступления) или «внутренними основаниями» (опыт, знания и т.д.), а тем системным единством, которое порождается при взаимодействии субъекта с объектом. На криминалистическом поле деятельности возникли криминалистическая характеристика преступлений как криминалистическая система закономерностей знаний о преступной деятельности (Л.А. Сергеев, 1966; В.Г. Танасевич, В.А. Образцов, 1976; А.Н. Васильев, 1978; В.К. Гавло, 1980; А.А. Хмыров, 1984)¹ и криминалистическая характеристика расследования преступлений как криминалистическая система знаний о раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений уполномоченными на то уголовно-процессуальным законом субъектами доказывания (В.К. Гавло, В.А. Образцов, 1982; В.И. Куклин, 1983; Л.Д. Самыгин, 1989; С.Н. Чурилов, 1998; В.Н. Бахин, Н.С. Карпов, П.В. Цымбал, 2001; С.И. Коновалов, 2002 и др.)², которые кажутся некоторым исследователям, придерживающимся дихотомического разделения реальностей, навязанного гносеологизмом, околонучными «фантомами». Такими казались в свое время «психологические свойства внешнего» Л.С. Выготского, «трансубъектные пространства» Д.Н. Узнадзе, «жизненные пространства» К. Левина, «многомерные миры» А.Н. Леонтьева, «со-бытийные пространства» В. Франкла. Судьбу научных понятий определяет, в конечном счете, не личная пристрастность авторов, не «закон ускорения развития науки в эпоху НТР», а скорее «закон уплотнения знаний» в процессе развития науки, о котором говорил Г. Гегель³.

---

¹ Некоторые ученые считают, что более точно вести речь о преступной деятельности. См., напр.: Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 1997.

² Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика использования методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985; Чурилов С.Н. Общий метод расследования преступлений. – М., 1998; Коновалов С.И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики. – Ростов н/Д, 2001 и др.

³ Гегель Г. Работы разных лет. – Т. 2. – М., 1971. – С. 95.

В одной из своих последних работ Р.С. Белкин, опираясь на исследования Т. Куна, отмечает цикличность развития науки¹. Он полагает, что в границах каждого цикла кумулятивное развитие науки, т.е. накопление знаний, происходит на основе исходной для данного цикла парадигмы и до тех пор, пока эта парадигма не противоречит приобретаемым знаниям. После того как исходная парадигма перестает играть роль универсального объяснения новых явлений, возникает необходимость ее разрушения и перехода к новой парадигме, удовлетворяющей условиям развивающейся науки. Замена научной парадигмы и составляет сущность научной революции². В этом проявляется так называемый **историко-парадигмальный подход**, основоположником которого является Т. Кун³. Действительно, развитие криминалистики как науки в тот или иной период времени, требовало принципиального пересмотра ее предмета. Это не могло не повлечь за собой революционных изменений, отразивших не только замену прежней научной парадигмы новой, но и качественно изменивших направление основных научных исследований в криминалистике. Появившиеся в 70-80 гг. XX в. фундаментальные работы были прогрессивны и способствовали развитию криминалистической науки⁴. Именно в то время сформировалась система криминалистики, активно разрабатывались вопросы общей теории криминалистики, криминалистической техники и тактики. Особый «прорыв» произошел в методике расследования преступлений как раздела криминалистики. Так, если до 1979 г. отмечалось некоторое отставание этого раздела науки от криминалистической техники и

---

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: НОРМА, 2001.

² Там же. – С. 14.

³ Кун Т. Указ. раб.

⁴ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. – М., 1970; Он же. Курс криминалистики. В 3 т. – М., 1977-1979; Эйсман А.А. Логика доказывания. – М., 1971; Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. – М., 1973; Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. – Иркутск, 1978 и др.

тактики, то к середине 80-х гг. общие положения криминалистической методики преступлений фактически были сформированы¹.

Накопленный научный потенциал повлек за собой «информационный взрыв», отражающий качественно возросшую продуктивность научных исследований. Научно-технический прогресс дал возможность применения в криминалистике новых методов, успешно апробированных в других науках. Широкое признание и использование получили математические и кибернетические методы, системный анализ, моделирование, физические, химические, социологические методы исследования и др.² Интеграция наук ускорила развитие криминалистики и послужила переходом к новой парадигме, способной объяснить приобретенные знания. И это не случайно. Предложение новой парадигмы всегда есть приглашение к интеграции, к распространению новой основополагающей идеи, способность стать образом для многих ученых. Потому и нужна проверка парадигмы на ее соответствие внутренней тенденции развития науки. Если такого соответствия нет, предлагаемое не может считаться парадигмой, так как нет самого развития. Поэтому можно предположить, что существуют критерии для оценки перспективности любой новой парадигмы, которая может быть предложена при назревшей необходимости изменения исходной. Эти же критерии можно использовать для прогноза того, какая парадигма отвечала бы современному этапу развития науки.

Можно полагать, что новая парадигма не возникает как открытие, имеющее выраженное авторство, хотя во времена коренных переломов, научных революций новые парадигмы, как правило, связывают с конкретными

---

¹ См. подробнее: Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений (становление и перспективы развития): Монография / Под ред. И.А. Возгриня. – СПб: Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2005. – С. 103-123.

² См., напр.: Майлис Н.П. Интеграция знаний как закономерность формирования новых научных направлений в судебной экспертизе // Криминалистика: XXI век: Мат-лы науч.-практ. конф. Т. 1. – М., 2001. – С. 71-75; Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: Мат-лы междунар. науч. конф. – М., 2002. – С. 246-457; Руководство для государственных обвинителей: криминалистические аспекты деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 68-80; Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. статей: В 3 ч. – М.: Академия управления МВД России, 2004 и др.

именами. На самом деле новое вызревает в недрах старого и существует как неосознанный, а иногда просто отвергаемый научным сообществом элемент научной культуры. В этом плане прогнозирование новой парадигмы означает скорее ее объектирование, которое может быть более или менее удачным, в зависимости от готовности научной общественности принять ее в качестве общепринятого образца научной практики¹.

Развитие криминалистики можно проследить и с позиции **историко-эволюционного подхода**, в рамках которого реализуется положение о необходимости изучения феномена в процессе эволюции порождающей его системы. Представители данного подхода обращаются к общесистемным закономерностям, выявленным в различных науках². Изучая проявления субъекта как активного элемента разных развивающихся систем, А.Г. Асмолов указывает на необходимость выделения принципов историко-эволюционного подхода, описывающих системные аспекты эволюции:

1. Эволюция любых систем предполагает взаимодействие тенденций к сохранению и изменению данных систем.

2. В любой эволюционирующей системе существуют избыточные неадаптивные элементы, обеспечивающие саморазвитие системы, являющиеся обязательными для успешного развития, исторической изменчивости данного общества.

3. Необходимым для развития системы, является наличие противоречия между адаптивными формами ее активности и проявлениями активности ее элементов³.

---

¹ См. подробнее: Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Томский гос. ун-т, 2005. – С. 74-97.

² Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. В 2 т. – М., 1982 – Т. 1. – С. 291-437; Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975; Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М.: Наука, 1973; Узнадзе Д.Н. Теория установки. – М. – Воронеж, 1977 и др.

³ Подробнее см.: Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – С. 465; Он же. Психология личности: Принцип общепсихологического анализа. – М.: «Смысл», ИЦ «Академия», 2002. – С. 111-158.

В этой связи в криминалистической науке выделяют прагматическую концепцию, в рамках которой ученые рассматривали криминалистику как науку о приемах и способах раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В дальнейшем был осуществлен переход к теоретико-доказательственной концепции, в рамках которой центр тяжести был смещен в сторону закономерностей возникновения, собирания, исследования, оценки и использования доказательств, которая сменилась концепцией деятельностного подхода¹. В настоящее время все большую актуальность приобретает **историко-системный подход**, возникший в психологии и фиксирующий движение научной мысли с одного этажа научного познания на другие, более сложные, «с которых по-новому открывается предмет науки и по-другому оформляются принципы его изучения и категории, в которых изучается предмет»². В отличие от других подходов, зарекомендовавших себя в качестве средств историко-криминалистического познания, историко-системный подход изначально разрабатывался в ориентации на выявление внутренних тенденций развития науки. Не ставя целью вскрытие истории становления самого историко-системного подхода в криминалистике, попытаемся выделить методологические основания подхода, имеющие непосредственное отношение к заявленной нами проблеме.

Данный подход основывается на представлении о переопределении предмета науки. Исследователи часто говорят о тенденциях развития, которые они обнаруживают в науке, но вопрос о сущности и происхождении самих тенденций практически не поднимается. Зачастую речь идет о фиксации чего-то нового в науке, но не о том, насколько это новое соответствует внутренней тенденции ее развития. Поэтому то новое, что появляется в науке –

---

¹ Курс криминалистики / Отв. ред. В.Е. Корноухов. Т. 1. – Красноярск, 1996. – С. 7; Домбровский Р.Г. Предмет криминалистики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1974. – С. 10-18; Колдин В.Я. Предмет, методология и система криминалистики // Криминалистика социалистических стран. – М., 1986. – С. 24-25; Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Мн.: Амалфея, 2000 и др.

² Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – С. 42.

новые проблемы, новые подходы к решению старых и новых проблем, новые понятия, принципы, способы мышления и т.д. – все это уже проявившееся, до какой-то степени ставшее и рассматривается не как проявление тенденции, а как сама тенденция развития науки. Действительно, тенденция может заявить о себе только в виде зарождающегося «нечто», которое можно оценить как новое, но ясно, что не всякое новое сохранится, получит дальнейшее развитие – не за всяким научным новообразованием стоит тенденция.

Работники науки действуют широким фронтом. Многообразие взглядов, точек зрения, подходов является условием существования науки как становящейся открытой теоретической системы. Не все выживет в столкновении идей и представлений, но то, что устоит, окажется в русле тенденции, наполняя ее содержанием и объективируя ее противоречия, ибо и движется наука благодаря их разрешению, когда они выступают, наконец, в виде конкретных исследовательских задач.

Внутренняя тенденция развития науки, как справедливо заметил Л.С. Выготский, обуславливает закономерность столкновения идей и мнений, что не может не вызывать избыточного эмоционального напряжения внутри научного сообщества в периоды смены парадигм. Если считать, что «несущие идеи», выступающие призмами видения изучаемой реальности на каждом этапе развития науки, меняют друг друга вполне закономерно, то столь же закономерно сознание и мышление ученого фиксируется той картиной мира, которая открывается ему через его призму, и никто не вправе потребовать от ученого сменить парадигму. Можно, конечно, пригласить его посмотреть на изучаемую реальность через другую призму видения, но здесь все зависит от степени развития теоретического мышления и концептуальной пристрастности приглашаемого, от его ригидности (интеллектуальной фиксированности).

Однако здесь мы выходим гораздо дальше частной проблемы о том, почему подчас так трудно ученому сменить парадигму. Если бы за такой сменой не стояла необходимость изменения формы мышления, то все было

бы гораздо проще. Но в течение XX в. формы мышления менялись дважды, и значит, в актуальном использовании сегодня находятся минимум три формы мышления, определяющие качества базирующихся на них парадигм (и их объяснительный потенциал). Чем выше форма мышления, тем разительней отличается картина мира, открываемая с более высоких вершин. Но подняться на вершину (сменить призму видения) означает сменить форму мышления. В противном случае, «смотреть» с вершины вовсе не будет означать «увидеть» с нее что-то другое, кроме того, к чему привык глаз.

В этой связи внутренняя логика развития науки может быть представлена не как резкая смена парадигм, не как изменение состава знания и его форм, образующих категориальную сетку, а как все более многомерное изучение реальности¹. Историко-системный подход позволяет пересматривать понятийный аппарат науки, интегрировать накопленное научное знание, поднимаясь на новый уровень системного определения предмета науки. Разрабатывая данный подход, В.Е. Клочко отмечает, что нельзя привести систему знания о некотором предмете, если сам предмет не определен системно, «иначе нечем остановить движение категорий в теоретической системе – их должна останавливать и направлять изучаемая реальность, но только в том случае, если она сама определена как система»². Таким образом, наука, категории которой еще не связаны с самой природой развивающейся и функционирующей системы, своим развитием и функционированием задающей логику движения категориального аппарата науки и определяющей пространство, выход за которое означает переход в предметные поля других наук – это еще приближение какой-то области познания к тому, чтобы стать наукой. Нельзя, следовательно, избежать редукционизма в такой науке, ее сползания на чужие предметные и проблемные поля.

---

¹ Клочко В.Е. Психосинергетика: новый взгляд на старые проблемы // Психологическая диагностика в образовательной практике: Мат-лы краевой науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. – С. 3-7.

² Клочко В.Е. Методологические принципы теории психологических систем // Фиксированные формы поведения в образовании, науке и культуре: Мат-лы 1-ой региональной школы молодых ученых-психологов. – Бийск: НИЦ БиГПИ, 2000. – С. 8-16.

Сегодня, как было отмечено выше, в криминалистике происходит смена парадигмы, связанной с переопределением ее предмета, что обуславливает смену форм и уровней профессионального мышления. В том, что изменение предмета науки отражает процесс ее становления, нет ничего нового. Через это прошли многие науки, «взорвавшись» научными революциями, вызванными открытием в них системы, после чего все они попали на время в режим «спокойного развития»¹. Примером может служить физика, в которой А. Эйнштейн открыл системность физического мира и этим способствовал тому, что физика как наука получила на время некую системную завершенность. Н. Коперник открыл гелиоцентрическую систему, Ч. Дарвин – биогенетические системы, Д.Н. Менделеев – системность в мире химических элементов, К. Маркс является первооткрывателем социальных систем, Г. Гегель создал философскую систему.

Полагаем, сегодня наступила очередь криминалистики теоретически, что значит системно, переопределить свой предмет. Надо попытаться представить криминалистику как открытую систему, имеющую внутренние тенденции развития, и тогда понятийный аппарат науки может быть оценен с точки зрения тех реалий, которые пытается описать, объяснить и спрогнозировать наука. Другого пути быть не может – если предмет науки не определен как система, способная к самоорганизации, саморазвитию, системному функционированию, самодетерминации, то такая наука не может стать научной системой знаний о изучаемой ею реальности, системой теоретического знания и познания.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что **криминалистика – это наука, изучающая целостное движение информационных процессов в ситуациях совершения, раскрытия, предварительного расследования преступлений и их судебного рассмотрения в целях создания научных основ и практических рекомендаций для решения задач уголовного судопроизводства специальными средствами, приемами и методами.**

---

¹ Кун Т. Указ. раб. – С. 129-131.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Общие закономерности научного познания в криминалистике заключаются в том, что внутренняя тенденция ее развития, как и любой науки, проявляется в процессе своего исторического развития и закрепляется постоянно идущим переопределением своего предмета.

2. Суть развития (эволюции) науки криминалистики можно представить как закономерное усложнение системной организации развивающегося явления, обусловленное закономерным и постоянно идущим в науке процессом системного переопределения ее предмета, что и поднимает криминалистическую науку на более высокие уровни системности.

3. Наука криминалистики (как целостная развивающаяся система знания) состоятельна только в том случае, если ее предмет представлен конкретной системой – развивающейся, функционирующей, самоорганизующейся.

4. То, что сегодня происходят позитивные изменения в науке криминалистики, есть ничто иное, как смена ее парадигмы, связанной с переопределением своего предмета как развивающейся системы, способной придать в свою очередь системность всему категориальному строю науки.

Указанные процессы связаны не только с закономерностями научного познания, но и с переосмыслением методологии науки, закономерной сменой форм мышления исследователей. Именно об этом и пойдет речь в следующей части работы.

1.2. Онтологизация научного познания и возникновение криминалистической ситуалогии

В предыдущем параграфе работы было показано, что научное познание в историческом контексте может быть понято как процесс закономерной смены форм организации мышления исследователей. Если в других науках, таких, как физика, химия, биология, психология, этот процесс удалось объек-

тивировать, выводя науку на стадию прогнозирования ее ближайшего будущего, то криминалистика этой стадии еще не достигла. Применительно прежде всего к криминалистике отечественной эта науковедческая дефиниция практически не апробирована. Наука словно застыла в утверждении примата диалектического мышления над метафизическим, при этом сам процесс изменения форм мышления ученых пока не стал предметом историко-криминалистического исследования. Следует согласиться с оценкой М.К. Каминского в том, что действительно опасно, когда авторы диссертаций «...ограничиваются заклинанием о том, что методологическую основу их исследования образуют положения материалистической диалектики... и все. Дальше позволительно утверждать все что угодно, хотя о диалектике и речи не идет»¹.

Безусловно, «заклинания» относительно диалектики как методологической основы криминалистического исследования, конечно, не могут обеспечить его методологическую базу. Но вопрос в том, в какой степени материалистическая диалектика (представленная одним разделом – гносеологией) в принципе может выступить в качестве таковой.

С чем согласны сегодня практически все ученые-криминалисты? С тем, что можно обеспечить системный характер научных криминалистических исследований, оставаясь на позиции общей теории познания – гносеологии, как части того, что входит в понятие «материалистическая диалектика», т.е. опираясь на категорию «отражение» как «образующей фундамент общей теории криминалистики (ОТК)»².

Р.С. Белкин писал: «Для криминалистики приоритетное значение имеют связи с диалектической логикой, и в первую очередь с такой концептуальной категорией философии, как отражение. Можно без преувеличения утверждать, что эта категория составляет философский, теоретический и прак-

---

¹ Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Вестник криминалистики. Вып. 1(3). – М.: Спарк, 2002. – С. 8.

² Там же.

тический фундамент криминалистики»¹. М.К. Каминский прямо указывает, что «первой исходной базовой методологической идеей для криминалистики выступает **отражение** как объективное свойство материи. Заслуга в формулировании этой идеи и принадлежит Р.С. Белкину»². Не возражает против этого и А.Г. Филиппов – «нам до сих пор представляется правильной трактовка понятия «след» именно в «спекулятивно-эмпирическом содержании»: материальные следы – это любые изменения обстановки (в том числе оттиск, царапина, деформация и т.д.), возникшие при подготовке, совершении или сокрытии преступления; идеальные следы – это отображения криминального события или его элементов в сознании людей, мысленные образы воспринятого»³. Возражает он против точки зрения М.К. Каминского на узловые вопросы криминалистики, которая возникает как результат развития им исходной идеи Р.С. Белкина и ее своеобразной интерпретации⁴.

Нам кажется, что проблемы в методологических построениях М.К. Каминского и других ученых являются результатом попытки вывести методологические принципы из одного основополагающего принципа – отражения. Заметим, что в науках, которые уже пытались вывести всю систему собственных принципов из принципа отражения, впрочем, как и построить понятийный аппарат науки, ориентируясь на ведущую категорию, одноименную с используемым объяснительным принципом, увенчались провалом. На пути вставал камень преткновения в виде «постулата двойного отражения» или, что то же самое, «отражение отражения»⁵.

В психологии, например, постулат двойного отражения породил многие парадоксы. В частности, когда определяли эмоцию как отражение (не

---

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Изд-во НОРМА, 2001. – С. 31.

² Каминский М.К. Указ. раб. – С. 10-11.

³ Филиппов А.Г. Субъективные заметки (о статье М.К. Каминского) // Вестник криминалистики. Вып. 1(3). – М.: Спарк, 2002. – С. 16.

⁴ Там же. – С. 17.

⁵ Подробнее см.: Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1991; Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. – 1998. – № 6. – С. 3-18 и др.

предмета, а отношения к нему) возникало следующее противоречие: чтобы отразить объект, надо взаимодействовать с ним, но чтобы взаимодействовать с ним, необходимо его каким-то образом предварительно отразить как значимый на фоне других, так же воздействующих на органы чувств. Далее, если объект воспроизводится идеально, в виде субъективного образа, то с ним нельзя взаимодействовать по определению – в гносеологии субъект взаимодействует с внешним для него объектом и в этом суть гносеологически понимаемого отражения. Нельзя взаимодействовать с образом, который сам возник в результате взаимодействия субъекта с объектом, даже если такое взаимодействие необходимо признать ради того, чтобы удержать понятийный аппарат науки в рамках единственного принципа и категории, с ним связанной.

Кроме того, обращается внимание на возникновение порочного круга – отражение отражения, отражение отражения отражения и т.д. И все это необходимо, чтобы хоть как-то объяснить избирательность отражения. Ясно, что и в криминалистике весь результат расследования напрямую определяется избирательностью того, что попадает в сознание криминалиста. Ведь «след» не существует в природе (до человека, без человека) как сугубо объективное явление. Он не существует для другого человека, не имеющего отношения к праву или правозащитной деятельности, именно как «след». Да, следы отражают деятельность преступника (в чувственной форме), но отражающий эти следы занимается не отражением отражения деятельности, а реконструирует ее по сохранившимся следам, данным ему чувственно. Реконструкция – это не чувственное отражение, это работа со сверхчувственными качествами предметов и явлений.

Постулат можно сформулировать просто: находясь в логике принципа отражения невозможно объяснить избирательность самого процесса отражения. Она зависит от деятельности субъекта. Так, максимум, чего добилась психология, пытавшаяся оставаться в рамках гносеологизма, это признание двух логик – логики отражения, по которой изначально развора-

чивается психический процесс, и логики деятельности, каким-то образом определяющей его избирательность. О системности науки в таком случае говорить не приходится. Ученые, пытаясь удержаться в рамках одной логики (действовать в рамках двух логик одновременно могут только сумасшедшие), разделились на несколько научных школ. Так выделилась психологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева¹ и теория психического как процесса С.Л. Рубинштейна². Для первой существенным понятием стало «действие», для второй, естественно, – взаимодействие.

Нечто подобное можно заметить в современной криминалистике. Для одних расследование выступает как поисково-познавательная деятельность, для других – как процесс расследования. Третьи, уповая на системный подход, пытаются удержаться в рамках ставшей образцом научной практики гносеологической парадигмы, но при этом совместить представление о процессе расследования с представлениями о деятельности. В результате получают избыточно сложные конструкты, типа «...в процессе раскрытия преступления отражается деятельность и отражается отражение деятельности, в силу чего и воссоздается в изоморфной модели минувшее деятельностное событие, называемое преступлением»³.

Психология, уходя от парадокса двойного отражения, была вынуждена выйти за пределы принципа отражения и гносеологической дихотомии субъекта и объекта. Смеем утверждать, что криминалистика сегодня также выходит за пределы этой дихотомии. Иными словами, спорить надо не о том, как более адекватно реализовать принцип отражения в криминалистике. **Спорить надо о том, как наиболее оптимально выйти за пределы принципа отражения и куда выйти, к каким методологическим идеям, которые объективно могут стать парадигмами.** Иными словами, к идеям, которые

---

¹ См.: Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 1979. – № 2. – С. 3-13; Он же. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975; Он же. Философия психологии. – М., 1994.

² См.: Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – М., 1957; Он же. О мышлении и путях его исследования. – М., 1958.

³ Каминский М.К. Указ. раб. – С. 11.

не воспринимались бы научным сообществом в качестве «игры ума» криминалиста-методолога, а с большой долей вероятности могли бы стать общепринятыми образцами научной практики – как это и положено парадигмам.

Здесь мы снова встаем перед проблемой внутренних тенденций развития науки. Будучи последовательными, нельзя обойти вопрос анализа понятийного аппарата современной науки с точки зрения соответствия категорий (как уже устоявшихся в нем, так и становящихся) тенденциям развития науки или как проявление этих тенденций. Не секрет, что критика возникающих как в криминалистике, так и в других науках новых теорий и, соответственно, понятий иногда превращается в строгий окрик, идущий со стороны разработчиков или апологетов теорий устоявшихся, имеющих заслуженный научный авторитет и сопутствующий ему официальный статус. Но эта критика, как правило, не опирается на прослеживание тенденций развития науки и объективацию их, а исходит из аксиоматики собственной теории, убежденности в непреложности используемых в них методологических принципов.

И для психологии, и для криминалистики характерно сегодня то, что, «переболев» гносеологизмом, они выходят за пределы двух реальностей, которые устанавливает гносеология – объективной и субъективной (отраженной), в связи с чем **сознание ученых начинает оперировать явлениями сверхчувственного порядка**. Изменения, происходящие в связи с этим, необходимо осознать во всей их глубине и высоте.

Можно полагать, что сегодня в криминалистике скрыто идет процесс онтологизации научного познания. Сегодня наука выходит за пределы гносеологических дуальных схем (субъект – объект – взаимодействие – отражение). Учащаются попытки онтологизации науки в процессе развития теории следственных (криминалистических) ситуаций, деятельностных подходов и т.д., однако происходят они пока на фоне удержания исходного дуализма, проявляющегося теперь уже не в разделении субъекта и объекта, а между объективной и субъективной реальностями. Подобное состояние психология, например, переживает уже полвека. Впервые переходную форму между гно-

сеологическими и онтологическими парадигмами в конкретной науке отметил методолог и психолог В. Франкл, назвавший такое состояние дел «онтизацией»¹. Видимо, онтизация является обязательной фазой для всех наук, которые начинали свои построения с идеи отражения, которую необходимо пережить на пути к подлинной онтологизации, поэтому опыт онтологизации других наук может быть использован при построении криминалистики.

Таким образом, в настоящее время в науке наметилась тенденция в переходе от принципа «отражение» в пользу другого принципа – «порождение», предполагающего взаимодействие противоположностей. Дело здесь не в отказе от отражения. То, что взаимодействие противоположностей есть ближайшая причина отражения, является фактом, не нуждающимся в переосмотре. Более глубокий вопрос: что есть причина взаимодействия? Этот вопрос не стоял бы, если бы в ведомой нам вселенной взаимодействовать могло все подряд и все со всем. Но тогда не было бы во вселенной ни порядка, ни развития – был бы хаос, возникающий как следствие порождения совершенно невероятных продуктов этих случайных столкновений «всего со всем». Ведь взаимодействие «внутреннего» и «внешнего» приводит не только к отражению одного в другом, но и к их взаимопереходу. Системно мыслить – значит признавать тот факт, что порождение нового происходит в системе, по отношению к которой теряется бывшая ранее абсолютность внутреннего и внешнего. Взаимодействие есть, таким образом, основной «технический» механизм системообразования. Но что же тогда выступает в функции системообразующего фактора, т.е. предпосылки, обеспечивающей необходимость и возможность системообразования? Для ответа на последний вопрос необходимо выйти к более глубоким основаниям всего мироздания и обнаружить более фундаментальные законы, обеспечивающие устойчивость его развития.

Науки переполнены категориями, фиксирующими объективные и субъективные явления, но практически нет понятий, которые могли бы адекватно

---

¹ Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990.

ватно фиксировать реальность, которая открывается при попытках мысли проникнуть в пространство, существующее между духом и материей, объективным и субъективным. Психология, претендуя на то, что именно ей суждено в каждый момент времени представлять самое последнее, самое полное и выверенное знание человека о себе самом, никогда при этом не была наукой о человеке. Ее предметом была (и остается до сих пор) психика, т.е. субъективная «часть» человека, хотя понятно, что страдает и радуется, деформируется и восстанавливается, принимает решения и на этой основе регулирует свои отношения с миром и самим собой (одним словом, живет) не психика, а человек¹. Человек может стать предметом психологии только в том случае, если он предстанет в нем в качестве открытой самоорганизующейся психологической системы. С учетом этого основными подсистемами ее необходимо выделить многомерный мир человека, сознание, как отражение этого мира самим человеком в виде образа мира или его «картины», и систему деятельностей человека, совокупность которых образует целостный образ жизни человека в его многомерном мире².

Изложенное выше составляет содержание некоторых принципов теории психологических систем (ТПС), разрабатываемой большой группой сибирских ученых. ТПС предлагает для изучения живую, функционирующую, развивающуюся систему в качестве актуального (на сегодня) предмета исследования³.

---

¹ Ключко В.Е. Человек как психологическая система // Сибирский психологический журнал. Вып. 2. – Томск, 1996. – С. 7-18; Ключко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. Вып. 8-9. – Томск, 1998. – С. 7-15; Краснорядцева О.М. Психологические особенности возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1996; Ключко А.В. Проблема личности в психологии в контексте понимания человека как открытой системы: Дис. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 2001 и др.

² Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1991.

³ Ключко В.Е. Методологические принципы теории психологических систем // Фиксированные формы поведения в образовании, науке и культуре: Мат-лы 1-ой региональной школы молодых ученых-психологов. – Бийск: НИЦ БиГПИ, 2000. – С. 8-16; Баланев Д.Ю. Кибернетический редукционизм в психологии в контексте историко-системного подхода: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 1999; Никонова Н.А. Историко-системный анализ становления психологических представлений об уровневой природе сознания. – Барнаул, 2004 и др.

Что это означает для криминалистики, предстоит выяснить, но уже сегодня «назрела необходимость интеграции знаний о всех ситуациях, попадающих в сферу криминалистики в рамках общего учения о криминалистических ситуациях, которое: свело бы их в единую целостную систему; выявило бы общие закономерности их познания и работы с ними»¹. Указанные аспекты, полагаем, имеют непосредственное отношение к вопросам общей теории криминалистики, в том числе и к определению ее предмета.

Несмотря на то, что идея создания теории ситуаций была высказана учеными еще в 60-80-х гг. XX в.², а впоследствии развита в докторской диссертации Л.Я. Драпкина, впервые криминалистическая ситуалогия как целостная теория сформулирована в монографии, а впоследствии и в докторской диссертации Т.С. Волчецкой³. В этих работах было отражено основное содержание теории. В частности, определены ее предмет и объект, метод, задачи, сформулированы основные принципы ситуационного подхода. Кроме того, разработана классификационная схема криминальных, следственных, оперативно-розыскных, экспертных и судебных ситуаций, являющихся объектами криминалистического исследования.

Предметом криминалистической ситуалогии, по мнению Т.С. Волчецкой, являются закономерности объективной реальности, связанные с ситуациями, изучаемыми криминалистикой, и поэтому включает в себя:

- а) закономерности образования ситуации;
- б) закономерности ее межэлементных связей;
- в) закономерности связей между ситуациями различной природы (к примеру, между посткриминальной и исходной следственной ситуациями);
- г) повторяемость процессов возникновения типовых ситуаций;
- д) обусловленность принимаемых решений наличной следственной ситуацией;

---

¹ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – М., Калинингр. ун-т. – Калининград, 1997. – С. 10.

² См.: Следственная ситуация: Сб. науч. тр. – М., 1984.

³ Волчецкая Т.С. Указ. раб.

е) обусловленность построения информационной модели расследуемого события на основе исследования моделей криминальных ситуаций;

ж) обусловленность частных криминалистических методик исходными следственными ситуациями;

з) обусловленность создания криминалистических характеристик отдельных видов преступлений на основе типовых моделей криминальных ситуаций преступлений этого вида¹.

Объектом же криминалистической ситуалогии является все многообразие ситуаций, относящихся к предмету криминалистической науки, а также структурные элементы ситуации, представляющие собой факты, отношения, процессы, явления, возникающие в криминальной среде, уголовном судопроизводстве, которые в своей совокупности и образуют ситуацию².

Эта очень интересная и оригинальная позиция в целом заслуживает внимания и одобрения, но в то же время не является бесспорной. Определяя предметом криминалистической ситуалогии «закономерности объективной реальности, связанные с ситуациями» и указывая на то, что объектом криминалистической ситуалогии являются «... факты, отношения, процессы, явления..., которые в своей совокупности и образуют ситуацию», автор фактически придает криминалистическим ситуациям объективный характер. Однако ситуация не может существовать без человека (в данном случае субъекта доказывания), который воспринимая окружающую его действительность (но не ситуацию!), через свою оценку вкладывает в нее субъективный смысл. Именно при таком взаимодействии, на пересечении субъекта и окружающей его действительности и рождается ситуация. Эта ситуация имеет субъект-объектную природу³.

В отличие от Т.С. Волчецкой Г.А. Зорин определяет криминалистическую ситуалогия как частную криминалистическую теорию. С позиции

---

¹ Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 24.

² Там же. – С. 26-27.

³ Более подробно об этом см. гл. 2 настоящей работы.

практической криминалистики, это интегративная методология, обеспечивающая суммируемый гармоничный синтез методов для решения задач, порождаемых криминалистическими ситуациями¹.

Эта точка зрения интересна тем, что в отличие от большинства отечественных криминалистов, которые главным объектом исследований и дискуссий избрали собственно криминалистическую (следственную) ситуацию, определяя ее содержание, природу, классифицируя ее значение и достоинства для криминалистической деятельности, автор предпринял попытку перехода к методологии решения ситуаций. Таким образом, от ситуации как объекта исследования произведен переход к механизму исследования. Кроме того, Г.А. Зорин рассматривает криминалистическую ситуологию как частную криминалистическую теорию о **положении личности** в обстоятельствах и обстановке, в пространственно-временном периоде: до преступления, в момент преступления, после преступления (включая периоды расследования по делу)².

Этот подход, по мнению Г.А. Зорина, позволяет по-новому взглянуть на природу ситуации и сформировать новую композиционно-сбалансированную методологию, включающую в себя всю систему разработанных криминалистикой методов для исследования ситуации в любом ее элементном сочетании³.

Таким образом, уже краткий анализ подходов к предмету криминалистической ситуологии позволяет говорить о том, что именно ситуационный подход является наиболее перспективным направлением не только в криминалистической методике, но и криминалистике в целом. Однако, при всей прогрессивности идей ученых относительно криминалистической ситуологии, их подходы базируются на старой классической методологии, в основе которой лежит принцип отражения. В то же время понимание криминалистической ситуации и ситуологии в целом как открытой самоорганизующейся

---

¹ Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Мн.: Амалфея, 2000. – С. 48, 74.

² Там же. – С. 50.

³ Там же. – С. 50-51.

системы заключается в том, что такое определение означало бы выход за пределы не только классической криминалистики, но и неклассической (основные признаки которой обсуждались выше). В связи с этим, прежде чем показать, каким образом можно определить криминалистическую ситуацию в качестве открытой системы, способной стать основанием для определения предмета науки, необходимо сделать краткий экскурс в область современного синергетического мышления, проникновение которого в разные науки выводит к их постнеклассицизму.

В исследованиях, посвященных анализу становления научной картины мира¹, отмечается, что в классической картине мира ученых, процессы, происходящие в природе и обществе, понимались как предсказуемые и обратимые во времени, эволюция – как линейное движение без возвратов, побочных линий, постигаемое тождественно неизменяемому, а случайность воспринималась как внешняя помеха; следствием приложенных усилий определялся однозначный, линейный, прямо пропорциональный данным усилиям результат. По меткому определению И. Пригожина, в картине мира, которая не включает в себя необратимость, течение времени можно сравнить с движением волн, идущих от брошенного в воду камня. В такой картине мира сложность связывалась с неполным знанием некоторого числа переменных, однако не было сомнения в существовании простых законов, которые связывают эти переменные друг с другом².

Неклассическая картина мира (сформировавшаяся под влиянием таких открытий, как генетическая и эволюционная теории в биологии, теория относительности, квантовая механика, проникновение математических методов в биологию, социологию, психологию), сложившаяся примерно в первой трети XX в. в связи с научными революциями, изменила весь категориальный ап-

---

¹ См.: Делокаров К.Х., Демидов Ф.Д. Синергетика и образовательные ценности [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.biophys.msu.ru/awse/confer/MSE00/197.html-3К.-08.08.2000>.

² Пригожин И. В поисках нового мировидения // И. Пригожин, Е. и Н. Рерихи: Сборник. – М.: Знание, 1991.

парат науки, стиль мышления, представление о реальности, причинности. Ученые стали понимать недостаточность разделения целостного знания о мире на отдельные изолированные дисциплины. Вероятность стала не результатом незнания, а законной частью науки.

В последнее время (70-е гг. XX в.) активно формируется постнеклассическая картина мира, когда материя больше не рассматривается как пассивная, а обладает спонтанной активностью. Этот взгляд настолько фундаментален, что мы можем говорить о новом диалоге человека с природой¹. Основанием такой картины мира является синергетика (теория самоорганизации). Создатель синергетического направления и изобретатель термина «синергетика» профессор Штудгартского университета и директор Института теоретической физики и синергетики Герман Хакен считает, что синергетика занимается изучением систем, сложным образом взаимодействующих между собой². Системы, составляющие предмет изучения синергетики, могут быть самой различной природы и содержательно изучаться различными науками, например, физикой, химией, биологией, математикой, психологией, экономикой и т.д. При существующей далеко зашедшей дифференциации науки это приводит к тому, что достижения одной науки зачастую становятся недоступными вниманию и тем более пониманию представителей других наук.

В отличие от традиционных областей науки синергетику интересуют общие закономерности эволюции систем любой природы. Отрешаясь от специфической природы систем, синергетика обретает способность описывать эволюцию на интернациональном языке, устанавливая своего рода изоморфизм двух явлений, изучаемых специфическими средствами двух различных наук, но имеющих общую модель или, точнее, приводимых к общей модели. Обнаружение единства модели позволяет синергетике делать достояние одной области науки доступными пониманию представителей совсем другой,

---

¹ Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках / Пер. с англ. Ю.А. Данилова; под ред. Ю.Л. Климентовича. – М.: Наука, 1985.

² Хакен Г. Синергетика. – М., 1980; Он же. Синергетика: иерархии неустойчивостей. – М., 1985.

даже совсем далекой от ее области науки и переносить результаты одной науки на, казалось бы, чужеродную почву¹.

Следует подчеркнуть, что синергетика не является одной из пограничных наук типа физической химии или математической биологии, возникающих на стыке двух наук. Синергетика призвана играть роль своего рода метанауки, подмечающей и изучающей общий характер тех закономерностей и зависимостей, которые частные науки считали «своими». Таким образом, синергетика – это научная дисциплина, которая рассматривает закономерности процессов системной интеграции и самоорганизации в различных системах.

В отличие от системного подхода, где основное внимание акцентируется на связях частей в целом, синергетика исследует **причины** появления и динамику целостных свойств системы. В системном подходе анализ ведется, как правило, на качественном уровне, а синергетика (что очень важно для криминалистики) изучает количественные отношения и параметры. Синергетика занимается исследованием систем, состоящих из большого (очень большого) количества частей, компонентов или подсистем, сложным образом взаимодействующих между собой.

Нужно сказать, что изучением систем, состоящих из большого числа частей, взаимодействующих между собой тем или иным способом, занимались и продолжают заниматься многие науки (в том числе и криминалистика). Одни из них предпочитают подразделять систему на части, чтобы затем, изучая разрозненные детали, попытаться строить более или менее правдоподобные гипотезы о структуре или функционировании системы как целого. Другие изучают систему как единое целое, «забывая» о взаимодействии частей. И тот, и другой подходы обладают своими преимуществами и недостатками.

---

¹ См.: Данилов Ю.А., Кадомцев Б.Б. Что такое синергетика? [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Режим доступа: http://ves.nm.ru/inform/synergy/sob_sm.htm; Данилов Ю.А. Роль и место синергетики в современной науке // Онтология и эпистемология синергетики. – М.: Ин-т философии РАН, 1997; Дружинин Д.Л., Ванярхо В.Г. Синергетика и методология системных исследований // Системные исследования. Ежегодник-88. – М., 1989. – С. 283-303 и др.

¹ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика и принципы коэволюции сложных систем // Проблемы общественного развития. – 1998. – № 3-4. – С. 3-6.

Синергетика наводит мост через брешь, отделяющую первый, редукционистский, подход от второго, холистического. Это обстоятельство имеет настолько существенное значение, что синергетику можно было бы определить как науку о самоорганизации¹.

Синергетика вызывает глубокие изменения в методологическом аппарате науки и стиле мышления ученых, формируя новый взгляд на мир – синергетическое видение мира². Она предлагает новый взгляд на случайность, вновь открывая ее как элемент мира. Является творческим, конструктивным началом, так как может приводить к новой макроскопической структуре, выводить на внутреннюю тенденцию организации системы, на один из естественных путей ее эволюции. Но для того, чтобы случайность могла привести к существенному результату, необходимо особое состояние системы, состояние неустойчивости, когда она (система) чувствительна к малейшим возмущениям, колебаниям, изменениям³. По определению Е.Н. Князевой, развитие происходит через неустойчивость, случайность, т.е. неустойчивость и означает развитие.

Необходимо отметить, что через систему «случайных» связей между элементами криминалистической характеристики преступления (в силу того, что криминалистическая ситуация различными субъектами доказывания воспринимается по-своему) и осуществляется расследование преступлений. Но именно случайность, нестандартность и парадоксальность становятся закономерностью. По этому поводу совершенно точно подметил Г.А. Зорин: «Парадоксы делают незаметным переход от сложного качества **несвязи к системе связей** (выделено нами. – Д.К.), видимых и понимаемых следователем, из которых сплетается система доказательств»⁴.

---

¹ См. подробнее: Данилов Ю.А. Роль и место синергетики в современной науке // Онтология и эпистемология синергетики. – М.: Ин-т философии РАН, 1997.

² Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Указ. раб. – С. 3-6.

³ Там же.

⁴ Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Мн.: Амалфея, 2000. – С. 53.

Благодаря интенсивному развитию синергетики, ее проникновению в целый ряд наук происходит радикальная смена парадигмы, так как ее внимание переключается с бытия на становление, с существующего на возникающее, с порядка на хаос, с эволюции на коэволюцию, с представлений о стабильности развития на представления о нестабильности, с положений равновесия на изучение неустойчивости¹ и др. Если еще некоторое время назад нестабильность, нелинейность системы считалась ее недостатком, то, в свете синергетического подхода, такая система обладает целым спектром возможностей для своей организации и развития.

Можно согласиться с мнением авторов (К.Х. Делокаров, Ф.Д. Демидов, Е.Н. Князева, Ю.А. Данилов, Я.Я. Суриков и др.), которые считают, что синергетика смотрит на мир из «другой системы координат», чем вся предшествующая наука, так как она принимает за исходное нестабильность, нелинейность, открытость, самоорганизацию, хаос, случайность и т.д. Именно поэтому категориальный строй, лежащий в основе синергетики, принципиально отличается от такового неклассической и, тем более, классической научной картины мира. В «совершенно разных сферах, на любом предметном материале можно выделить процесс производства, порождения самой системой нового, которое тут же включается в дальнейшую детерминацию самоорганизации системы как формы, в котором осуществляется ее развитие. Через акты такого порождения самоорганизующаяся система получает возможность воздействовать на себя. Это и есть принцип системной детерминации, без которого невозможно объяснить не только механизмы самоорганизации, но и механизмы саморазвития системы – как формы, в которой проявляется самоорганизация»².

---

¹ См. указ. работы Данилова Ю.А., Делокарова К.Х., Демидова Ф.Д., Кадомцева Б.Б., Князевой Е.Н. и др.

² Ключко В.Е. Культурно-историческая психология и психосинергетика. Образование в информационном обществе: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – Бийск: НИЦ БиГПИ, 2000. – С. 115.

Самоорганизация как способность системы к самозарождению, саморазвитию, способность самой организовывать себя является основным свойством систем открытого типа. По мнению А.Н. Аверьянова, процесс прогрессивного развития, самоорганизации системы включает несколько этапов – ее возникновение, становление и преобразование, каждый из которых является достаточно самостоятельным¹. Выделенные этапы лежат в основе процессов самоорганизации системы. Те же самые процессы мы можем наблюдать и в процессе развития криминалистических ситуаций, поэтому саму криминалистическую ситуацию, а с ней и криминалистическую ситуологию можно представить как самоорганизующуюся систему, имеющую внутренние источники развития².

Самоорганизация означает захват системой потоков обмена, некоторым образом структурированных в пространственно-временных связях и отношениях. Трансформируя и организуя их, система навязывает им свою собственную пространственно-временную структуру. Через захват, трансформацию и организацию потоков обмена происходит организация системой своей структуры, т.е. самоорганизация³. Иначе говоря, самоорганизация есть согласованное с потоками обмена взаимодействие элементов или процессов, происходящих в разных частях системы. С другой стороны, система для самоорганизации использует не столько приток энергии, вещества, информации, сколько пользуется возможностями, заложенными внутри нее самой⁴.

При этом следует обратить внимание на то, что не каждое влияние среды вызывает развитие, самоорганизацию системы, а только те, которые

---

¹ Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. – М.: Политиздат, 1985. – С. 212.

² Подробнее см.: Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1999.

³ Зейгарник Б.В. Патопсихологический метод в изучении личности // Психол. журнал. – Т. 3. – № 1. – 1982. – С. 43-51.

⁴ Делокаров К.Х., Демидов Ф.Д. Синергетика и образовательные ценности [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.biophys.msu.ru/awse/confer/MSE00/197.html-3К.-08.08.2000>.

соответствуют структуре, природе, «потребностям» самой системы, т.е. тождественны ей. Таким образом, самоорганизующиеся системы – это такие системы, которые способны производить новообразования и опираться на них в своем последующем движении¹.

В эволюции каждого явления (природы, человека, научного познания, общества) можно выделить общее, которое представлено закономерным усложнением пространственно-временной организации развивающихся явлений. Синергетика позволяет понять эти закономерности, потому что ориентирована на раскрытие универсальных механизмов самоорганизации и эволюции сложных систем, любого типа, как природных, так и человекомерных².

«Синергетика задает новый образ мира – открытого, трансцендентного, не ставшего, а становящегося, непрерывно возникающего, эволюционирующего по пути усложнения собственной системной организации»³. Таким образом, синергетика позволяет видеть и понимать мир радикально по-новому – как целостный, системный, сложно организованный и нелинейный, она также позволяет по-новому взглянуть на человека, который взаимодействует с этой системой.

Перенос синергетических идей на криминалистику позволяет рассматривать все существующие на сегодняшний день в криминалистике теории в одной системе и на более высоком качественном уровне. Так, в многочисленных трудах ученых-криминалистов окружающий мир до сих пор исследовался в четырех чувственных пространственно-временных координатах (три пространственные и одна временная). Предлагаемый подход позволяет выде-

---

¹ См.: Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999; Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Томский гос. ун-т, 2005.

² Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика и принципы коэволюции сложных систем // Проблемы общественного развития, 1998. – № 3-4. – С. 3-6.

³ Ключко В.Е. Культурно-историческая психология и психосинергетика. Образование в информационном обществе: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – Бийск: НИЦ БиГПИ, 2000. – С. 112.

лить еще три – сверхчувственные, такие, как значение, смысл и ценность элементов окружающего нас мира¹. Именно благодаря последним люди оказываются способными отображать в сознании только те предметы и явления, которых его субъективность не только коснулась, но на которых она «осела». Сверхчувственные качества превращают объект (как вне и независимо от меня существующий) в «звено в системе того, что есть я сам»². Иными словами, устаревает привычная схема, предполагающая, что граница между человеком и миром проходит по поверхности тела, по рецепторам, принимающим воздействия извне.

Для познания сущности, представленной сверхчувственными качествами предметов, граница феномена «человек» должна пролегать далеко за пределами поверхности тела, прихватывая изрядную долю того, что мы привычно относим к «объективной реальности». Только тогда можно будет сказать, что человек изучает мир, а не субъективные образы его. Предметность сознания, психики заключается не в том, что субъективные образы как эффекты отражения, явившиеся человеку в результате взаимодействия материи с органами чувств, имеют объективные основания. Предметность сознания обусловлена тем, что собственно человеческое (субъективное) «вдвигается» в «объективную реальность», «оседает» на ней, превращая ее в особую онтологию – многомерный мир человека во всей полноте его объективных и субъективных координат.

Исследуя с этих позиций предмет криминалистики и учитывая опережающее развитие ее теоретических структур и процессов (научная криминалистика) перед практикой по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений (практическая криминалистика), требуется определить ее систему знаний. В качестве такой криминалистической системы знаний, требующей дальнейшего изучения, могут выступать: с одной стороны – закономерности проявления механизма подготовки, совершения и сокрытия пре-

¹ Об этом будет сказано в следующих частях работы.

² Ключко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. Вып. 8-9. – Томск, 1998 – С. 7-15.

ступлений (преступная деятельность) с учетом криминальных ситуаций и создание криминалистической характеристики преступлений (преступной деятельности); с другой стороны – закономерности механизмов раскрытия, расследования и предотвращения преступлений и их судебного разбирательства в складывающихся судебно-следственных ситуациях, познание которых ведет к созданию типовых криминалистических характеристик предварительного расследования и судебного разбирательства преступлений как итоговой деятельности в осуществлении задач уголовного судопроизводства¹. Система развивающихся закономерных знаний о них позволяет разрабатывать на их основе более совершенные технические, тактические и методические рекомендации по эффективному обнаружению, фиксации, изъятию и использованию доказательств на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства в складывающихся криминалистических ситуациях, как того требует УПК РФ. Система знаний об этих закономерностях может образовать общую теорию криминалистики.

С точки зрения кримосинергетического подхода криминалистическая ситуалогия может быть представлена как **общая криминалистическая теория, изучающая закономерности процессов возникновения и развития криминалистических ситуаций в целях создания научных основ и практических рекомендаций для решения задач уголовного судопроизводства специальными средствами, приемами и методами.**

Кримосинергетика есть более высокая ступень информационного познания и значения криминалистических ситуаций. Она развивается из криминалистических понятий и подходов к следственным ситуациям (ситуации досудебного производства и ситуации судебного производства), получившим название «криминалистическая ситуалогия». Это неизбежный и закономерный способ профессионального мышления, к которому выводит внутренняя тенденция развития криминалистической науки, в своем движении подни-

---

¹ Гавло В.К. Проблемы теории и практика криминалистической методики расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1988. – С. 20.

мающаяся на все более высокие «этажи» системного переопределения собственного предмета.

Таким образом, предпринятый в данной главе теоретический анализ закономерностей научного познания и их проявление в криминалистике позволяет сделать следующий вывод: те тенденции, которые характерны сегодня для криминалистики дают основание полагать, что криминалистическая наука претерпевает определенный кризис (смену парадигмы), связанный, в первую очередь, с переопределением своего предмета. Наука стремится к теоретическому (системному) переопределению предмета, в основе которого лежит системообразующий фактор. В качестве такого системообразующего фактора, по нашему мнению, могут выступать криминалистические (криминальные, оперативно-розыскные, экспертные, следственные, судебные и др.) ситуации, которые являются не только результатом деятельности (с одной стороны, преступной, а с другой – полезной), но и одновременно ее новообразованиями, влияющими на дальнейшую организацию деятельности.

В этой системе первостепенное значение имеет информационная структура как отдельной криминалистической ситуации, так и криминалистической ситуалогии в целом. Об этом и пойдет речь в следующей части работы.

1.3. Информационная структура (база) криминалистической ситуалогии

Как и всякая самостоятельная область научного знания, криминалистика имеет свой предмет, решает свои специфические задачи с помощью обширного арсенала методов научного исследования.

Современная концепция деятельностного подхода к предмету науки криминалистики позволяет рассматривать криминалистическую (следственную) ситуацию как один из элементов деятельности субъектов доказывания. Эту деятельность В.А. Образцов определил как «практическое следование (поисково-познавательная деятельность субъектов доказывания) – динамич-

но развивающаяся познавательная система поискового характера, движущаяся от исходного минимума источников информации к их промежуточному, пока еще не полному, комплексу, а от него – к целой системе источников юридически значимой информации»¹.

Сама же деятельность субъектов доказывания представляет собой одну из подсистем (блоков) в информационно-познавательной системе, содержащей типовые сведения о предварительном расследовании преступлений и их судебном разбирательстве, которая получила наименование криминалистической характеристики расследования и криминалистической характеристики судебного рассмотрения уголовных дел, на что правильно обратил внимание В.К. Гавло². Другую подсистему представляет криминалистическая характеристика преступлений, отражающая закономерности по подготовке, совершению и сокрытию преступлений. Эти различные информационно-познавательные подсистемы, со своими внутренними составляющими, тесно связаны между собой сложными явлениями и процессами, центральным, ключевым из которых является криминалистическая ситуация.

Как было отмечено выше, криминалистическая ситуация возникает и начинает функционировать тогда, когда субъекту доказывания становится известно о событии преступления и элементы внешнего мира приобретают для него определенный смысл и значение (появляется уголовно значимая информация). Именно через информационную структуру криминалистической ситуации, состоящую из данных, относящихся к криминалистической характеристике преступлений, криминалистической характеристике предварительного расследования и криминалистической характеристике судебного рассмотрения уголовных дел, происходит пересечение этих трех подсистем и проявляется их общность в общей системе – методике расследования преступлений и их судебного рассмотрения. В связи с чем можно полагать, что эти

---

¹ Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. – М., 1997. – С. 20.

² Гавло В.К. О понятии, значении и задачах методики расследования отдельных видов преступлений. // Борьба с преступностью на современном этапе. – Барнаул, 1982. – С. 109-118.

различные информационно-познавательные подсистемы образуют информационную структуру (базу) криминалистической ситуалогии. Согласно такому подходу, расследуемое событие преступления, закрепленное в криминалистической ситуации в доказательствах, является основой деятельности субъектов доказывания, т.е. тем информационно-структурным развивающимся элементом, который познают под своим углом зрения, исходя из целей и задач уголовного судопроизводства, а также в пределах своих уголовно-процессуальных полномочий орган дознания, следователь, прокурор, суд (судья).

При этом необходимо отметить, что с принятием УПК РФ в юридической литературе развернулась дискуссия относительно того, является ли суд субъектом доказывания. Ряд авторов считают, что в условиях состязательности уголовного процесса суд в исследовании доказательств должен занимать пассивную роль¹. Другие, наоборот, настаивают на статусе суда как субъекта доказывания².

Если обратиться к анализу норм УПК РФ, то ч. 1 ст. 86 УПК РФ относит суд к субъектам, уполномоченным собирать доказательства, в то же время это не является его обязанностью, как было предусмотрено в ст. 3 УПК РСФСР.

На предварительном слушании суд вправе допросить свидетеля и приобщить к делу документы, указанные в ходатайстве сторон (ч. 3 ст. 235 УПК РФ). В судебном же разбирательстве суд проверяет и оценивает доказательства, полученные на досудебных стадиях, допрашивая подсудимого, свиде-

---

¹ См., напр.: Григорьева И. Принципы уголовного процесса и доказательства // Рос. юстиция. – 1995. – № 8. – С. 40; Волчецкая Т.С. Изменение уголовно-процессуальной политики российского государства: основные направления // Новое в уголовно-процессуальном законодательстве РФ: проблемы теории и практики: Мат-лы науч.-практ. конф. / Под ред. проф. Т.С. Волчецкой. – Калининград: Изд-во КГУ, 2003. – С. 12.

² Ковтун Н.Н. О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса // Гос-во и право. – 1998. – № 6. – С. 59-63; Lupinskaya П. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Рос. юстиция. – 2002. – № 7. – С. 7; Кузнецова О.Д. Новый УПК: идеи и реальность // Новое в уголовно-процессуальном законодательстве РФ: проблемы теории и практики: Материалы научно-практической конференции / Под ред. проф. Т.С. Волчецкой. – Калининград: Изд-во КГУ, 2003. – С. 46 и др.

теля, потерпевшего, эксперта (ч. 3 ст. 275, ч. 3 ст. 278, ст. 282 УПК РФ), по собственной инициативе может назначить судебную экспертизу (ч. 1 ст. 283 УПК РФ). Закон не запрещает суду проводить и другие процессуальные действия, такие, как осмотр, следственный эксперимент, освидетельствование, предъявление для опознания и др. (ст. 287-290 УПК РФ), поскольку указанные действия направлены на проверку имеющихся в деле сведений (доказательств). Именно исследуя (проверяя и оценивая) представленные в судебное заседание сведения (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), суд (**и только он**) в конечном итоге признает их доказательственное значение, фиксируя в протоколе судебного заседания. Именно суд формирует итоговый вывод и решение о доказанности обстоятельств, входящих в предмет доказывания (ст. 73 и 299 УПК РФ).

Таким образом, в условиях состязательности уголовного процесса, в деятельности суда, не являющегося органом уголовного преследования, присутствуют все элементы процесса доказывания, а его исключение из субъектов доказывания является необоснованным.

Рассматривая различные виды деятельности, интересующие криминалистику, с позиции системного подхода, можно увидеть определенные закономерности как в процессе совершения преступления, так и его расследования, судебном рассмотрении, а элементам криминалистической характеристики преступлений присуща амбивалентность (полярность) по отношению к элементам криминалистических характеристик расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

Так, например, преступнику противопоставлен субъект доказывания; действиям преступников по подготовке, совершению и сокрытию преступления противопоставлены действия субъектов доказывания в соответствии с этапами расследования и судебного рассмотрения уголовного дела и т.д. Анализ научных исследований в этих областях показывает, что если вопросам, касающимся криминалистической характеристики преступления, криминалистической характеристики расследования преступления и их струк-

тур, уделялось достаточно внимания¹, то понятие «криминалистическая характеристика судебного рассмотрения» и ее структура практически не исследовались. Кроме того, остались «в тени» такие вопросы, как соотнесение структуры деятельности субъектов доказывания с ее объектом – поведением преступника, а также соотнесение деятельности и ситуации, хотя известно, что именно деятельность лежит в основе взаимодействия человека с окружающими его миром и направляет его (человека) на преобразование этого мира для удовлетворения своих потребностей и целей².

В связи с чем можно предположить, что деятельность лежит в основе категорий, составляющих информационную структуру криминалистической ситуалогии.

С учетом вышеизложенного попытаемся определить структуру и содержание как преступной деятельности, так и деятельности субъектов доказывания с учетом их роли в расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовных дел.

I. Человеческое общество представляет систему деятельностей, в которых движение осуществляется через общественные отношения, а развитие – через отношения производственных сил и производственных отношений. Сами же общественные отношения служат объектом познания большого круга наук, в том числе и юридических. Что касается криминалистики, то объектом ее изучения, как это уже было сказано выше, являются преступная деятельность, деятельность по раскрытию, расследованию, предупреждению преступлений и их судебному разбирательству с присущими каждой из деятельности механизмами возникновения и развития.

---

¹ Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. – Харьков, 1976. – С. 10, 14; Танасевич В.Г., Образцов В.А. О криминалистической характеристике преступления // Вопросы борьбы с преступностью. – 1976. – Вып. 25; Гавло В.К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. – Томск, 1980. – С. 122; Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. – Иркутск, 1983. – С. 24; Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М., 1997. – С. 306-319; Расследование преступлений против личности: Учеб. пособие / Под ред. О.Я. Баева. – Воронеж, 1998 и др.

² Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестн. Моск. ун-та. – 1979. – № 2. – С. 3-11.

В самом общем виде деятельность понимается как динамическая система взаимодействия субъекта с миром, специфически человеческая, регулируемая сознанием внутренняя и внешняя активность¹.

Саму же преступную деятельность ученые определяют неоднозначно. Так, В.Е. Корноухов под преступной деятельностью понимает «форму преступного поведения, которая состоит из совокупности действий, объединенных общим мотивом и целью»².

Т.С. Волчецкая преступную деятельность определяет как «непрерывный процесс возникновения, разрешения и взаимоперехода предкриминальных, собственно криминальных и посткриминальных ситуаций»³. На наш взгляд, преступная деятельность (как, впрочем, и любая другая) должна включать в себя не только действующего субъекта, но и внешнюю среду, взаимодействие которых ведет к мотивации, а от мотивации – к планированию и совершению преступления. Кроме этого, преступная деятельность тесно связана с ситуациями подготовки, совершения и сокрытия преступления, что позволяет рассматривать ее и вышеперечисленные ситуации как взаимосвязанные блоки одной системы, именуемой в криминалистике криминалистической характеристикой преступлений. Преступник действует (взаимодействует с окружающим миром) не хаотично, не бездумно, а выбирает такую систему действий для достижения преступного результата, которая адекватна его личностным свойствам, исходя из сложившейся на тот или иной период времени ситуации. Само же взаимодействие преступника с окружающим его миром нужно понимать как активный (самый активный) момент деятельности.

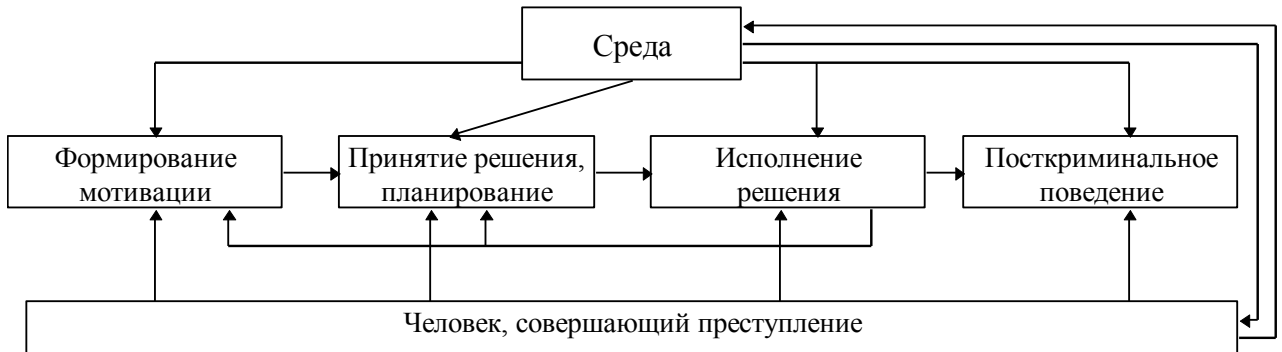
---

¹ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М., 1997. – С. 59.

² Корноухов В.Е. Курс криминалистики. Т. 1. – Красноярск, 1996. – С. 29.

³ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. – М. – Калининград, 1997. – С. 85.

Этой проблеме уделялось достаточно много внимания в криминологии¹, а академиком В.Н. Кудрявцевым была разработана и обоснована схема механизма преступного поведения, которая впоследствии была дополнена А.И. Долговой². В схеме удачно показано взаимодействие человека с учетом его личностных качеств и среды на этапах криминального поведения, и выглядит она следующим образом:

Из приведенной схемы видно, что порождаемое в результате взаимодействия само начинает определять последующее развитие преступной деятельности, а значит, и всю цепь последующих взаимодействий. В криминалистике такая целостная динамическая система, объединяющая в себе личность, деятельность и ситуацию, получила название «криминалистическая характеристика преступлений». Именно в криминалистической характеристике преступлений проявляются закономерности целостного движения уголовно значимой информации по делу, взаимосвязанной, взаимозависимой, возникающей в результате преступной деятельности лица по совершению преступления. И именно криминалистическая характеристика преступлений выступает как информационно-познавательная база криминалистической ситуации.

¹ Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск, 1981. – С. 41-45; Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. – М., 1984; Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведения, ответственность. – М., 1989; Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. – М., 1991. – С. 122-125 и др.

² Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. – М., 1968; Курс советской криминологии. – Т. 1. – М., 1985. С. 360; Криминология. / Под общ. ред. А.И. Долговой. – М., 1997. – С. 60-68.

Анализ научных исследований показывает, что в научной литературе существует более сорока определений этой категории. Несмотря на их изобилие, принципиальных расхождений в позициях авторов по этому вопросу, полагаем, нет. Большинство из них определяют криминалистическую характеристику преступления как модель криминальных ситуаций и сопутствующих им обстоятельств, а также последствия преступлений определенных категорий в форме материальных и идеальных следов, механизма преступления и способа совершения преступления, предмета преступного посягательства, позволяющих выдвигать версии о расследуемом событии в целом или об отдельных его обстоятельствах и видеть тактическую перспективу расследования¹.

В последнее время в научной литературе появились взгляды относительно анализируемого понятия, отличающиеся по своей форме и содержанию. Так, А.Ф. Лубин говорит о криминалистической характеристике преступной деятельности², на что отчасти обратили внимание авторы некоторых учебников по криминалистике³.

Ситуацию вокруг понятия «криминалистическая характеристика преступлений» усугубило высказывание Р.С. Белкина, который указал на то, что «криминалистическая характеристика преступления, не оправдав возлагав-

---

¹ Облаков А.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации. – Хабаровск, 1985. – С. 15; Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М., 1997. – С. 306-319; Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. – Мн.: Амалфея, 2001. – С. 287; Рубцов И.И. Криминалистическая характеристика преступлений: генезис, понятие, проблемы. – СПб: СПб ун-т МВД России, 2002. – С. 41; Лаврухин С.В. Проблемы криминалистического исследования преступлений // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2 (4). – М., 2002. – С. 29-37; Курапка В.Э., Малевски Г., Матулене С.О. Понятия криминалистической характеристики преступлений и ее уровнях // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2 (14). – М., 2005. – С. 23 и др.

² Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования преступной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 1997. – С. 11; См. также: Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1. – М., 2000. – С. 17 и др.

³ Криминалистика: Учебник для вузов / Отв. ред. Н.П. Яблоков. – М., 1997. – С. 45; Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. – 2-е изд. перераб. и доп. – М., 1999. – С. 36-37.

шихся на нее надежд и ученых и практиков, изжила себя, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом»¹.

Полагаем, что данное высказывание спорно. Р.С. Белкин прав лишь в одном – большинство существующих криминалистических характеристик оказались малопригодными с практической стороны. Они чаще всего перегружены ненужной (частной) информацией, которая не позволяет выявить корреляционные связи между ее элементами, выявить и диагностировать типовые ситуации, складывающиеся в процессе подготовки, совершения и сокрытия преступления, а самое главное – не позволяют создать ту информационную базу, которая бы позволила выдвинуть типовые версии и создать предпосылки для успешного расследования и судебного разбирательства уголовных дел той или иной категории. Именно эти обстоятельства повлияли на введение в категориальный аппарат криминалистики таких понятий, как «механизм преступной деятельности» и «криминалистическая характеристика преступной деятельности»². Однако кажущиеся, на первый взгляд, существенными отличия между ними и криминалистической характеристикой преступления приводят к одному и тому же выводу: все эти категории выступают в качестве информационного средства единой криминалистической методики, а структура преступной деятельности и ее этапы соответствуют структуре и этапам деятельности по раскрытию, расследованию и судебному разбирательству уголовных дел.

Поэтому не случайно, развивая учение о криминалистической характеристике преступления как информационно-познавательной базе методики расследования, В.К. Гавло впервые пришел к выводу о том, что криминалистические характеристики преступления содержат понятия разной степени абстракции и, соответственно, имеют различные уровни содержания информационной модели, что должно найти наиболее полное отражение в методи-

---

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: НОРМА-ИНФРА М), 2001. – С. 223.

² Более подробно см.: Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. – Н. Новгород, 1997.

ке расследования преступлений¹. По мнению В.К. Гавло, рассматриваемое понятие соответствует трем уровням абстракции. Это предложение поддержал Р.С. Белкин, но высказал сомнение по поводу выделения криминалистической характеристики конкретного преступления².

Полагаем, что учет различных по содержанию уровней данного понятия позволяет в методике расследования более дифференцированно и точно классифицировать и изучать их главные свойства и признаки на единичном, особенном и общем уровнях³. По этому пути пошли также Г.А. Густов⁴, И.С. Аббасова⁵, Л.Л. Каневский⁶ и другие авторы, достаточно убедительно отстаивая эту позицию.

Поэтому трудно согласиться с позицией тех ученых, которые отрицают необходимость выделения криминалистической характеристики конкретного преступления⁷, так как это и есть отрицание связи трех уровней сущности изучаемого явления. Полная криминалистическая характеристика конкретного преступления складывается на момент вступления приговора в законную силу. Она служит источником формирования типовых криминалистических характеристик других уровней – общем и особенном.

Многие авторы говорят о системности криминалистической характеристики, т.е. о связях между ее элементами. Именно с системностью крими-

---

¹ Гавло В.К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. – Томск, 1980. – С. 120-122.

² Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. – М., 1988. – С. 181.

³ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 163-165.

⁴ Густов Г.А. Моделирование в работе следователя. – Л., 1980; Он же. Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений. Дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. – М., 1993; Он же. Криминалистическая характеристика преступлений / Курс криминалистики: В 3 т. Т. I. Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика / Под ред. О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 56-59.

⁵ Аббасова И.С. Время совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1991.

⁶ Каневский Л.Л. Дискуссионные проблемы сущности типовой криминалистической характеристики преступлений и ее использование в процессе расследования // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – М.: Спарк, 2002. – Вып. 1. – С. 27-29.

⁷ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. – М., 1988. – С. 181; Курапка В.Э., Малевски Г., Матулене С. Указ. раб. – С. 13-23 и др.

налистической характеристики связан вопрос о ее новизне и практическом значении. Представляется, что правы Р.С. Белкин, И.Е. Быховский, А.В. Дулов и другие ученые, которые утверждают, что «криминалистическая характеристика как целое, как единый комплекс, имеет практическое значение лишь в тех случаях, когда установлены корреляционные связи и зависимости между ее элементами, носящие закономерный характер и выраженные в количественных показателях. Данные об этих зависимостях могут служить основанием для построения типичных версий по конкретным делам. Только в этом заключается практическое значение криминалистической характеристики как целого»¹.

На этом построены почти все методики отдельных видов и групп преступлений. Исследования, проводимые в этих областях, наглядно демонстрируют не только тесные связи между элементами криминалистической характеристики преступлений, но и отражают статистические показатели, которые имеют для субъекта доказывания вероятное, ориентировочное значение при выдвижении и проверке версий (А.М. Ларин, 1976; Л.Г. Видонов, 1978; И.М. Комаров, 2002; Ю.П. Гармаев, 2003; М.В. Субботина, 2004 др.)². В теории игр этот прием получил название «рандомизированное поведение», которое означает признание наилучшим некоторое среднее, «смешанное», компромиссное решение, считающееся в данном случае оптимальным³. В прак-

¹ Белкин Р.С., Быховский И.Е., Дулов А.В. Модное увлечение или новое слово в науке? // Соц. законность. – 1987. – № 9. – С. 56-58.

² См.: Ларин А.М. От следственной версии к истине. – М., 1976, Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев: Методические рекомендации к использованию систем типовых версий. – Горький, 1978, Комаров И.М. Криминалистическая операция в досудебном производстве: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002; Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003; Субботина М.В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2004 и др.

³ Воробьев Н.Н. Развитие науки и теории игр. Методологический аспект. – М., 1972. – С. 9-28.

тической деятельности следственных органов это обстоятельство целесообразно иметь в виду¹.

В определение структуры криминалистической характеристики преступлений, полагаем, следует включать систему типичных сведений, раскрывающих основные черты способа, механизма и обстановки совершаемых преступлений, слеодообразования, преступника, его мотивы и цели в ситуациях подготовки, совершения и сокрытия преступлений, учитываемых в методике расследования². Что позволяет связать воедино, в одно целое такие понятия, как преступная деятельность и ситуации, складывающиеся в процессе этой деятельности. Это не случайно. Как показывают исследования, ситуации, складывающиеся в процессе преступной деятельности, формируются на основе сочетания и взаимодействия элементов преступной (криминальной) деятельности, которая имеет довольно сложную структуру.

В теории она представлена в качестве системы³ таких элементов, как субъект, объект, процесс, обстановка, средства, мотивы, цели и результаты преступной деятельности. Хотя в научной литературе имеются и другие подходы к решению указанного вопроса⁴.

В связи с чем элементы криминалистической характеристики преступлений включаются различными авторами в структурный состав как преступной деятельности, так и криминальной ситуации⁵. Это еще раз подтверждает то, что преступная деятельность и ситуации по подготовке, совершению и

¹ Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. – Иркутск, 1983. – С. 62-63; Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: Монография. – Барнаул: АГУ, 2000. – С. 83-86 и др.

² Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 167.

³ Образцов В.А. Криминалистика: Курс лекций. – М., 1996. – С. 13; Криминалистика / Под ред. В.А. Образцова. – М., 1997. – С. 53-83; Криминалистика / Под ред. Н.П. Яблокова. – М., 1997. – С. 19-33; Бахин В.П., Карпов Н.С., Цымбал П.В. Преступная деятельность: понятие, характеристика, принципы, изучение: Монография / Под ред. П.В. Мельника. – Киев, 2001 и др.

⁴ Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования / Под ред. В.Я. Колдина. – М., 1989. – С. 24-28.

⁵ Напр., Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. – М. – Калининград, 1997. – С. 74.

сокрытию преступления являются структурными компонентами (блоками) криминалистической характеристики преступлений как информационной базы методики расследования.

С учетом изложенного попытаемся проанализировать процесс формирования и развития преступной деятельности как целостной системы, рассмотрев основные, наиболее значимые ее элементы.

Преступная деятельность, в широком смысле, понимается нами как динамическая система поведения субъекта преступления в окружающей среде, с ее закономерными для заданной ситуации следами-последствиями содеянного.

Структурным элементом криминалистической характеристики, который имеет существенное значение для понимания закономерностей системного процесса совершения преступления или бездействий, обусловленных рядом факторов криминальной ситуации, потерпевшим, предметом преступления и т.п., является, на наш взгляд, **механизм преступления**. Его можно определить как **взаимодействующую систему элементов криминалистической характеристики преступлений, отражающую процесс подготовки, совершения и сокрытия преступления, приводящую к образованию следов, имеющих значение для решения задач уголовного судопроизводства.**

Механизм преступления, как правильно отмечается рядом авторов, охватывает не только центральный этап преступления, но и другие этапы, а именно предкриминальный и посткриминальный¹. Каждому из них присущи свои механизмы, которые могут функционировать как в общей системе механизма преступления, так и самостоятельно, как его подсистемы.

Общим критерием, объединяющим компоненты механизма преступления, может являться состав преступления в уголовно-правовом смысле, а их функционирование есть не что иное, как взаимодействие компонентов уголовно-правового механизма преступления. Поведение же человека развора-

---

¹ Гавло В.К. Указ. раб. – С. 191; Корноухов В.Е. Курс криминалистики. Т. 1. – Красноярск, 1996. – С. 29; Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления: Цикл лекций. – М.: Изд-во Моск. психол. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002. – С. 40-63 и др.

чивается во времени и пространстве, представляет собой «процесс взаимодействия изменчивых ситуационных факторов с относительно постоянными личностными характеристиками»¹. Этот процесс, как было сказано выше, имеет внешнюю (объективную) и внутреннюю (субъективную) стороны. Поэтому совершенно прав В.Н. Кудрявцев, который отмечает, что на уровне «индивидуального поведения мы изучаем механизм преступления, личность конкретного правонарушителя, причины его противоправного поступка... Сам же механизм преступного поведения понимается как связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренних, психических процессов и состояний, детерминирующих его исполнение»². В этом определении прослеживается основная линия причинных связей, а именно психические процессы и преступник рассматриваются во взаимодействии с внешней средой, т.е. в динамике, что верно отражает грани криминалистического механизма преступления.

В криминалистический механизм преступления входят элементы криминалистической характеристики преступления. Эти элементы, взаимодействуя друг с другом, отражают динамический процесс преобразования криминальных ситуаций и по следам-последствиям указывают на закономерные связи и взаимодействия между ними, что в итоге позволяет установить корреляционную зависимость между элементами криминалистической характеристики преступлений.

Изучение корреляционной зависимости между элементами криминалистической характеристики преступлений заслуживает особого внимания. Важно определить конкретную зависимость одного элемента от другого или определенной их совокупности. При этом надо учитывать, что причинно-следственная связь может быть сложной и опосредованной другими обстоя-

---

¹ Хеккхаузен Х. Мотивация и деятельность. – Т. 1. – М., 1986. – С. 93.

² Механизм преступного поведения. – М., 1981. – С. 30, 32; Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учеб. пособие. – М., 1998. – С. 16-21; см. также Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 1997. – С. 8-23.

тельствами. Как показали исследования, все чаще тяжкие насильственные преступления против человека совершаются как следствие сложной мотивации, все отчетливее проявляются жестокость и корысть. Возросла легкость вступления в конфликты, резко увеличилось, например, число случаев причинения тяжких телесных повреждений, убийств, совершаемых согласованными и продуманными способами.

На основе изучения дел о разбойных нападениях и убийствах водителей, мы выделили, в частности, сложный типичный механизм преступления. Сценарий всех разбойных нападений на водителей автомашин был стандартен. Преступники его разрабатывали и исполняли совместно. В группу входила молодая женщина, в обязанности которой было останавливать «голосованием» машину. После остановки машины подходили двое парней, один из которых усаживался рядом с водителем, а сзади него женщина и другой парень. В темном и безлюдном месте сидящий сзади набрасывал водителю на шею петлю-удавку, сильно сдавливал горло жертвы, а сидящий рядом колот водителя ножом, подавляя сопротивление. Отнимали всю наличность, водителя выталкивали из машины, которую бросали где-нибудь подальше. Если водителю удавалось бежать, то преследовали его на его же машине. Догнав жертву, принимались избивать ее все вместе, не исключая и женщины. Через некоторое время однообразие наскучило, и жертв стали убивать ножом, перерезая горло.

В качестве оружия чаще всего преступники, по изученным нами делам, применяют ножи (50%); огнестрельное оружие (30%); предметы, приспособления для нанесения ударов и лишения жизни (кастеты, цепи, палки, удавки и т.д.). Так, исследование убийств из обрезов показало, что обрезам пользовались те убийцы, которые: во-первых, не имели денег на приобретение пистолетов и револьверов; во-вторых, обрезы добыли, не покупая их, а изготовили из похищенных охотничьих ружей или в результате убийства их владельцев; в-третьих, характеризовались тем, что нажитое преступным путем

имущество быстро тратили на праздный образ жизни, более 60% из них были судимы.

Эти данные могут быть полезными для выдвижения версий, особенно на первоначальном этапе расследования.

Важной функциональной чертой механизма преступления является то, что он раскрывает суть действий (бездействия) субъекта преступления, показывает, как эта система действий (бездействия) функционировала на этапах преступной деятельности, в определенных пространственно-временных рамках.

Появившийся в настоящее время интерес к исследованию пространственно-временных параметров события преступления не случаен. Ведь именно факторы пространства и времени учитываются в обобщенном виде в криминалистической характеристике преступлений. Они имеют гносеологическую природу, что важно принимать во внимание при расследовании преступлений¹.

По данным исследований, проведенных И.С. Аббасовой, Н.В. Кручининой, В.И. Шикановым, сведения о временных параметрах обстоятельств, на основании которых возбуждалось уголовное дело, наличествовали во всех случаях без исключения, а в 71% случаев следователь располагал сведениями о временных параметрах уже на первоначальном этапе расследования².

Анализ пространственно-временных связей и отношений занимает особое место в анализе механизма преступления и направлен на установление значимых закономерных связей между всеми, нередко внешне разроз-

---

¹ Более подробно см.: Криминалистические проблемы пространственно-временных факторов в методике расследования преступления. – Иркутск, 1983; Мешков В.М. Основы криминалистической теории о временных связях – Калининград, 1999; Он же. Развитие современных концепций криминалистики (на примере криминалистической теории о временных связях и отношениях при расследовании преступлений) // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. статей: В 3 ч. Ч. 2: Вопросы современной криминалистики. – М.: Академия управления МВД России, 2004. – С. 72-74 и др.

² Аббасова И.С., Кручинина Н.В. Шиканов В.И. Время как базисный элемент криминалистически значимой информации о событии преступления. – Иркутск, 1994. – С. 57-59.

ненными элементами события преступления, и приведение их в единую систему¹.

С учетом этого может устанавливаться зависимость между временем совершения преступления и его местом, местом жительства преступников, их возрастом и способом совершения преступления и т.д.

По данным Л.Я. Драпкина, уличные грабежи и разбои совершаются преимущественно в вечерний и ночной период суток, квартирные – чаще днем и даже ночью. Типичными же местами являются помещения (служебные, жилые и т.д.), открытая местность (улица, лесной массив и т.д.), транспорт (железнодорожный, автомобильный)². Несовершеннолетние подобные преступления совершают в ночное время суток на открытой местности либо в безлюдных местах.

Деятельность субъекта доказывания должна охватывать все уровни остаточной информации о временных параметрах события преступления: обнаружение и анализ соответствующих фактических данных на уровне единичных следов расследуемого события; выявление и анализ временной информации на уровне определенного множества следов, образующих «информационный узел»; выявление и анализ временной информации на уровне связей между отдельными информационными узлами³.

Поскольку механизм преступления ярче всего проявляется при активном взаимодействии предметов, явлений, людей и характеризует сложные пространственно-временные и иные закономерные связи, связанные с преступлением, то в окружающей среде он оставляет типичные для него следы (информацию). Установить и познать механизм преступления по его следам

---

¹ Аббасова И.С. Время совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1992. – С. 15; Криминалистика / Под ред. Н.П. Яблокова. – М.: Изд-во БЕК, 1995. – С. 48-53; Белкин А.Р. Теория доказывания: Науч.-метод. пособие. – М.: НОРМА, 1999. – С. 311-315 и др.

² Криминалистика / Под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. – М., 1994. – С. 433; Криминалистика / Под ред. Л.Я. Драпкина, В.Н. Карагодина. – М., 2004. – С. 633.

³ Аббасова И.С., Кручинина Н.В., Шиканов В.И. Указ. раб. – С. 70.

можно только при изучении всех элементов криминалистической характеристики преступлений¹.

Преступник (Личность преступника), являясь наиболее активным элементом механизма преступного поведения проявляет целый спектр разнообразных свойств и качеств, существенно влияющих на качественную сторону самой криминальной ситуации². Получение информации о преступнике, особенно скрывшемся с места происшествия, имеет весьма существенное значение для раскрытия и расследования преступления, в частности может служить целям его поиска, а также выбору тактической линии субъекта доказывания. Систематизация информации о нем имеет и самостоятельное значение (ст. 73 УПК РФ – предмет доказывания по уголовному делу).

Используя данную категорию, необходимо отметить, что понятие «личность» само требует уточнения. Это понятие изучается различными науками, однако базовой является психология. Именно с категорией «личность» связаны серьезные дебаты, продолжающиеся на протяжении нескольких десятилетий, вокруг предмета психологической науки. Так, с выходом психологии за «пределы» сознания появился целый ряд научных направлений, предметом изучения которых становились различные «реальности» (поведение, бессознательное, деятельность и т.д.). В рамках каждого психологического направления личность стали понимать и объяснять через предмет своего изучения, как: набор, систему ответных реакций (бихевиоризм)³, систему

---

¹ Драпкин Л.Я. Предмет доказывания и криминалистические характеристики преступлений. // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. – Свердловск, 1978. – Вып. 69. – С. 16; Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. – М., 1981. – С. 77; Баев О.Я. Методические основы расследования преступлений против личности // Расследование преступлений против личности: Учеб. пособие / Под ред. О.Я. Баева. – Воронеж, 1998. – С. 10-13; Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления: Цикл лекций. – М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002 и др.

² Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. – М. – Калининград, 1997. – С. 78.

³ См., напр.: Скиннер Б. Оперантное поведение // История зарубежной психологии. 30-60-е годы XX века. – М., 1986. – С. 60-97; Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). – СПб.: Питер Ком, 1999 и др.

измерений (Р. Кеттел, Д. Гилфорд, Г. Айзенк)¹, совокупность особых инстанций «Я», «Оно», «Сверх-Я» (психоанализ)². По мере определения в качестве предмета психологии психики, все отчетливее стала проявляться тенденция превращения категории «личность» в полномочного представителя целостного человека в психологии («личность – это человек», «индивид производит себя как личность»). И если классическая психология предметом своего изучения считала «психику как субъективное отражение объективной реальности»³, то по мере того, как психика уступала свое место человеку в качестве предмета науки, обнажалось противоречие, заключающееся в том, что категории «человек» и «личность» определяют разные сущности и каждая из них имеет свой статус. В связи с чем в современной психологической науке **становится возможным понимание личности как «новообразования», особого «системного качества» человека, характеризующего его как открытую, самоорганизующуюся систему**⁴. Именно благодаря такому качеству, как «личность», человек получает возможность взаимодействовать с окружающим его миром, менять свой образ жизни, стимулируя тем самым дальнейшее свое развитие.

¹ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). – СПб.: Питер Ком, 1999. – С. 270-330.

² См.: Фрейд З. Я и Оно // Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. – М.: Просвещение, 1989. – С. 425-439; Adler A. What life should mean to you. London: George Allen and Unwin, 1980; Юнг К.-Г. Психологические типы. М. – 1996. – С. 523; Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). – СПб.: Питер Ком, 1999. – С. 184; Lewin K. Field theory in social science. – N.Y., 1951; Зейгарник Б.В. Теория личности К. Левина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 46 и др.

³ Ломов Б.Ф. Человек и техника. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963; Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М.: Наука, 1973; Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999 и др.

⁴ Подробнее см.: Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1991; Асмолов А.Г. О предмете психологии личности // Вопр. психологии. – 1993. – № 3. – С. 113-130; Краснорядцева О.М. Психологические особенности возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1996; Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999; Ключко А.В. Проблема личности в психологии в контексте понимания человека как открытой системы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 2001 и др.

Необходимо заметить, что в криминалистике понятия «личность» и «преступник», «личность» и «человек» понимались и понимаются как тождественные. Оставаясь в рамках концепции нашего исследования, полагаем, такое положение не позволяет в полной мере находиться в тенденции развития наук, в связи с чем понятие «личность преступника» является не совсем верным. Более правильно (в криминалистическом аспекте) именовать лицо, совершившее преступление, преступником.

В криминалистическом плане предметом изучения преступника должны быть его социальные, биологические и другие стороны, на что правильно указывают в своих работах Ю.М. Антонян, Р.Л. Ахмедшин, Н.М. Букаев, Н.Т. Ведерников, В.К. Гавло, С.А. Елисеев, И.Т. Кривошеин и др.¹

В последнее время активизировались исследования, связанные с комплексным подходом в изучении проблем человека, совершившего преступление².

Анализ научной литературы, судебной-следственной практики показывает, что у большинства лиц, совершивших преступления (более 90%) личность (как качество человека) деформирована в той или иной степени. Наблюдаются различного рода отклонения во взаимодействии человека с окружающим его миром, проявляющиеся в «извращенном» толковании им норм

---

¹ См.: Елисеев С.А. Личность корыстного преступника, ее криминологическое и уголовно-правовое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1980. – С. 8; Ведерников Н.Т. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступления // Криминалистическая характеристика преступлений. – М., 1984. – С. 74-77; Кривошеин И.Т. Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001; Ахметшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 70-119 и др.

² См., напр.: Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учеб. пособие. – М., 1998; Преступное поведение (новые исследования): Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: ВНИИ МВД России, 2002; Абызов Р.М. Типология личностных деформаций несовершеннолетних преступников: Монография. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2002 и др.

нравственности, морали, правовых норм и, как следствие, – совершение действий антиобщественной направленности, в том числе и преступлений¹.

Широкий спектр нарушений, проявляющихся в развитии у людей, совершивших преступления, и их клиническое описание позволяют предположить, что за этим скрывается не расстройство психики в ее классическом понимании (конкретные неполадки в психических процессах, свойствах, состояниях), а системное нарушение, затрагивающее всю психологическую систему.

Опираясь на принципы теории психологических систем (ТПС), можно предполагать, что возникновение преступной мотивации связано с разрушением (или деформацией) системообразующего фактора, который связывает все три уровня сознания (предметное, смысловое и ценностное) с многомерным миром человека и его деятельностью в нем. Именно эта связь обеспечивает чувство реальности бытия человека в мире. В связи с чем преступное деяние указывает на то, что у преступника нарушено что-то глубоко внутри и затрагивает всего человека в целом. Это подтверждается исследованиями в области психологии и судебной психиатрии².

Для построения методики расследования отдельных видов и групп преступлений важно учесть следующие подструктуры, характеризующие преступника: социальную, к которой относятся признаки, характеризующие человека как субъекта и объекта общественных отношений, занимающего определенные социальные позиции и выполняющие социальные роли; нрав-

¹ См.: Зейгарник Б.В., Братусь Б.С. Очерки по психологии аномального развития личности. – М., 1980; Антоян Ю.М., Гульдман В.В. Криминальная патопсихология. – М., 1991. – С. 38-39; Сафуанов Ф.С. Пограничные психические расстройства и психологические механизмы криминально-агрессивных действий. // Преступное поведение (новые исследования): Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.М. Антояна. – М.: ВНИИ МВД России, 2002. – С. 14-54 и др.

² Серийные сексуальные убийства: Учеб. пособие / Под ред. Ю.М. Антояна. – М.: МЮИ МВД России, Изд-во «Щит-М», 1997; Преступное поведение (новые исследования): Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.М. Антояна. – М.: ВНИИ МВД России, 2002; Санин Г., Мельникова С. Прирожденные убийцы [Электронный ресурс] – Заглавие с экрана – Режим доступа: [www.Itogi/Архив/№21\(2003.10октября\)](http://www.Itogi/Архив/№21(2003.10октября)); Михеева И.В. Трансформация ценностно-смысловой сферы личности в условиях современной России в контексте исследования правосознания: Дис. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 2004 и др.

ственно-психологическую, характеризующую внутренний мир человека, его отношение к различным социальным и моральным ценностям и др. В.А. Образцов, кроме того, выделяет уголовно-правовые, аналитические, функционально-динамические, признаки сопутствующих вещей, признаки типа связей и отношений¹. В соответствии с предметом доказывания одни из вышеперечисленных признаков подлежат обязательному установлению (например, возраст, наличие или отсутствие судимости). Другие носят факультативный характер. Необходимость их установления (либо ее отсутствие), как верно отметил В.А. Образцов, определяется в зависимости от категории преступления, под признаки которого попадает исследуемое деяние, а также от особенностей сложившейся ситуации, включая обстоятельства содеянного (сказанное в равной мере относится и к признакам жертвы преступления)².

Криминалистику и ее методику в первую очередь интересуют такие данные о преступнике, которые указывают на закономерные связи между ним и совершенным преступлением, проявляющиеся вовне в различных следах-последствиях содеянного. В этом плане преступника следует изучать как следообразующий объект, источник информации о совершенном преступлении и как средство его раскрытия³.

Исследования показали, что механизм преступления связан в первую очередь с преступником и окружающей средой. Планируя свои действия, преступник определяет значимые условия деятельности, программу своих отдельных действий и систему критериев успешной деятельности.

По данным Л.Я. Драпкина, подавляющее большинство лиц, совершающих грабежи и разбои составляют мужчины (более 97%), женщины всего лишь 3%. Дифференциация преступников по основным возрастным группам следующая: несовершеннолетние – около 10%, лица в возрасте 18-25 лет

---

¹ Образцов В.А. Криминалистика: Курс лекций. – М., 1996. – С. 34.

² Там же. – С. 35.

³ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 197.

– более 30%, лица в возрасте 30 лет – около 33%, лица в возрасте 31-40 лет – около 24%, лица в возрасте 41 год и старше – немногим более 3%¹.

Таким образом, вероятность совершения преступления рассматриваемой группы увеличивается с 18 лет и достигает пика в возрасте около 30 лет.

По нашим данным, среди корыстно-насильственных преступников лица со средним или средним специальным образованием встречаются около 52%, неполное среднее было у 30%, высшее образование или неполное высшее имели лишь около 10,5%. Этот показатель свидетельствует о том, что основная масса преступников имеет низкий образовательный уровень.

Необходимо также отметить и то, что по своему социальному статусу преступники из рабочей среды составили около 60%, из числа служащих – 10%, учащиеся – 15%. Остальные либо вообще не работали, либо не имели постоянной работы, поэтому их социальную принадлежность было трудно определить.

Большинство преступлений рассматриваемой группы совершается в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения (более 60%).

Грабежи и разбойные нападения, как свидетельствует анализ следственной и судебной практики, зачастую совершаются преступной группой из 2-3, реже 4 человек и очень редко – более многочисленными формированиями. Нередко группы преступников весьма устойчивы и совершают серию аналогичных и иных преступлений. Во главе таких групп стоят, как правило, ранее судимые лица, имеющие преступный опыт, либо лица, имеющие опыт боевых действий (Карабах, Чечня, Афганистан и др.). Для них характерны дерзость, жестокость, внезапность, частота встречаемости и др. Это затрудняет расследование преступлений и осложняет оперативную обстановку.

Признаки действий, проявившиеся в материальной обстановке, так же как и результат действий, свидетельствуют о **мотиве и цели преступного деяния.**

---

¹ Криминалистика / Под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. – М., 1994. – С. 434.

Мотив – это побуждение, которым руководствуется человек при совершении преступления. Его изучение обусловлено рядом причин, в том числе тем, что мотив способствует выяснению обстоятельств содеянного, установлению преступника, его внутреннего состояния, целевой направленности, активности и др. Не случайно по этому поводу Эрих Анушат заметил, что при исследовании мотива обычно распознается личность преступника¹.

Обобщение практики показало, что ведущим мотивом корыстно-насильственных преступлений является корысть, а именно удовлетворение своих материальных потребностей (около 90%). Среди них, в частности, выделяются побуждения «пропить», «прогулять» (40%), вернуть долги (10%), совершение преступления от безвыходности ситуации: нечем кормить семью, не на что купить лекарства и т.д. – около 10%, хулиганские побуждения (чаще всего связанные с алкогольным опьянением) – 25%.

Но эти данные еще не говорят о подлинных побуждениях субъекта преступления, о тех потребностях, которые лежали в основе его агрессивного поведения. Если исходить из исследований психологов и криминологов, то здесь на первый план выступают потребности в социальном общении и сохранении личности. Это, по мнению специалистов, потребность в общении; в признании; в безопасности; в лидерстве; в доминировании и др.²

Переход страны к рыночным отношениям, глубокий и затянувшийся кризис во всех сферах жизни привели к деформации потребностей личности, а следовательно, и к росту агрессивных проявлений. Такое положение характерно не только для России. При всей несхожести уголовно-правовых, статистических и организационных условий в разных странах, по мнению В.В. Лунеева, «есть основания для общего вывода: примитивные насильст-

---

¹ Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики. – М., 2001. – С. 75.

² Познякова М.Е. Неудовлетворенность социальных потребностей – важный фактор наркотизации // Актуальные проблемы девиантного поведения. – М.: РАН, 1995. – С. 26; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть: Учеб. пособие. – Красноярск, 1997. – С. 100-107 и др.

венные формы изъятия чужого имущества растут во всем мире, включая индустриально развитые демократические страны...»¹.

По данным криминологов, корыстно-насильственные деяния могут увеличиваться в среднем на 5-10% в год, а их доля в структуре регистрируемой преступности будет приближаться к 90%².

Если иметь в виду, что одни и те же мотивы и цели могут проявляться при совершении различных преступлений, то возникает необходимость иметь обобщенные типичные сведения о мотиве и цели отдельных видов и групп преступлений, их общих и особенных чертах, признаках-последствиях и т.д., значение которых будет способствовать оптимизации процесса расследования с учетом складывающихся криминалистических ситуаций.

Мотив тесным образом связан с целью преступления. **Цель преступления** в самом общем виде можно определить как **осознанный образ (модель) предвосхищаемого индивидом результата предпринимаемых им действий**. Цели могут быть промежуточными и конечными. Конечные цели достигаются, как правило, путем осуществления промежуточных целей, которые в данном случае совпадают по существу с понятием задача. Формирующаяся цель может иметь достаточно самостоятельный характер, т.е. не соотноситься с конечной целью. Тем не менее дальнейшее целеобразование (выдвижение промежуточных целей) может привести, и чаще всего приводит, к «стыку» промежуточных целей с конечными. Промежуточные цели теряют свое самостоятельное значение только тогда, когда они начинают в какой-то степени совпадать с требованиями конечной цели. Сказанное можно проиллюстрировать на примере.

В один из морозных февральских вечеров около 20 часов был застрелен тремя выстрелами в упор во дворе своего частного дома М.М. Сирота – директор птицефабрики «Молодежная» Алтайского края. Преступники практически не оставили следов, лишь сосед видел стоявший неподалеку автомо-

---

¹ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. – М., 1997. – С. 245.

² Там же. – С. 468.

биль марки «Нива» и трех мужчин. Автомобиль белого цвета, но государственный номер свидетель точно назвать не мог, примерно «933». Таких автомобилей в Алтайском крае насчитывалось около 30, но это была единственная «ниточка», и следствие за нее «зацепилось». Нельзя было терять ни минуты. Благодаря умелым действиям правоохранительных органов уже на следующий день работниками милиции был остановлен автомобиль марки «Нива», гос. номер Х933АК22, за рулем которого находился Зотов, ранее судимый, член преступной группировки г. Новоалтайска. Вместе с ним ехали два пассажира, которые после остановки автомобиля успели скрыться. Впоследствии они были установлены и задержаны. Ими оказались Газенбуш и Тарлыков – члены банды Зотова. Именно они и совершили дерзкое убийство Сироты.

В процессе предварительного следствия был установлен и заказчик. Им оказался руководитель одной фирмы, осуществлявшей подрядные работы на территории птицефабрики. Между ним и потерпевшим возникли разногласия по качеству выполненных работ. В арбитражном суде, рассматривавшем этот спор, директор «Молодежной» взыскал со своего недобросовестного подрядчика около 500 тысяч рублей, после чего намеревался найти другого делового партнера. Это и явилось основным мотивом убийства, а исполнители нашлись быстро.

Тщательное планирование убийства длилось около трех недель. Бандиты за это время выяснили: где находится фабрика, где дом, когда Сирота возвращается домой с работы, работает ли он по субботам. Оказалось, что да, работает и приезжает домой обычно в 19-20 часов.

Наконец, все приготовления были завершены, в том числе решен и вопрос с транспортом – Зотов попросил его у своего знакомого Петрова, тот ему не отказал. Необходимо было реализовать еще одну цель – обеспечить себе алиби. Было решено совершить убийство 10 февраля, этот день был примечателен тем, что Зотов отмечал свой день рождения.

В назначенный день и час дело было сделано, и бандиты, возвратившись домой, продолжили отмечать день рождения Зотова.

Однако никакие уловки преступникам не помогли. Они все были признаны виновными и приговорены к длительным срокам лишения свободы¹.

Из этого примера видно, что, реализуя свою основную цель – убийство Сироты, преступники решали промежуточные цели: выясняли место работы и место жительства жертвы, распорядок дня и т.д. Кроме того, подыскивали оружие, транспорт и постарались обеспечить себе алиби. Таким образом, промежуточное целеобразование привело к решению конечной цели.

Каждому мотиву преступления и его цели соответствуют свои признаки последствия, которые проявляются в ситуациях до, в момент и после совершения преступления. Выявление и познание этих признаков в целях установления мотива и цели преступления также составляет задачу методики расследования и ее криминалистической характеристики отдельных видов преступлений. Кроме того, между мотивом и целью преступлений имеется тесная взаимосвязь, что обуславливает возможность установления одного из них посредством другого с учетом их признаков.

По нашим данным, свыше 36% виновных в грабежах и разбойных нападениях (исключая групповую и организованную преступность) не задумываются о поиске наиболее эффективного пути достижения основной цели, а действуют ситуативно, что часто приводит к срыву намеченного плана либо к их скорому разоблачению.

Интересны на этот счет данные исследований, проведенных под руководством В.Н. Кудрявцева и И.Б. Богородицкого. По мнению опрошенных ими «экспертов», достаточно тщательно планировались корыстные преступления в 54% уголовных дел (мнение ученых) и 49% (мнение работников МВД); применительно к насильственным преступлениям соответствующие цифры составляют 23% и 30%. Более детальный анализ некоторых насильственных и корыстных преступлений, предпринятый в 80-х гг. О.Л. Дубовик,

---

¹ Архив Алтайского краевого суда. Д. № 92/2003.

показал, что только в 6,4% убийств и 4,1% разбойных нападений план действий преступников был ими хорошо продуман (преступления длительное время не были раскрыты, преступники не задержаны и т.п.)¹.

Сейчас картина преступности изменяется: наряду с простыми способами действий преступники выбирают сложные, ибо сложен объект нападения. Значит, сложна и цель преступного посягательства.

Исследования показали, что в одиночных и групповых преступлениях до 28% квартирных краж, грабежей и разбойных нападений тщательно планировались, до 36% – в общих чертах, 14% – совсем не планировались (по принципу «как получится») и 22% – не планировались, потому что совершались спонтанно.

Причем из ошибок, приведших к установлению и изобличению преступления, чаще всего встречаются: ошибки в выборе объекта преступного посягательства (19%), непринятие мер к сокрытию следов преступления (18%), ошибки в недостаточной подготовке к совершению преступления (около 17%), неудачный выбор соучастников (13%).

Наибольшую информацию о мотиве и цели преступления несут такие элементы криминалистической характеристики преступления, как: преступник, объект и предмет преступного посягательства, способ совершения преступления, а также криминальные ситуации, складывающиеся до, в момент и после совершения преступления.

Раскрытие преступлений (особенно неочевидных) вызывает зачастую у практических работников определенные трудности, однако в ряде случаев они не вычерпывают информацию из тех изменений в окружающей среде, которые вызваны действиями преступника. Отдельные признаки механизма преступления в ряде случаев не связываются в единую информационную систему, не анализируются как определенный тип ситуации. В самой же ситуации не выявляется все многообразие информационных источников преступника (цели, мотивы, интересы, возможности, ценностные ориентации и

---

¹ Механизм преступного поведения. – М., 1981. – С. 131.

т.д.)¹. Системно-деятельностный подход позволяет объединить в механизме преступления самого преступника с его мотивационной направленностью, особенностями целеобразования, а также сугубо индивидуализированным исполнительским механизмом – **способом совершения преступления**. Из внешней среды преступник выбирает те средства достижения поставленной цели, которые вписываются в схему его операционных стереотипов (в умения и навыки).

Рассматриваемая группа преступлений отличается значительной дерзостью, а при разбоях часто сопряжена с причинением тяжких телесных повреждений либо убийством потерпевших.

Непосредственные способы совершения грабежей и разбойных нападений достаточно разнообразны. В их типичный перечень входят: срывание головных уборов в осенне-зимний период (удельный вес таких преступлений составляет до 85% от общего числа); вырывание сумок, дипломатов и иных вещей из рук потерпевших (около 20%); завладение имуществом путем физического или психического насилия либо с применением оружия (около 30%); завладение имуществом вследствие алкогольного либо наркотического опьянения потерпевшего (около 50%).

Изученные материалы позволяют говорить о том, что наиболее перспективные методики по расследованию преступлений, опирающиеся на корреляционные связи, должны строиться на базе элементов криминалистической характеристики преступлений, особенностей преступника. Поэтому следует согласиться с М.И. Еникеевым, который считает, что «понятие "образ поведения преступника" должно быть основным исходным понятием криминалистики, так как оно неизбежно отражается в окружающей среде в виде комплексного личностно-регуляционного следа, который не менее пригоден для идентификации личности преступника, чем след его пальца. В это понятие входят и личностная детерминация поведения преступника, и харак-

---

¹ Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: Учеб. для вузов. – М., 1996. – С. 388; См. также. Типология личности преступника и индивидуальное предупреждение преступлений: Сб. науч. тр. – М., 1979.

терные для него адаптационные поведенческие схемы, реализующиеся в допреступной, преступной и послепреступной стадиях поведения, но в отличие от пальцевого, поведенческий след всегда остается на месте происшествия»¹.

Исследование **способа совершения преступления**² как типичного образа действий индивида в определенных ситуациях – основное ядро расследования, что определяет один из ведущих методов успешного расследования и предупреждения преступлений: «от способа преступления – к способу раскрытия, расследования и предупреждения преступления». В связи с чем прав А.А. Хмыров, который отметил, что способ совершения преступления – центральный элемент криминалистической характеристики преступления, все же остальные находятся в большей или меньшей зависимости от него³.

Обращаясь к анализу литературных источников и материалов судебно-следственной практики, всю совокупность действий субъекта по совершению преступлений в зависимости от этапности и механизма преступления можно объединить в три группы: подготовка, совершение и сокрытие преступления. В каждой из этих групп выделяются свои действия, приемы и их признаки, имеющие криминалистическое значение⁴. Для каждого вида преступлений существует свой системный набор способов преступлений. Данные комплексы действий, составляющие вид преступления, связаны специфическим подключением к ним определенных внешних обстоятельств и средств действия. Каждый преступник имеет свой «почерк» в их использовании.

¹ Еникеев М.И. Указ. раб. – С. 392.

² Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1970. – С. 29; Великородный П.Г. Сравнительное криминалистическое исследование способов совершения преступлений с целью идентификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1981. – С. 3-17; Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 167; Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. – Свердловск, 1992. – С. 5-31; Фомина А.С. Расследование убийств, совершенных по сексуальным мотивам // Расследование преступлений против личности: Учеб. пособие / Под ред. О.Я. Баева. – Воронеж, 1998. – С. 67-70 и др.

³ Хмыров А.А. Криминалистическая характеристика преступлений и пути доказывания по уголовному делу // Правоведение. – 1978. – № 3. – С. 59.

⁴ Гавло В.К. Указ раб. – С. 169; Колесниченко А.Н., Парфенков С.В. Способ хищения: Понятие и сущность // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1983. – Вып. 27. – С. 9 и др.

По нашим данным, при определении способа совершения преступления преступники исходят чаще всего из навыков, которые имели (28%), в то же время не задумывались над способом, а исходили из сложившейся криминальной ситуации – около 40%.

Проведенный опрос осужденных, отбывающих наказание за корыстно-насильственные преступления (410 человек), показал, что около 65% при совершении преступлений способ совершения преступлений не меняли.

Эти данные подтверждаются и примерами из практики.

28 июля 2003 г. в 3 часа ночи в дежурную часть УВД г. Бийска поступило сообщение о нанесении неизвестным преступником огнестрельного ранения находящемуся на службе сотруднику ГИБДД. Патрулируя в районе частного сектора, сотрудники милиции обратили внимание на одинокого мужчину, идущего с фонариком по улице, и решили его остановить для удостоверения личности. В ответ неизвестный, не вынимая из кармана брюк пистолета, произвел выстрел и скрылся в темноте.

Обстоятельства данного преступления очень напоминали другое, совершенное в октябре 2002 г., в этом же районе и аналогичным способом. Тогда сотрудники милиции также хотели проверить личность одинокого мужчины, идущего с фонариком поздно ночью. На их просьбу прозвучал выстрел и один из милиционеров получил ранение.

И снова сотрудник милиции получает огнестрельное ранение от одинокого ночного путника. Подозрение сразу же пало на Кулакова, ранее неоднократно судимого за тяжкие преступления, совершенные аналогичным способом, бежавшего из мест заключения и находившегося в федеральном розыске.

Причастность Кулакова к совершению этих и ряда других преступлений подтвердилась после его задержания и допроса, кроме того, изъятый у него револьвер с патронами был немедленно направлен на экспертизу, где было дано категоричное заключение об идентичности пуль, изъятых с мест происшествий. При допросах Кулаков пояснил, что пистолет практически

всегда носил с собой, а преступления совершал аналогичным способом, так как «не хотел изменять своим привычкам»¹.

На каждом этапе преступной деятельности виновные могут применять различные средства и способы действий, но в целом они имеют нечто общее, закономерное в следах-последствиях содеянного, что и позволяет представить психофизиологический облик преступника и наметить целенаправленный алгоритм действий.

Так, в г. Барнауле были совершены разбойные нападения на квартиры, которые остались нераскрытыми. Примечательно, что во всех случаях были признаки-последствия: преступники (группа из трех человек) проникали в квартиру под видом работников милиции, одевали наручники потерпевшему, похищали дорогие вещи и т.д.

Эти данные были закономерными для одной группы с ее образом жизни преступников. Впоследствии были задержаны Солоненко, Ермаков и Алексеев. Оказалось, что они были ранее судимые за корыстные преступления, знали друг друга и создали устойчивую организованную группу в целях завладения чужим имуществом. В процессе подготовки к преступлениям они заранее приобрели форму сотрудника милиции, две пары наручников, газовый револьвер «Агент», а также маски для лица и кожаные перчатки. Только за один месяц они совершили ряд дерзких разбойных нападений, но на их след выйти не удавалось².

Важно учитывать многообразие элементов способа преступления, их сочетание, что обуславливается сложившейся на определенный период времени криминальной ситуацией.

В качестве примера можно привести дело Курусканова, совершившего грабеж. Курусканов с неустановленным следствием лицом по имени «Юра», употребляли спиртное на привокзальной площади г. Барнаула. Когда спиртное кончилось, они решили кого-нибудь ограбить. В их поле зрения попал

---

¹ Из практики работы УВД г. Бийска за 2003 г.

² Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула. Д. № 1-25/97.

ранее незнакомый им Васильев. Во время распития спиртного «Юра» увидел у Васильева деньги и решил их похитить, о чем сказал Курусканову, который с ним согласился. Когда они предложили Васильеву отдать им деньги, тот ответил отказом. В результате чего между «Юрой», Курускановым и Васильевым возникла драка. Васильев оказал им сопротивление, и, так как на площади было много людей, которые за ними наблюдали, Курусканов предложил всем помириться и в знак примирения купить еще спиртного. Это было уловкой, чтобы усыпить бдительность Васильева. После чего они увели Васильева в безлюдное место по ул. Привокзальная, где продолжали употреблять спиртное. Курусканов сходил еще раз за водкой, а когда вернулся, то увидел, что «Юра» снял куртку с Васильева, который уже не мог оказывать сопротивление, так как был в состоянии сильного алкогольного опьянения. Тогда Курусканов снял с головы Васильева шапку, надел ее себе на голову и, несмотря на протестующие возгласы Васильева, скрылся¹.

В этой и подобных ситуациях явно просматриваются способ и ситуация подготовки к преступлению (исходная предкриминальная ситуация), которая не растянута значительным временем подготовки (месяцем или днями и т.д.), а характеризуется в пределах часа. Так, для разбоев и грабежей характерно ситуативное принятие решения. Свыше 35% подозреваемых (обвиняемых) при допросах и очных ставках не могли объяснить, почему они совершили преступление, что, по мнению, А.Э. Жалинского и А.А. Герасун, косвенно свидетельствует об импульсивности их поведения². После изменения обстановки в приведенном примере (Васильев оказал сопротивление), изменяется и исходная криминальная ситуация, в результате чего, как правило, изменяется и способ совершения преступления.

Сказанное почти не относится к организованной преступности, в структуре которой планированием операции занимаются хорошо подготов-

---

¹ Там же.

² Жалинский А.Э., Герасун А.А. Криминологические аспекты непредумышленных преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1972. – С. 9-10.

ленные люди, а в некоторых случаях для этой цели создаются специальные подразделения.

Несколько лет назад в г. Барнауле была обезврежена банда. На ее «след» правоохранным органам долго не удавалось выйти, так как каждое преступление тщательно планировалось всеми членами преступной группировки. Заранее высматривался объект и предметы хищений (как правило, офисы и кабинеты коммерческих организаций, компьютерная техника), готовился транспорт, хорошо отлаживались каналы сбыта похищенного, приобреталось оружие. Когда же все-таки банду обезвредили, то в ходе обысков было обнаружено и изъято оружие: пистолет «Макарова» с глушителем, 80 патронов к нему, граната РГД, газодробовой пистолет, обрез охотничьего ружья 16 калибра с боеприпасами.

В ходе расследования скупщики краденной компьютерной техники были задержаны и привлечены к уголовной ответственности¹.

Способ совершения преступления может входить в способы сокрытия преступления либо составлять самостоятельную систему. Однако в том и другом случае сокрытие может быть направлено, во-первых, на уничтожение следов преступления, во-вторых, на инсценировку. Сокрытие, являясь частью линии поведения лица, входит в более широкое понятие – «противодействие»². Противодействие охватывает не только совершение преступления, но и посткриминальное поведение и поведение в процессе расследования. Естественно, что такая направленность приводит к уничтожению следов преступления и осложняет извлечение информации о преступлении.

---

¹ Из практики СО при Центральном РОВД г. Барнаула. Д. № 76796.

² См.: Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. – Свердловск, 1992. – С. 5-31; Лифшиц Л.В. Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 1998. – С. 7-18; Николайчук И.А. Сокрытие преступлений как форма противодействия расследованию: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 2000. – С. 3-18; Постовалов О.В. Криминалистическая конфликтология: Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – С. 10-78 и др.

По нашим данным, после совершения преступления противодействие проявляется чаще всего в маскировке и фальсификации следов преступления (26%), а также в уничтожении следов преступления (24%).

В ходе предварительного расследования в каждом втором случае со стороны подозреваемых (обвиняемых) оказывается противодействие в форме отказа давать показания («запирательство») – около 70%, дача заведомо ложных показаний – 31%, воздействие на участников процесса путем угроз, шантажа, подкупа, провокаций и т.д. – около 25%.

Таким образом, **способ** как элемент криминалистической характеристики преступления – это **система действий (бездействия), направленных на достижение определенной цели, с присущими ей следами-последствиями содеянного, избираемая субъектом преступления в соответствии с его свойствами и сложившейся на данный период времени криминальной ситуацией.**

Любое преступление протекает в определенной взаимосвязи с другими внешними системами, которые образуют его среду. Эта окружающая среда в криминалистической литературе получила название **обстановки преступления**. Специфичность же обстановки преступления заключается в особенностях связи субъекта преступления и той среды, в которой подготавливается, совершается и скрывается преступление. Обстановка оказывает прямое влияние на протекание и динамику преступления, объясняя механизм преступления в целом, и указывает на закономерности образования информации о расследуемом событии, что позволяет сделать вывод о том, что любая криминальная ситуация возникает в результате взаимодействия двух систем: преступной деятельности и обстановки преступления. Мы согласны в данном контексте с теми авторами, которые понимают обстановку преступления в самом широком смысле¹, в отличие от понимания ее как «материальной об-

---

¹ См., напр.: Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. – М., 1966. – С. 139-140; Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования. – М., 1985. – С. 62.

становки», «обстановки совершения преступления»¹, которая применима лишь для характеристики одного структурного звена обстановки преступления, ее узла – момента совершения преступления.

Так, в 87% изученных дел по корыстно-насильственным преступлениям (грабежи, разбои и др.) были выявлены такие благоприятные условия совершения преступления, как ночное время, темнота, безлюдность, наличие прошлого преступного опыта и др.

Однако необходимо учитывать и то, что до момента совершения преступления и той обстановки, в которой оно совершено, была обстановка, ей предшествовавшая. Иная обстановка складывается и непосредственно после совершения преступления².

Так, Стариков и Кондебор вступили между собой в сговор, целью которого было завладеть теплой курткой, так как была осень, а Стариков только что освобожден из мест лишения свободы. С этой целью они направились в центр города. Время было уже позднее, около 23 часов.

Прогуливаясь по улице, они высматривали «объект», с тем чтобы он подходил по комплекции Старикову и не мог оказать сопротивления. У кинотеатра встретили Абаева, который находился в состоянии алкогольного опьянения. Воспользовавшись этим, Стариков снял с него кожаную куртку, а из кармана брюк вытащил деньги, после чего с подельником с места преступления скрылись.

Придя в себя, Абаев сообщил о случившемся в ОВД. Нарядом ППС Стариков и Кондебор были задержаны через несколько часов после соверше-

---

¹ Федоров Ю.Д. О закономерностях возникновения и исчезновения следов преступления // Труды Ташкентской ВШ МВД. – 1975. – Вып. 7. – С. 106; Лубшев Ю.Ф. Деятельность судов по борьбе с преступлениями против личности. – М., 1977. – С. 78; Салтевский М.В. О структуре криминалистической характеристики хулиганства и типичных следственных ситуациях // Криминалистика и судебная экспертиза. – 1982. – Вып. 25. – С. 16 и др.

² Гавло В.К. Указ. раб. – С. 178.

ния преступления. При задержании у них были изъяты куртка, деньги и документы на имя Абаева¹.

Из примера видно, что обстановка, предшествовавшая преступлению, для преступников была благоприятной (темное время суток, безлюдное место и т.д.), она оставалась благоприятной и в момент совершения преступления, в результате чего неизменным в своей основе остался и способ совершения преступления. Но после совершения преступления обстановка изменилась, преступники потеряли бдительность, успокоились, пошли на железнодорожный вокзал, где и были задержаны.

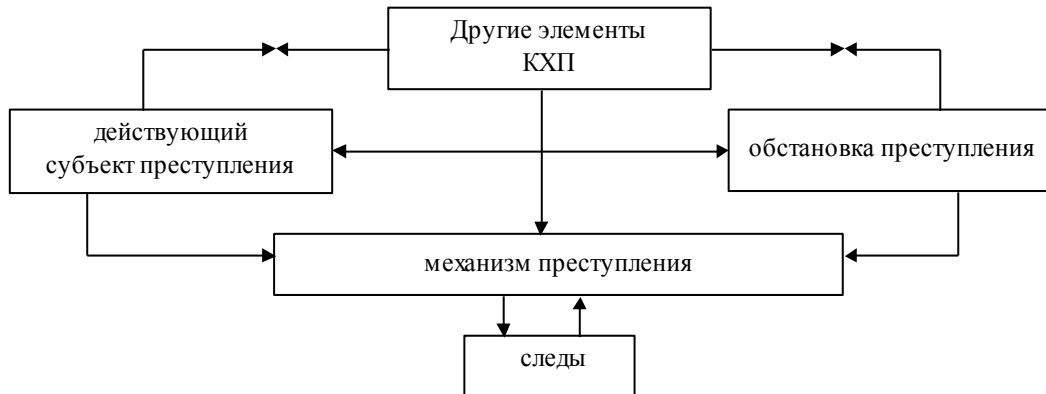
Это обстоятельство необходимо учитывать в процессе расследования, так как, в конечном счете, оно может способствовать уяснению механизма преступления.

Поскольку все преступления совершаются в конкретных условиях места, времени, иных значимых для конкретного вида преступления факторов, все эти особенности, с одной стороны, учитываются преступником, а с другой – они же и впитывают, вбирают в себя все следы преступления. Иными словами, преступник в процессе своей деятельности взаимодействует с окружающей средой (обстановкой) в результате чего возникают следы преступления, которые несут в себе информацию как о преступлении в целом, так и об отдельных его элементах. Это позволяет выявить взаимосвязь между криминалистической характеристикой и составом преступления в его классической четырехгранной формуле: объект, субъект, объективная сторона, субъективная сторона.

---

¹ Архив Железнодорожного районного суда г.Барнаула. Д. № 1-211/97.

Схематично взаимосвязь элементов криминалистической характеристики преступления можно изобразить следующим образом:

где: — — связи между элементами КХП.

— — обратная связь, проявляющаяся в ходе расследования преступления через следы преступления.

Процесс взаимодействия элементов криминалистической характеристики преступления в механизме преступления протекает при определенных природно-климатических, социальных и других условиях, которые определяют, во-первых, вариационность возникновения следов преступления, во-вторых, закономерности изменения следов преступления во времени.

Исходя из вышеизложенного, в целях изучения криминалистической характеристики отдельных видов преступлений необходимо, во-первых, применять интегральное понятие обстановки преступления, в которой локализуются все закономерные связи между элементами механизма преступления, применяя с этой целью термин «обстановка преступления»; во-вторых, применительно к развитию этапов преступной деятельности субъекта в окружающей среде употреблять дифференцированное понятие обстановки преступления, выделив в ней три самостоятельных и в то же время взаимосвязанных структурных звена (обстановка в момент совершения преступления; обстановка в момент совершения преступления; обстановка, сложившаяся после совершения преступления) применяя для их наименования термины —

«обстановка, предшествовавшая совершению преступления», «обстановка совершения преступления», «обстановка, сложившаяся после совершения преступления»¹, что позволяет:

- а) получить представление об этапах преступной деятельности, месте, времени, условиях, в которых действовал субъект преступления;
- б) выявить закономерные связи между элементами криминалистической характеристики преступления, т.е. установить механизм преступления;
- в) прогнозировать действия преступника в предкриминальной, собственно-криминальной и посткриминальной ситуациях;
- г) использовать информацию и следы преступления в процессе доказывания по уголовному делу;
- д) оказывать помощь в определении направления расследования;
- е) разработать рекомендации по оптимизации процессов расследования и предупреждения отдельных видов преступлений.

Кроме того, следы преступления проявляются в таких элементах криминалистической характеристики преступления, как **предмет и объект преступного посягательства**, которые выступают в качестве слеодообразующих и следовоспринимающих объектов, что позволяет установить место, время, способ, орудия и другие обстоятельства совершения и сокрытия преступления с помощью специально разрабатываемых для определенной ситуации методов расследования².

Потерпевший, как объект преступного посягательства, всегда находится в специфических связях и отношениях в общей системе «преступник –

---

¹ Криминалистика / Под ред. Н.П. Яблокова. – М., 1995. – С. 51-53.

² Снетков В.А., Зинин А.М., Виниченко И.Ф. Частота встречаемости признаков элементов лица. – М., 1972. – С. 7-8; Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев. – Горький, 1978. – С. 6; Турчин Д.А. Теоретические основы учения о следах в криминалистике. – Владивосток, 1983. – С. 54; Анциферов В.К., Корноухов В.Е., Ярослав Ю.Ю. Дактилоскопическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития. – Красноярск, 1989. – С. 177-185; Волынский В.А., Магорный И.Д. Взрывные устройства. – М., 2000. – С. 3-70; Беляков А.А. Криминалистическое взрывоведение. – Красноярск: Универс, 2003. – С. 193-241 и др.

жертва»¹, что позволяет говорить об определенных закономерностях между этими элементами, которые проявляются, главным образом, в свойствах и качествах преступника, способе, механизме, обстановке и следах-последствиях преступления и в самом потерпевшем как специфическом объекте следовосприятия и следообразования до, в момент и после совершения преступления.

Необходимо учитывать, что закономерные связи, в первую очередь, существенно определяют механизм преступления. В.Н. Карагодин, Е.В. Никитина, Л.А. Зашляпин выделяют тайные и открытые связи преступника и его жертвы². При этом следует обратить внимание на то, что возможные связи всегда влекут за собой соответствующие изменения в вещной обстановке и сознании людей. Такие материальные и интеллектуальные следы выступают как сигнально-знаковое выражение носимой ими информации о событии преступления, ретроспективный анализ которых открывает перед криминалистами дополнительные возможности для расследования преступлений с наименьшими затратами сил и времени. Особенно важным представляется всестороннее выяснение роли жертвы в механизме преступления (например, манера поведения, провоцирующий на посягательство образ ее действий и др.). Так, по данным В.В. Вандышева, при создании 44% инсценировок преступники использовали широко известные сведения о пьянстве жертв, в 16% – сведения об антиобщественном образе жизни, агрессивности, пьян-

---

¹ Тищенко В.В. Криминалистическое значение связи «преступник-жертва» для методики расследования // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1978. Вып. 16. – С. 35-39; Центров Е.Е. Основы криминалистического учения о потерпевшем: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1993; Глазырин Ф.В. Изучение личности потерпевшего по делам о «заказных убийствах» // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы: Сб. науч. ст. / Под ред. В.В. Козлова. – Саратов, 1998. – С. 31-35; Джуманбетова А.А. Использование специальных знаний при установлении связи «преступник-жертва»: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004 и др.

² Карагодин В.Н., Никитина Е.В., Зашляпин Л.А. Расследование убийств. – Екатеринбург, 1993. – С. 7. См. также: Руководство для следователей / Под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. – М., 1998. – С. 404; Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. – М., 2000. – С. 161.

стве и т.п. Активно используется преступниками информация, порочащая жертву¹.

Выделение типов потерпевших и познание их связей с другими элементами криминалистической характеристики преступлений позволяет правильно выбирать пути, методы и средства отыскания недостающих элементов ее, причинно связанных с потерпевшим. Особенно важны эти связи на первоначальном этапе расследования, осуществляемого в условиях ограниченной по делу информации².

Любое преступное событие имеет ситуационную природу, развивается в пространстве и во времени, поэтому для успешной мысленной реконструкции всех деталей преступного события необходимо адекватно воссоздать все его составляющие. К их числу относится и криминальная ситуация.

Понятие «криминальная ситуация» появилось сравнительно недавно – лишь в конце 70-х гг., но к настоящему времени уже прочно утвердилось в криминалистике и постепенно начинает оказывать влияние на решение целого ряда научных и практических вопросов (Г.Л. Грановский, 1977; И.М. Лузгин, 1981; В.К. Гавло, 1982; В.И. Куклин, 1983; Л.Л. Каневский, А.А. Облаков, Н.П. Яблоков, 1985; Т.С. Волчецкая, 1997 и др.)³. Не останавливаясь подробно на анализе понятия криминальной ситуации и ее классификации, который будет сделан позднее, отметим лишь то, что криминальная

¹ Вандышев В.В. Связь «жертва – преступник» и ее использование в раскрытии и расследовании умышленных тяжких телесных повреждений. – М., 1987.

² Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. – Иркутск, 1978. – С. 159; Пантелеев И.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений // Методология криминалистики. – М., 1982. – С. 69; Антонян Ю.М. Роль потерпевшего в возникновении криминальной ситуации // Механизм преступного поведения. – М., 1984. – С. 114-122 и др.

³ См., напр.: Лузгин И.М. Моделирование в расследовании преступлений. – М., 1981. – С. 94; Гавло В.К. Криминалистический механизм преступления и его значение в расследовании // Борьба с преступностью на современном этапе. – Барнаул, 1982. – С. 59-61; Куклин В.И. Методика расследования отдельных видов преступлений. – Иваново, 1983. – С. 57-61; Облаков А.А. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации. – Хабаровск, 1985. – С. 78; Яблоков Н.П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений. – М., 1985. – С. 35; Белкин Р.С. Очерки криминалистической тактики. – Волгоград, 1993. – С. 76; Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. – М. – Калининград, 1997. – С. 61-86 и др.

ситуация являясь элементом системы криминалистической характеристики преступлений, имеет очень важное значение для расследования преступлений.

Так, если механизм преступления связывает в одну систему все элементы криминалистической характеристики, то в конкретной криминальной ситуации любой отдельно взятый элемент вовлечен лишь какой-то своей одной стороной, частью. Вовлечение же в ситуацию какой-либо иной стороны этого элемента может повлечь за собой качественное изменение всей ситуации. Именно в этом проявляется индивидуальность каждой ситуации, так как каждый из преступников оценивает ее по-своему и именно это накладывает специфику на ее возникновение и дальнейшее развитие.

Исходя из вышеизложенного **криминальная ситуация** понимается нами как **динамическая система, возникающая в определенных пространственно-временных рамках, при индивидуальном сочетании элементов преступной деятельности, с учетом их оценки субъектом преступления.**

II. Другим структурным компонентом криминалистической ситуалогии, помимо данных, относящихся к криминалистической характеристики преступления, является, как это уже было сказано выше, информационная база криминалистической характеристики расследования преступлений.

Выделение криминалистической характеристики расследования подтверждается фактическим становлением и развитием собственно методики расследования отдельных видов преступлений, базирующейся на криминалистической характеристике преступлений, ситуациях и методах их расследования. Если поле криминалистической характеристики преступления имеет ретроспективную направленность, находится в системе «преступление», отражая закономерности его подготовки, совершения и сокрытия, то поле криминалистической характеристики расследования преступления имеет перспективную направленность, отталкиваясь именно от криминалистической характеристики преступлений. В этом процессе проявляется сама сущность

расследования, с его средствами, тактическими приемами, операциями, методами и этапами с учетом криминалистических ситуаций.

К основным компонентам криминалистической характеристики расследования большинство авторов относит следственные версии и направления расследования, криминалистические (следственные) ситуации, складывающиеся на этапах расследования, систему следственных, оперативно-розыскных и иных организационно-технических действий и тактических операций, обеспечивающих выполнение целей расследования¹.

С учетом системно-деятельностного подхода, аналогично криминалистической характеристики преступления, криминалистическая характеристика расследования преступлений, как нам представляется, состоит из 2 блоков: деятельности субъектов, осуществляющих расследование по уголовному делу, и ситуаций, складывающихся в ходе этой деятельности.

Деятельность субъектов доказывания характеризуется:

- 1) процессуальной регламентированностью средств и сроков следствия;
- 2) познавательной-поисковой направленностью;
- 3) оперативностью (практические результаты одного действия определяют выбор другого действия);
- 4) направленностью на преодоление возможного противодействия заинтересованных лиц;
- 5) наличием властных полномочий, широкой социальной коммуникативностью, повышенной ответственностью за принимаемые решения².

---

¹ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 212-216; Драпкин Л.Я., Кокурин Г.А. Организационные и тактические основы поисковой деятельности в расследовании преступлений: Учеб. пособие. – Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 1997; Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве. – Барнаул: АГУ, 2000; Комаров И.М. Криминалистическая операция в досудебном производстве: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 216.

² Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. – М., 1996. – С. 355.

Содержанием деятельности субъекта доказывания является движение криминально значимой для него информации при решении задач, которые субъект решает в процессе расследования преступлений. Главной из них является получение системы доказательств, позволяющих установить преступника и раскрыть механизм преступления. Основными функциями этой деятельности являются поиск, обнаружение информации о преступлении и ее познание, т.е., в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона придание этой информации статуса доказательств путем собирания, проверки, оценки и использования их в целях решения задач уголовного судопроизводства. Поэтому деятельность по расследованию преступлений можно охарактеризовать как поисково-познавательную деятельность (ППД)¹.

Аналогично преступной, в поисково-познавательной деятельности также можно выделить этапы. Этот вопрос на сегодняшний день остается весьма актуальным и спорным.

Одни авторы выделяют два этапа расследования: первоначальный и дальнейший²; другие три этапа, добавляя к первым двум завершающий этап³; третьи – четыре этапа⁴, а такие авторы, как А.В. Мусиенко и В.А. Сомченко, говорят о пятиэтапной структуре расследования⁵. А.Ф. Лубин в рамках «структуры расследования преступлений» выделяет также пять этапов расследования, наполняя их своим содержанием⁶.

¹ Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. – М., 1997. – С. 16.

² Яблоков Н.П. Проблемы расследования и предупреждения преступлений в области охраны труда и техники безопасности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1972. – С. 20; Лузгин И.М. Методические проблемы расследования. – М., 1973. – С. 89; Каневский Л.Л. Особенности расследования преступлений против личности, совершаемых несовершеннолетними // Расследование преступлений против личности: Учеб. пособие / Под ред. О.Я. Баева. – Воронеж, 1998. – С. 131-139 и др.

³ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства приемы и рекомендации. – М., 1997. – С. 331-335; Образцов В.А. Указ. раб. – С. 17; Возгрин И.А. Криминалистическая методика. – Мн., 1983. – С. 152 и др.

⁴ Танасевич В.Г. Проблемы методики раскрытия и расследования преступлений // Сов. криминалистика (Теоретические проблемы). – М., 1978. – С. 184.

⁵ Мусиенко А.В., Сомченко В.А. Расследование по конкретному уголовному делу. – Волгоград, 1985. – С. 5.

⁶ Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. – Н. Новгород, 1997. – С. 53.

Хотя следует заметить, что приведенная группировка точек зрения несколько условна, поскольку почти каждый автор по-своему толкует этапы расследования. Так, В.А. Образцов, выделяя три этапа, называет их: начальным, промежуточным и заключительным¹. И.Ф. Герасимов также пишет о трех этапах:

- а) обнаружение и выявление преступления и его признаков;
- б) соби́рание сведений о лице, совершившем преступление;
- в) установление всех обстоятельств преступного события и лица, совершившего это деяние².

Криминалисты из Германии Б. Гертиг и Р. Шедлих выделили также три этапа:

- а) получение сообщения о событии, проведение экспертных мероприятий по проверке оснований к возбуждению уголовного дела, изучение обстоятельств события;
- б) установление подозреваемого и его розыск;
- в) проверка версий о личности подозреваемого, избличение обвиняемого и завершение дела³.

А.С. Золотарев считает, что в криминалистической периодизации процесса расследования этап предъявления обвинения имеет собственную специфику и право на существование. Основная задача выделяемого им этапа состоит в продолжении и завершении проверки наиболее перспективной версии о совершении преступления конкретным лицом⁴. Этой же позиции придерживаются В.П. Малков, З.З. Зинатуллин и В.А. Стрёмовский, которые де-

¹ Образцов В.А. Указ. раб. – С. 17.

² Герасимов И.Ф. Этапы раскрытия преступлений // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. – Свердловск, 1975. – С. 10.

³ Gerting B., Schadlich K., *Lerbuch für Kriminalisten*. – Berlin, 1955. – S. 43-45. См. также Leonardt R., *Hauptwege zur Ermittlung des unbekanten Täters im Anfangsstadium einer kriminologischen Untersuchung*. – *Kriminalistik und forensische Wissenschaften*. – 1976. – № 25. – S. 5-16.

⁴ Золотарев А.С. Методика расследования корыстно-насильственной организованной преступной деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – С. 59-60.

лят предварительное следствие на два этапа (до привлечения лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого и после него)¹.

Полагаем, что эта точка зрения по своей уголовно-процессуальной природе верна, хотя и не в полной мере учитывает тактические и методические аспекты понятия «этапа расследования».

Под этим углом зрения, полагаем, верными являются следующие подходы к толкованию понятия «этап расследования». По мнению Л.Я. Драпкина, один этап расследования отличается от другого следующими признаками:

- «1) типовыми следственными ситуациями;
- 2) объемом и содержанием исходных данных, находящихся в распоряжении следователя в начале этапа;
- 3) основными задачами и доминирующей направленностью деятельности участников расследования;
- 4) обстановкой и условиями расследования, определяющими наиболее устойчивые черты производства процессуальных и иных действий (состав, внутреннюю структуру и темп проведения, степень концентрации сил и средств, специфику взаимодействия и т.д.)»².

Достоинство такого толкования заключается в правильном отражении содержательной стороны понятия этапа. По мнению В.К. Гавло, этап расследования «во-первых, отражает пространственно-временной отрезок хода расследования, общий для всех видов преступлений; во-вторых, пределы его распространения должны быть объективно фиксируемыми и иметь четкие границы; в-третьих, он характеризует качественно определенные изменения, переход из одного состояния расследования в другое под влиянием установления (неустановления) обстоятельств дела, связанных с предметом доказывания; в-четвертых, ему соответствуют следственные ситуации и система

¹ Малков В.П., Зинатуллин З.З., Стрёмовский В.А. Актуальные проблемы организации и производства предварительного следствия в СССР // Правоведение. – 1980. – № 6. – С. 111.

² Драпкин Л.Я. Ситуационный подход в криминалистике и проблема периодизации процесса расследования преступлений // Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений. – Свердловск, 1988. – С. 8.

следственных, оперативно-розыскных и иных организационно-технических действий, тактических операций; в-пятых, этапные задачи расследования едины»¹.

Выделение этапов расследования, имеющих методологическое значение, должно, на наш взгляд, осуществляться с учетом уголовно-процессуальных требований расследования преступлений, включающих стадии уголовного судопроизводства². При этом каждой стадии процесса свойственны:

- 1) непосредственные задачи, вытекающие из общих задач уголовного судопроизводства;
- 2) конкретные цели и единые принципы;
- 3) определенный круг участвующих в ней органов и лиц;
- 4) порядок (процессуальная форма деятельности, определяемая содержанием непосредственных задач данной стадии и особенностями выражения в ней общих принципов процесса);
- 5) специфический характер уголовно-процессуальных отношений, возникающих между субъектами в процессе производства по делу;
- 6) итоговый процессуальный акт (решение), завершающий цикл процессуальных действий и отношений, влекущий переход дела на следующую ступень³.

Что же касается вопроса о выделении в стадии возбуждения уголовного дела этапа предварительной проверки материалов, на что не раз указывали в своих работах В.В. Степанов, Р.С. Белкин, Л.Я. Драпкин, В.К. Гавло и дру-

¹ Гавло В.К. Указ. раб. – С. 249.

² См.: Громов Н.А. Уголовный процесс России: Учеб. пособие. – М.: Юристъ, 1998. – С. 11-12; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник для вузов / Отв. ред. П.А. Лупинская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. – С. 15 и др.

³ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. – С. 15; Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. – М.: Юрайт-Издат, 2003. – С. 29-30; Уголовный процесс России: Учеб.-метод. пособие / В.Я. Гельмель, Д.В. Ким, С.В. Кравцова, Е.Н. Петухов. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2004. – С. 10 и др.

гие ученые¹, то следует признать, что он необходим. Этап предварительной проверки материалов имеет свою определенную тактико-методическую специфику. Полагаем, что этот этап и ситуации, складывающиеся в ходе деятельности по проверке сообщений и заявлений о преступлении, в соответствии с требованиями ст. 140-145 УПК РФ являются связующим звеном между информацией о преступной деятельности, с одной стороны, и реакцией на эту деятельность субъектов доказывания в стадии предварительного расследования – с другой.

С учетом изложенного можно предложить следующую структуру этапов в методике расследования преступлений.

Первоначальный этап расследования. Его пространственно-временные границы находятся в пределах с момента возбуждения уголовного дела и до вынесения мотивированного постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Для исходных данных на этом этапе характерна значительная неполнота, которая нередко хотя и остается на дальнейшем этапе, но степень ее неопределенности существенно снижается, т.е. субъект доказывания на дальнейшем этапе обладает достаточным объемом доказательств, в частности, для предъявления обвинения. Основной же задачей и доминирующей направленностью деятельности субъектов доказывания на первоначальном этапе становятся «выявление необходимой доказательственной и тактической информации и ее носителей (источников)»². Эти задачи решаются исходя из складывающихся криминалистических ситуаций, путем проведения комплекса следственных, иных процессуальных, а также организаци-

---

¹ Подробнее см.: Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. – Саратов, 1972. – С. 3-80; Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике, – М., 1988. – С. 194; Драпкин Л.Я. О некоторых дискуссионных проблемах периодизации процесса расследования // Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений. – Свердловск, 1988. – С. 3-4; Гавло В.К. Указ. раб. – С. 254.

² Драпкин Л.Я. Ситуационный подход в криминалистике и проблема периодизации процесса расследования преступлений // Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений. – Свердловск, 1988. – С. 9.

онных действий, в ходе которых субъекты доказывания выдвигают версии, собирают и проверяют доказательства.

Исследования показали, что, исходя из посылки, критерием разграничения этапов является характер решаемых на каждом этапе задач, основной задачей первоначального этапа, как правило, является установление преступника. С момента привлечения лица в качестве обвиняемого, сбор доказательств идет с учетом позиции обвиняемого, в связи с чем меняются и задачи расследования¹. Весь процесс становится персонифицированным. На первоначальном же этапе выдвигаются и отрабатываются версии, которые не носят столь персонального характера.

Для некоторых видов и групп преступлений целесообразно в первоначальном этапе расследования выделить его подэтапы как структурные элементы, связанные с появлением фигуры подозреваемого (ст. 46 УПК РФ).

Выделение подэтапов диктуется необходимостью целенаправленной проверки версий относительно лица, подозреваемого в совершении преступления как главного направления в расследовании, с учетом складывающихся в этот период криминалистических ситуаций. Связанных с выявлением, установлением, задержанием подозреваемого, проверкой его показаний и т.д. Все это требует своих специфических приемов и методов расследования².

Дальнейший этап расследования. Как это уже было отмечено выше, своеобразие этого этапа состоит в том, что к его началу субъект доказывания располагает достаточными доказательствами о причастности конкретного лица к совершению преступления. И если на первоначальном этапе, как пра-

---

¹ См., напр.: Ахпанов А.Н., Кусаинов Ш.К. Привлечение в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: Монография. – Караганда: КЮИ МВД РК, 2005. – С. 6-34.

² Макаренко Е.И. Расследование разбойных нападений с проникновением в жилища: Учеб. пособие. – М., 1991; Расследование преступлений против личности: Учеб. пособие / Под ред. О.Я. Баева. – Воронеж, 1998; Тяжкие и особо тяжкие преступления: квалификация и расследование: Руководство для следователей / Под общ. ред. С.Г. Кехлерова; Науч. ред. С.П. Щерба. – М.: Спарк, 2001; Иванов К.Г. Теоретические проблемы и практика поисковой деятельности в раскрытии и расследовании преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – С. 112-152; Криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений: Учеб. пособие. В 2 ч. / Под ред. А.П. Резвана, М.В. Субботиной. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002 и др.

вило, решаются задачи на поиск, то для дальнейшего этапа характерны задачи на доказывание. На наш взгляд, направление расследования будет зависеть от той ситуации, которая сложилась после допроса обвиняемого, а разрешать вопросы, стоящие перед субъектом доказывания, нужно исходя из закономерностей в связях элементов криминалистической характеристики преступления. По этому поводу Л.Я. Драпкин неоднократно отмечал, что обстоятельства предмета доказывания надо рассматривать как комплекс вопросов, стоящих перед следователем, тогда как элементы криминалистической характеристики следует считать потенциальными ответами¹.

Пространственно-временные границы этого этапа находятся в пределах от времени вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, его допроса (ст. 171-174 УПК РФ) и до принятия решения об окончании предварительного расследования.

Заключительный этап расследования. Анализ следственной практики показывает, что на заключительном этапе большинство следователей и дознавателей сталкиваются с проблемами не только процессуального характера (выполнение действий, связанных с окончанием расследования), но и криминалистического. Задачи, решаемые субъектом доказывания на заключительном этапе по сравнению с предыдущими, имеют свою специфику. Пространственно-временные границы этапа будут начинаться с момента принятия решения об окончании расследования (ст. 215 УПК РФ). Для этого этапа характерно решение целого комплекса процессуальных, криминалистических и организационных задач, таких как систематизация и упрочнение всех материалов дела, их оценка с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств, принятие тактико-криминалистического решения о переходе от развернутого доказывания всех обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, к «сворачиванию» расследования, подведению его итогов, составлению обвинительного заключения, а также по реагированию на возможные ходатайства в порядке ст. 219 УПК

---

¹ Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск, 1987. – С. 35.

РФ. Кроме того, должно диагностироваться возможное будущее противодействие на последующих стадиях уголовного судопроизводства и приниматься меры упреждающего характера для обеспечения нормального хода судебного процесса. Заканчивается этап направлением дела через прокурора в суд.

Анализ материалов практики показывает, что вышеназванные этапы могут быть различными по своей продолжительности, что зависит от складывающихся криминалистических ситуаций и их информационной структуры. Причем каждому этапу соответствуют «свои» ситуации с их специфической системой следственных и иных действий, исходя из задач, возникающих на том или ином этапе¹.

Этапы расследования, как отмечено выше, вписываются в криминалистическую характеристику расследования преступлений. Между тем, как показывает изучение литературы, криминалистическая характеристика расследования преступлений чрезвычайно информативна и еще мало изучена в методике расследования преступлений. Так, В.А. Образцов выделяет четыре криминалистические характеристики расследования преступлений, а именно: «раскрытия преступлений», «выявления преступлений», «полного цикла расследования преступлений», «судебного рассмотрения уголовных дел»². Полагаем, что выделенные В.А. Образцовым виды криминалистических характеристик расследования преступлений (особенно судебного рассмотрения уголовных дел) могут быть предметом обсуждения. Однако не совсем понятно соотношение и смысл таких предлагаемых им понятий, как «криминалистическая характеристика полного цикла раскрытия преступления» и «криминалистическая характеристика раскрытия преступления».

Нам представляется предпочтительной позиция В.К. Гавло, который считает, что «криминалистическая характеристика расследования преступлений – это единое понятие, но составляющими ее являются криминалистиче-

---

¹ Вопросы разрешения криминалистических ситуаций с учетом этапов расследования будут освещены в следующих частях работы.

² Образцов В.А. Криминалистическая характеристика раскрытия преступлений // Борьба с преступностью на современном этапе. – Барнаул, 1982. – С. 120.

ская характеристика предварительного расследования и **криминалистическая характеристика судебного следствия** (выделено нами. – Д.К.)»¹. В связи с чем есть все основания видеть целостное образование – **криминалистическую характеристику расследования преступлений, которая по своей сущности представляет систему обобщенных сведений, раскрывающих основные закономерные черты механизма расследования преступлений в складывающихся криминалистических ситуациях.**

III. Проблема выделения криминалистической характеристики судебного рассмотрения уголовных дел является продолжением дискуссии о целесообразности включения в предмет криминалистики судебного следствия².

Полагаем, что «криминалистическая характеристика судебного рассмотрения уголовных дел» должна отражать особенности методик по ведению судебных стадий уголовного процесса с позиции ситуационного подхода.

Это понятие наряду с криминалистической характеристикой преступления и криминалистической характеристикой расследования является, на наш взгляд, структурным компонентом единой криминалистической методики раскрытия, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Все эти характеристики не являются тождественными, не поглощаются одна другой, а в научных и практических целях их целесообразно различать. Такой подход позволяет расширить категориальный аппарат криминалистической науки и способствует более углубленному ее изучению³.

---

¹ Гавло В.К. Указ. раб. – С. 216.

² Цыпкин А. Криминалистика и судебное следствие // Соц. законность. – 1938. – № 12; Гарин К. Криминалистику на службу следствию // Соц. законность. – 1955. – № 9. – С. 13-15; Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. – М., 1984. – С. 13-14; Белкин Р.С. Очерки криминалистической тактики. – Волгоград, 1993. – С. 135-143; Лукьянова Л.М. Применение криминалистических познаний в суде // Правовые нормы и эффективность доказывания по уголовным делам. – Тольятти, 1994. – С. 66-73; Карагодин В.Н. Перспективы расширения предмета криминалистической тактики // Современное российское право: федеральное и региональное измерение. – Барнаул, 1998. – С. 213-217 и др.

³ Более подробно см. гл. 4 настоящей работы.

Криминалистическая методика характеризуется интегративными приемами криминалистической техники и тактики, включает в себя познание закономерностей противоправной деятельности по подготовке, совершению, сокрытию отдельных видов преступлений и их противодействию расследуемым событиям, и правоохранительной, законом предусмотренной деятельности по их раскрытию, расследованию и судебному разбирательству на основе целостного возникновения и движения по делу всей уголовно значимой информации.

Именно в криминалистической методике на этой основе возможны выделение и познание своеобразных закономерностей информационных структур, систем и процессов, разработка оптимальных вариантов (серий) правил и алгоритмов действий органу дознания, следователю, прокурору и суду в различных ситуациях возбуждения, расследования и разрешения дела по существу, в соответствии с задачами уголовного судопроизводства.

Традиционная структура криминалистической методики, полагаем, должна быть перестроена, так как она не отвечает уровню нынешнего развития криминалистики и требованиям судебно-следственной практики. В качестве ее составляющих можно выделить три взаимосвязанных блока: 1) криминалистическую характеристику совершения отдельных видов и групп преступлений; 2) криминалистическую характеристику раскрытия, расследования и предотвращения отдельных видов и групп преступлений; 3) криминалистическую характеристику судебного рассмотрения отдельных видов и групп преступлений. В учебниках по криминалистике, полагаем, необходимо показывать особенности методики судебного следствия. **Криминалистическая методика**, при таком ее толковании, может выступать как **специфическая информационно-познавательная система в деятельности по решению задач уголовного судопроизводства, рассчитанная на определенные ситуации досудебного и судебного производств.** Первые такие попытки по

некоторым темам предприняты уже в учебнике криминалистики под редакцией Р.С. Белкина¹.

Сама же криминалистическая характеристика судебного рассмотрения уголовных дел, отражая закономерности механизма судебного рассмотрения отдельных видов и групп преступлений, полагаем, должна изучать систему сведений, во-первых, о криминалистических ситуациях, складывающихся в ходе судебного разбирательства уголовных дел с учетом его этапов и инстанций, во-вторых, о способах собирания, исследования и использования доказательств применительно к данным криминалистической характеристики преступлений и криминалистической характеристики расследования, а также судебным версиям в целях осуществления задач уголовного судопроизводства.

Таким образом, криминалистическая характеристика судебного рассмотрения уголовных дел, отталкиваясь от криминалистической характеристики преступлений и криминалистической характеристики их расследования, в то же время ориентируется на них, на их информационную базу. Она имеет свою внутреннюю специфическую базу саморазвития, которая позволяет понять в генезисе специальный криминалистический (а не уголовно-процессуальный) ход, этапы и самое главное – поисковую сущность деятельности суда (судьи) криминалистическими средствами, тактическими приемами и методами с учетом складывающихся ситуаций.

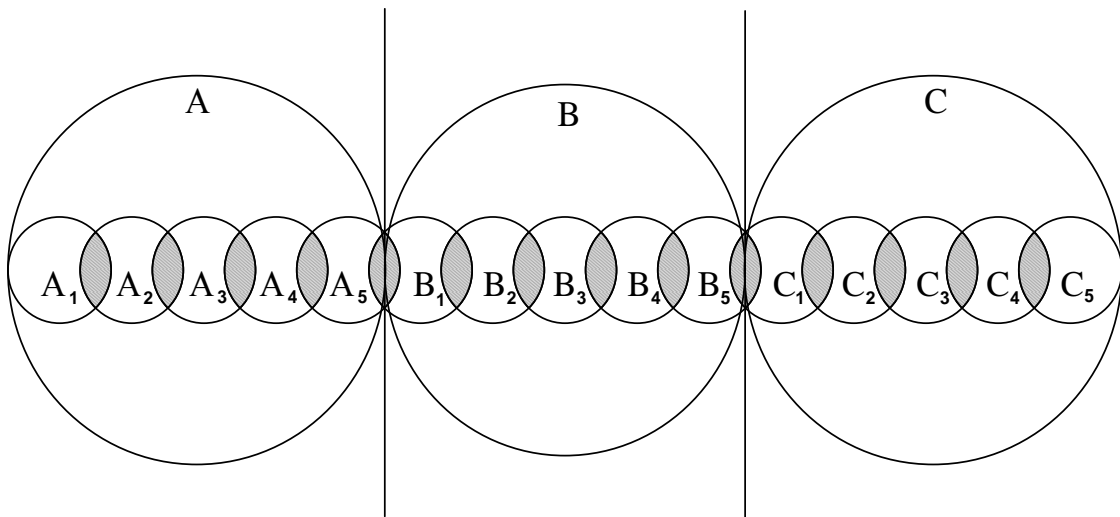
Поле криминалистической характеристики судебного рассмотрения уголовных дел находится в плоскости, где началом является момент поступления уголовного дела в суд и связанные с этим полномочия судьи (ст. 227-233 УПК РФ), а окончанием – момент вынесения окончательного решения по делу, включая прохождение исключительных стадий уголовного процесса (производство в надзорной инстанции и возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств).

---

¹ Криминалистика. / Под ред. Р.С. Белкина. – М.: Норма, 2000. – С. 467, 474.

Основными компонентами криминалистической характеристики судебного рассмотрения уголовных дел, на наш взгляд, являются: криминалистические ситуации, судебные версии, складывающиеся на том или ином этапе, система процессуальных и иных организационных действий и тактико-криминалистических операций, обеспечивающих выполнение задач уголовного судопроизводства.

Схематично взаимосвязь выделенных криминалистических характеристик, а также сопутствующих им ситуаций (преступления, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел) в самом обобщенном виде можно представить следующим образом.

где:

A – криминалистическая характеристика преступлений;

B – криминалистическая характеристика расследования преступлений;

C – криминалистическая характеристика судебного рассмотрения уголовных дел;

A₁–A_{5(N)} – ситуации, складывающиеся в процессе подготовки, совершения и сокрытия преступления (предкриминальные, криминальные и посткриминальные ситуации);

B₁–B_{5(N)} – ситуации, складывающиеся в процессе предварительного расследования преступлений (ситуации первоначального, дальнейшего и заключительного этапа расследования);

$C_1-C_{5(N)}$ – ситуации, складывающиеся в процессе судебного рассмотрения уголовных дел (ситуации первоначального, дальнейшего и заключительного этапа судебного рассмотрения уголовных дел).

– часть информационной структуры ситуации, которая переходит в другую (последующую) ситуацию и влияет на ее развитие.

Следует заметить, что приведенная общая схема не является жесткой и окончательной и может быть дополнена и детализирована с учетом особенностей этапов деятельности субъектов, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства. В частности, каждую из трех ситуаций, относящихся к той или иной криминалистической характеристике, можно подразделить на более частные, складывающиеся на том или ином этапе. Например, криминалистическая ситуация, складывающаяся на первоначальном этапе предварительного расследования, может быть ограничена рамками: в одних случаях, от момента возбуждения уголовного дела до появления подозреваемого; в других – до установления потерпевшего.

Данные опроса следователей, работников уголовного розыска (110 человек) показали, что названный этап расследования заканчивается, как правило, установлением подозреваемого (65%). При этом следует учитывать, что динамическая связь этапов и ситуации протекает по линии исходных, промежуточных и конечных задач деятельности субъектов. Переход от одного этапа к другому – это переход от одной ситуации к другой, от одних задач к другим. Каждый этап имеет свое начало и свой конец. На «входе» в этап стоит одна ситуация, а значит, и ситуационно обусловленный комплекс адекватных ей специфических задач и способов их решения, а на «выходе» – другая

ситуация, являющаяся развитием предшествующей ситуации, с ее задачами и способами решения¹.

При анализе затронутой проблемы следует иметь в виду определенную условность положения о смене ситуаций и переходе от одной ситуации к другой. Эволюция ситуаций не является абсолютной. Каждая последующая ситуация не есть в чистом виде новая по всем показателям, параметрам ситуация, в корне отличающаяся от предыдущей. Все ситуации сохраняют в своем составе какие-то элементы, черты, стороны, переходящие в неизменном или частично измененном виде из предшествующих ситуаций, включая исходную. В то же время все ситуации, развивающие исходную, всегда содержат в себе элементы нового, того, что не было представлено вообще в предыдущей ситуации. В сущности, механизм практического следоведения представляет собой процесс истинного развития исходной ситуации, изменения ее содержания, качественных характеристик². В связи с чем в схеме можно выделить отдельными блоками ситуации предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях (в порядке ст. 141, 143, 144 УПК РФ), ситуации, возникающие в процессе ознакомления прокурора с материалами поступившего к нему с обвинительным заключением уголовного дела и т.д. Особо следует выделить ситуации, складывающиеся в процессе судебных стадий уголовного судопроизводства: подготовки к судебному заседанию (гл. 33 УПК РФ), предварительного слушания (гл. 34 УПК РФ), судебного разбирательства (гл. гл. 36-39 УПК РФ), а также при производстве у мирового судьи (гл. 41 УПК РФ), в суде с участием присяжных заседателей (гл. 42

---

¹ См.: Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. – М., 1964; Гавло В.К. Указ. раб. – С. 69-76; Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве. – Барнаул: АГУ, 2000. – С. 43-45; Корноухов В.Е. О структуре методик по расследованию преступлений // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2(10). – М.: Спарк, 2004. – С. 21-28; Ким Д.В. Преодоление информационной неопределенности как основная задача первоначального этапа расследования преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (5-6 февраля 2004 г.). Ч. 2 / Отв ред. В.И. Горобцов. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2004. – С. 307-310 и др.

² Образцов В.А. Криминалистика: Курс лекций. – М., 1996. – С. 117.

УПК РФ), в судах второй инстанции (гл. гл. 43-45 УПК РФ), при пересмотре приговоров в порядке надзора (гл. 48 УПК РФ) и по вновь открывшимся обстоятельствам (гл. 49 УПК РФ), при особом порядке уголовного судопроизводства (гл. гл. 50 и 51 УПК РФ), при особенностях производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (гл. 52 УПК РФ). Наконец, схему можно дополнить более крупными блоками, например такими, как криминалистическая характеристика оперативно-розыскной и розыскной деятельности как разновидности криминалистической деятельности¹. Изучение их в частных методиках позволит повысить эффективность криминалистических рекомендаций в расследовании преступлений.

В заключение хотелось бы сделать некоторые выводы:

1. Информационная структура (база) криминалистической ситуалогии состоит из данных, относящихся к криминалистической характеристике преступлений, криминалистической характеристике раскрытия, предварительного расследования и предупреждения преступлений, а также криминалистической характеристике судебного рассмотрения уголовных дел, имеющих значение для криминалистической тактики и методики.

2. Преступная деятельность, в широком смысле, понимается как динамическая система поведения субъекта преступления в окружающей среде, с ее закономерными для заданной ситуации следами-последствиями содеянного.

3. Криминалистическая характеристика преступления – это система типичных сведений, раскрывающих основные черты преступления в ситуациях его подготовки, совершения и сокрытия.

---

¹ Попов В.И. Розыскная деятельность при расследовании преступлений. – М., 1965. – С. 12; Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. – М., 1989. – С. 70; Криминалистика / Под ред. Н.П. Яблокова. – М., 1995. – С. 26-27; Дубягин Ю.П. Руководство по розыску и расследованию неочевидных убийств. – М., 1997; Кириченко С.А., Мешков В.М. Использование криминалистически значимой информации, полученной оперативно-розыскными методами, при расследовании проявлений организованной преступности: Науч.-практ. пособие. – Калининград: КЮИ МВД России, 2002 и др.

4. Механизм преступления представляет собой взаимодействующую систему элементов криминалистической характеристики преступлений, отражающую процесс подготовки, совершения и сокрытия преступления, приводящую к образованию следов, имеющих значение для решения задач уголовного судопроизводства.

5. Категория «личности» есть особое «системное качество» человека, характеризующего его как открытую, самоорганизующуюся систему. Именно благодаря такому качеству, как «личность», человек получает возможность взаимодействовать с окружающим его миром, менять свой образ жизни, стимулируя тем самым дальнейшее свое развитие. В связи с чем следует говорить не о личности преступника, а о преступнике – лице, совершившем преступление.

6. Способ совершения преступления как элемент криминалистической характеристики преступления – это система действий (бездействия), направленных на достижение определенной цели, с присущими ей следами-последствиями содеянного, избираемая субъектом преступления в соответствии с его свойствами и сложившейся на данный период времени криминальной ситуацией.

7. Криминальная ситуация – это динамическая система, возникающая в определенных пространственно-временных рамках, при индивидуальном сочетании элементов преступной деятельности, с учетом их оценки субъектом преступления.

8. Криминалистическая характеристика раскрытия, расследования и предотвращения преступлений представляет собой систему обобщенных сведений, раскрывающих основные закономерные черты механизма расследования преступлений в складывающихся криминалистических ситуациях.

9. Криминалистическая методика выступает как полноструктурная специфическая информационно-познавательная система в деятельности по решению задач уголовного судопроизводства, рассчитанная на определенные ситуации досудебного и судебного производств.

10. Криминалистическая характеристика судебного рассмотрения уголовных дел есть система обобщенных сведений, раскрывающих основные черты механизма судебного рассмотрения отдельных видов и групп преступлений с учетом его этапов и версий в складывающихся криминалистических ситуациях.

11. Системообразующим фактором предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел являются криминалистические ситуации, о которых и пойдет речь в следующей части работы.

ГЛАВА 2. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Понятие «ситуация» как междисциплинарная категория и ее роль в развитии науки криминалистики

Понятие «ситуация» является полидисциплинарным, при этом для всех наук, использующих данное понятие, остается справедливым утверждение о том, что «сложность, многоаспектность, диалектичность возникновения и функционирования механизма актуальной ситуации является ощутимым препятствием для ее содержательного анализа»¹. Естественно, что толковые словари русского языка дают предельно широкое толкование понятия «ситуация», а науки пытаются определить свой, более узкий и конкретный его смысл, определяя ситуацию в качестве научного понятия, входящего в состав категориальной сетки, характерной для каждой науки. Так, в геодезии ситуацию определяют как «совокупность водных пространств, лесов, гор, населенных пунктов и т.п., изображенных на карте или плане посредством условных знаков»². В географии под ситуацией (геоситуацией) понимают «состояние окружающей среды, в которой существует некоторый географический объект, с учетом состояния самого объекта, находящегося в диалектическом состоянии с окружающей средой»³.

Иногда, впрочем, обыденное и научное определения рассматриваемой категории в словарях практически совпадают с предлагаемым в той или иной науке определением, что, с нашей точки зрения, указывает на степень зрелости науки. Приведем здесь только одно высказывание. Так, Р.С. Белкин, основываясь на том, что, по словарному определению, ситуация – это сочета-

---

¹ Филиппов А.В., Ковалев С.В. Ситуация как элемент психологического тезауруса // Психологический журнал. – 1986. – Т.7. – № 1. – С. 21.

² Словарь русского языка. – Т. 4. – М.: Рус. яз., 1999. – С. 100.

³ Солодухо Н.М., Трофимов А.М. Ситуационный подход в комплексной географии // Ситуационные исследования. – Вып. I: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 135.

ние условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку, положение, определяет криминалистическую (следственную) ситуацию как совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование¹. Как видим, здесь выделен лишь один определяющий криминалистическую ситуацию признак – расследование.

Действительно, даже в одном из последних и наиболее авторитетных словарей русского языка, «ситуация» определяется как «совокупность условий и обстоятельств, создающих те или иные отношения, обстановку, положение»². Такое определение практически является переводом с французского языка. *Situation*, поясняет словарь, как раз и понимается как положение, обстановка, совокупность обстоятельств. Впрочем, разные авторы находят основания этого слова в разных языках. А.В. Филиппов и А.В. Ковалев отмечают, что слово «ситуация», пришедшее из французского языка, имеет в качестве исходного, базового латинское «*situs*». Последнее же включало в себя следующее значение: 1) положение, расположение; 2) поставленный, положенный, лежащий, находящийся; 3) обитающий, живущий. Авторы специально выделили тот факт, что исходное определение понятия «ситуация» оказывается заметно шире, чем употребляемое ныне, причем все вышеперечисленные значения этого термина имманентно предусматривают наличие занимающего определенную позицию субъекта³. Заметим, что представители конкретных наук зачастую игнорируют факт имманентного присутствия в определении субъекта (с его позицией), пытаясь свести его к констатации сугубо объективной характеристики «внешних обстоятельств». Впрочем, нередко ситуация рассматривается как вполне субъективное образование. Естественно, что при этом игнорируется уже объективное содержание ситуации. Такая бинарность (ситуация либо только субъективна, либо только объективна) характерна там, где системный подход, благодаря которому можно

---

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. – М.: Юристъ, 1997. – С. 135.

² Словарь русского языка. – Т. 4. – М.: Рус. яз., 1999. – С. 100.

³ Филиппов А.В., Ковалев С.В. Ситуация как элемент психологического тезауруса // Психологический журнал. – 1986. – Т. 7. – № 1. – С. 14-21.

было бы совместить противоположности, еще не зарекомендовал себя в полной мере в качестве инструмента познания. С этой точки зрения становится ясным, почему, например, «в понятиях об управлении понятие "ситуация" нередко употребляется вместе с понятием "система"»¹.

В «Новой философской энциклопедии» (2001) указывается на то, что понятие «ситуация» (нем. situation) было введено в науку К. Ясперсом и получило распространение в экзистенциализме, философии жизни, феноменологии. «У Ясперса ситуация характеризует способ бытия человека в мире»². Действительно, еще в 1931 г. Карл Ясперс опубликовал большую работу, прямо посвященную анализу этого понятия в философском, психологическом и патопсихологическом смысле³. Как философ и психолог, К. Ясперс всегда был труден для понимания, и только сегодня можно если не вполне истолковать его идеи, то хотя бы понять истоки трудности понимания его построений. Это был системно мыслящий ум, который и к понятию «ситуация» подходил системно, пытаясь определенным образом совместить в нем субъективное и объективное начало. Но это и представляло основные трудности для читателей, мышление которых было не всегда готово к принятию системных идей – системный подход только начинал теснить преобладавший в то время структурный подход.

Однако к концу XX в. стали накапливаться новые теории в таких фундаментальных науках, как астрономия, физика, химия, биология, что привело к перелому в мышлении исследователей в сторону мышления системного.

В системном мышлении не просто противоположности берутся в одной «системе координат» (философских, психологических, криминалистических и т.д.). Здесь объективируются такие системные качества, такие совмещенные («удвоенные») явления, которые просто недоступны другому человеку, который не мыслит системно, т.е. не имеет в виду систему, в которой эти ка-

---

¹ Там же. – С. 21.

² Новая философская энциклопедия. – Т. 3. – М., 2001. – С. 516.

³ Jaspers K. Geistige Situation der Zeit. – Berlin, 1931. – S. 19.

чества, явления открываются или формируются. Системные явления чувственно-сверхчувственны¹. К числу таковых, полагаем, относится и «ситуация», которая, по мнению проф. Н.М. Солодухо, имеет следующие главные отличительные признаки: «динамичность сменяемых состояний, вероятностный характер качественных изменений, многофакторная детерминация, малая предсказуемость выдвижения доминирующего фактора»².

Не случайно в последнее время в работах делается акцент именно на комплексное понимание ситуации. Так, например, в «Большом толковом психологическом словаре» (2000) дано следующее определение понятия «ситуация». «Ситуация – комплексное целое, представляющее паттерны множественных стимулов, события, объекты и эмоциональный тон, существующий в некоторый момент времени»³. В приведенном определении несложно заметить утверждение авторов о единстве внутри ситуации объекта (по определению находящегося вне субъекта и существующего независимо от него) и субъекта, представленного «эмоциональным тоном». Такое понимание ситуации созвучно с так называемой философией постмодерна и связанным с ним синергетическим (метасистемным) мышлением, о котором шла речь в п. 1.2 настоящей работы⁴.

Возвращаясь к вышеприведенному определению ситуации, отметим достаточно заметное соответствие с тем, к чему приходит Г. Хакен. «Таким образом вместо обычного процесса образования паттерна, в ходе которого один или несколько параметров порядка подчиняют себе те или иные внешние подсистемы, и обычного процесса распознавания паттернов, в котором один или несколько параметров порядка подчиняют себе те или иные внеш-

---

¹ Подробнее об этом см. п. 2.2. настоящей работы.

² Солодухо Н.М. Манифест ситуационного движения // Ситуационные исследования. Вып. I: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 173.

³ Большой толковый психологический словарь. – М.: Изд-во «Вега-Акт», 2000. – С. 253.

⁴ См. также: Ким Д.В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 7-67.

ние свойства системы, мы имеем здесь интегрированный процесс: один или несколько параметров порядка подчиняют себе и внешне репрезентированные подсистемы и внутренне репрезентированные свойства»¹.

Хаос внешних воздействий, идущих от «объективной реальности» – всевозможностного, в себе и для себя существующего мира, индифферентного по отношению к человеку, что-то должно упорядочивать. Полагаем, что таким «параметром порядка» является междисциплинарная категория «ситуация» и связанный с ней ситуационный подход. «Отсюда важнейшие характеристики ситуационного понимания мира – мобильность, случайность, неопределенность, размытость границ, факторная равнозначность, поливариантность, плюралистичность»².

Подход к познанию мира в ситуационном аспекте востребован во многих направлениях научного знания, таких, как экология³, география⁴, экономика⁵, культура⁶, психология⁷ и др., почти во всех областях практической деятельности человека. Особое значение ситуационный подход приобретает при решении актуальнейших проблем современности, связанных с «чрезвы-

¹ Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. – М., 2001. – С. 298.

² Солодухо Н.М. Манифест ситуационного движения // Ситуационные исследования. Вып. I: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 173.

³ Трофимов А.М., Солодухо Н.М. Глобальные экологические проблемы // Наука и искусство географии: Спектр взглядов ученых СССР и США. – М.: Прогресс, 1989; Котляков В.М., Трофимов А.М., Селивестров Ю.П., Солодухо Н.М. Моделирование экологических ситуаций // Изв. РАН. Сер. геогр. – 1995. – № 1. – С. 5-20 и др.

⁴ Трофимов А.М., Солодухо Н.М., Панасюк М.В. Математическое моделирование географических систем и геоситуационный подход // Математизация естествознания: пути и тенденции. – Казань: КГУ, 1984. – С. 156-167 и др.

⁵ Багаутдинова Н.Г., Багаутдинова А.З. Ситуационный подход в маркетинге // Ситуационные исследования. Вып. I: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 124-128; Огородникова Ю.Г. Системный и ситуационный подходы в экономической новации. Там же. – С. 129-132.

⁶ Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация: сущность и тенденции развития. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001 и др.

⁷ Иосебадзе Т.Г., Иосибадзе Т.Ш. Проблема бессознательного и теория установки школы Узнадзе // Бессознательное: природа, функции. – Т. 4. – Тбилиси. – С. 36-37 и др.

чайными», «нештатными» ситуациями во время военных конфликтов, террористических актов, катастроф и т.д.¹

Поэтому не случайно для проведения ситуационных исследований создаются специализированные центры, целью которых является разработка общенаучной теории ситуационного подхода и его применение в различных областях познания².

В связи с чем, полагаем, о ситуационном подходе можно говорить как об общенаучном, междисциплинарном методе научного познания, обладающем общностью и универсальностью.

Такой взгляд не противоречит словарному определению и соотношению понятий «метод» и «подход». Так, в «Словаре русского языка» понятие «подход» определяется как «совокупность приемов, способов (в воздействии на кого-нибудь, что-нибудь, в изучении чего-нибудь, в ведении дела)»³.

Что же касается понятия «метод», то оно трактуется как «способ достижения какой-либо цели, решения конкретной задачи; совокупность приемов и операций практического или теоретического освоения (познания) действительности»⁴.

Приведенные выше определения показывают общность анализируемых понятий, их идентичность как «приемов, способов, операций освоения действительности». Все эти процедуры в совокупности образуют ситуационные исследования, а сам ситуационный метод (подход) дает необычайно широкие возможности своего применения, которые прослеживаются в следующем:

---

¹ См., напр.: Воробьев В.Г. Зубков Б.В., Уриновский Б.Д. Технические средства и методы обеспечения безопасности полетов. – М.: Транспорт, 1989; Солдаткин В.М. Основы синтеза информационно-управляющих систем обеспечения безопасности полета // Изв. вузов. Авиационная техника. – 1994. – № 2. – С. 18-23 и др.

² Примером может служить «Центр ситуационных исследований», созданный на базе Казанского государственного университета им. А.Н. Туполева, объединяющий специалистов в области философии, экологии, химии, географии, математики, физики, техники, психологии и др.

³ Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – С. 543.

⁴ Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: «Большая Российская энциклопедия»; СПб: «Норинт», 2002. – С. 724.

«- ситуационный подход применим к несистемным и системным объектам: когда система еще не сложилась, когда она возникла и когда система распалась;

- ситуационный подход способен характеризовать переходные состояния одной и той же системы, когда эти состояния качественно отличаются и не отличаются друг от друга;

- ситуационный подход способен учитывать роль совокупности внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на систему, ее функционирование и развитие;

- ситуационный подход применим к результату двух и более взаимодействующих систем, компоненты которых сочетаются случайным образом, не создавая еще новой устойчивой системы или образуя систему нового качества;

- с помощью ситуационного подхода возможно оценивать внутренние и внешние состояния систем, направленность их процессов, временной и пространственно-граничный аспекты любой системы»¹.

Все вышесказанное имеет непосредственное отношение и к криминалистике. Объектом ее изучения являются системы различного уровня, наиболее глобальные из которых преступная деятельность и ее антипод – правоприменительная деятельность, имеющие ситуационную природу. Эти две системы взаимосвязаны и взаимообусловлены между собой. Они имеют переходное состояние, связанное с появлением уголовно значимой информации, ее проверкой в соответствии с уголовно-процессуальным законом. В то же время при всей схожести этих систем (элементный состав, пространственно-временные параметры, этапность, ситуационность и т.д.), они качественно отличаются друг от друга не только целями и задачами, но и складывающимися в процессе каждой из деятельностей ситуациями. Для криминалистики важнейшей проблемой является познание взаимосвязей между вы-

---

¹ Солодухо Н.М. Методология ситуационного подхода в научном познании // Фундаментальные исследования: Научно-теоретический журнал Рос. Акад. Естествознания. – М., 2005. – № 8. – С. 85-88.

шеуказанными системами. Такую задачу, полагаем, может выполнить ситуационный метод. Именно он позволяет дифференцировать все многообразие ситуаций, возникающих как в процессе преступной, так и в процессе правоприменительной деятельности, и на этой основе разрабатывать рекомендации технического, тактического и методического порядка в целях решения задач уголовного судопроизводства.

Ситуационный метод позволяет любой элемент ситуации рассматривать как центральный источник информации, как основной объект исследования. При этом взаимосвязи с остальными элементами остаются теми же, которые лежат в основе метода. Исследуя таким образом каждый элемент в отдельности и в одной системе (с другими элементами), можно определить его взаимосвязи с другими, неизвестными, элементами ситуации, а также закономерности взаимодействия с ними на основе его индивидуальных качеств. В совокупности это позволяет исследовать как каждый элемент, так и всю систему (ситуацию) не только в статике, но и в динамике.

Таким образом, ситуационный метод выражает уникальность каждой складывающейся ситуации, в то же время, с учетом повторяемости, схожести общих черт и элементов, образующих ситуации, он служит для типизации ситуаций, а, в конечном счете, решает свою сверхзадачу – «научиться управлять ситуациями»¹. Применительно к криминалистике это может означать разработку типовых алгоритмов разрешения криминалистических ситуаций, в том числе на базе автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС).

Такое понимание ситуационного подхода как метода научного познания не противоречит и общеметодологическим критериям метода².

---

¹ Солодухо Н.М. Манифест ситуационного движения // Ситуационные исследования. Вып. I: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 175.

² Подробнее см.: Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания. – М., 1978; Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. – М., 1993; Кохановский В.П. Философия и методология науки. – Ростов-на-Дону, 1999 и др.

Общий алгоритм ситуационного метода можно представить следующим образом:

- 1) выявление элементного состава ситуации;
- 2) анализ и оценка элементного состава ситуации как по отдельности, так и в системе;
- 3) типизация ситуации (ее соотнесение с похожими, ранее существовавшими ситуациями);
- 4) прогнозирование развития ситуации (ситуационный прогноз);
- 5) с учетом целей и задач исследования проведение конкретных действий, направленных на изменение ситуации, ее развитие в ту или иную сторону.

Для криминалистики возможен следующий алгоритм ситуационного метода, основу которого составляет блок-схема возникновения и развития криминалистической ситуации, разработанная В.К. Гавло:

- 1) выявление элементного состава ситуации;
- 2) анализ и оценка элементного состава ситуации (в зависимости от этапов деятельности субъекта доказывания и стадий уголовного процесса по признакам, входящим в криминалистическую характеристику преступлений; криминалистическую характеристику раскрытия, предварительного расследования и предупреждения преступлений; криминалистическую характеристику судебного рассмотрения уголовных дел);
- 3) прогнозирование развития ситуации и дальнейшей деятельности субъекта доказывания;
- 4) выдвижение и проверка версий (оперативно-розыскных, следственных, судебных и т.д.);
- 5) получение новой уголовно значимой информации по делу в результате проверки версий;

б) анализ и оценка элементного состава новой ситуации... цикл повторяется¹.

Процесс доказывания представляет собой определенный набор типизированных действий, обусловленных характером уголовного судопроизводства и складывающимися криминалистическими ситуациями². На этой основе разрабатываются и применяются на практике методические рекомендации с набором процессуальных и иных действий в типичных криминалистических ситуациях для любого субъекта доказывания.

В связи с чем можно констатировать, что ситуационный метод, как метод познания окружающего нас мира, затрагивает иные его аспекты и существенно дополняет другие методы, такие как: системный, комплексный, моделирование и др. В частности, ситуационный метод предполагает изучение явления в качестве необходимого элемента реальной функционирующей (функциональной) системы, имеющей свою особую качественную определенность. В такой системе элемент понимается и как целостное явление, и как явление, детерминированное включающей его системой. Таким образом, на первый план выходят **сверхчувственные качества системы, которые системой порождаются**. На основе порождения таких качеств система оказывается способной к самоорганизации. Существуют же они как качества элементов, образующих ситуацию, чем последние и отличаются от прочих элементов среды.

«Ситуация – это то, что создает систему..., а также то, что определяет состояние системы и наличествует в ней, кроме того, это то, что приводит к распаду системы или ее преобразованию. Ситуация это то, что сопровождает систему от ее зарождения до ее исчезновения, что сопутствует ей и служит постоянным детерминирующим "фоном". Ситуации раскачивают и стабили-

---

¹ Подробнее см.: Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – С. 228-236; Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 82-88.

² См.: Комаров И.М. Криминалистические операции в досудебном производстве: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 85.

зируют системы, являются основанием их функционирования, эволюции и развития, объединяют и несут в себе все факторы, влияющие на состояние системы и на ее собственное существование»¹.

С нашей точки зрения, за понятием «ситуация» стоит не комплекс связанных в систему элементов «объективной действительности», но и не произвол системообразования, осуществляемый человеком. Ситуация – это то, что происходит между человеком и средой, пространство, в котором снимаются как объективная логика среды, так и субъективная логика человека, подчиняясь одной логике – логике самоорганизации человека как открытой системы. Ситуация отличается от «среды», от всей окружающей человека «действительности», «объективной реальности» тем, что для описания последних достаточно четырех координат – три пространственных координаты и время. Ситуация же включает в себя, как минимум, еще три субъективных координаты – значение, смысл и ценность. Рассмотрим возможность такого взгляда более подробно на примере криминалистической ситуации.

2.2. Криминалистическая ситуация как системообразующий фактор криминалистической науки и практики

Историко-системный анализ развития криминалистики позволяет утверждать, что на наших глазах завершается целая эпоха в эволюции криминалистики как науки. Сейчас есть все основания полагать, что идет перестройка не только учебного курса криминалистики, но и всего курса науки. В связи с чем первостепенное значение и особую актуальность приобретает дальнейшее развитие учения о криминалистических (следственных) ситуациях, основные положения которого пронизывают практически все разделы криминалистики. Это обусловлено тем, что само понятие «криминалистическая ситуация» является одной из центральных категорий в криминалистиче-

---

¹ Солодухо Н.М. Манифест ситуационного движения // Ситуационные исследования. Вып. I: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 174-175.

ской науке, выполняющей функцию специфического «моста» между теорией и практикой криминалистики.

Из науковедения известно, что в анализе развития категориального аппарата, которым пользуется наука, раскрывается внутренняя логика ее собственного движения, которая и действует «за спиной отдельных исследователей и теоретиков с силой стальной пружины»¹. Для теории криминалистики проблема обнаружения внутренней тенденции развития науки, безусловно, является актуальной, поэтому понятие «криминалистическая (следственная) следственная ситуация» является особой категорией криминалистической науки, и в том, как развивается содержательная сторона этого понятия, отражаются изменения профессионального мышления криминалистов. Эта особенность криминалистической ситуации обусловлена тем, что она сама является результатом познавательной деятельности по расследованию преступления, но таким результатом, который включается в содержание деятельности и детерминирует ее последующую направленность и избирательность. Такое свойство, как известно из теории систем, является точным признаком самоорганизующихся систем.

Следует заметить, что понятие «криминалистическая (следственная) ситуация» до второй половины 60-х гг. XX в. в советской криминалистической литературе отсутствовало. Не было работ, в которых бы прямо было сказано о понятии, классификации, содержании криминалистической ситуации, ее месте в системе криминалистики и роли в раскрытии и расследовании преступлений².

---

¹ Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. в 6 т. – Т. 1. – М., 1982. – С. 291-486.

² Обзор отдельных положений развития понятия «криминалистическая (следственная) ситуация» см.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997. – С. 129; Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 216-273; Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – С. 7-26; Гавло В.К., Клочко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 67-97 и др.

В то же время в работах тех лет уже учитывалась ситуационная природа в доказывании по уголовным делам¹.

Особое внимание криминалистическим ситуациям, складывающимся на различных этапах расследования преступлений, стало уделяться лишь с конца 60-х – начала 70-х гг. XX в.

Почти одновременно появились работы криминалистов, в которых обращалось внимание на значение и необходимость теоретического изучения криминалистической ситуации, а также предложены ее определения. Так, А.Н. Колесниченко в своей докторской диссертации писал, что криминалистическая ситуация (он назвал ее следственной) – это «определенное положение в расследовании преступлений характеризуемое наличием тех или иных доказательств и информационного материала и возникающими в связи с этим конкретными задачами его собирания и проверки»². Этот подход, полагаем, по своей сути был верным.

В этом же году на научной конференции юридических факультетов Томского государственного университета В.К. Гавло в своем докладе пришел к выводу о повышении эффективности производства следственных и оперативно-розыскных действий и расследования на базе разработки понятия следственной ситуации как категории науки криминалистики. Криминалистическая (следственная) ситуация определялась как обстановка, складывающаяся в результате возбуждения уголовного дела и его разрешения по существу, в основе которой находилась «совокупность фактических данных, отражающих существенные черты события на определенный момент расследования преступления»³. Были показаны методы расследования отдельных

---

¹ См.: Якимов И.Н. Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929. – С. 7-85; Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики. – М.: «ЛексЭст», 2001. – С. 5-62, 92-100; Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – Новое изд. – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 74-169; Громов В.И. Дознание и предварительное следствие: Методика расследования преступлений. – М.: ЛексЭст, 2003. – С. 89-470 и др.

² Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1967. – С. 509.

³ Гавло В.К. О первоначальных следственных действиях при расследовании преступлений: Докл. итоговой науч. конф. юрид. факультетов. Ч. 3. – Томск, 1968. – С. 90.

видов преступлений, основанные на выделении типичных криминалистических ситуаций, реализованные в методе ситуационного подхода позже в его кандидатской диссертации¹.

Такой взгляд на криминалистическую ситуацию отражал в ней главные компоненты: информационный аспект (наличие или отсутствие фактических данных, криминалистически значимой информации о расследуемом событии и его обстоятельствах); этапность возникновения и разрешения ситуаций; временная характеристика ситуаций. Предложенная позиция характеризовала следственную ситуацию в так называемом узком смысле.

Дальнейшим толчком к развитию проблемы криминалистической ситуации, на наш взгляд, явились исследования А.Н. Васильева и Н.П. Яблокова, которые выделили шесть групп ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования², тем самым расширив их типизацию и детализировав научные изыскания Г.Н. Мудьюгина³. И хотя определения криминалистической ситуации они не дали, но совершенно правильно обозначили содержательную часть ситуации, связав ее со сведениями о событии преступления, виновном лице, наличием или отсутствием иных обстоятельств по расследуемому уголовному делу.

Интерес к проблематике криминалистических ситуаций позже, в 1972 г., проявил и В.Е. Корноухов, который под следственной ситуацией понимал: «объективно повторяемое положение в процессе расследования, обусловленное фактическими данными, которое определяет процесс обнаружения, собирания доказательств»⁴.

Анализируя этот подход к криминалистической ситуации, Р.С. Белкин на этот счет заметил, что В.Е. Корноухов «дал характеристику не следствен-

---

¹ Гавло В.К. Расследование и предупреждение хищений на предприятиях молочной промышленности, совершенных должностными лицами: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1969. – С. 129-150.

² Криминалистика. – М., 1971. – С. 428.

³ Васильев А.Н., Мудьюгин Г.Н., Якубович Н.А. Планирование расследования преступлений. – М., 1957. – С. 154.

⁴ Корноухов В.Е. Основные положения методики расследования отдельных видов преступлений // Материалы научной конференции. – Красноярск, 1972. – С. 93.

ных ситуаций вообще, а типичных следственных ("объективно повторяемое положение")»¹.

В то же время считаем, что В.Е. Корноухов правильно, как и другие авторы, назвал базовый элемент криминалистической ситуации – фактические данные. Но он выделил в ней другой классификационный аспект – типичность.

Интерес к проблематике криминалистических ситуаций заметно возрос в начале 70-х гг., особенно после Минской научной конференции 1973 г., после чего появились публикации, в которых под разными углами зрения рассматривались отдельные аспекты криминалистической ситуации².

Одним из первых активное участие в научной дискуссии принял И.Ф. Герасимов, который полагал, что криминалистическая ситуация должна быть представлена совокупностью обстоятельств по делу (обстановка, положение) и может быть благоприятной или неблагоприятной (в различной степени) для каких-либо выводов и действий следователя³. Несколько позже он высказался более определенно, отметив, что «следственная ситуация – это сложившаяся на определенный момент расследования, внутренне необходимо склонная к изменению совокупность характеризующих расследование материальных, информационных и иных факторов и их оценка, которая обуславливает основные направления расследования, принятие решений и выбор способов действия»⁴. Следует отметить, что И.Ф. Герасимов первым в понятие криминалистической ситуации ввел оценочный, субъективный момент, хотя эта позиция и не получила широкой поддержки. Именно по этой причине в работах многих криминалистов, оценка была отнесена к самостоя-

---

¹ Белкин Р.С. Указ. раб. – С. 131.

² См.: Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования: Мат-лы Минской науч. конф. – М., 1973. – С. 82-94; Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. – М., 1975. – С. 9-10; Возгрин И.А. О соотношении следственных ситуаций и алгоритмов расследования преступлений // Вопросы профилактики преступлений. – Л., 1977. – С. 63 и др.

³ Герасимов И.Ф. Принципы построения методики раскрытия преступлений // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. – М., 1973. – С. 82.

⁴ Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. – Свердловск, 1975. – С. 171.

тельной части процесса познания и не включалась в содержание следственной ситуации. Сама же криминалистическая ситуация в работах того времени определялась чаще всего как внешняя обстановка по отношению к расследованию, т.е. предпочтение отдавалось внешним обстоятельствам.

Так, под криминалистической (следственной) ситуацией В.И. Шиканов понимал «совокупность данных, характеризующих обстановку, в которой следователю надлежит действовать»¹.

Н.А. Селиванов полагал, что криминалистическая ситуация выражает в самом общем виде «обстановку, картину расследования, сложившуюся к определенному моменту, иначе следственную ситуацию можно определить как сумму значимой для расследования информации, которая принимается во внимание наряду с источниками ее получения»².

Аналогичная концепция криминалистической ситуации содержится и в работах Н.П. Яблокова, который увидел в ней прежде всего «...положение, складывающееся на определенный момент расследования или перед его началом, характеризующее все следственное своеобразие данного момента и определяемое совокупностью доказательственной, тактико-методической, организационной и иной значимой для расследования информации»³.

Ретроспективный анализ материалов научной дискуссии показывает, что в разное время этой проблемой занимались также И.В. Александров, О.Я. Баев, Т.С. Балугина, Н.М. Букаев, И.А. Возгрин, Ф.В. Глазырин, Н.Л. Гранат, А.Н. Гусаков, Г.А. Зорин, Л.Л. Каневский, В.Н. Карагодин, В.В. Клочков, В.Я. Колдин, В.И. Комиссаров, В.И. Куклин, В.П. Лавров, И.М. Лузгин, В.А. Образцов, А.Р. Ратинов, В.И. Рохлин, Т.А. Седова,

---

¹ Шиканов В.И. Разработка теории тактических операций – важнейшее условие совершенствования расследования преступлений // Методика расследования преступлений (общие положения): Мат-лы науч.-практ. конф. – М., 1976. – С. 157.

² Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования. // Соц. законность. – 1977. – № 2. – С. 58.

³ Яблоков Н.П. Следственные ситуации в методике расследования преступлений // Актуальные направления развития криминалистической методики и тактики расследования: Мат-лы расширенного заседания Ученого совета Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М., 1978. – С. 24.

В.Г. Танасевич, Д.А. Турчин, Н.И. Хлюпин, А.А. Хмыров, Е.Е. Центров, А.Г. Филиппов, В.Е. Эминов, В.В. Яровенко и др.¹

Анализ работ названных и других авторов по проблемам формирования, распознавания и разрешения криминалистических ситуаций в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел свидетельствует о чрезвычайной их актуальности, имеющих большое теоретическое и практическое значение особенно в разработке и использовании новых наиболее эффективных технических средств, тактических приемов и методик ведения следствия.

Определенное влияние на понятие и содержание криминалистической ситуации оказала позиция Р.С. Белкина. Основываясь на том, что, по словарному определению, ситуация означает сочетание условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку, положение, он определил следственную ситуацию как «совокупность условий и обстоятельств, в которых осуществляется расследование, т.е. обстановка, в которой протекает процесс доказывания»².

На первый взгляд, такое понимание криминалистической ситуации всего лишь органично развивало упомянутую нами позицию Н.А. Селиванова. Но в этом случае важным теоретическим достижением было то, что такая ее трактовка позволила включать в «совокупность условий» практически неограниченное число факторов, сопровождающих расследование и, безусловно, оказывающих определенное влияние на формирование криминалистической ситуации. Отметив, что «оценка следственной ситуации в ее содержание входить не может», Р.С. Белкин выделил наиболее важные компоненты

---

¹ См., напр.: Следственная ситуация и раскрытие преступлений: Научные труды Свердловского юрид. инст. Вып. 41. – Свердловск, 1975; Следственная ситуация. – М.: Всесоюз. институт прокуратуры, 1985; Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: Мат-лы междунар. научн. конф. (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина), 2002. – С. 77-80, 107-110, 207-211; Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовно-процессуального законодательства: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф., д-ра юрид. наук, заслуж. юриста РФ И.Ф. Герасимова. – Екатеринбург: Изд-во «Чароид», 2003. – С. 193-200, 289-295, 382-385 и др.

² Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. – Т. 3. – М., 1979. – С. 70.

(условия) этого понятия: информационный; психологический; процессуальный и тактический; материальный и организационно-технический. Однако при этом элементы процессуального и тактического характера, по мнению Р.С. Белкина, включают в себя «возможность избрания меры пресечения», а организационно-технический элемент – «возможность маневрирования мобильными силами»¹, т.е. ту самую оценочную деятельность, которая ранее автором была вынесена за пределы содержания следственной (криминалистической) ситуации.

В настоящее время этой позиции придерживается значительная часть криминалистов².

Хотя большинство ученых и говорят о том, что криминалистическая ситуация формируется под влиянием объективных, субъективных и случайных факторов, которые находятся в единстве, взаимосвязи и представляют взаимодействие субъективного и объективного³, сущность вышеизложенного подхода оказывается весьма ограниченной, поскольку обуславливает и допускает представление только одной из сторон сложного диалектического процесса взаимодействия личности и среды, а именно воздействия организованных в ситуацию элементов среды на человека. Ограниченность подобной трактовки таит в себе серьезную методологическую ошибку, ибо дальнейшее ее логическое развитие может легко привести к давно дискредитировавшей себя схеме «стимул – реакция», ибо из субъекта исключается то, что собственно и составляет его сущность – активность⁴. Такое положение в понима-

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. – М., 1988. – С. 94. Он же. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997. – С. 136-137.

² См.: Следственная ситуация. – М.: Всесоюз. институт прокуратуры, 1985; Курс криминалистики: В 3 т. Т. 2. Криминалистическая методика: Методика расследования преступлений против личности, общественной безопасности и общественного порядка / Под ред. О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 89 и др.

³ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М., 1997. – С. 134-139; Зорин Г.А. Криминалистическая эвристика. – Гродно, 1994. – Т. 1. – С. 51-53 и др.

⁴ Филиппов А.В., Ковалев С.В. Ситуация как элемент психологического тезауруса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1986. – № 1. – С. 14-21.

нии криминалистической ситуации сложилось, на наш взгляд, потому, что криминалистика, как и другие науки, изначально возникла из классического представления о субъект-объектном расчленении сознания. Сама возможность познавательного отношения к действительности предполагает, что субъективность может быть устранена из акта познания. Именно поэтому первые представления о криминалистической ситуации сводились к отождествлению ее с объективным содержанием преступления и условий, в которых оно произошло¹. Такое понимание криминалистической ситуации сохранилось и до сих пор². Так, определяя криминалистическую ситуацию как «степень информационной осведомленности следователя о преступлении, а также состояние процесса расследования, сложившееся на любой определенный момент времени, анализ и оценка которого позволяют следователю принять наиболее целесообразное по делу решение»³ Т.С. Волчецкая, тем не менее, отмечает, что «прежде чем оценить ситуацию, к моменту оценки необходимо сформулировать свое о ней представление, определить ее компоненты и связи между ними, **поскольку нельзя оценить нечто, еще не отраженное в сознании** (выделено нами. – Д.К.)»⁴. Это позволяет говорить о том, что классическая гносеологическая ситуация в ее гносеологической формуле сохраняется в современной криминалистике.

В связи с этим заслуживает особого внимания позиция Л.Я. Драпкина по поводу сущности криминалистической ситуации, которая понимается им как «мысленная динамическая модель, отражающая информационно-логическое, тактико-управленческое и организационное состояние, сложившееся по уголовному делу и характеризующее благоприятный или неблаго-

---

¹ См. Колесниченко А.Н. Указ. раб. – С. 509; Васильев А.Н. Следственная тактика. – М., 1976; Лузгин И.М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. – 1977. – № 2. – С. 64 и др.

² Турчин Д.А. О разработке теории следственных ситуаций // Следственная ситуация: Сб. науч. тр. – М., 1985. – С. 28; Седова Т.А. // Там же. – С. 50; Возгрин И.А. // Там же. – С. 69; Шмонин А.В. Методика расследования преступлений: Учеб. пособие. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2006. – С. 240 и др.

³ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. М., Калинингр. ун-т. – Калининград, 1997. – С. 93.

⁴ Там же. – С. 93.

приятный характер процесса расследования»¹. По мысли автора, следователь действует в реальной обстановке, но прежде чем что-либо предпринять, ему необходимо получить информацию о существенных чертах реальной обстановки, создать ее адекватную модель².

Таким образом, в теоретическом аспекте важной, но крайне сложной задачей продолжает оставаться исследование того, каким образом возникает и развивается криминалистическая ситуация. Сложность заключается в том, что собственно криминалистический смысл данного понятия как бы исходно перекрывается гносеологическим: любая ситуация, не только криминалистическая, воспринимается всеми, имеющими сознание как нечто первичное, объективное, нам противостоящее, как «не-Я», которое, тем не менее, отражается нами. Этим и объясняется природа гносеологизма как явления, характерного для разных наук, которым приходится иметь дело с «ситуациями»: «наша сродственная со-причастность и природе, и обществу, и Богу, и культуре в рамках субъект-объектной структуры наших представлений о них всегда обнаруживает и будет обнаруживать себя как объективистки-вещно-внешняя противопоставленность и отчужденность им»³.

Если гносеология разводит субъективное и объективное вплоть до противопоставления, решая свои проблемы об активности субъекта в поиске истины и о ней самой, то это вполне справедливо. Но если такое противопоставление проникает в конкретную науку и даже становится методологическим основанием ее построений, то оно исходно перекрывает пути для понимания единства, внутренне противоречивого единства противоположностей, как источнике развития явления. Именно таким единством и является криминалистическая ситуация. В криминалистической практике же нельзя абстрагироваться от того факта, что криминалистическая ситуация является продуктом и результатом активного взаимодействия субъекта со средой, в кото-

---

¹ Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал.ин-та, 1987. – С. 17.

² Там же. – С. 14.

³ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. – 1998. – № 6. – С. 3-18.

рой осуществляется его деятельность, нельзя абстрагироваться от него и в теории. Здесь на первый план выходит онтологический аспект, отдающий приоритеты не абстрактным субъектам и объектам, а людям и их реальной жизнедеятельности.

Конкретное противоречие возникает в связи с тем, что в гносеологическом плане объект рассматривается как независимый от познания, а в онтологическом плане он зависит от опыта, установок, целей, оценок, знаний, умений субъекта, осуществляющего расследование по делу. Ориентация того или иного автора скорее на гносеологический или онтологический аспект приводит к поляризации мнений относительно объективного или субъективного характера следственных ситуаций. Так, ряд авторов в определении понятия и содержания криминалистической ситуации больше внимания уделяют субъективным компонентам (И.Ф. Герасимов, А.Н. Васильев, В.А. Образцов, В.Г. Танасевич, Л.Я. Драпкин и др.). Другая группа ученых отдает предпочтение объективным факторам (А.Н. Колесниченко, В.Е. Корноухов, В.И. Шиканов, Н.А. Селиванов, Р.С. Белкин, Н.П. Яблоков и др.). Однако все авторы единодушны в том, что криминалистическая ситуация представляет собой сложную систему.

Оставаясь в рамках концепции нашего исследования, попытаемся изложить свою точку зрения относительно структуры и содержания криминалистической ситуации с позиции системного и деятельностного подходов.

Во-первых, неоднозначное толкование самого термина «следственная ситуация» ведет к смешиванию разнородных понятий и тем самым существенно затрудняет их научное и практическое применение.

Следует согласиться с мнением И.А. Копылова, который отмечает, что «...термин "следственная" не совсем удачен, поскольку допускает возможность двойственного толкования: ситуация, складывающаяся в процессе следствия, и ситуация – в которой оказывается следователь. Правильнее было бы именовать ситуацию криминалистической»¹.

---

¹ Копылов И.А. Следственная ситуация и тактическое решение. – Волгоград, 1988. – С. 3.

Здесь необходимо еще одно уточнение. Понятие «следственная» одни ученые связывают со словом «следователь», другие – со словом «следствие», «следовая картина» от слова «след», которое с гносеологической точки зрения имеет в криминалистике огромное значение, являясь одним из ее «ки-тов»¹. Однако с позиции онтологии на первый план выходит понятие «информация». В связи с чем прав В.К. Гавло, который полагает, что в основе криминалистической ситуации лежат такие главные показатели, как «наличие или отсутствие значимой информации, сведений, фактических и иных данных по делу, сориентированных на криминалистическую характеристику отдельного вида преступления»².

Использование информационного подхода при решении криминалистических задач в процессе расследования преступлений в настоящее время – это не дань моде, а необходимость, обусловленная возможностями современных технологий³. Поэтому не случайно сами же сторонники категории «следа» считают, что «... "след" должен браться не спекулятивно-эмпирическом содержании как отпечаток, царапина, деформация и т.д., а как единство двух противоречий: кодового преобразования информации ПД (информации, существующей объективно, но существующей в потенциальной форме), и обратного кодового преобразования, в результате которого возникает *понима-*

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. – М.: Юристъ, 1997. – С. 57-61; Он же. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: НОРМА, 2001. – С. 60-64; Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Вестник криминалистики. Вып. 1(3). – М.: Спарк, 2002. – С. 11; Филиппов А.Г. Субъективные заметки (о статье М.К. Каминского) // Вестник криминалистики. Вып. 1(3). – М.: Спарк, 2002. – С. 16 и др.

² Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 224.

³ См., напр.: Колдин В.Я., Поташник Д.П. Информационные основы экспертно-криминалистического анализа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1999. – № 4. – С. 14; Ищенко Е.П. Алгоритмизация первоначального этапа расследования преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1989; Шмонин А.В. Криминалистическая характеристика, как составная часть частных криминалистических методик // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: Мат-лы междунар. науч. конф. (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина), 2002. – С. 190-196; Вытовтова Н.И. Основы информационно-управленческой концепции расследования преступлений // Вестник криминалистики. Вып. 4(12). – М.: Спарк, 2004. – С. 33-40 и др.

ние механизма тех преобразований в ПД, которые и отразили первичную информацию»¹. Здесь, полагаем, следует иметь в виду, что не каждая информация становится следом в его криминалистическом смысле, а только та, которая «попала» в поле зрения субъекта доказывания как имеющая для него определенный смысл и ценность и которую он использует (или собирается использовать) в процессе расследования преступлений. В связи с этим все ситуации, изучаемые криминалистикой, мы предлагаем именовать криминалистическими, т.к. в их основе лежит криминалистически значимая (относящаяся к преступлению) информация. При этом следует согласиться с мнением Т.С. Волчецкой, которая в зависимости о сферы возникновения ситуаций предлагает выделять ситуации, возникающие:

- 1) в криминальной деятельности;
- 2) в практике борьбы с преступностью;
- 3) в самой криминалистической науке².

Кроме того, внутри каждого типа и класса ситуаций также можно выделить свои виды ситуаций, о которых речь пойдет в дальнейших главах работы.

Во-вторых, как уже указывалось выше, трудности поиска источника возникновения и развития криминалистической ситуации связаны с «жестким» разделением субъекта и объекта на две противоположности с последующей целью найти источник на одном из полюсов либо в самой деятельности субъекта доказывания.

Хотя большинство авторов и указывают на единство субъективных и объективных факторов, образующих криминалистическую ситуацию, остаются нерешенными следующие вопросы. Если субъект и объект рассматриваются в одной системе (деятельность), то они теряют при этом свою «полюсность», свою противоположность, но образуют при этом нечто новое,

---

¹ Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Вестник криминалистики. Вып. 1(3). – М.: Спарк, 2002. – С. 11.

² Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – М., Калинингр. ун-т. – Калининград, 1997. – С. 57.

системное, не сводимое ни к субъекту, ни к объекту. В этом суть системного подхода, но эта суть не учитывается, когда пытаются проводить «анализ деятельности на полюсе субъекта», через который можно выйти к другим принципам теории деятельности.

Кроме того, деятельность обеспечивает «встречу» субъекта с объектом, но взаимодействовать между собой могут не любые противоположности, а тождественные, соответствующие. Это соответствие субъекта и объекта существует всегда, но проявляется именно в деятельности¹. Следовательно, необходимо выйти за пределы деятельности (как системы), чтобы понять причины, в силу которых объект оказался втянутым в систему деятельности. Чтобы избавиться от постулата «двойного отражения», нужно деятельность представить как совокупность направленных взаимодействий человека (субъекта доказывания в нашем случае) с действительностью, а саму действительность – как результат взаимоперехода субъективного в объективное, как носителя таких свойств, которые превращают объективное в криминалистическую ситуацию. Но это означает переход на другой уровень системного видения реальности. В психологии, как было сказано выше, такой реальностью выступает «психологическая система», под которой понимается человек, включающий в себя и субъективную компоненту (образ мира, составляющего для человека его действительность), и деятельностьную компоненту (образ жизни человека в его действительности), и саму действительность – многомерный мир человека как онтологическое основание его жизни, определяющий сам образ жизни и определяемый ею².

Если деятельность (как система) замыкает два полюса – субъект и объект, то понятие «психологическая система» позволяет объяснить то, что предшествовало встрече субъекта с объектом, и, следовательно, объясняет механизм избирательности деятельности и природу избирательности психи-

---

¹ Клочко В.Е. Саморегуляция мышления и ее формирование: Учеб. пособие. – Караганда: Изд-во КарГУ, 1987. – С. 26-27.

² Клочко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1991. – С. 11; Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – С. 79.

ческого отражения вообще, так же как и природу трансформации деятельности. При этом элементы окружающего (объективного) мира приобретают для человека определенные системные качества, такие, как значение, смысл и ценность. Эти качества определяют дальнейшее развитие всей «психологической системы».

С этой точки зрения «психологическая ситуация» представляет собой часть объективного мира, попавшую в психологическую систему и получившую в ней новые качества. Наличие этих качеств определяет, относится ли то или иное явление объективного мира, вещь, предмет к ситуации или не относится. В последнем случае эти явления вообще не попадают ни в число условий, определяющих деятельность, ни в число факторов, направляющих деятельность (цель, мотивы и т.д.)¹.

Итак, криминалистическая ситуация представляет собой сложное системное образование, в содержание которого входят различные компоненты субъект-объектного порядка. Именно вокруг содержательной части криминалистической ситуации развернулась острая дискуссия, продолжающаяся и сейчас. Многообразие точек зрения по этому вопросу можно условно свести к двум основным, при этом нужно учитывать, что существуют и промежуточные позиции.

Представители первой точки зрения ограничивают объем криминалистической ситуации строгими содержательными рамками относительно суммы значимой для расследования информации или обстановки, которая характеризуется «наличием тех или иных доказательств и информационного материала и возникающими в связи с этими конкретными задачами его собирания и проверки»². Обосновывая свою позицию, А.Г. Филиппов указал на то, что

---

¹ Клочко В.Е. Саморегуляция мышления и ее формирование: Учеб. пособие. – Караганда. Изд-во КарГУ, 1987. – С. 26.

² Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1967. – С. 214; См. также: Селиванов Н.А. Криминалистическая характеристика преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Соц. законность. – 1977. – № 2. – С. 56; Филиппов А.Г., Целищев А.Я. Понятие и криминалистическое значение следственной ситуации // Сов. гос-во и право. – 1982. – № 8. – С. 71-75 и др.

«...широкая трактовка рассматриваемого понятия делает невозможной типизацию следственных ситуаций и, следовательно, разработку практически значимых рекомендаций применительно к той или иной ситуации»¹.

Полагаем, такого рода взгляды на криминалистическую ситуацию характеризуют ее в узком смысле². Толкование криминалистической ситуации в узком смысле несколько сужает круг условий ее формирования, о чем говорят представители второй точки зрения, но оно оправдано и уже оправдалось временем. В подавляющем числе монографий, учебно-методических пособий отражен именно информационный аспект криминалистической ситуации.

Представители другой точки зрения не ограничивают объем криминалистической ситуации жесткими содержательными рамками, включая в нее различные компоненты³. При таком толковании криминалистическая ситуация, как представляется, охарактеризована в широком смысле. То есть в нее включаются разнообразные условия, которые в той или иной мере оказывают влияние на эффективность расследования преступлений.

Так, например, И.М. Лузгин выделил в ее содержании следующие шесть компонентов:

- «- информацию о событии, содержащем признаки преступления и о лицах, причастных к этому событию;
- объективные условия, характеризующие процесс получения этой информации (место, время, климатические условия, использованные научно-технические средства и др.);
- силы и средства, имеющиеся в распоряжении следователя;

---

¹ Филиппов А.Г. О соотношении понятий криминалистической характеристики преступлений и следственной ситуации // Следственная ситуация: Сб. науч. тр. – М., 1984. – С. 71.

² Подробнее см.: Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 73-75 и др.

³ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. – М.: Юристъ, 1997. – С. 135; Образцов В.А., Протасевич О.А. О теории тактических операций и ее связях с другими структурными элементами науки криминалистики // Оптимизация расследования преступлений. – Иркутск, 1982. – С. 123; Герасимов И.Ф. К вопросу о следственной ситуации // Следственная ситуация: Сб. науч. тр. – М., 1984. – С. 8-9 и др.

- позиция подозреваемого, потерпевшего, свидетелей, результаты их противодействия установлению истины;
- контакты следователя с оперативно-розыскными работниками, различными специалистами;
- иные факторы, препятствующие или способствующие успешному решению криминалистических задач (например, явка с повинной, утрата вещественных доказательств и др.)»¹.

В.А. Образцов выделяет в криминалистической ситуации информационный, криминалистический, психологический, материально-технический, кадровый, правовой, тактический и некоторые другие немаловажные компоненты².

И.А. Возгрин полагает, что криминалистическая ситуация включает в себя:

- «- специфику совершенного преступления;
- особенности информации о событии преступления;
- полноту информации, ее достоверность и допустимость;
- содержание проведенного к определенному моменту времени расследования, его результаты, а также условия, в которых оно осуществлялось»³.

Позднее к числу элементов ситуации он отнес три группы элементов:

- «1. Элементы следственной ситуации, связанные с особенностями преступления и информации о нем;
2. Элементы следственной ситуации, связанные с содержанием и результатами расследования;

¹ Лузгин И.М. Ситуационный подход в решении криминалистических задач: Фондовая лекция. – М., 1987. – С. 17.

² Образцов В.А. Криминалистика: Учеб. пособие. – М., 1995. – С. 56; Он же. Криминалистика: Курс лекций. – М., 1996. – С. 116.

³ Возгрин И.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в системе частных методик расследования // Следственная ситуация: Сб. науч. тр. – М., 1984. – С. 68.

3. Элементы следственной ситуации, связанные с личностью следователя и условиями его работы»¹.

В свою очередь, каждую группу он подразделяет на более мелкие подгруппы².

Проведенный анализ литературы и судебно-следственной практики позволяет говорить, что большинство ученых акцентируют свое внимание на информационной структуре криминалистической ситуации, которая, по мнению Н.П. Яблокова, строится «из самых разнообразных сведений по назначению, форме и содержанию»³. Эти сведения проистекают из многочисленных условий, в которых оказывается следствие и которые существенно влияют на его ход, состояние и результаты. Включенные в криминалистическую ситуацию, они характеризуют ее в широком смысле как систему тех условий, которые оказывают влияние на особенности расследования отдельных видов и групп преступлений. Значит, в структуру криминалистической ситуации необходимо включать и те сведения, которые вытекают из условий расследования, а следовательно, и условия расследования, которые влияют на решение криминалистических задач. В этом плане прав В.Ю. Шепитько, считая, что в широком смысле криминалистическая ситуация представляет собой совокупность всех условий, которая «...наиболее полно характеризует и отражает все, что влияет и может влиять на расследование преступления»⁴.

Уточняя эту позицию, В.К. Гавло делает вывод о том, что криминалистические ситуации и их признаки «...не есть беспорядочные сведения о ходе и состоянии расследования, а представляют собой стройную систему данных о нем, которые характеризуют связи относительно элементов криминалисти-

---

¹ Возгрин И.А. Криминалистическая тактика: понятие и предмет исследования // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2. – М.: Спарк, 2001. – С. 11-12.

² Там же.

³ Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 135.

⁴ Шепитько В.Ю. Криминалистика: Курс лекций. – 2-е изд., – Харьков: ООО «Одиссей», 2005. – С. 260.

ческой характеристики преступлений и обстоятельств расследования»¹. При этом он выделяет следующие элементы ситуации:

- следственные и оперативно-розыскные данные о способе, механизме, личности субъекта преступления, объекте и предмете преступного посягательства, личности потерпевшего, обстановке, мотиве, цели и других обстоятельствах расследуемого события преступления;

- следственные и оперативно-розыскные данные в целом о расследуемом событии;

- наличие доказательств о расследуемом событии и его отдельных обстоятельствах;

- данные о возможной инсценировке расследуемого события;

- сведения о возможных источниках получения фактических и иных данных;

- данные об обстановке, в которой выявлено, возбуждено уголовное дело, начато расследование и проводятся первоначальные следственные и иные действия;

- данные об обстановке, в которой ведется расследование после производства первоначальных следственных и иных действий;

- сведения о противодействии следствию со стороны заинтересованных лиц;

- данные, затрудняющие расследование, как следствие своеобразия обстановки и условий по сохранению отдельных доказательств².

Такое понимание информационной структуры криминалистической ситуации представляется предпочтительнее, так как оно более точно определяет основу и нахождение криминалистически значимой информации.

В связи с чем заслуживает внимания позиция Т.С. Волчецкой, которая в содержании любой криминалистической ситуации выделяет следующие факторы: а) относящиеся к расследуемому событию, определяющие степень

---

¹ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 228.

² Там же. – С. 226.

достоверности и полноту информационной модели расследуемого события к моменту оценки следственной ситуации; б) характеризующие саму систему расследования, его процессуальное, тактическое состояние, психологические взаимоотношения участников предварительного расследования и т.д.; в) относящиеся к внешней среде, в которой ведется расследование, определяющие так называемую следственную обстановку¹.

Отдавая должное весьма удачному решению затронутой проблемы, следует отметить, что и эта позиция не является бесспорной. Так, включая субъекта в содержание ситуации, Т.С. Волчецкая тем не менее выводит оценку за пределы ситуации и относит ее к методико-познавательной категории. В связи с этим возникает закономерный вопрос – каким образом следователь взаимодействует с ситуацией?

С нашей точки зрения, за понятием «криминалистическая ситуация» стоит не комплекс завязанных в систему элементов «объективной действительности», но и не субъективный фактор. Ситуация – это то, что происходит между человеком и средой. Ситуация отличается от «среды», от всей окружающей человека «действительности», «объективной реальности» тем, что для описания последних достаточно четырех координат – три пространственных координаты и время. В то же время человеку (субъекту доказывания в нашем случае) в процессе своей деятельности постоянно приходится сталкиваться с решением различного рода задач, которые известный психолог А.Н. Леонтьев охарактеризовал как «задачи на смысл»². Поэтому, полагаем, криминалистическая ситуация должна включать в себя, как минимум, еще три субъективных координаты – значение, смысл и ценность. Выделенные три координаты субъект может осознать только в процессе своей профессиональной деятельности по раскрытию, расследованию и судебному разбирательству уголовных дел, ибо проявляются они, как доказано эксперимен-

---

¹ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – М., Калинингр. ун-т – Калининград, 1997. – С. 97.

² Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. – М., 1971. – С. 28.

тальным путем, на эмоциональном уровне¹. При этом «эмоции участвуют в регуляции деятельности, отражая тот смысл, который имеют объекты и ситуации, воздействующие на субъекта»².

С учетом вышесказанного, структура криминалистической ситуации, полагаем, может быть представлена в виде двух тесно взаимосвязанных составляющих (характеристик). Первой составляющей является, так называемая, **логико-формальная (формализованная) структура криминалистической ситуации**, которая отражает природную взаимосвязь предметов и явлений. В этой характеристике предметы и вещи объективного мира взаимосвязаны между собой сложными связями и процессами независимо от субъекта доказывания. Например, преступление как свершившийся факт будет существовать в объективном мире, но для конкретного субъекта доказывания оно таковым не является до тех пор, пока не появится и не станет известной для субъекта информация, зарегистрированная и проверенная в соответствии с уголовно-процессуальным законом (поводы и достаточные основания к возбуждению уголовного дела).

При этом следует обратить внимание на важное понятие – «событие» («факт»), которое с одной стороны является результатом, а с другой – исходным пунктом криминалистической ситуации. «Через события ситуации связываются между собой в сеть»³.

Помимо логико-формальной структуры криминалистической ситуации, ориентируясь на достижения современной психологии, можно выделить **неформальную, ценностно-смысловую структуру криминалистической**

---

¹ См.: Тихомиров О.К., Ключко В.Е. Эмоциональная регуляция мыслительной деятельности // Вопросы психологии. – 1982. – № 5. – С. 23-31; Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1991; Краснорядцева О.М. Психологические особенности возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1996 и др.

² Леонтьев А.Н. Указ. раб. – С. 28.

³ Павлов В.П. Ситуационный подход перспективы его использования в менеджменте // Ситуационные исследования. Вып. I: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 123.

ситуации, которая характеризует соответствие природных свойств действующему человеку¹.

Окружающий мир изобилует различного рода предметами и явлениями, но субъект доказывания взаимодействует лишь с некоторыми из них, понимая их значение, смысл и ценность и связывая с ними дальнейшие свои действия. Происходит это потому, что в процессе своей деятельности субъект доказывания, действуя в объективном мире (логико-формальной структуре ситуации), сталкивается с различного рода проблемами (проблемными ситуациями), которые ему необходимо решать. При этом можно говорить о мыслительной, поисково-познавательной деятельности субъекта доказывания, как закономерной реакции на несоответствие некоторых элементов окружающего мира (элементов состава преступления) общей обстановке. Возникновение проблемной ситуации (криминалистической ситуации) означает трансформацию всей системы, объединяющую как субъекта доказывания, так и окружающую его действительность. Трансформация обеспечивается теми противоречиями, нестыковками, которые возникают в криминалистической ситуации.

Так, например, в уже упоминавшемся расследовании убийства директора птицефабрики «Молодежная» Сироты М.М. следствием было установлено, что в день совершения дерзкого преступления сосед видел стоявший длительное время неподалеку автомобиль марки «Нива» и трех неизвестных мужчин. Этот же автомобиль он видел и за несколько дней до убийства. Автомобиль белого цвета, государственный номер свидетель точно назвать не мог, примерно «933». Таких автомобилей в Алтайском крае около 30, но это была единственная ниточка и следствие за нее «зацепилось». Благодаря умелым действиям правоохранительных органов, уже на следующий день работ-

---

¹ Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности. – М., 1969; Телегина Э.Д. Мотивация в структуре мыслительной деятельности // Искусственный интеллект и психология. – М., 1976. – С. 41-96; Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. – М., 1980; Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Томский гос. ун-т, 2005. – С. 98-164 и др.

никами милиции был остановлен автомобиль марки ВАЗ-2121 «Нива» гос. номер Х933АК22, за рулем которого находился Зотов, ранее судимый, член преступной группировки г. Новоалтайска. Вместе с ним ехали два пассажира, которые после остановки автомобиля успели скрыться. Впоследствии они были установлены и задержаны. Ими оказались Газенбуш и Тарлыков – члены банды Зотова. Именно они и совершили дерзкое убийство Сироты.

В процессе предварительного следствия был установлен заказчик. Им оказался руководитель одной фирмы, осуществлявшей подрядные работы на территории птицефабрики. Между ним и потерпевшим возникли разногласия по качеству выполненных работ. В арбитражном суде, рассматривавшем этот спор, директор «Молодежной» взыскал со своего недобросовестного подрядчика около 500 тысяч рублей, после чего намеревался найти другого делового партнера. Это явилось основным мотивом убийства, а исполнители нашлись быстро.

Тщательное планирование убийства длилось около трех недель. Бандиты за это время выяснили: где находится фабрика, где дом, когда Сирота возвращается домой с работы, работает ли он по субботам. Оказалось, что да, работает и приезжает домой обычно в 19-20 часов.

Наконец, все приготовления были завершены, в том числе решен и вопрос с транспортом – Зотов попросил его у своего знакомого Петрова, тот ему не отказал. Необходимо было реализовать еще одну цель – обеспечить себе алиби на всякий случай. Было решено совершить убийство 10 февраля, этот день был примечателен тем, что Зотов отмечал свой день рождения.

В назначенный день и час дело было сделано, а бандиты, возвратившись домой, продолжали отмечать день рождения Зотова.

Однако никакие уловки преступникам не помогли. Они все были признаны виновными и приговорены к длительным срокам лишения свободы¹.

Приведенный пример показывает, что машина привлекла внимание свидетеля, а впоследствии и следователя потому, что не вписывалась в об-

---

¹ Архив Алтайского краевого суда. Д. № 92/2003.

щую, привычную обстановку. Нахождение ее длительное время недалеко от места преступления как в день убийства, так и за несколько дней до него должно было заинтересовать следствие. Что, в конечном счете, и привело к установлению виновных.

В то же время можно предположить, что сосед мог не обратить внимания на автомобиль и незнакомых мужчин именно потому, что они для него никакой ценности и смысла не имели. Тогда результаты расследования могли быть другими.

Таким образом, противоречия в элементном составе криминалистической ситуации обнаруживаются в ее ценностно-смысловой структуре, проектируются дальше, в ее объективную, логико-формальную структуру, приводя в движение всю систему. Именно поэтому можно говорить о **криминалистической ситуации как о самоорганизующейся, саморегулирующейся системе**. В регуляции участвуют объекты окружающего мира, направляющие движение деятельности (в первую очередь мыслительной) субъекта доказывания, их ценностно-смысловые характеристики, определяющие избирательность субъекта, сам субъект доказывания, который в этих характеристиках преломляется со своим опытом, знаниями, умениями, навыками, возможностями и т.д. Все это вместе и порождает деятельность субъекта доказывания, направленную на решение стоящих перед ним задач. Не случайно еще А. Камю указывал на то, что ситуации не существует в мире, но ее нет и в человеке, она возникает в силу их сосуществования, «совместного присутствия»¹.

В соответствии с такими представлениями субъект доказывания и окружающий его мир образуют единую систему – криминалистическую ситуацию. Их единство закрепляется возникновением общих, интегральных системных качеств, определяющих основное направление всей системы. Так, предметный мир становится носителем этих качеств, а для субъекта доказы-

---

¹ Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990. – С. 39.

вания мир становится реальной и предметной действительностью, ситуацией, в которой субъекту предстоит действовать.

С учетом этого неформальная структура криминалистической ситуации понимается не как статическое образование, а как движение, отражающее динамику превращения объектов в субъективно значимые предметы, характеризующиеся смыслами разного уровня представленности и осознанности. Динамика неформальной структуры криминалистической ситуации определяется изменением критериев: оценок, потребностей, мотивов, целей субъектом доказывания. Например, целеобразование в ходе деятельности приводит в движение и неформальную структуру, а изменение мотива обуславливает динамику всей деятельности и изменение личностного смысла самой ситуации. Таким образом, неформальная структура криминалистической ситуации представляет собой основной результат реального взаимодействия субъекта доказывания с окружающей средой, в котором отражается и действующая личность (человек), и объективный мир.

Эту неформальную структуру и не учитывают криминалисты, хотя именно она является основой всех трансформаций деятельности субъекта доказывания или, точнее говоря, всей системы, коей является криминалистическая ситуация.

Объективные обстоятельства по уголовному делу связаны в определенную структуру, т.е. не являются некой разрозненной совокупностью обстоятельств. В связи с чем можно предположить, что логика субъекта доказывания уже в определенной мере предопределена объективной логикой структурных взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики преступления (объективными обстоятельствами). С другой стороны, на этой логической (логико-формальной) структуре как бы надстраивается другое, неформальное измерение. Иначе говоря, каждый элемент, включенный в логическую структуру, имеет еще и неформальные (ценностно-смысловые) координаты в виде большего или меньшего значения и смысла

каждого из элементов логической структуры для выдвижения версий, а также разработки и реализации тактики и стратегии расследования.

Сложность в том, что сам человек не замечает того, что его жизненный мир имеет двойственную характеристику. С одной стороны, действительность, в которой живет и действует человек, воспринимается им как вне и независимо от него существующая реальность. С другой стороны, он не замечает того факта, что эта действительность уже содержит в себе его самого – познающего и действующего человека, что она уже отобрана как соответствующая ему, находится с ним в одной системе, соизмерима с ним, тождественна¹.

Таким образом, **неформальная, ценностно-смысловая структура (ЦСС) криминалистической ситуации – это структура ситуации, в которой как сами ее элементы (объективные обстоятельства по уголовному делу), так и их взаимосвязь оказываются детерминированными значениями, смыслами и ценностями, которые они имеют для субъекта доказывания.** Здесь объективная логика ситуации как бы искажена субъективно-оценочным процессом, без которого невозможна направленная поисково-познавательная деятельность.

Неформальная структура криминалистической ситуации представляет сплав двух детерминаций – субъективной и объективной и содержит в себе источник саморазвития ситуации. Смыслы и ценности в их единстве и взаимодействии, тождественности и противоположности, полагаем, должны стать объектом криминалистического исследования.

Употребляя такие категории, как значение, смысл и ценность элементов криминалистической ситуации, необходимо раскрыть их содержание.

Значение – это понятие (слово), которое обозначает нечто (пистолет, нож, кровь, след и т.д.). Благодаря значениям, объекты превращаются в предметы. А.Н. Леонтьев первым заметил, что животные в отличие от чело-

---

¹ Клочко В.Е. Саморегуляция мышления и ее формирование: Учеб. пособие. – Караганда: Изд-во КарГУ, 1987. – С. 27.

века живут в четырехмерном мире (трехмерное пространство и время). «Возвращаясь к человеку, к сознанию человека, я должен ввести еще одно понятие – понятие о пятом квазиизмерении, в котором открывается человеку объективный мир. Это – "смысловое поле", система значений»¹. Л.С. Выготский утверждал, что «значения превращают ощущения в вещи... возникновение предметного сознания непосредственно связано со значениями»².

Предметное сознание является первым уровнем, соответствующим формирующемуся пятимерному миру человека. Свет, отражаясь от предметов, несет информацию о них, и граница между предметами и человеком устанавливается не на предметах, а на сетчатке глаза. Вот это и есть то, на что указывал Л.С. Выготский, – глаз, который видит все, не видит ничего³. Феномен предметности заключается в том, что **граница между человеком и предметом устанавливается на предмете, и это является важнейшим условием для того, чтобы стало возможным его восприятие**⁴.

Смысл – это субъективная значимость предмета. «Значение приводит к возникновению осмысленной картины мира»⁵. Следует добавить, что значения приводят сначала к предметной картине, в виде разрозненных, не объединенных в одну систему предметов. Смысл предметной картины преступления на первоначальном этапе расследования, так же как и ее отдельных деталей, во многом остается непонятным для следователя. Так, например, при осмотре места происшествия субъект доказывания выявляет и изымает различные объекты, лишь предполагая, что они могут иметь отношение к преступлению. В дальнейшем, с учетом проверки и оценки полученных доказательств, информация приобретает определенный смысл для субъекта доказывания. Основываясь на этом, субъект объединяет разрозненные «фрагменты» в единое целое (некую систему), выстраивает логичную картину происшед-

¹ Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1979. – № 2. – С. 5.

² Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. – Т. 1. – М., 1982. – С. 277-288.

³ Там же. – С. 347.

⁴ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975.

⁵ Выготский Л.С. Указ. раб. – С. 278.

шего, выдвигает версии и сообразовывает с ними свои последующие действия.

Таким образом, можно констатировать, что смыслы живут в предметах, но представляют человека, который их познает. Иными словами, «смыслы представляют человека, его потребности (желания, хотения, стремления и т.д.) в предмете и являются поэтому самыми яркими демонстрантами того, как субъективное искажает объективное, позволяя человеку избирательно взаимодействовать с объективной реальностью... Без значений нет предметов, без смыслов предметный мир не может стать реальностью...»¹.

С учетом изложенного криминалистическая ситуация есть «смысловая действительность». Именно это смысловое отношение, как справедливо указал И.В. Голубович, разрывает и расширяет границы ситуации², а в основе перехода от предметного сознания к смысловому лежит деятельность субъекта доказывания. При этом можно выделить два варианта выхода субъекта доказывания к смыслам предметов.

1. Чаще всего в своей деятельности субъект доказывания самостоятельно выходит к смыслам предметов путем решения задач «на смысл». С решением таких задач может быть связана внешне кажущаяся, на первый взгляд, «бессмысленная манипуляция» с отдельными предметами (объектами), проведение «лишних», «ненужных» действий. Но именно эти действия, в конечном счете, могут привести к положительному результату в расследовании.

Так, например, при расследовании одного тяжкого преступления было выяснено, что в материалах дела имеются фотографии места происшествия плохого качества и в недостаточном количестве. Для укрепления доказательственной базы было принято решение «на всякий случай» еще раз провести

---

¹ Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – С. 89.

² Голубович И.В. Ситуационный подход в контексте современного гуманитарного знания // Ситуационные исследования. Вып. I: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 19.

осмотр места происшествия, основной целью которого являлась дополнительная фотосъемка. После изготовления снимков следователь обратил внимание, на интересную деталь – почти на всех кадрах присутствовал мужчина, который со стороны наблюдал за действиями криминалистов. Дальнейшая проверка незнакомца по учетам дала неожиданный результат. Оказалось, что именно этот человек находится в розыске за аналогичные преступления. Такой поворот в событиях изменил первоначальную версию о причастности к преступлению другого лица, вследствие чего были проведены мероприятия, направленные на поиск подозреваемого. Очень скоро он был задержан и полностью признался в совершении преступления. Свое местонахождение во время осмотра (когда он попал в объектив фотоаппарата) он объяснил тем, что его постоянно «тянуло» на место преступления, где он хотел еще раз «пережить острые ощущения»¹.

2. Субъект доказывания может приписывать такой смысл предметам (явлениям, процессам и т.д.), которого они не имеют или который не был открыт им ранее. Обретая смысл, предмет, существовавший до этого «в себе и для себя», открывается для субъекта доказывания как некая реальность, существующая «для него». Поэтому, взаимодействуя с объектами, субъект доказывания лишь предполагает, что они могут в будущем иметь отношение к расследуемому событию. В то же время в процессе доказывания эти предметы с учетом их оценки обретают «личностный смысл» для познающего субъекта, а полученная информация является основой для выдвижения и проверки версий.

При расследовании двух тяжких преступлений, проверяя причастность к ним Кулакова, следователь вдруг «вспомнил» о направлявшихся еще год назад для постановки на централизованный учет пулях. Эти пули были извлечены из тел потерпевших, получивших ранения при обстоятельствах, схожих с расследуемыми. Каково же было удивление следователя, когда пришел ответ и оказалось, что во всех четырех случаях пули идентичны. Та-

---

¹ По материалам практики прокуратуры Карагандинской области.

кой поворот событий не оставлял сомнений в виновности подозреваемого во всех четырех преступлениях¹.

Приведенный пример наглядно показывает, что пули, которые заинтересовали следователя, для предыдущих его коллег не имели особого смысла и ценности, поэтому о них просто забыли. Попав вновь в криминалистическую ситуацию и обретя в ней новый смысл, пули стали одним из центральных элементов этой ситуации, что и привело к расследованию преступлений.

Таким образом, предметный мир, преломленный через смысловую координату, приобретает форму реальности для субъекта доказывания, но это еще не является действительностью. Для этого необходима такая категория, как ценность.

Ценность – междисциплинарное понятие, используемое в разных науках. В ценностном мире вещи, предметы, явления не исчезают бесследно, не забываются, а осознаются в своей отнесенности к другим людям, которые будут нуждаться в них завтра, людям, осуществляющим аналогичную или смежную деятельность.

Именно это учитывают различные науки (в том числе криминалистика), когда закрепляют накопленные знания, используют и развивают их в будущем.

В рамках новой парадигмы можно утверждать, что ценности не усваиваются, они превращаются в одно из измерений многомерного мира человека, превращая его в жизненный мир как пространство для реализации актуальных потребностей и возможностей человека². Ценность превращает реальность в устойчивую действительность, т.е. элементы, которые теряют актуальность, благодаря ценности продолжают оставаться в криминалистической ситуации. Иными словами, ценность (в криминалистическом аспекте) – это полезность объекта по отношению к потребностям субъекта доказывания.

---

¹ По материалам практики УВД г. Бийска за 2003 год.

² Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – С. 92.

Криминалистика, имея богатую историю, с явлениями смысла и ценности сталкивалась, но не могла их объяснить. Теперь это стало возможно благодаря разработке и внедрению в практику теории психологических систем, суть которой освещалась в п. 1.2 настоящей работы. Было установлено и доказано, что системные сверхчувственные качества предметов объективного мира «отражаются» эмоциями человека. Это и есть главный принцип работы сознания – видеть то, что надо, но так, как оно есть «на самом деле». Позднее были открыты нейроны подкорковых структур, основным назначением которых как раз и является отражение смыслов и ценностей предметов (Н.П. Бехтерева и др., «Государственный реестр открытий», март 1988 г.). Таким образом, теория психологических систем получила и нейропсихологическое подтверждение.

Для криминалистики это открывает новые просторы для проведения исследований в области тактики и методики расследования, в частности проблемы применения полиграфа («детектора лжи») и нетрадиционных методов расследования преступлений¹.

Например, экспериментальным путем было доказано, что неформальная структура любой ситуации (в том числе и криминалистической) человеком не осознается, но влияет на формирование мыслительной деятельности человека, на трансформацию всей его деятельности. Эти исследования начали проводить еще в конце 70-х гг. прошлого века О.К. Тихомиров и Ю.Е. Виноградов. Они заключались в синхронной записи кожногальванической реакции (КГР) и речевых рассуждений испытуемых в процессе решения мыслительных задач, а также регистрации их действий, внешних эмоцио-

---

¹ См.: Эксархопуло А.А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2. – М.: Спарк, 2001. – С. 23-28; Образцов В.А. Криминалистика: Курс лекций. М., 1996. – С. 180-221; Китаев Н.Н. Нужна ли следователям «криминалистическая гипнология»? // Российская правовая система: становление, проблемы, пути совершенствования: Мат-лы Республиканской научной конференции / Под ред. В.К. Гавло, В.Я. Музюкина, В.В. Невинского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 330-331 и др.

нальных проявлений¹. Позднее была создана целая система методов исследования, основанная на этом методическом приеме.² В результате проведенных исследований были вскрыты механизмы целеобразования, возникновения промежуточных целей и их взаимоотношения с промежуточными целями. Оценивая исследования в этой области, А.Н. Леонтьев отметил как значительный тот факт, что процессы, о которых шла речь, «составляют одну из образующих не только собственно когнитивной, но и непосредственно практической деятельности»³.

Следует отметить, что в криминалистике проблема инициации мыслительной деятельности выступает не только как проблема мотивообразования, но и как проблема целеобразования, поскольку развернутая мыслительная деятельность становится возможной в условиях поставленной задачи, что позволяет понять и исследовать инициацию как особую поисково-познавательную деятельность участников уголовного судопроизводства.

Много схожего с указанными выше положениями имеется в принципах работы полиграфа, однако большинство отмеченных выше аспектов не учитывается учеными-юристами.

Полагаем, что подход к расследованию именно как реконструктивной познавательной деятельности требует отдельного рассмотрения механизмов развития криминалистических ситуаций, знание о которых должно учитываться как при составлении конкретных методик расследования, так и при подготовке следователей и криминалистов. С этих позиций несколько по-другому можно раскрывать смысл и содержание устоявшихся уголовно-правовых и криминалистических категорий, таких, как: мотив преступления, цель преступления, личность преступника, механизм преступления, способ

---

¹ См. подробнее: Тихомиров О.К., Виноградов Ю.Е. Эмоции и функции эвристических // Психологические исследования. – 1969. – Вып. I.

² См. подробнее: Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1991; Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – С. 108-125.

³ Цит. по работе Ключко В.Е. Саморегуляция мышления и ее формирование. – Караганда, 1987. – С. 35.

преступления, преступная деятельность, поисково-познавательная деятельность и т.д. В частности, в деятельности субъектов доказывания помимо общепринятой структуры (объект, субъект, цель, средство, результат) можно выделить и такие ее основополагающие элементы, как смыслообразование и целеобразование. Они соответствуют общефилософским взглядам на взаимодействие объективных и субъективных фактов¹, в результате чего возникает на их пересечении ценностно-смысловая структура (ЦСС) любой ситуации, в том числе криминалистической. Без учета ЦСС, как это было показано выше, невозможно объяснить, почему мыслительная деятельность субъекта доказывания развивается тем или иным образом, в том или ином направлении. С этим понятием связана так называемая «селективность» (избирательность) мыслительной деятельности – ЦСС составляет как бы особое внечувственное измерение криминалистической ситуации решения задачи, нарушающее равнозначность элементов, составляющих ее, что и обеспечивает предпочтение тем из них, которые в данный момент времени являются наиболее значимыми для поиска решения².

Дальнейшее развитие представлений о ЦСС криминалистической ситуации, на наш взгляд, должно идти по пути изучения механизмов мотивообразования и целеобразования, без которых нельзя понять, почему то или иное обстоятельство, явление, факт включаются или не включаются в ситуацию расследования. Почему, будучи включенными в криминалистическую ситуацию, они направляют познавательную деятельность субъекта доказывания в ту или иную сторону.

Полагаем, что если криминалистика является наукой, если она пользуется теоретическим мышлением как всякая теория, то она должна выходить

---

¹ Кузьмин В. П. Различные направления разработки системного подхода и их гносеологические основания// Системные исследования. Методологические проблемы. – М, 1984. – С. 7-29.

² Подробнее см. гл. 3 и 4 настоящей работы.

за пределы чувственного к тому единству объективного и субъективного, о котором говорил Г. Гегель: «...что только теория поднимается к этому»¹.

Итак, криминалистическая ситуация есть нечто более сложное, нежели совокупность предметов, связанных между собой объективными отношениями. Криминалистическая ситуация имеет видимый слой и невидимый, внечувственный, смысловой. Вся сложность в том, что человек не знает своей продолженности в мир, в связи с чем ситуация воспринимается им как внешнее, расположенное вовне. Само это «вне» располагается особым образом – в «продолженном» человеке, за пределами сознания, но в пределах системы, т.е. той части объективного мира, которая, кроме природной, имеет еще внечувственную, неформальную, ценностно-смысловую структуру.

Можно предположить, что актуальность начнут обретать исследования, в которых будут предлагаться различные варианты реализации системного подхода, поскольку именно он предназначен для преодоления дуализма между субъективным и объективным, внутренним и внешним. Наука знает много вариантов системного подхода². Можно полагать, что наиболее приемлемым для решения поднимаемой нами проблемы, является тот, который предложен В.П. Кузьминым. Он представляет собой интеграцию двух форм системного подхода – общетеоретического и научно-практического, что позволяет взять противоположности в «одной системе координат» и схватить процесс порождения особых системных качеств «удвоенных», «внечувственные», «сверхчувственных», которые как раз и участвуют в детерминации развития целостного явления³.

---

¹ Гегель Г. Работы разных лет. – Т. 2. – М., 1971. – С. 95.

² См., напр.: Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. – М., 1973; Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы // Избранные труды. – М., 1978; Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М., 1978; Блауберг И.В. Проблемы целостности и системный подход. – М., 1997 и др.

³ Кузьмин В.П. Принципы системности в теории и методологии К. Маркса. – М., 1980; Кузьмин В.П. Различные направления разработки системного подхода и их гносеологические основания // Системные исследования. Методологические проблемы. – М., 1984. – С. 7-29.

В криминалистике очень похожие идеи в своих работах развивает В.К. Гавло в учении о криминалистической характеристике расследования преступлений (В.К. Гавло, 1973; Г.А. Густов, 2004 и др.). Родственные идеи можно уловить в развитии представлений о следственных версиях (Л.Я. Драпкин, 1972; А.М. Ларин, 1976 и др.), в решении проблемы комплексного исследования свойств человека (В.Е. Корноухов, 1982), в комплексном исследовании приемов и методов противодействия расследованию преступлений (В.Н. Карагодин, 1992; И.А. Николайчук, 2000; О.В. Полстовалов, 2002 и др.), в развитии частной криминалистической теории пространственно-временных связей и отношений (В.П. Лавров, 1980; Н.В. Кручинина, В.И. Шиканов, 1992; В.М. Мешков, 1999 и др.).

Мы полагаем, что криминалистическая ситуация может быть определена как целостная самоорганизующаяся информационно-познавательная система, в которой представлены одновременно и человек, осуществляющий расследование, и объективно-вещный слой его бытия.

Самоорганизация как способ развития систем примечательна тем, что система производит, порождает такие новообразования, которые сами начинают участвовать в регуляции и детерминации последующих этапов развития. Этот способ существования систем гораздо более сложный и тонкий, чем саморегуляция, основанная на обратной связи с заданной и неизменной целью за счет обратной связи. Вот почему интерес представляют именно новообразования, порождаемые деятельностью по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений и их судебному разбирательству, которые становятся характеристиками криминалистической ситуации, включаются в нее. Этими новообразованиями являются: новая информация по делу, меняющиеся смыслы и ценности того, что образует криминалистическую ситуацию, сложная система возникающих на их основе оценок самой ситуации, ее отдельных составляющих и совершаемых действий¹. Здесь учитывается все «дерево целей»,

---

¹ Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений (по материалам корыстно-насильственных преступлений): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1999.

которое выстраивается по мере развития криминалистической ситуации, и те критерии оценок, которое оно представляет субъекту доказывания.

Этим объясняется то, что формируя различные решения по уголовному делу, выдвигая версии, составляя планы раскрытия и расследования преступлений, проведения тактических операций и отдельных процессуальных действий, субъект доказывания исходит не из объективно данного, а из того, каким образом оно отражено в его сознании и стало базой для дальнейшей деятельности, слившись с его жизненным и профессиональным опытом.

Правильное понимание этих процессов позволяет глубже понять деятельность субъектов доказывания в уголовном судопроизводстве, что, в конечном счете, способствует оптимизации расследования преступлений.

Диалектический подход, рассматривающий различные явления в их самодвижении, саморазвитии, позволяет соединить статические и динамические характеристики криминалистической ситуации, объективные и субъективные ее составляющие. Выделяя же типичные виды преступлений, приходится абстрагироваться от неформальных (ценностно-смысловых) компонентов криминалистических ситуаций, без которых они реально не существуют. От этого, в конечном счете, зависит возможность выделения и стратегий, и тактик расследования отдельных видов преступлений. В них словно закрепляются наиболее универсальные, устойчивые смыслы, теряя при этом свою непосредственно переживаемую форму¹.

Различные формы системного подхода в криминалистике применяются постоянно (Р.С.Белкин, О.Я. Баев, А.И. Винберг, В.К. Гавло, А.Н. Васильев, Л.Я. Драпкин, Л.Л. Каневский, Н.С. Полевой, Н.П. Яблоков и др.), но криминалистические реалии сегодняшнего дня требуют дальнейшего изучения их с точки зрения системной детерминации. Специфика системной детерминации, по мнению В.П. Огородникова, состоит в особом рода взаимодействиях элементов внутри системы. Рассмотрение специфики системного взаимодейст-

---

¹ Ким Д.В. Следственная ситуация как многомерное явление // Следователь, 2003. – № 9. – С 33-35.

вия – ключ к пониманию самодетерминации, самодвижения, ибо только в отношении системы можно говорить о «воздействии на себя»¹. Такой подход, полагаем, дает ключ к пониманию самодвижения деятельности по раскрытию преступлений в складывающихся криминалистических ситуациях.

В криминалистической ситуации сливаются, интегрируются различные детерминационные потоки, берущие начало в объективных обстоятельствах дела, в действиях (и противодействиях) подозреваемых (обвиняемых), в личном опыте лица, проводящего расследование (включая и его знания, умения, уровень развития профессионального мышления), влияние других участников расследования, вообще менталитет профессиональной среды. Это и позволяет рассматривать криминалистическую ситуацию как особым образом детерминированную систему, которая, в свою очередь, выполняет системообразующую функцию по отношению ко всей деятельности по расследованию преступления, обеспечивая ее направленное и устойчивое развитие.

Эволюцию системного подхода, приводящую к выделению особых системных качеств, порожденных самой системой в процессе ее функционирования и развития, которые продолжают участвовать в ее дальнейшем развитии, можно уловить в разных науках. Известный философ XX столетия М.М. Мамардашвили писал: «Сознание наше живет в напряженном поле, очерченном предельными границами смыслов, и ясность в нем возможна только тогда, когда мы владеем языком этих смыслов... умеем читать то, что они нам говорят о наших возможностях и природе»². С миром «чистой объективности» у человека прямого контакта нет, люди живут в «смысловых полях» – указывал еще в 30-е гг. основатель культурно-исторической психологии Л.С. Выготский³. Нельзя представить криминалистическую ситуацию как чисто объективную конструкцию. Научить будущего криминалиста «читать

---

¹ Огородников В.П. Познание необходимости. М., 1985.

² Мамардашвили М.М. Как я понимаю философию. М., 1990. – С. 61.

³ Выготский Л.С. Проблема развития в структурной психологии // Собр. соч. в 6 т. – Т. 1. – М., 1982. – С. 264.

то, что нам говорят смыслы» означает не просто рассказать ему, что такое криминалистическая ситуация, но ввести его в эти ситуации хотя бы смоделированные с помощью ЭВМ. Однако для этого и необходимо предварительно разобраться с их системно-смысловым «устройством».

Дальнейшая разработка системного подхода применительно к проблемам криминалистики должна позволить выделение диалектики криминалистической ситуации как динамической информационно-познавательной системы. При этом остается задачей обнаружение источников трансформации криминалистической ситуации не во внешнем (объективном), не во внутреннем (субъективном), а в ней самой, в том сложном единстве субъективных и объективных, внешних и внутренних факторов, которые и обуславливают движение криминалистической ситуации, ее развитие. Возможно, это позволит более обоснованно отбирать и систематизировать рекомендации, относящиеся к частным методикам расследования преступлений², и их судебному разбирательству³, к проведению отдельных следственных действий⁴, тактических операций⁵, а также обеспечит дальнейшую разработку и совершенствование

---

² См., напр.: Коновалов С.И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики. – Ростов н/Д.: РЮИ МВД России, 2001; Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. – Иркутск: ИЮИ ГП РФ, 2003; Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений (история возникновения и развития): Монография / Под ред. И.А. Возгрин. Кн. 1. – СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2004; Кн. 2 (становление и развитие). – СПб., 2005 и др.

³ См.: Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2003; Пименова З.И. Криминалистические аспекты участия государственного обвинителя в рассмотрении дел об убийствах по найму: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2003 и др.

⁴ См.: Кривошеин И.Т. Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001; Хижняк Д.С. Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2004; Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос. – М.: ТК Велби, Изд-во «Прспект», 2005 и др.

⁵ См.: Марочкин Н.А. теоретические проблемы тактических операций в криминалистике. – Саратов, 1999; Комаров И.М. Криминалистические операции в досудебном производстве: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002 и др.

зование автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС) в методике расследования отдельных видов и групп преступлений¹.

С учетом изложенного **криминалистическую ситуацию можно определить как сложную динамическую систему информационного характера, которая возникает в деятельности по расследованию преступлений и их судебному разбирательству, является ее результатом и одновременно новообразованием деятельности, определяющим ее дальнейшую организацию.**

2.3. Классификация криминалистических ситуаций как разновидность систематизации научного знания

В любой отрасли научного знания можно обнаружить большое количество различных классификационных оснований объектов в целях решения актуальных исследовательских задач. Не является исключением и криминалистика. Объектами классификации в ней являются многие явления, связанные как с механизмом подготовки, совершения и сокрытия преступлений, так и с процессом их раскрытия, расследования и предупреждения². Однако фундаментальные исследования, которые могут составить базис криминалисти-

¹ См.: Лузгин И.М. Информационная природа доказывания в расследовании преступлений. / Правовая кибернетика. – М., 1973. – С. 107-116; Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. – М., 1982. – С. 113-134; Герасимов И.Ф. Пути повышения эффективности методик раскрытия и расследования преступлений: К проблеме алгоритмизации деятельности следователя // Алгоритмы и организация решений следственных задач. – Иркутск, 1982. – С. 33-35; Шаталов А.С. Проблемы алгоритмизации расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2000 и др.

² Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. – М., 1969; Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. – М., 1969. – С. 53; Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – С. 130-211; Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. – Красноярск, 1988; Курс криминалистики / Под общ. ред В.Е. Корноухова. – Красноярск, 1996. – С. 40-75; Яблоков Н.П. Совершенствование криминалистической классификации преступлений в методике расследования // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 1988. – № 2. – С. 18; Куцонис П.Б. Проблемы построения и использования криминалистических классификаций в методике расследования преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1990. – С. 11-46; Белкин А.Р. Криминалистические классификации. – М., 2000 и др.

ческой теории классификации, до сих пор не осуществлены, вследствие чего в этой области исследования остается ряд нерешенных проблем¹, которые в свою очередь тормозят развитие науки. В частности, остаются дискуссионными вопросы относительно понятия криминалистической классификации, ее цели, принципов, оснований классификации, их практического применения и т.д.

К сожалению, границы нашего исследования не позволяют рассмотреть все обозначенные проблемы, поэтому остановимся лишь на некоторых, непосредственно связанных с криминалистическими ситуациями.

Учитывая системный подход, базирующийся на анализе научной литературы, следует согласиться с мнением А.Ю. Головина, который предлагает рассматривать классификацию как специфическую разновидность систематизации научных знаний (в широком смысле) в отличие от традиционного подхода – как средства, способствующего систематизации (в узком смысле)². Его выводы базируются на том, что «систематизация в криминалистике – это исследовательская деятельность, направленная на выявление в объекте криминалистического исследования существенных элементов, структур и связей, облегчающее его изучение в целях решения стоящих перед криминалистикой задач. Целью научной классификационной деятельности в криминалистике выступает построение системы соподчиненных криминалистических понятий. Это позволяет говорить о том, что криминалистическая систематизация и криминалистическая классификация соотносятся как общее и частное»³.

Действительно, большинство ученых рассматривают классификацию как логическую операцию деления объема понятия и это действительно так⁴, однако следует учитывать, что основной задачей любой классификации, в

---

¹ Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. – М., 2002. – С. 36.

² Там же. – С. 39.

³ Там же. – С. 40.

⁴ См., напр.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юрист, 1997. – С. 379-383; Хмыров А.А. О классификации косвенных доказательств // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 32. – М., 1980. – С. 71; Россинская Е.Р. Проблемы систематизации и классификации методов экспертного исследования // Проблемы криминалистической теории и практики. – М. 1995. – С. 59 и др.

том числе и криминалистической, является познание самых разнообразных объектов и явлений как целостной системы. В связи с чем понятие «классификация» представляется более широким, нежели только средство, способствующее систематизации.

Анализ научной литературы показывает, что существует многообразие точек зрения относительно оснований классификации криминалистических ситуаций. Связано это, прежде всего, с индивидуальным, субъективным подходом исследователей. Однако субъективизм таит в себе серьезную опасность «размывания» границ исследуемого понятия, когда в основу классификации положен оценочный критерий. Примером может служить деление ситуаций на благоприятные и неблагоприятные в зависимости от возможностей достижения целей расследования¹. Представляется, что благоприятная или неблагоприятная криминалистическая ситуация определяется в каждом конкретном случае субъектом доказывания исходя из его опыта, знаний, умений и т.д. Поэтому для одного субъекта она будет благоприятной, для другого, наоборот, – неблагоприятной. Кроме того, выбранный критерий относителен, на что правильно указал А.Ф. Облаков². Так, в одних случаях сложившаяся ситуация будет более благоприятной, в других – менее. То же самое можно сказать и о делении ситуаций на простые и сложные³, быстро изменяющиеся и относительно стабильные⁴, нормальные и экстремальные⁵, долговременные и быстротечные⁶ и др. Исходя из этого, подобные деления вызывают определенные возражения и вряд ли целесообразны.

---

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997. – С. 144; Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – М.; Калинингр. ун-т. – Калининград, 1997. – С. 108; Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Мн.: Амалфея, 2000. – С. 106 и др.

² Облаков А.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации: Учеб. пособие. – Хабаровск: Хабаровская ВШ МВД СССР, 1985. – С. 66-67.

³ См.: Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – С. 24-25; Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 106 и др.

⁴ Облаков А.Ф. Указ. раб. – С. 68.

⁵ Возгрин И.А. Криминалистическая тактика: понятие и предмет исследования // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2. – М.: Спарк, 2001. – С. 12.

⁶ Бурнашев Н.А. Следственные ситуации в методике расследования преступлений // Проблемы интенсификации деятельности по расследованию преступлений. – Свердловск, 1987. – С. 21.

В связи с этим В.И. Кириллов и А.А. Старченко выделяют важнейшее требование к классификационному признаку – объективность. Оно означает, что выбранное основание классификации должно исключить возможность субъективного подхода к созданию классификационной системы¹.

Отступление от принципов системного подхода при построении классификации приводит к эклектическим построениям, сложным, нелогичным конструкциям². Во избежание этого в логике принято выделять четыре правила деления объема понятия:

- деление должно быть соразмерным, т.е. должны быть перечислены все виды делимого понятия;

- деление должно производиться только по одному основанию, т.е. в процессе деления избранный признак должен оставаться одним и тем же и не подменяться другим признаком;

- члены деления должны исключать друг друга, т.е. конкретный предмет или явление должны находиться только в объеме одного какого-либо видового понятия и не входить в объем другого видового понятия;

- деление должно быть непрерывным, т.е. в процессе деления нужно переходить к ближайшим видам, не пропуская их³.

Четкая, стройная классификационная система несет в себе определенную информацию, что позволяет говорить о ней как о разновидности информационной модели, на что правильно обращают внимание ученые-криминалисты⁴.

---

¹ Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. – М., 1995. – С. 56.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – С. 391.

³ Кириллов В.И., Старченко А.А. Указ. раб. – С. 56-57; Гетманова А.Д. Логика. – М., 1986. – С. 52 и др.

⁴ См., напр.: Гавло В.К. Методика расследования как особая теоретико-методическая модель – информационный аналог расследования криминальных событий // Проблемы теории и практики борьбы с преступностью. – Томск, 1983. – С. 169; Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 122-123; Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: Монография. – Барнаул: АГУ, 2000. – С. 37; Комаров И.М. Криминалистические операции в досудебном производстве: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 233-234 и др.

В свою очередь, под используемой в криминалистике моделью, по мнению Т.С. Волчецкой, следует понимать «искусственно созданную материальную и идеальную систему, воспроизводящую исследуемое криминальное событие или отдельные ситуации и обстоятельства его совершения, а также ситуации и обстоятельства его расследования так, что ее изучение позволит получить об оригинале информацию, необходимую для успешного решения практических, научных и дидактических криминалистических задач»¹.

Что же касается видов классификаций в криминалистике, то А.Р. Белкин выделяет простые, сложные и составные классификации. Простые классификации, по его мнению, это одноуровневые классификации, когда делимое понятие подразделяется на ряд подчиненных понятий. Сложные классификации многоуровневые, когда один или несколько членов одного уровня в свою очередь подразделяются на том же основании на члены второго уровня. Составная классификация представляет собой сложную систему классификаций, связанную между собой («классификационное древо»)².

Такие ученые, как Р.С. Белкин, В.К. Гавло, Л.Я. Драпкин, В.А. Образцов, А.Ю. Головин и др., подразделяют виды криминалистической классификации на общие и частные классификационные системы³. Так, Р.С. Белкин к частным классификациям относит классификационные системы различных объектов, действий и процессов, изучаемых криминалистической наукой⁴. При этом обращает на себя внимание очень важный, на наш взгляд, момент, заключающийся в том, что «эти классификации представляют собой одно из

---

¹ Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 122.

² Белкин А.Р. Криминалистические классификации. – М., 2000. – С. 15-16.

³ См., напр.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – С. 379-402; Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. – С. 239; Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – С. 24-25; Шаталов А.С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. (Научное издание). – М.: Лига Разум, 2000. – С. 139-141; Головин А.Ю. Указ. раб. – С. 61 и др.

⁴ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – С. 394-402.

средств практической деятельности, разрабатываемое криминалистикой специально для нужд борьбы с преступностью»¹. Иначе говоря, при построении классификационных систем необходимо учитывать практическую деятельность правоохранительных органов. В свою очередь, криминалистические классификации должны служить оптимизации этой деятельности, что не всегда учитывается разработчиками.

По мнению П.Б. Куцониса, учет практики при криминалистической классификации реализуется в том, что:

- во-первых, любая классификация основывается на материалах практики;
- во-вторых, практика борьбы с преступностью позволяет проверить истинность той или иной классификации;
- в-третьих, криминалистические классификации строятся с целью решения задач борьбы с преступностью².

С учетом этого актуальным является вопрос классификации криминалистических ситуаций во всем их многообразии, разработка которой позволяет свести их в одну систему.

Г.А. Зорин считает, что классификация ситуаций позволяет:

- 1) структурировать ситуацию, определить ее конструкцию, доминанты, ядро, периферию;
- 2) определить ее стратегические и тактические характеристики, прогноз ее развития и вероятностный результат;
- 3) определить ее смысл и цель³.

На сегодняшний день существует множество классификаций криминалистических ситуаций, основанием которых, как правильно отмечает

---

¹ Белкин Р.С. Указ. раб. – С. 394.

² Куцонис П.Б. Проблемы построения и использования криминалистических классификаций в методике расследования преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1990. – С. 11-46.

³ Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Мн.: Амалфея, 2000. – С. 103-104.

Р.С. Белкин, в большинстве случаев служит характеристика лишь одного из их компонентов¹.

В контексте нашего исследования все ситуации, изучаемые криминалистикой, мы будем именовать криминалистическими². В связи с чем криминалистические ситуации в зависимости от сферы их возникновения (деятельности субъектов) в самом общем виде (общая классификационная система) можно подразделить на ситуации, возникающие:

- 1) в сфере преступной деятельности (криминальной деятельности³);
- 2) в сфере оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности (поисково-познавательной деятельности⁴, практики борьбы с преступностью⁵);
- 3) в научной криминалистической деятельности (в самой криминалистической науке⁶).

Все ситуации динамичны по своей природе, поэтому целесообразно исследовать их генезис, учитывая при этом определенные этапы их возникновения и развития.

Ситуации преступной деятельности являются элементами системы криминалистической характеристики преступления, изучение которой имеет важное криминалистическое значение, поэтому в зависимости от этапов преступной деятельности (подготовка, совершение, сокрытие) все ситуации системы «преступления», о чем верно пишет В.К. Гавло, можно классифицировать на:

- 1) ситуации, предшествующие преступлению (предкриминальные);
- 2) ситуации совершения преступления (криминальные);

---

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997. – С. 139.

² Более подробно см. п. 2.1 работы.

³ Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 57.

⁴ Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. – М.: Юристъ, 1997. – С. 20.

⁵ Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 57.

⁶ Там же.

3) ситуации, сложившиеся после совершения преступления (посткриминальные)¹.

По этому пути правильно идет Т.С. Волчецкая, которая предлагает рассматривать криминальную ситуацию в качестве одного из звеньев в цепи непрерывно сменяющихся друг друга ситуаций².

Предкриминальные ситуации формируются и существуют в период подготовительных действий преступника во всем многообразии их проявлений: подготовка орудия преступления, высматривание жертвы, выбор способа действий, сокрытие преступления и др.

Все вышеперечисленное относится к предкриминальной ситуации только в том случае, если оно не предусмотрено диспозицией, если же подготовительные действия преступника охвачены диспозицией статьи УК, то они в этом случае войдут в содержание криминальной ситуации.

Непосредственно в момент совершения преступления возникает **криминальная ситуация**. Субъект преступления взаимодействует с окружающим его миром (обстановкой) только в том случае, если элементы этого мира обладают такими качествами, как смысл и ценность для действующего субъекта. Это возможно только после их оценки. Именно через оценку ситуации, полагаем, происходит взаимосвязь между составляющими криминалистической характеристики преступления, а именно: преступной деятельностью и ситуациями, складывающимися до, после и в момент совершения преступления. В этом проявляется индивидуальность каждой ситуации, так как каждый из преступников оценивает ее по-своему и именно это определяет специфику ее возникновения и дальнейшего развития.

Завершающим звеном в цепи криминальных ситуаций является **посткриминальная ситуация**, которая, как правило, завершает преступную деятельность, после чего в большинстве случаев возникают криминалистические ситуации в сфере уголовного судопроизводства. Для посткриминальных ситуаций характерно то, что преступник чаще всего уничтожает следы пре-

¹ Гавло В.К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1988. – С. 22-23 и др.

² Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 67.

ступления, прибегает к инсценировке, скрывается от органов предварительного расследования и т.д. В подобных случаях субъект доказывания при выявлении и использовании информации о преступлении особое внимание должен уделять именно посткриминальной ситуации.

Антиподом преступной деятельности является деятельность, связанная с раскрытием и расследованием преступлений (поисково-познавательная деятельность). Поэтому с учетом трехэтапной структуры преступной деятельности целесообразно выделить три этапа в деятельности по расследованию преступлений. В связи с чем все криминалистические ситуации в сфере оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности можно разделить на:

- 1) ситуации первоначального этапа расследования;
- 2) ситуации дальнейшего этапа расследования;
- 3) ситуации заключительного этапа расследования¹.

Ситуации первоначального этапа расследования возникают на стадии возбуждения уголовного дела, после вынесения соответствующего постановления. Их информационной базой вначале служат данные предварительной проверки, а в дальнейшем – доказательства и иные сведения, полученные в ходе первоначального этапа расследования². Для этих ситуаций характерен недостаток информации – информационная неопределенность.

Ситуации дальнейшего этапа расследования формируются, в первую очередь, с учетом собранных по делу доказательств. От предшествующих ситуаций они отличаются по времени возникновения, по количеству и качеству содержащейся в них информации, условиям и формам (преимущественно процессуальной) ее получения. Именно о них, полагаем, так писал

¹ См., напр.: Облаков А.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации: Учебное пособие. – Хабаровск: Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1985. – С. 71; Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – С. 24-25; Образцов В.А. Криминалистика: Курс лекций. – М., 1996. – С. 117-118 и др.

² Гавло В.К. Расследование и предупреждение хищений на предприятиях молочной промышленности, совершенных должностными лицами: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1969. – С. 74.

А.Н. Васильев в одной из своих работ: «последующий ход расследования определится новой следственной ситуацией, сложившейся по результатам первоначальных следственных действий»¹.

Ситуации заключительного этапа расследования складываются на завершающем этапе, когда субъектом доказывания принято решение об окончании расследования, подводятся его итоги, участники процесса знакомятся с материалами уголовного дела, составляется итоговый процессуальный документ стадии предварительного расследования (обвинительное заключение или обвинительный акт) и т.д. Эти ситуации имеют важное методическое значение, т.к. позволяют спрогнозировать (диагностировать) развитие уголовного дела на последующих стадиях уголовного судопроизводства (особенно на стадии судебного разбирательства).

С учетом специфики уголовно-процессуальной деятельности принято выделять так называемые **доследственные, проверочные** или **исходные криминалистические ситуации**. Они складываются до возбуждения уголовного дела и характеризуются тем, что в поводах к возбуждению уголовного дела отсутствуют достаточные данные, указывающие на признаки преступления, в связи с чем необходимо проводить предварительную проверку.

В зависимости от наличия информации, ее полноты, достоверности и т.п. происходит формирование этих ситуаций, которые, в свою очередь, ориентируют субъекта доказывания на дальнейшие действия².

Рассмотренную классификационную систему криминалистических ситуаций по их связи с этапом деятельности (как преступной, так и процессуальной) с учетом времени возникновения можно подразделить на **исходные (начальные), промежуточные и конечные**.

Таким образом, классификационная система по связи с этапом деятельности является общей классификацией, т.к. этот признак присутствует во

---

¹ Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. – М., 1978. – С. 53.

² Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – С. 241.

всех остальных криминалистических ситуациях, независимо от их классификационной системы (например, типовые ситуации первоначального, последующего и заключительного этапов расследования).

Перед тем как перейти к следующему основанию классификации необходимо отметить, что для судебного разбирательства уголовных дел также характерны определенные ситуации, о которых речь пойдет в последующих главах работы¹.

Если классификационным признаком (критерием) определить субъекта, осуществляющего доказывание и воспринимающим возникшую ситуацию под своим углом зрения, то можно выделить такие криминалистические ситуации: **следственные, оперативно-розыскные, экспертные, судебные**².

В последнее время в связи с предложением ряда ученых относительно расширения предмета криминалистической науки в сторону изучения обвинительной и защитительной деятельности предлагается ввести в научный аппарат науки так называемые защитительные, обвинительные и другие криминалистические ситуации³.

---

¹ См., например, интересные работы: Комисаров В.И., Кисленко С.Л. Тактика судебного следствия, содержание понятие // 50 лет в криминалистике. К 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина: Мат-лы междунауч. конф. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 130-145; Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 58-67; Посохина И.В. Типичные судебные-следственные ситуации по делам о взяточничестве // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 3(15). – М.: Спарк, 2005. – С. 78-85 и др.

² Облаков А.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации: Учеб. пособие. – Хабаровск: Хабаровская ВШ МВД СССР, 1985. – С. 65.

³ См., напр.: Зашляпин Л.А. Криминалистика как основа разработки теоретических аспектов профессиональной защитительной деятельности // Криминалистические аспекты профессиональной защиты по уголовным делам. – Екатеринбург, 2001. – С. 42-54; Деркач А.О. Методика профессиональной защиты от обвинения в насильственно-корыстных преступлениях // Там же. – С. 19-20; Баев М.О., Баев О.Я. Стратегические принципы тактики защиты по уголовным делам // Тактика, методика и стратегия профессиональной защиты. – Екатеринбург, 2002. – С. 10; Зорин Г.А., Зорин Р.Г. Концепция криминалистики защиты // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. – Екатеринбург: Изд-во «Чароид», 2002. – С. 56-69; Бочкарева Е.В. Тактика профессиональной защиты от обвинения в совершении преступлений против собственности на этапе предварительного расследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Сургут, 2003. – С. 6, 10, 16 и др.

Полагаем, что эти выводы не бесспорны. Рекомендации криминалистики рассчитаны на тех, кто осуществляет раскрытие, расследование и предупреждение преступлений. И хотя адвокат (защитник) участвует в доказывании, его полномочия намного уже, нежели у следователя, дознавателя, суда (судьи) и т.д. Кроме того, по отношению к деятельности этих субъектов его деятельность является производной. Наконец, цели профессиональной защиты принципиально отличаются от целей следователя и других субъектов, осуществляющих расследование по уголовному делу. В этом плане правы те ученые, которые считают, что говорить об исследовании проблем защиты в системе криминалистики вряд ли возможно¹. Скорее всего, можно говорить о самостоятельной дисциплине – теории адвокатской деятельности в системе других юридических дисциплин. Поэтому выделение соответствующих ситуаций в рамках криминалистики считаем излишним.

В зависимости от уровней познания или степени определенности выделяют **типовые и индивидуальные (конкретные, специфичные)**.

Если для типовой ситуации характерны обобщенность и «отвлеченность» от частных фактов, то индивидуальная ситуация всегда конкретна. Складываясь при расследовании уголовного дела, она обладает такими признаками, как динамичность, подвижность, индивидуальность, неповторимость, специфичность и т.д.

Иногда индивидуальные ситуации именуют реальными ситуациями². Такое название представляется спорным, а понятие «реальная» само требует уточнения. Дело в том, что реальность «предстает» перед субъектом доказывания в субъективном аспекте, преломляясь через ценностно-смысловую ха-

---

¹ См., напр.: Филиппов А.Г. Криминалистика и теория профессиональной защиты по уголовным делам // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. – Екатеринбург: Изд-во «Чароид», 2002. – С. 125-134; Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Некоторые методологические проблемы криминалистики в свете реализации нового УПК РФ // Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве: Мат-лы науч.-практ. конф. Ч. 1. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2002. – С. 33-44 и др.

² Облаков А.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации: Учеб. пособие. – Хабаровск: Хабаровская ВШ МВД СССР, 1985. – С. 69.

рактическую ситуацию, а поэтому для каждого субъекта ситуация будет своя, индивидуальная, как воспринятая и оцененная только им. В связи с чем отмеченные ситуации более правильно именовать индивидуальными.

Необходимость классификации по этому основанию в методике расследования преступлений трудно переоценить. Типизация ситуаций, как подчеркивал Р.С. Белкин, необходима для построения частных криминалистических методик¹.

Для построения этих методик: во-первых, нужно выявить информационную структуру индивидуальной ситуации и установить связи между ее элементами, а во-вторых, сориентировать эту ситуацию с криминалистической характеристикой преступления и криминалистической характеристикой его расследования. Выявление такого рода связей в криминалистических ситуациях представляет одну из проблемных задач в методике расследования².

При рассмотрении этой классификационной ветви необходимо отметить, что в криминалистической литературе нет единого мнения относительно трактовки и соотношения таких понятий, как «типичная» и «типовая». В этой связи попытаемся проанализировать эти понятия и внести ясность в рассматриваемую проблему.

Словарь русского языка определяет понятие «типичный» как обладающий особенностями, свойственными какому-нибудь типу, характерный (например, типичное лицо, типичное явление и т.д.)³.

В отличие от него «типовой» трактуется в двух значениях. В первом значении он соответствует понятию «тип» – форма, вид чего-нибудь, обладающее определенными признаками, а также образец, которому соответствует известная группа явлений, предметов. Во втором значении он понимается

---

¹ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. – М., 1970. – С. 15; Он же: Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997. – С. 142.

² Гавло В.К. Указ. раб. – С. 245.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз, 1990. – С. 796.

как соответствующий определенному образу, типу, стандартный (например, типовое изделие, типовое строительство и т.д.)¹.

Таким образом, анализируемые понятия следует отличать друг от друга, хотя между ними и имеется много общего. Если для «типового» характерно обобщение, то «типичный» обладает особенностями, характерными для типового.

Типизация же означает специализировать, распределить(-ять), **классифицировать по типам**², т.е. классифицировать по типовым признакам.

С учетом этого представляется не совсем верной позиция тех ученых, которые типичные ситуации отождествляют с типовыми³.

Так, В.И. Куклин считает, что «типичная ситуация – это научная абстракция, являющаяся результатом обобщения следственной практики»⁴.

Этого же мнения придерживается Н.П. Яблоков, полагающий, что типичная ситуация есть «самая высокая степень научной абстракции»⁵.

В этой связи обращает на себя внимание интересная позиция В.К. Гавло, который, анализируя признаки типичной криминалистической ситуации, выделил следующие ее основные положения:

«Во-первых, типичная следственная ситуация – это научное понятие относительно проявления общих черт хода и состояния расследования к определенному его моменту.

Во-вторых, она представляет собой наиболее вероятную, образцовую для заданных условий обстановку расследования.

---

¹ Там же.

² Там же.

³ См., напр.: Криминалистика социалистических стран / Под ред. В.Я. Колдина. – М., 1986. – С. 168; Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997. – С. 142; Криминалистическая тактика: Курс лекций / Под ред. В.П. Лаврова, Б.М. Нургалиева. – Караганда: КарЮИ МВД РК, 1999. – С. 13; Возгрин И.А. Криминалистическая тактика: понятие и предмет исследования // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2. – М.: Спарк, 2001. – С. 12 и др.

⁴ Куклин В.И. Методика расследования отдельных видов преступлений: Учеб. пособие. – Иваново, 1983. – С. 70.

⁵ Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. – М., 1984. – С. 139.

В-третьих, в основе типичной следственной ситуации находятся информационные данные, сориентированные на общие черты криминалистической характеристики отдельных видов (групп) преступлений и условия их расследования.

В-четвертых, типичная ситуация имеет «свой» закономерный набор признаков (о ходе и состоянии расследования), система которых индивидуализирует ее, делает устойчивой, фиксированной на данный момент расследования, что позволяет группировать ситуации по различным ранее названным основаниям»¹.

Указанные признаки, полагаем, необходимо учитывать в практической деятельности, в первую очередь при выдвижении и проверке версий.

Таким образом, типовая следственная ситуация характеризуется комплексом существенных обобщенных признаков, которые отличают ее от индивидуальной (конкретной) ситуации.

В свою очередь индивидуальная (конкретная) криминалистическая ситуация может быть **типичной** и **атипичной**.

Для последней характерны неповторяемые, редко встречаемые черты. Этот вид ситуаций формируется под влиянием факторов, не свойственных обычному течению события преступления и его расследования, что позволяет говорить о них как о наиболее проблемных с точки зрения разрешения задач, стоящих перед субъектами доказывания.

Анализ литературы, обобщение материалов судебно-следственной практики, проведенные социологические исследования показали, что следователи испытывают наибольшие сложности с расследованием тех преступлений, которые характеризуются следующими необычными чертами возникшей криминалистической ситуации: индивидуальными особенностями субъек-

---

¹ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – С. 243-244.

екта преступления, места, времени, способов совершения и сокрытия преступлений, мотивов его совершения¹.

Одним из путей оптимизации расследования в этих случаях является разработка типичных методик расследования преступлений. Чем больше теоретически возможных вариантов путей и способов расследования преступлений содержат эти методики, тем они будут полнее, тем выше коэффициент их полезного действия².

Особую ценность представляет классификация криминалистических ситуаций с учетом роли составляющих их компонентов. С учетом этого Л.Я. Драпкин предложил дифференцировать ситуации на пять классификационных групп: проблемные, конфликтные, тактического риска, организационно неупорядоченные, смешанные³.

Несмотря на определенные достоинства, его классификация имеет и ряд недостатков, которые уже были предметом обсуждения⁴. Анализируемая классификация, как представляется, более всего проявляется по некоторым классификационным основаниям (проблемная, конфликтная, тактического риска) и, скорее всего, при производстве отдельных следственных действий. Например, конфликтные ситуации могут возникнуть при допросе, очной ставке, обыске и т.д. Но конфликтность не должна применяться для характеристики общей ситуации расследования как объективно не фиксируемая⁵. С учетом того, что все криминалистические ситуации являются проблемными,

---

¹ Полученные данные совпадают с данными, опубликованными в литературе, что позволяет говорить о них как о репрезентативных. См. также: Арцишевский Г.В. Выдвижение и проверка следственных версий. – М., 1978. – С. 53; Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – С. 49; Тяжкие и особо тяжкие преступления: квалификация и расследование: Руководство для следователей. / Под ред. С.Г. Кехлерова; науч. ред. С.П. Щерба. – М.: Спарк, 2001 и др.

² Гавло В.К. Указ. раб. – С. 246.

³ Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск, 1987. – С. 11.

⁴ Филиппов А.Г., Целищев А.Я. Понятие и криминалистическое значение следственной ситуации // Сов. гос-во и право. – 1982. – № 8. – С. 71-75; Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997. – С. 139-142; Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – М. – Калининград, 1997. – С. 106-107 и др.

⁵ Гавло В.К. Указ. раб. – С. 238.

полагаем, конфликтность, тактический риск и т.д. могут считаться определенными чертами (факторами), присущими ситуации. В связи с этим предлагаем выделять следующие криминалистические ситуации:

- 1. Криминалистические ситуации с элементами конфликтности.**
- 2. Криминалистические ситуации с элементами тактического риска.**
- 3. Криминалистические ситуации с элементами организационной неупорядоченности.**
- 4. Смешанные криминалистические ситуации (в которых сочетаются элементы ситуаций 1-3).**

Т.С. Волчецкая по этому критерию выделяет:

- ситуации познавательного типа;
- ситуации организационно-управленческого типа;
- конфликтные ситуации;
- ситуации тактического риска¹.

В этой классификации, так же как и в классификации Л.Я. Драпкина, полагаем, имеет место нарушение логического правила деления понятия, вследствие чего члены классификационной системы не исключают друг друга. Так, в каждой криминалистической ситуации в той или иной степени присутствует проблемность, конфликт, тактический риск и т.д. В чистом же виде конфликтные ситуации, ситуации тактического риска и другие не существуют, поэтому выделение таких ситуаций вряд ли целесообразно.

Если исходить из учета уровней криминалистических ситуаций, обусловленных уровнем исследуемых (решаемых) задач, то криминалистические ситуации можно разделить на **общие (стратегические)** и **частные (тактические)**². Общие ситуации возникают в связи с решением общих (стратегических) задач расследования (например, установления всех элементов предмета доказывания, предусмотренных ст. 73 УПК РФ).

¹ Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 107.

² Т.С. Волчецкая подразделяет все ситуации на ситуации расследования и ситуации отдельных следственных действий. См.: Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 106.

Частные (тактические) криминалистические ситуации менее масштабны, имеют локальный потенциал. Они возникают в связи с подготовкой и производством конкретных следственных и иных действий¹.

С учетом изложенного представляет интерес позиция В.К. Гавло, который выделяет:

- во-первых, следственные ситуации, характеризующие ход и состояние расследуемого события преступления в целом (общие ситуации расследования). Например, таковы группы ситуаций, связанные с полными или неполными данными о событии преступления (неполные сведения о месте, времени, способе и т.д.);

- во-вторых, следственные ситуации, характеризующие ход и состояние расследуемого события преступления относительно отдельных сторон его состава. Таковы следственные ситуации, характеризующие, например, личность преступника, мотив преступления (отсутствие данных о личности и мотиве);

- в-третьих, следственные ситуации, характеризующие ход и состояние расследования отдельных эпизодов. Например, имеются неполные данные об эпизоде преступления (месте, времени, способе, соучастниках эпизода и т.д.);

- в-четвертых, следственные ситуации, характеризующие ход и состояние расследования при производстве следственных действий. Таковы группы ситуаций, характеризующиеся дефицитом информации или конфликтностью при производстве обысков, допросов свидетелей, обвиняемых и др.²

Преимущества этой системы классификации заключается в том, что она нацеливает субъекта, осуществляющего расследование на комплексное

---

¹ Образцов В.А. Криминалистика: Курс лекций. – М., 1996. – С. 118.

² Гавло В.К. Криминалистический аспект следственной ситуации и ее значение в расследовании преступлений // Вопросы советского государства и права в период развитого социализма. – Томск, 1977. – С. 179; Он же. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – С. 239.

использование достижений криминалистики, накопленных ею в рамках тактики и методики¹.

В зависимости от характера криминалистических ситуаций, основанном на сущности разделов криминалистической науки И.М. Комаров говорит о **криминалистических ситуациях технического, тактического и методического характера**². Его взгляды схожи с мнением ученых, указывающих на возможность изучения ситуаций различными разделами криминалистики³.

В приведенной классификации учитывается то, что для субъекта доказывания, исходя из сложившейся криминалистической ситуации, можно определить характер деятельности по решению частных системных задач технико-криминалистического, тактико-криминалистического и методико-криминалистического плана. Принимая во внимание указанные обстоятельства, возможна оптимизация процесса расследования в зависимости от целей и задач, возникающих на том или ином этапе.

По степени информационной определенности криминалистические ситуации можно классифицировать на **детерминированные и рандомизированные**⁴. Данная классификация необходима для раскрытия диалектики единства необходимости и случайности в развитии ситуаций.

В детерминированных криминалистических ситуациях наблюдаются четкие корреспондирующие связи между элементами криминалистической

---

¹ См.: Васильев А.Н. Следственная тактика. – М.: Юрид. лит., 1976; Курс криминалистики / Под общ. ред. В.Е. Корноухова. – Красноярск, 1996. – С. 82-88; Чурилов С.Н. Общий метод расследования преступлений: Учеб. пособие. – М.: Союз, 1998; Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступлений: Цикл лекций. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «Модек», 2002 и др.

² Комаров И.М. Криминалистические операции в досудебном производстве: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 221-223.

³ Герасимов И.Ф. Криминалистическая тактика и следственные ситуации // Теоретические проблемы криминалистической тактики. – Свердловск, 1981. – С. 18; Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. – М., 1984. – С. 134; Снетков В.А. Элементы технико-криминалистической ситуации осмотра места происшествия // Следственная ситуация. – М., 1985. – С. 16; Баев О.Я. Следственные ситуации: их тактическая и методическая сущность // Роль и значение деятельности профессора Р.С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики: Материалы междун. конф. – М., 2002. – С. 108 и др.

⁴ Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве. – Барнаул: АГУ, 2000. – С. 39-40.

характеристикой преступления и криминалистической характеристикой его расследования. Иначе обстоит дело в так называемых рандомизированных ситуациях. Закономерные связи в них скрыты и остаются непознанными¹.

С учетом мыслительной деятельности субъектов все криминалистические ситуации можно разделить на **репродуктивные (алгоритмические)** и **продуктивные**. Репродуктивные ситуации разрешаются проведением стандартных действий – алгоритмов и не представляют особой сложности (например, вынесение постановления о производстве следственного действия, ознакомление участников процесса с материалами уголовного дела и т.д.)

Продуктивные ситуации, наоборот, требуют активной (самой активной) мыслительной деятельности. Эти ситуации подразделяются на **эвристические** и **творческие**.

В эвристических ситуациях субъект достигает поставленной (стратегической) цели, применяя для этого различные пути решения промежуточных задач, подключая свои знания, умения, опыт, эрудицию и т.д. В творческих – субъект также достигает поставленной цели, но в отличие от эвристических ситуаций, может в процессе своей деятельности изменять промежуточные цели (например, в случае выявления новых, существенных для дела обстоятельств, заявление обвиняемым (подозреваемым) об алиби и т.д.). В этом случае элементы криминалистической ситуации инициируют формулирование (определение) новых тактических целей, которые в данном случае выступают как промежуточные цели в деятельности субъектов доказывания.

Не случайно Л.Я. Драпкин при классификации проблемных ситуаций в зависимости от характера проблемности (существа возникшей проблемы) выделил ситуации:

- обусловленные проблемными трудностями поиска источников информации;
- обусловленные проблемными трудностями исследования имеющихся источников информации;

---

¹ Подробнее см.: Воронин С.Э. Указ. раб. – С. 39-40; 126-127 и др.

- обусловленные проблемными трудностями поиска и исследования источников информации¹.

Преодоление препятствий и барьеров, названных Л.Я. Драпкиным, и есть разрешение продуктивных криминалистических ситуаций.

Таким образом, классификация криминалистических ситуаций – это не дань моде, а профессиональная необходимость. Она позволяет систематизировать все многообразие ситуаций в целях оптимизации процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, а также судебного разбирательства уголовных дел². Главное при этом, чтобы интересные и перспективные идеи не потерялись, а нашли поддержку и свое достойное применение в практике борьбы с преступностью.

---

¹ Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – С. 53-58.

² См. приложение 4.

ГЛАВА 3. СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК ПРОЦЕСС ПОСТАНОВКИ И РЕШЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

3.1. Трансформация криминалистической ситуации с учетом этапов и задач уголовного судопроизводства

Деятельность субъектов доказывания в уголовном процессе представляет собой сложное системное образование по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений. Эта деятельность проявляется в решении субъектом доказывания различных мыслительных задач, в творческом подходе к криминалистическим ситуациям. С этих позиций следует говорить о процессе расследования как о системе криминалистических задач, возникающих в уголовном судопроизводстве и требующих своего решения.

Общепризнанно, что любая задача, в том числе и криминалистическая, имеет свои взаимосвязанные компоненты: условие и цель для ее решения¹. Конечная цель нередко может быть достигнута решением промежуточных целей как ее составляющих. По ходу решения может происходить многократное преобразование промежуточных целей и условий задачи и, следовательно, уже по этой причине в процессе своего преобразования на каждом последующем этапе решения задача может так сильно видоизменяться, что нередко воспринимается как принципиально новая. Тем не менее всегда сохраняется структурная характеристика поставленной задачи, включающая в себя цели и условия ее решения, которые связаны между собой причинно-следственными связями так, что от решающего требуется их преобразование.

---

¹ См.: Бойков А.Д. Проблемы эффективности судебной защиты: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1974. – С. 9; Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 5-8; Гранат Н.Л., Ратинов А.Р. Решение следственных задач: Учеб. пособие. – Волгоград, 1978. – С. 34; Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. – М.: Юристъ, 1997. – С. 223-234 и др.

Интерес, на наш взгляд, представляет сам процесс определения криминалистической задачи, включающий в себя восприятие ее содержания, оценку и отбор тех элементов, которые составят ее содержание.

Но прежде чем перейти непосредственно к его рассмотрению, полагаем, необходимо уточнить, что же понимается под «задачей» и «целью» под углом зрения науки криминалистики.

В научной литературе проблемы, связанные с определением сущности вышеуказанных понятий, были и остаются предметом широкого обсуждения.

Некоторые ученые отождествляют задачу с криминалистической ситуацией, включающую цель и условия, в которых субъекту, осуществляющему расследование по уголовному делу, надлежит действовать¹.

Другие совершенно правильно отмечают, что ситуация – не сама задача, а лишь обстоятельство, которое ее определяет². По этому поводу Р.С. Белкин справедливо заметил, что сбор и обработка информации о следственной ситуации приводят к выбору цели, на достижение которой будет направлено тактическое решение. Выбор цели позволяет принять собственно решение, т.е. выработать приемы и средства решения задачи³.

В Толковом словаре русского языка понятие «задача» трактуется как «то, что требует исполнения, разрешения»⁴.

С позиции деятельностного подхода задача понимается как цель деятельности, данная в определенных условиях⁵.

Таким образом, в основе постановки криминалистической задачи (как, впрочем, и любой другой) лежат результаты анализа криминалистической

---

¹ Гранат Н.Л. Характеристика следственных задач и психологические механизмы их решения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1973. – С. 6; Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. – М., 1989. – С. 174-175 и др.

² См.: Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск, 1987. – С. 68, 76, 79; Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. – М., 1989. – С. 41; Цветков С.И. Криминалистическая теория принятия решения: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1991. – С. 265 и др.

³ Белкин Р.С. Очерки криминалистической тактики. – Волгоград, 1993. – С. 90.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1990. – С. 206.

⁵ Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста. – СПб.: Изд-во «Питер», 1999. – С. 52.

ситуации субъектом доказывания в рамках расследуемого уголовного дела для достижения определенной цели (целей).

Что же касается цели, то в словаре русского языка С.И. Ожегова она определяется как «предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить»¹.

В Большом энциклопедическом словаре под целью понимается «идеальное, мысленное предвосхищение результата деятельности»².

В том же значении слово «цель» употребляется и в психологии, а именно как «то, к чему стремятся, что намечено достигнуть, предел, намерение, которое должно быть осуществлено»³.

Основываясь на вышеприведенных определениях, **в криминалистическом аспекте цель можно определить как элемент деятельности субъекта доказывания по установлению обстоятельств уголовного дела, детерминированный ситуационным фактором.**

В связи с чем **криминалистическая задача понимается нами как обусловленная ситуационным фактором возможность субъектом доказывания определить дальнейшие действия по уголовному делу для достижения поставленных целей.**

Множество решаемых задач требует их объединения в определенные группы с учетом специфики содержания, способов решения и т.п., т.е. их нужно классифицировать по различным основаниям⁴. Так, с точки зрения роли в достижении конечной цели А.Д. Бойков, Н.С. Полевой и другие выделяют исходные, непосредственные, промежуточные, частные и конечные⁵. Если же в основание классификации положить характер решаемой задачи, то

---

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1990. – С. 870.

² Большой энциклопедический словарь. – М., 2002. – С. 1329.

³ Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. – М.: ИНФРА-М, 1998. – С. 278.

⁴ См. приложение 5.

⁵ Бойков А.Д. Проблемы эффективности судебной защиты: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1974. – С. 9; Полевой Н.С. Указ. раб. – С. 187.

их подразделяют на поисковые и доказывание.¹ В то же время, рассматривая задачи с точки зрения типа и условий их решения, выделяют простые и сложные их виды².

Применительно к уровням процесса расследования задачи классифицируют на стратегические (конечные) и тактические (промежуточные)³. По способу решения Н.Л. Гранат и А.Р. Ратинов классифицируют задачи, решаемые путем: получения новой или дополнительной информации (в их условиях имеется явный дефицит информации, но известны или легко становятся таковыми способы и источники ее получения, т.е. задачи на добор информации); преодоления барьера (инерции, традиций, шаблонов, эмоциональных препятствий и т.п.) через их снятие или обход; восстановления события, явления, процесса, предмета и т.п. методом ретросказания; рефлексии; осознания и анализа многопроблемности конкретных ситуаций через определение и последовательное вычленение подзадач, для решения которых имеются достаточные данные⁴.

Процесс решения задач, стоящих перед следователем, равно как и достижение целей, фактически пронизан криминалистическими алгоритмами и соответствующими программами расследования⁵. С учетом этого Г.А. Густов сформулировал три группы задач, решение которых оптимизируется программированием.

---

¹ См., напр.: Лузгин И.М. Криминалистические задачи и их место в оценке исходных следственных ситуаций // Актуальные вопросы использования достижений науки и техники в расследовании преступлений органами внутренних дел. – М., 1990. – С. 66.

² См.: Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М., 1967. – С. 170; Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. – М., 1996. – С. 359 и др.

³ Васильев А.Н. Тактический прием – основа следственной тактики // Соц. законность. – 1974. – № 4. – С. 46; Образцов В.А. К вопросу о методике раскрытия преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 27. – М., 1977. – С. 108; Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. – Иркутск, 1983. – С. 9 и др.

⁴ Гранат Н.Л., Ратинов А.Р. Указ. раб. – С. 2.

⁵ Шаталов А.С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. (Научное издание). – М.: Лига Разум, 2000. – С. 124.

В первую группу он включил задачи, непосредственно связанные с использованием имеющейся в деле информации;

во вторую – задачи по поиску дополнительной информации;

в третью – задачи, связанные с оказанием помощи работникам правоохранительных органов в получении новых знаний об организации расследования преступлений¹.

С этих же позиций Г.А. Зорин выделяет пять групп задач:

- диагностические, поисковые задачи, направленные на распознавание механизма функционирования объекта в исследуемых криминалистических условиях;

- интерпретационные, аналитические задачи, направленные на истолкование скрытого содержания объекта, его связей и смыслов;

- гипотетические, версионные задачи, направленные на использование данных интерпретации и построение общих, частных и рабочих версий;

- идентификационные задачи, направленные на распознавание объекта и его отождествление с опознанным, через сопоставление с признаками ранее исследованного объекта;

- композиционные задачи, связанные с построением систем доказательств при организации следственных действий, тактических воздействий на партнера и составлении процессуальных документов².

Г.Л. Грановский делит задачи на стандартные и нестандартные (эвристические)³. Структура стандартной задачи содержит исходную информацию, достаточную для решения. Эвристические задачи предполагают поиск форм и методов действий (например, допроса), которые выходят за рамки

¹ Густов Г.А. Программирование расследования // Проблемы программирования, организации и информационного обеспечения предварительного следствия: Межвуз. сб. науч. тр. – Уфа, 1989. – С. 17-18.

² Зорин Г.А. Криминалистическая эвристика. В 2 т. – Т. 2. – Гродно, 1994. – С. 217.

³ Грановский Г.Л. Алгоритмические и эвристические методы решения экспертных задач // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР: Сб. науч. тр. ВНИИСЭ. – Вып. 42. – М., 1980. – С. 32.

традиционных, обычных типовых программ. Но при этом типовые программы частично могут использоваться при решении эвристических задач.

В.Е. Корноухов предпринял попытку классификации задач по особенностям получения информации при раскрытии отдельных видов преступлений. В связи с чем он выделил четыре группы задач и определил специфические черты, присущие задачам по раскрытию и расследованию преступления, с учетом которых о деятельности субъектов доказывания можно говорить как о мыслительной деятельности, снижающей проблемность в криминалистических ситуациях¹.

Оценивая в целом приведенные позиции ученых относительно классификации криминалистических задач, можно констатировать, что авторы правильно учитывают ситуационный характер деятельности субъектов доказывания, а также ее информационный аспект. Что же касается решения задач, возникающих в процессе расследования уголовного дела, то этот процесс в большей степени основывается на разработке и использовании соответствующих типовых программ (алгоритмов) расследования. В то же время, с нашей точки зрения, при решении криминалистических задач важно правильно распознать криминалистическую ситуацию, ее **информационные компоненты как базовые для принятия решений по расследуемому уголовному делу**. Оценивая полученную информацию, субъект доказывания выдвигает версии и определяет «программу» своей дальнейшей деятельности, содержащую полный перечень всех необходимых действий и их последовательность.

Наибольшие трудности в принятии решения по существу, как отмечено в психологии, вызывают проблемные ситуации.

Учитывая данный тезис, полагаем, что при расследовании преступлений нет и не может быть непроблемных криминалистических ситуаций. Любая ситуация, с которой сталкивается следователь вплоть до окончания расследования, является проблемной. Однако следует заметить, что проблем-

---

¹ Корноухов В.Е. Указ. раб. – С. 80.

ность ситуации мы рассматриваем в психологическом аспекте, как возникновение мышления, мыслительной деятельности. Так, в повседневной жизни ситуации, в которых осуществляется деятельность человека, достаточно полно соответствуют ему, т.е. ситуации отражают ту действительность человека, в которой он действует, понимая смысл и значение элементов ситуации и своих действий с ними. По-другому дело обстоит в ситуациях, складывающихся в процессе расследования уголовного дела. Эти ситуации всегда означают некоторое несоответствие между субъектом доказывания и окружающим его миром, но предполагают деятельность по устранению этого несоответствия. Результатом такой деятельности являются новые информационные потоки, новые знания, которые, в конечном счете, должны привести к раскрытию преступления. Но не любое знание вызывает проблемную ситуацию, а такое, которое связано с проблемностью познания и предположением о возможности получения новой информации для решения задач уголовного судопроизводства.

Не случайно, учитывая мыслительные процессы в поисковой деятельности субъектов доказывания и типологию криминалистических ситуаций, в литературе сформировалась еще одна классификация задач на типовые и атипичные (нетрадиционные)¹.

В зависимости от функциональной направленности (вида деятельности) выделяют:

1. Розыскные задачи.
2. Исследовательские задачи.
3. Организационно-управленческие задачи².

Выделение указанных задач позволяет, на наш взгляд, правильно распределять имеющиеся силы и средства, учитывая характер и специфику дея-

---

¹ Криминалистика / Под ред. А. В. Дулова. – Мн., 1996. – С. 263.

² См., напр.: Колесниченко А.Н. Розыск. – М., 1963. – С. 352; Закатов А.А. Криминалистическое учение о розыске. – Волгоград, 1988. – С. 6; Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. – М., 1997. – С. 210-213; Лузгин И.М. Указ. раб. – С. 66 и др.

тельности субъектов, задействованных в раскрытии и расследовании преступлений, что, в конечном счете, способствует оптимизации этой деятельности.

Классификационный аппарат криминалистических задач можно продолжить, включив в основу классификации такой признак, как этапность расследования. С учетом этого, полагаем, можно выделить:

- 1) задачи, характерные для первоначального этапа расследования;
- 2) задачи, характерные для дальнейшего этапа расследования;
- 3) задачи, характерные для заключительного этапа расследования.

В зависимости от характера криминалистических ситуаций, основанного на сущности разделов криминалистической науки, все задачи можно разделить на задачи технического, тактического и методического характера.

Преимущество последних двух классификаций, полагаем, заключается в нацеливании субъекта, осуществляющего расследование по уголовному делу, на комплексное исследование достижений криминалистики в зависимости от этапов его деятельности.

Отличительными признаками криминалистической задачи, как сказано выше, являются криминалистическая ситуация и цель, противоречивое отношение между которыми порождает эту задачу.

Цель в доказывании выполняет регулятивную функцию и чаще всего носит вероятностный характер, поскольку субъекту доказывания не известно, как на самом деле развивалось расследуемое событие. Определяется же цель субъектом с учетом элементов состава преступления и криминалистической информации, имеющей для него определенный смысл и ценность.

Учитывая указанные обстоятельства, а также исходя из принципа «от частного к общему», большинство авторов выделяют конечные (стратегические) и промежуточные (тактические) цели¹.

---

¹ Васильев А.Н. Тактический прием – основа следственной тактики // Соц. законность. – 1974. – № 4. – С. 46; Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. – Иркутск, 1983. – С. 9; Дубриный В.А. Деятельность следователя по расследованию преступлений. – Саратов, 1987. – С. 58-61 и др.

Конечные (стратегические) цели, полагаем, даны в ст. 73 УПК РФ и заключаются в установлении всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Конкретизация данных обстоятельств при расследовании определенного вида преступления осуществляется в соответствии со статьями Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РФ. Весь круг таких обстоятельств подлежит обязательному доказыванию при расследовании всех преступлений.

Тактические (промежуточные) цели ставятся субъектом доказывания в процессе расследования, носят индивидуальный характер и в законе не определены. Реализация же всех тактических целей осуществляется во взаимодействии друг с другом с учетом определенной последовательности их постановки в процессе достижения стратегических целей, с одной стороны, и характером информационной структуры складывающихся в процессе расследования криминалистических ситуаций – с другой.

Таким образом, процесс постановки целей и задач субъектом доказывания протекает в определенных условиях, продиктованных сложившейся на тот или иной период времени криминалистической ситуацией. Этот процесс предполагает определенную мыслительную деятельность, динамика которой заключается в следующем.

Субъект доказывания как система представляет собой единство с тем, что его составляет (данного субъекта), действительность, которую он непрерывно создает своей деятельностью и этой же деятельностью обеспечивает ее предметность, в силу чего действительность предстает как реальность, как ситуация, в которую, в конечном счете, и преобразуются цели и условия. В момент восприятия субъектом доказывания следственной задачи существует несоответствие между тем, что «задано», т.е. теми элементами криминалистической характеристики преступления, которые известны и тем, что должно быть установлено как результат решения (цель). Степень же этого несоответствия полностью зависит от индивидуальных возможностей субъекта¹.

---

¹ Подробнее об этом говорилось в гл. 1 работы.

Решая проблему «постулата двойного отражения», мы считаем, что существует диапазон соответствия человека задаче, внутри которого обеспечивается проблемность, способная придать деятельности поисковый характер. Когда человек сам обнаруживает и ставит мыслительную задачу, то это происходит потому, что он в некотором предмете отразил свои возможности познания этого предмета. Не любое несоответствие вызывает переживание возможности перехода к мышлению. Только «соответствующее несоответствие» может лечь в основу мыслительной деятельности¹, т.е. те элементы окружающего мира, которые, по мнению, субъекта не вписываются в общую картину, но имеют для него (субъекта) ценностно-смысловое содержание.

Вышесказанное поясним следующей ситуацией предварительного следствия.

В Центральном районе г. Барнаула в своей квартире с признаками насильственной смерти был обнаружен труп Чаршина. Одной из первоочередных задач, стоявших перед следствием на первоначальном этапе, являлось обнаружение следов, указывающих на лицо, совершившее преступление. Хотя осмотр места происшествия позволил воссоздать картину убийства, однако следов, указывающих на лицо, совершившее преступление, в квартире обнаружено так и не было. Следователь, мысленно «прокручивая» создавшуюся ситуацию, искал пути ее решения. Окончив осмотр и собираясь уходить, он еще раз посмотрел на вешалку в коридоре. Его внимание привлек пиджак, по размеру явно не принадлежащий потерпевшему. При его осмотре следователя ждал «сюрприз» – во внутреннем кармане пиджака был обнаружен паспорт на имя Федотова, который, как впоследствии установило следствие, и совершил это убийство².

Вполне вероятно, что в ходе осмотра пиджак мог «не попасть» в судебно-следственную ситуацию, в связи с чем следствие лишилось бы важ-

---

¹ Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1991. – С. 264.

² По материалам следственной практики прокуратуры Центрального района г. Барнаула за 2003 г.

нейшей доказательственной информации. Это, в свою очередь, могло привести к затягиванию сроков расследования, приостановлению уголовного дела, а в конечном счете, возможно, и его прекращению.

Таким образом, в исходный момент первичного восприятия субъект доказывания не может установить смысл различных элементов ситуации. Например, по обнаруженным на месте происшествия отпечаткам пальцев нельзя сказать, кому они принадлежат: потерпевшему, преступнику или третьему лицу. Но для следователя, как профессионального лица, на этом этапе становится ясным, какие действия и с какими элементами надо предпринять для того, чтобы выйти к цели.

Из всего сказанного можно сделать следующий вывод: субъект доказывания не может сконструировать для себя криминалистическую ситуацию, не определив, так или иначе, значение и смысл элементов объективного мира, формирующих ее. Однако определение их возможно только в конце мыслительной деятельности, как ее результат, как решение следственной задачи. Несоответствие целей и условий является главным побудительным фактом, стимулирующим самостоятельное целеобразование¹. **Субъект доказывания на базе «объективно заданных» условий конструирует свою цель и свои условия в складывающихся криминалистических ситуациях.** Именно поэтому расследование преступлений имеет ситуационный характер.

Можно с уверенностью сказать, что развитие криминалистической ситуации начинается с познания тех ее элементов (наличия или отсутствия данных о времени, месте, потерпевшем, способе преступления и т.д.), которые имеют наибольший смысл для субъекта доказывания в решении задач уголовного судопроизводства. Только благодаря такому знанию криминалистическая ситуация может развиваться направленно, осмысленно, упорядоченно. Анализ уголовных дел, позволивших своевременно развернуть рас-

---

¹ Подробнее см.: Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Дис... д-ра психол. наук. – М., 1991; Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1999. – С. 19.

следование и раскрыть преступление, показывает, что оперативно-розыскные, организационно-технические мероприятия, следственные и иные действия подчинены логике криминалистических ситуаций, которая диктует смыслы деятельности субъектов, участвующих в расследовании. Поэтому не случайно в науке криминалистики идет речь о типовой методике расследования, в основе которой лежит криминалистическая ситуация с ее компонентами.

Чтобы связать воедино цель, условия и задачи расследования, все задачи, полагаем, можно классифицировать по признаку соотнесенности целей и условий, т.е. насколько конечная цель может представить критерии оценки исходной ситуации.

Применительно к методике расследования отдельных видов и групп преступлений можно, на наш взгляд, выделить четыре типа задач.

Для первого типа задач характерно то, что в исходной криминалистической ситуации (C_1) по делу известны все важнейшие элементы криминалистической характеристики расследуемого преступления. В данном случае цель познания (C_1) совпадает с целью познания конечной ситуации (C_2) по содержанию (ситуация развивается с учетом конечной цели, которая известна). Этот тип задач характерен чаще всего для заключительного этапа расследования, когда следователь, установив все обстоятельства преступления, выполняет действия, направленные на окончание расследования и направляет дело с обвинительным заключением (актом) через прокурора в суд (ст. 215-222 УПК РФ). Это так называемые простые задачи расследования, вытекающие из криминалистических ситуаций, которые решаются путем выполнения ряда заранее известных правил (алгоритмов). Следует также заметить, что данный тип задач возможен и на первоначальном этапе расследования. Но это, как правило, будут тактические задачи, решение которых требует выполнения следственного или иного действия (например, обнаружение и изъятие материальных следов, оформление протоколов следственных действий, составление справок, запросов и т.д.).

Ко второму типу задач можно отнести те, в которых в исходной криминалистической ситуации (C_1) известен один или несколько элементов криминалистической характеристики преступления, но требуется установить остальные, недостающие ее элементы. В этих задачах ситуация не совпадает с конечной целью. При решении задач второго типа характерно возникновение промежуточных (тактических) целей, играющих подчиненную роль по отношению к конечной цели. На отдельных этапах расследования эти цели могут иметь самостоятельное информационно-поисковое значение. Промежуточные (тактические) цели возникают как результат развития некоторых возможностей, открывающихся в криминалистической ситуации.

В подтверждение к сказанному можно привести уже упоминавшийся пример из практики.

В одну из июльских ночей в г. Бийске при проверке документов у одинокого мужчины, шедшего по улице с фонариком, получил огнестрельное ранение сотрудник ГИБДД. Преступник выстрелил, не вынимая пистолет из кармана брюк, и скрылся.

Таким образом, в исходной криминалистической ситуации были известны некоторые элементы криминалистической характеристики преступления, такие, как время, способ совершения преступления, потерпевший, однако требовалось установить остальные, недостающие, и в первую очередь преступника.

В результате проведенных оперативных мероприятий, направленных на решение этой задачи, подозрение пало на находившегося в федеральном розыске Кулакова, который имел семь судимостей за совершение краж, грабежей и разбоев. В подтверждение выдвинутой версии о причастности Кулакова к этому преступлению говорило и то, что в октябре 2002 г. при аналогичных обстоятельствах был ранен милиционер, который хотел проверить личность двух подозрительных мужчин, шедших ночью с фонариком.

Кроме того, изучение оперативно-поисковых дел показало, что на территории г. Бийска имеется еще два нераскрытых преступления, совершенных с применением огнестрельного оружия. По всем преступлениям имелись пули, изъятые с места происшествия и направленные в ЭКУ ГУВД Алтайского края и ЭКЦ МВД России. Объединяло преступления еще и то, что все они были совершены вблизи частного сектора в одном из районов города.

Для решения основной задачи, стоящей на данном этапе расследования, – установления местонахождения подозреваемого был проведен ряд мероприятий, в том числе оперативная отработка жилого массива, во время которой два участковых уполномоченных милиции получили информацию о появлении в одном из домов схожего по приметам мужчины. Подойдя к указанному дому, они увидели подъехавший автомобиль ВАЗ-2101, в котором находились мужчина и женщина. Потребовав выйти из автомобиля, участковые стали проверять документы у женщины, которая была за рулем, и осматривать содержимое багажника. В это время мужчина, воспользовавшись моментом, скрылся. Женщина предъявила документы на имя Табашниковой, о которой имелась информация как о сожительнице Кулакова.

Решая задачу, связанную с поиском доказательств о причастности Кулакова и Табашниковой к совершенным преступлениям, сотрудниками был проведен ряд следственных действий, которые дали положительный результат. Так, при осмотре машины был обнаружен и изъят револьвер с шестью патронами, который немедленно направили на экспертизу, а также множество отпечатков пальцев рук разыскиваемого Кулакова. При осмотре дома Табашниковой сыщиков ждали не менее важные находки. Было обнаружено другое огнестрельное оружие и ряд предметов, схожих по приметам с похищенными вещами.

Таким образом, преступнику в результате непрофессиональных действий сотрудников милиции удалось в очередной раз скрыться, однако были получены важные доказательства о причастности Кулакова к покушению на жизнь милиционера.

С учетом полученной информации на следующем этапе необходимо было решить задачу, связанную с проверкой изъятого оружия на причастность к совершенным преступлениям. В связи с чем была проведена экспертиза изъятого револьвера и патронов. И здесь сыщиков ждала удача. Согласно заключению экспертизы, пуля, извлеченная из тела сотрудника ГИБДД, выпущена из представленного револьвера. Кроме того, пуля, извлеченная из трупа гр-на Ющенко, также была выпущена из этого оружия.

Вовремя вспомнили и о направлявшихся еще год назад для постановки на централизованный учет пулях, извлеченных из руки сотрудника военизированной охраны и тела гр-на Цаплина. Во всех четырех случаях пули оказались идентичны. Такой поворот событий не оставлял никаких сомнений в виновности Кулакова во всех четырех преступлениях.

Основная задача на следующем этапе расследования заключалась в обнаружении и задержании Кулакова. Для этого были задействованы практически все силы УВД, а также привлечено население города. Проведение таких масштабных мероприятий, потребовавших огромных сил и средств, обеспечило получение новой информации о местонахождении разыскиваемого преступника. 31 июля 2003 г. в 18 час. 30 мин. позвонившее анонимное лицо сообщило, что 20 мин. назад гражданин, схожий по приметам с Кулаковым, в одной из квартир продал мастеру телеателье телевизор.

Проверка указанного адреса позволила установить хозяина квартиры, который пояснил, что сдает ее гр-ке Табашниковой, а запасные ключи он недавно передал ее сожителю. По предъявленной фотографии он опознал Кулакова.

Необходимо было как можно быстрее провести задержание Кулакова. Однако, проникнув в квартиру, сотрудники ОМСН обнаружили Кулакова мертвым. Вскрытие показало, что причиной его смерти явилось отравление неизвестным ядом¹.

---

¹ По материалам практики УВД г. Бийска за 2003 г.

Вот так, неординарно, разрешилась эта ситуация, анализ которой показывает, что ее решение осуществлялось не только «сверху» – от конечной цели, но и «снизу» – от элементов ситуации, развития их смысла, приводящего к возникновению промежуточных (тактических) целей.

Рассмотренный тип задач характерен для первоначального и дальнейшего этапов расследования. Эти задачи относятся к сложным задачам, связанным с эвристическим подходом к их решению.

К задачам третьего типа следует отнести такие задачи, которые характеризуются наибольшим по сравнению с двумя предыдущими типами «отрывом» целей от условий. Эти задачи отличаются тем, что **конечная цель, по крайней мере, на ранних стадиях поиска решения, не может дать прямых критериев оценки криминалистической ситуации, ее элементов и действий с ними**, т.е. данных не достаточно для принятия того или иного решения. Так, при обнаружении трупа (при отсутствии других данных) можно сделать несколько предположений о характере события. Это может быть убийство, самоубийство, несчастный случай или скоропостижная смерть, и следствие может пойти по любому из этих направлений. Но может пойти только тогда, когда следователь «увидит» возможность организации следствия по тому или иному направлению, т.е. увидит возможность организации криминалистической ситуации. Отсутствие такой возможности, во-первых, заставляет следователя искать и формировать эти возможности; во-вторых, использовать в ходе расследования возможности для формирования на их основе промежуточных (тактических) целей, берущих на себя основную регуляцию деятельности.

Задачи третьего типа – это творческие задачи. Регуляция мыслительной деятельности совершается через целеобразование, процесс постановки «собственных» задач, которые, хотя и весьма относительно, но все же направляются конечной (стратегической) целью, указанной в ст. 73 УПК РФ. Названный выше тип задач чаще всего возникает на первоначальном этапе расследования, когда информации в источниках явно недостаточно и про-

блемная ситуация в этом случае встает как никогда остро, при этом возможны ошибки и упущения в уяснении криминалистических ситуаций.

Это можно проследить на конкретном примере из следственной практики.

1. В 17 час. 10 мин. в ОВД Октябрьского района г. Барнаула с заявлением о разбойном нападении обратилась продавец Заламаева. Она сообщила, что в 10 минут назад под угрозой пистолета неизвестный мужчина, который был в нетрезвом состоянии, требовал товар, находящийся в продаже. Оперативная группа немедленно выехала на место происшествия и благодаря умело проведенным мероприятиям задержала мужчину, схожего по приметам с нападавшим. При личном обыске задержанного был изъят пистолет «Вальтер» 1993 года выпуска с магазином без патронов. В ходе объяснений, полученных от Заламаевой и очевидцев события Игнатенко и Бонашко, было выяснено следующее.

В этот день Заламаева находилась на своем рабочем месте в коммерческом киоске. Около 17 часов к киоску подошел молодой парень, который был в нетрезвом состоянии, и без разрешения взял с витрины бутылку лимонада. Она потребовала вернуть лимонад, но парень ее просьбу проигнорировал. Заламаева выхватила из его рук лимонад, в ответ на это мужчина достал из кармана пистолет, стал его демонстрировать, а затем через окно киоска направил пистолет на Заламаеву. Испугавшись, что пистолет может выстрелить, она закричала. После этого выбежала из киоска и сообщила о случившемся своему мужу – Игнатенко, который со своим другом Бонашко находился недалеко от киоска, в машине. Выскочив из машины, они подбежали к мужчине. Угрожая им пистолетом, тот попытался скрыться. В это время Заламаева вызвала сотрудников милиции, которые впоследствии задержали преступника. На основании этого было возбуждено уголовное дело по п. «в», «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ (разбой с незаконным проникновением в помещение, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия).

2. На данный момент сложилась исходная судебно-следственная ситуация, которая характеризовалась определенными фактическими данными, достаточными для определения направления расследования в отношении подозреваемого Миронычева. Ее образовали следующие источники и содержащиеся в них данные: протокол задержания подозреваемого Миронычева, объяснения пострадавшей и очевидцев, сведения оперативного характера и др.

3. Оценка сложившейся ситуации свидетельствовала о взаимосвязи в ней элементов криминалистической характеристики разбоя (способ, механизм, место, время, мотив и др.).

4. Исходя из этого, у следователя не было сомнения, что Миронычев совершил разбойное нападение с применением оружия. Именно с подтверждением этой версии следователь связывал прогнозирование будущего расследования, для чего был намечен и проведен широкий комплекс следственных, оперативных и иных действий: назначена судебно-баллистическая экспертиза по пистолету, проведены допросы потерпевшей, свидетелей и подозреваемого, очные ставки между ними, так как Миронычев отрицал свою вину и указывал на то, что потерпевшая ему знакома, он часто покупал у нее сигареты, а в этот раз он решил с ней пошутить. События в силу опьянения помнит плохо, умысла на разбой у него не было.

5. В результате была получена новая информация, учет которой позволил следователю сформулировать новую следственную ситуацию и внести дополнения в предполагаемый механизм преступления. Выяснилось, что Заламаева действительно была знакома с Миронычевым. Пистолет он приобрел в 1993 г. на рынке у незнакомого мужчины, без патронов, никогда из него не стрелял и хранил у себя дома. Вину признает частично, так как умысла на разбой у него не было. Таким образом, сложилась новая судебно-следственная ситуация, в которой данные, относящиеся к элементам криминалистической характеристики состава преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ, по мнению следователя, не подтверждались, а указывали на

состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 161 УК РФ. В связи с чем Миронычеву было предъявлено обвинение по ст. 30 и ч. 2 ст. 161 УК РФ в покушении на грабеж.

6. Процесс оценки, прогнозирования, выдвижения и проверки версий в сложившейся следственной ситуации продолжался, в результате чего была получена новая информация, а именно: в ходе оперативных мероприятий были установлены и допрошены новые свидетели, Курявин и Люкшин, которые пояснили, что в день совершения преступления они вместе с Миронычевым пили пиво, затем Миронычев, направляясь к киоску, сказал, что пошутит над продавцом. Они не придали этому значения, а через некоторое время услышали у киоска крики и увидели, что Миронычева задержали сотрудники милиции. Изъятый при личном обыске Миронычева пистолет, согласно заключению баллистической экспертизы, огнестрельным оружием не является. Кроме того, были проведены дополнительные допросы потерпевшей Заламаевой и свидетелей Игнатенко, Бретнева (участкового милиционера, который задержал Миронычева) и других свидетелей, характеризующих личность обвиняемого, а также проведены оперативно-розыскные мероприятия по установлению личности мужчины, у которого Миронычев приобрел пистолет. После чего Миронычеву было предъявлено новое обвинение по п. «б», «в», «г» (разбой, совершенный неоднократно, с незаконным проникновением в помещение, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия) ч. 2 ст. 162 УК РФ. В связи с чем сложилась новая судебно-следственная ситуация, в которой не подтвердился состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 161 УК РФ, но указывались признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ и ч. 4 ст. 222 УК РФ.

Процесс оценки, прогнозирования, выдвижения и проверки версий в сложившейся ситуации продолжался до установления всех обстоятельств дела, вплоть до направления в суд по обвинению Миронычева в совершении преступления, предусмотренного п. «в, г» ч. 2 ст. 162 и ч. 4 ст. 222 УК РФ.

Однако с такими выводами предварительного следствия суд не согласился. В приговоре действия Миронычева были переквалифицированы на ч. 1 ст. 213 УК РФ – хулиганство, т.е. грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся угрозой применения насилия к гражданам.

При этом суд исходил из следующего. В судебном заседании умысел Миронычева на завладение чужим имуществом не нашел подтверждения. Как пояснил сам подсудимый, а также свидетели, Миронычев был постоянным покупателем в этом киоске. Кроме того, свидетель Кухтеев пояснил, что деньги у подсудимого в тот вечер были. Сами по себе требования подсудимого о передаче сигарет и лимонада бесплатно незначительны и также могут свидетельствовать о хулиганском характере действий Миронычева с газовым пистолетом. Поэтому органами следствия они квалифицированы правильно по ч. 4 ст. 222 УК РФ – незаконное приобретение и ношение газового оружия.

Анализ этого дела показывает, что оно довольно типичное. Кажущаяся простота исходной судебно-следственной ситуации обманчива, так как ее неправильная оценка по связи элементов криминалистической характеристики преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ, и в первую очередь по мотиву преступления, неотыскание необходимого количества доказательств, невыдвижение и непроверка всех возможных версий, в том числе о хулиганстве, привели к ошибкам в расследовании и неправильной квалификации действий Миронычева¹.

К задачам четвертого типа следует отнести смешанные, в которых сочетаются все вышеперечисленные задачи. Процесс решения протекает как алгоритмическим, так и эвристическим (творческим) путем. Этот тип задач наиболее часто встречается в деятельности по расследованию преступлений.

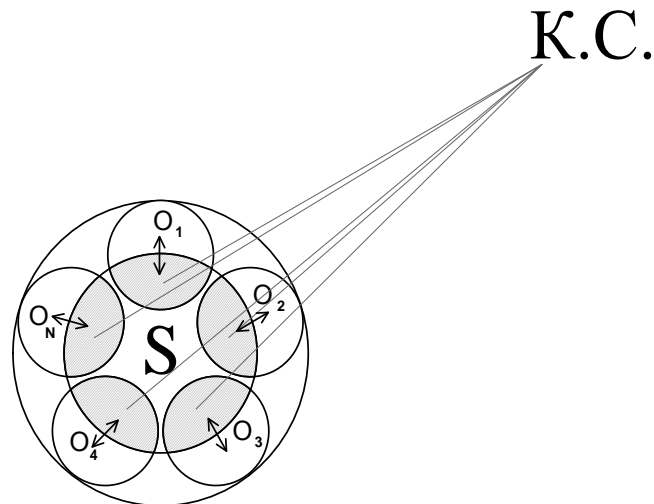
Итак, следственная задача складывается следующим образом: расследуя событие преступления, субъект доказывания встречается с рядом про-

---

¹ Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула. Д. № 1-1143/97.

блем того или иного характера, определяет и выделяет условия, характерные для данной криминалистической ситуации (время, место, способ совершения преступления и т.д.), а также ставит (образует) цель (цели) для их решения. Деятельность разных субъектов доказывания по отношению к криминалистической ситуации (проблеме) объясняется тем, какое значение и смысл имеют те или иные элементы ситуации для этого субъекта. В связи с чем в криминалистической ситуации переплетаются, переходят друг в друга как объективные факторы с их противоречием и единством, так и субъективные, исходящие от субъекта доказывания (во всей совокупности своих потребностей, возможностей, знаний, умений и т.д.).

Схематично это можно представить следующим образом:

где: S – субъект доказывания;

O_1, O_2, O_3, O_4-O_N – элементы объективного мира (люди, предметы и т.д.), которые для субъекта доказывания имеют определенный смысл и ценность;

КС – криминалистическая ситуация, которая возникает при взаимодействии S и O;

– информация, имеющая для S (субъекта доказывания) ценностно-смысловую характеристику и попадающая в структуру криминалистической ситуации.

При таком подходе в методике расследования можно наиболее полно реализовать в ней идеи тех исследователей, которые полагают возможным в деятельности субъекта доказывания «выделить несколько взаимосвязанных аспектов: информационно-познавательный, информационно-логический и доказательственный, управленческий»¹.

Поэтому совершенно прав Л.Я. Драпкин, считающий, что «необходимо обязательно учитывать сочетание объективных и субъективных факторов, составляющих содержание процесса формирования следственных ситуаций, понятие следственной ситуации неотделимо от отражения реальной обстановки мышлением следователя, от осознания следователем характера складывающейся ситуации и сопряжения (соединения) ее условий с выявленной проблемой, конфликтом, состоянием риска или организационной неупорядоченности, или наоборот – с бесконфликтностью, полным отсутствием тактического риска. Именно поэтому информационное отражение основных характеристик ситуации, их предварительная, самая общая оценка должны входить в понятие следственной ситуации»². Из чего впоследствии он делает вывод, что «осознание наиболее общих свойств реальной ситуации (проблемность – непроблемность, конфликтность – бесконфликтность и т.д.) можно рассматривать как этап динамической структуры следственной ситуации, без которого не может возникнуть и само это понятие...»³.

Главной же задачей деятельности субъектов доказывания в уголовном судопроизводстве является получение системы доказательств, позволяющей

---

¹ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – С. 86; См. также: Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. – М., 1969. – С. 167; Эйсман А.А. Логика доказывания. – М., 1971. – С. 3-95; Полевой Н.С. Методические и правовые основы решения криминалистических задач с использованием математических методов и вычислительной техники: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1984. – С. 26; Крылов В.В. Основы криминалистической теории расследования преступлений в сфере информации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1998; Гавло В.К., Алешин В.В. Расследование преступлений, сопряженных с отчуждением жилья граждан: Учеб. пособие. Барнаул, 1998. – С. 34-53; Forker A., Rothe K. Besonderheiten der Untersuchungsplanung bei der Bekämpfung von Brennpunkten. – Forum der Kriminalistik, 1976. № 2. S.18 и др.

² Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск, 1987. – С. 16-23.

³ Там же. – С. 22.

установить лицо, совершившее преступление, и раскрыть механизм преступления. Ее достижение осуществляется посредством производства различного рода действий. Совокупность процессуальных и иных действий, направленных на решение общей задачи (тактической или стратегической), образуют тактическую операцию (комбинацию), реализация которой должна характеризоваться единым руководством и плановостью. Несмотря на различные определения тактических операций, ученые едины в главном, что они представляют взаимосвязанную систему процессуальных и иных действий, направленных на решение задач в условиях сложившейся криминалистической ситуации¹.

Изучение и оценка сложившейся криминалистической ситуации позволяют определить проблему, подлежащую разрешению в процессе проведения тактической операции. В свою очередь, проблема открывает путь к решению задач расследования, которые могут рассматриваться в данном случае как цели операции². С учетом этого можно полагать, что криминалистическая ситуация является основой деятельности субъектов доказывания. В связи с чем субъект доказывания действует с учетом той информационной структуры криминалистической ситуации, которая ему известна. Чтобы действовать, субъекту необходимо сначала получить представление о содержании и объеме криминалистической информации, содержащейся в каждом подлежащем исследованию источнике. Для этого следует установить закономерные связи между известными элементами криминалистической характеристики преступления, а через них выяснить и другие, неизвестные элементы этой системы.

---

¹ См., напр.: Шиканов В.И. Разработка теории тактических операций – важнейшее условие совершенствования методики расследования преступлений // Методика расследования преступлений (общие положения). – М., 1976. – С. 156-157; Михальчук А.Е., Степанов В.В. Соотношение тактических операций и комбинаций в криминалистике // Проблемы интенсификации деятельности по расследованию преступлений. – Свердловск, 1987. – С. 36; Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 3. – М., 1997. – С. 210; Комаров И.М. Криминалистические операции в досудебном производстве: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002 и др.

² Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. – М., 1997. – С. 57.

Эту совокупность информации вполне можно назвать признаками ситуации – сведениями, относящимися к элементам криминалистической характеристики и обстоятельствам, условиям расследуемого события преступления, которые необходимо установить субъекту доказывания в процессе своей деятельности.

В заключение хотелось бы отметить, что трансформацию криминалистической ситуации в зависимости от этапов и задач уголовного судопроизводства необходимо учитывать в практической деятельности правоохранительных органов по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. В первую очередь это касается дальнейшей разработки компьютерного обеспечения поддержки принятия тактических решений и создания на этой основе автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС). Тем более что компьютерные технологии развиваются стремительными темпами и открывают для этого безграничные возможности.

3.2. Возникновение криминалистической ситуации и ее развитие на первоначальном этапе предварительного расследования преступлений

В процессе раскрытия преступлений на первоначальном этапе расследования используется весь арсенал разнообразных научно обоснованных и отработанных передовой практикой тактико-криминалистических приемов. Выбор тактических приемов осуществления оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий во многом предопределяется криминальной ситуацией, характером преступления, способом его совершения, кругом обстоятельств, подлежащих доказыванию, содержанием сведений о лицах, совершивших преступление. Предметом рассмотрения в данном аспекте является деятельность правоохранительных органов и должностных лиц с учетом складывающихся криминалистических ситуаций.

Накопление доказательственной информации, позволяющей раскрыть механизм и существо познаваемого явления, установить человека, совершившего преступление, особенно в условиях неочевидности¹, невозможно без быстрого реагирования субъектов доказывания на поводы к возбуждению уголовного дела, интенсивного проведения комплекса процессуальных и непроцессуальных действий.

С точки зрения системного подхода весь комплекс проводимых действий на том или ином этапе представляет собой подсистему в общей методике расследования преступлений. Оперативно-розыскные мероприятия могут как предшествовать началу расследования, так и проводиться параллельно с первоначальными и неотложными следственными действиями. Именно поэтому правы те ученые, которые считают, что в организационно-методическом аспекте «первоначальный этап расследования включает в себя предварительную проверку, возбуждение уголовного дела и тот период собственно расследования, в течение которого создается его структура. Окончание его нередко совпадает с установлением подозреваемого или привлечением лица в качестве обвиняемого»².

Первоначальный этап характеризуется информационной неопределенностью, поэтому весьма ответственным с точки зрения обеспечения успешного и быстрого раскрытия преступления является принятие решения о форме реагирования правоохранительных органов на поступившую информацию о преступлении.

Следует отметить, что в действующем УПК РФ нет такой задачи, как быстрое и полное раскрытие преступлений. Однако следует согласиться с

---

¹ Как показали проведенные нами исследования по корыстно-насильственным преступлениям в период с 1994 по 2006 гг. (850 уголовных дел), почти в 90% случаев преступник(и) с места происшествия скрывались.

² См., напр.: Кузьменко Н.К. Систематизация неотложных следственных действий при раскрытии и расследовании преступлений. – Киев, 1981. – С. 16; Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 249-250; Драпкин Л.Я. Ситуационный подход в криминалистике и проблема периодизации процесса расследования преступлений // Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений. – Свердловск, 1988. – С. 9 и др.

мнением М.П. Полякова, который это словосочетание рассматривает в информационном ключе как максимальное получение информации за единицу времени. Таким образом, оно характеризует отношение к получению информации¹. Эта позиция вписывается в концепцию нашего исследования. В данном случае основной задачей как на первоначальном, так и дальнейших этапах расследования будет являться оптимальное сочетание полноты и оперативности получения уголовно значимой информации по делу. При этом избираемые методы и приемы, исходя из конкретной криминальной ситуации, должны соотноситься с наличием имеющихся сил и средств и их рациональным использованием. Они должны базироваться на определенной системе, порядке, последовательности и, главное, нацеленном освоении накопленного в этом деле опыта, в том числе зарубежного².

Проведенные нами исследования в Алтайском крае, Республике Алтай, Томской, Новосибирской и Кемеровской областях показали, что по изученным уголовным делам, возбужденным в первый день после получения повода, раскрыто по «горячим следам» почти 40% преступлений, на второй день – уже около 12%, а на третий день – лишь около 7%.

Таким образом, незамедлительное реагирование на поводы к возбуждению уголовного дела, быстрое возбуждение по ним уголовных дел является важнейшей процессуальной гарантией раскрытия преступлений по «горячим следам».

Сложная организационная система взаимодействующих элементов правоохранительных органов вводится в действие после поступления в любое из ее звеньев информации о готовящемся или совершенном преступлении (повода к возбуждению уголовного дела). Базовым основанием для определения выбора организационно-тактических приемов для обеспечения раскрытия пре-

---

¹ Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под ред. проф. В.Т. Томина. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. – С. 211.

² Russell H. and Beigel A. Understanding human behavior for effective police work. New York: Basic Books, 1976; Wilson J. Criminal investigations. A behavioral approach. Waveland Press, Inc., 1993 и др.

ступления, и в первую очередь по «горячим следам», являются исходные криминалистические ситуации и криминалистические ситуации, складывающиеся в процессе дальнейшей деятельности субъектов доказывания.

Ситуационные особенности обуславливаются, во-первых, временным интервалом, прошедшим от момента совершения преступления до момента поступления в соответствующий орган сообщения о нем, во-вторых, содержанием первичной информации об обстоятельствах преступления. Примерный расчет указанного интервала времени, относительная достоверность сведений о событии преступления, информация об известных элементах его криминалистической характеристики служат исходным материалом для выдвижения и безотлагательной проверки версий о вероятном месте нахождения предполагаемого преступника (преступников). Пространственная граница таких версий, по мнению И.М. Лузгина, зависит от:

- места совершения преступления;
- места нахождения и обнаружения следов и иных источников вещественной информации;
- места нахождения потерпевшего, подозреваемого, свидетелей;
- места получения первичной информации о событии и ее реализации¹.

Следует отметить, что на первоначальном этапе расследования версии предопределяются выбором приемов по их проверке. Их отличительная черта – форсированный характер осуществления.

В начальный момент раскрытия преступления решающую роль играют системный подход к оценке криминалистической ситуации, обоснованность принятия решения о порядке немедленного реагирования на сообщение о преступлении, обеспечение выезда на место происшествия следственно-оперативной группы. При незначительном объеме исходных данных, вызывающих неопределенность и затруднения в выдвижении и проверке версий, первоочередной задачей является получение на первоначальном этапе исчер-

---

¹ Лузгин И.М. Методика изучения, оценки и разрешения исходных следственных ситуаций // Исходные следственные ситуации и криминалистические методы их разрешения. – М., 1991. – С. 18.

пывающей информации, содержащейся в том или ином источнике. Преодолению информационной неопределенности на рассматриваемом этапе способствует предварительное программирование комплекса действий соответствующих участников¹.

По значению содержащейся криминалистической информации в том или ином источнике можно выделить центральный и вспомогательные источники.

Центральный источник криминалистической информации должен содержать, на наш взгляд, следующие признаки:

- возникновение в процессе совершения преступления;
- обязательность исследования данного источника;
- содержание в этом источнике криминалистической информации о доказываемом или доказательственных фактах²;
- наличие закономерных связей этого источника с другими элементами криминалистической характеристики преступления.

В ходе расследования преступлений и оформления следственных действий центральный источник криминалистической информации будет разным. Так, например, в одних криминалистических ситуациях это будет субъект преступления; в других – способ преступления; в-третьих – потерпевший и т.д. Тогда закономерные связи между элементами системы криминалистической ситуации устанавливаются своими специфическими методами и идут по схеме: от способа преступления к субъекту преступления; от потерпевшего к субъекту преступления; от мотива преступления к субъекту преступления и т.д.

---

¹ Колдин В.Я., Полевой Н.С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. – М., 1985. – С. 8; Рыжаков А.П. Уголовный процесс: возбуждение и отказ в возбуждении уголовного дела. – Тула, 1996. – С. 61-63; Яшин В.Н., Победкин А.В. Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. – С. 91-99 и др.

² Ким К.В. Комплексное применение криминалистических методов расследования. – Караганда, 1995. – С. 20.

Что же касается вспомогательных источников, то они не всегда связаны между собой. Так, например, потерпевшие до преступления могут и не знать друг друга. Через способ совершения преступления не всегда можно выявить субъект преступления.

Правильное определение и оценка центрального и вспомогательных источников являются залогом того, что задачи расследования будут решены оптимально. Определяющим фактором при выборе очередности, совместности и параллельности решения отдельных (как стратегических, так и тактических) задач будет судебно-следственная ситуация, складывающаяся к первоначальному этапу расследования. С учетом проведенных исследований по корыстно-насильственным преступлениям можно выделить основные стратегические задачи, представляющие наибольшую сложность в достижении и имеющие решающее значение для оптимального расследования. Ими являются установление общего характера события преступления и подозреваемого (обвиняемого). Установление таких задач, как способ совершения преступления, обстановка преступления, орудие преступления и мотив, часто осуществляется на протяжении как первоначального, так и дальнейшего этапов расследования. Так, почти в 90% изученных уголовных дел одновременно с установлением субъекта преступления решались задачи по установлению способа и мотива преступления – в 70%, потерпевшего – в 90%, орудия преступления – в 25%, обстановки – в 35%. Сам же процесс формирования и развития криминалистической ситуации, а также постановку целей и задач на первоначальном этапе расследования можно проследить на конкретном примере.

В начале апреля в реке Барнаулка, возле Центрального рынка г. Барнаула, был обнаружен труп неизвестного мужчины с признаками насильственной смерти. Осмотр показал, что на трупе имеются повреждения в области головы, левая кисть отсутствует, ноги в коленных суставах перевязаны изолентой.

На этом этапе следователь поставил две основные тактические задачи – установление личности потерпевшего и способа совершения преступления. Вследствие чего был проведен ряд мероприятий.

Актом физико-технического исследования было установлено, что:

- отчленение левого предплечья (кожного края) на трупе произведено неоднократным воздействием орудия с острой кромкой, вероятно, рубящим;
- рана на кожном лоскутке из области правого коленного сустава и повреждения на правой штанине брюк причинены рубящим орудием;
- две раны на кожных лоскутах с головы трупа причинены твердым тупым предметом с ограниченной удлиненной поверхностью.

В ходе оперативно-розыскных мероприятий была установлена личность потерпевшего, им оказался Сидоров, предприниматель из г. Барнаула. Труп Сидорова опознал его отец. Таким образом, центральным источником информации на данном этапе расследования стал труп потерпевшего Сидорова. Дальнейшие поиски были направлены на выявление связей потерпевшего с предполагаемым преступником, а также мотивов и цели преступления. Была получена новая значимая для следствия информация. Так, при допросе Сысоевой выяснилось, что потерпевший имел дело со Стародубцевым, который задолжал ему крупную сумму денег. Кроме того, брат потерпевшего, подтвердив показания Сысоевой, назвал адрес Стародубцева.

Выяснив образ жизни и связи потерпевшего Сидорова, следствие получило первую «ниточку» в общей схеме «потерпевший – субъект преступления». Помимо других версий, проверялась и версия причастности к убийству Сидорова Стародубцева. Так, жена Стародубцева сообщила, что ее муж в настоящее время работает в коммерческом киоске на Центральном рынке и что к нему часто заходил Сидоров. Конфликтов между ними не было, а приблизительно в декабре 1995 г. муж рассказал об исчезновении Сидорова. Кроме того, она сообщила, что в январе 1996 г. она сдала дубленку мужа в химчистку, так как на рукавах и карманах были темные пятна. Свидетель Дубов рассказал о том, что в конце декабря 1995 г. он был свидетелем ссоры

между Сидоровым и Стародубцевым в киоске у последнего. Чтобы он им не мешал, попросили Дубова выйти на улицу. Подождав около 15 минут, Дубов уехал домой. С тех пор он Сидорова больше не видел.

Эта и другая информация давала основания заподозрить Стародубцева в убийстве Сидорова, что и послужило поводом для его вызова и допроса по возвращении из «командировки». Неожиданно для следствия исходная криминалистическая ситуация, возникшая на момент возбуждения уголовного дела, изменилась в благоприятную сторону. Было установлено, что 26 декабря 1995 г. в киоск к Стародубцеву пришли Сидоров, Дубов и неизвестный мужчина по имени Александр, который подрабатывал грузчиком на рынке. В процессе распития спиртного между Стародубцевым и Сидоровым произошла ссора, в ходе которой Сидоров ударил железным ящиком, стоящим в киоске, по голове Стародубцева, а тот в свою очередь выхватил ящик и ударил Сидорова в область шеи. После чего посадил его на стул, но тот не шевелился. Свидетелем всего этого, со слов Стародубцева, был Александр, который сказал, что Сидоров мертв, взял топор и ударил им по телу Сидорова, сняв предварительно шапку и пальто. Стародубцев в это время вышел из киоска, а когда зашел, то увидел, что Александр связывает ноги Сидорова изолентой. После чего они выкинули труп в реку Барнаулку. Расставаясь, Александр пригрозил Стародубцеву, что в случае, если кто-нибудь узнает о случившемся, ему не жить.

Дальнейшее решение задачи по установлению подозреваемого и его причастности к совершению преступления решалось на основе исследования связей между теми элементами криминалистической характеристики преступления, которые были известны на этот момент и той криминалистически значимой информации, которую составили свидетель, место происшествия, проведенные оперативно-розыскные мероприятия и т.д. Заключение в них информация в совокупности позволяла установить причастность подозреваемого к совершению расследуемого преступления, что и послужило поводом к

задержанию Стародубцева и его допросу в качестве подозреваемого, в ходе которого он подтвердил ранее дававшиеся им показания.

Таким образом, имеющиеся доказательства позволяли поставить центральную тактическую задачу – получение правдивых показаний от Стародубцева. Одновременно решались и другие тактические задачи, тесно связанные с центральной, – выяснение мотива, цели преступления, способа его совершения и сокрытия, обстановки преступления, механизма преступления и др. В процессе расследования проводились не только процессуальные действия, но и оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление «Александра», которые к успеху не привели. В ходе следственного эксперимента и обыска в киоске у Стародубцева были обнаружены и изъяты топор, одеяло, шланг, нож. Все эти предметы давали положительную реакцию с «гемофаном». Это свидетельствовало о том, что на них может быть кровь. Кроме того, в процессе решения тактической задачи на обнаружение следов преступления была проведена выемка дубленки у Стародубцева. Проведенные после этого биологические экспертизы дали положительные результаты. Из их заключений следовало, что на всех изъятых вещах имеется кровь, групповая принадлежность которой не исключает происхождения от потерпевшего Сидорова.

Заключением физико-технической экспертизы установлено, что «отчленение предплечья (кожного края), рана в области коленного сустава справа причинены рубящим орудием, возможно представленным плотницким топором, а раны на кожных лоскутах головы... причинены воздействием твердого тупого предмета... Таким предметом мог быть обух топора».

Все собранные данные в своей совокупности давали достаточное основание, чтобы предъявить обвинение Стародубцеву в убийстве Сидорова, что и было сделано 19 апреля 1996 г. Стародубцеву было предъявлено обвинение в умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах, совершенном из

корыстных побуждений, с особой жестокостью, по предварительномуговору группой лиц¹.

Таким образом, в приведенном примере хорошо прослеживается динамика криминалистических ситуаций на первоначальном этапе расследования, заключающаяся в том, что, проанализировав и оценив исходную информацию, следователь, выдвигая версии, ставит с учетом своего опыта, знаний, навыков и т.д. различные задачи. Но, так или иначе, все свои действия следователь проводит с учетом известных элементов криминалистической характеристики преступлений, выделяя из них главный, центральный элемент (источник), который связан с другими элементами закономерными связями.

Действия, направленные на исследования центрального источника, – это действия, направленные на решение центральной тактической задачи. Ими могут быть оперативно-розыскные, розыскные, следственные и иные действия. В последнюю очередь проводятся действия по конкретизации собранной уголовно значимой информации.

Проведенным исследованием установлено, что динамическим фактором развития криминалистической ситуации, определяющим ее направленность и интенсивность может выступать тот смысл, который имеет уголовно значимая информация для субъекта доказывания, в каждый момент времени на определенном этапе расследования. С учетом этого можно выделить два вида смысловых (лично значимых) образований в структуре криминалистической ситуации.

Первые – это те элементы криминалистической ситуации, которые оцениваются субъектом доказывания с точки зрения достижения тактической цели (например, обнаружение следов преступления, установление лица, подозреваемого в совершении преступления, и т.д.).

Вторые – те элементы криминалистической ситуации, которые обуславливают дальнейшее целеобразование, т.е. инициируют формулирование

---

¹ Архив Центрального районного суда г. Барнаула. Д. № 1-1033/96.

новых тактических целей, выступающих как промежуточные цели деятельности субъектов доказывания¹.

Следует также учитывать и то, что специфика доказывания в уголовном судопроизводстве требует, чтобы решение как тактических, так и стратегических задач на том или ином этапе расследования проходило параллельно. Параллельно должны проводиться и те действия, когда получение их результатов не зависит друг от друга. Например, проведение одновременно опросов и осмотра места происшествия, обысков, допросов и т.д.

Мероприятия оперативно-розыскного характера, проводимые параллельно со следственными и иными действиями в ходе тактических операций (особенно на первоначальном этапе расследования), должны быть подчинены быстрому установлению местонахождения подозреваемого, его задержанию, а также розыску похищенного имущества и очевидцев преступления.

Примером умелого проведения оперативно-розыскных мероприятий, повлекших раскрытие ряда преступлений, может служить дело о банде Кочегарова.

В ноябре 2002 г. около 20 часов неизвестные лица с применением пистолета и двух обрезов напали на двух жителей г. Горно-Алтайска и, завладев автомобилем «Тойота Марк-2», скрылись. Нападавшие были одеты в камуфлированные костюмы, на головах маски черного цвета с прорезями для глаз.

В конце 2002 г. сотрудниками УБОП была получена оперативная информация о возможной причастности к совершению данного преступления участников организованной группы. При реализации полученной информации в ходе проведения оперативных мероприятий были задержаны: Цыба (при проверке установлено, что данный гражданин живет под чужим паспортом и настоящая его фамилия – Мустаев, находится в федеральном розыске за совершение ряда тяжких преступлений) и Задворов.

---

¹ Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1999. – С. 21.

В ходе дальнейшей работы установлено, что задержанные являются активными членами банды Кочегарова. Дополнительно был установлен еще один участник банды – Панченко.

В УБОП была получена оперативная информация о причастности указанных лиц к ряду разбойных нападений на пункты металлолома на территории Алтайского края и Республики Алтай.

При дальнейшей разработке арестованных Мустаева и Задворова они сознались еще в двух разбойных нападениях.

4 сентября 2002 г. около 11 часов члены банды ворвались в пункт металлолома в г. Бийске, где, смертельно ранив гр-на Карташова, похитили имущество, деньги и с места преступления скрылись.

При аналогичных обстоятельствах было совершено преступление в г. Горно-Алтайске в октябре 2002 г.

Впоследствии все члены банды понесли заслуженное наказание¹.

Оперативно-розыскные мероприятия являются, таким образом, средством выявления источников доказательственной информации, однако сведения, полученные негласным путем, требуют особого подхода. Если они не введены в процесс доказывания (реализованы в надлежащую процессуальную форму), их использование сопряжено с угрозой расшифровки специальных средств и методов проведения указанных мероприятий и тех, кто в них участвовал. Кроме того, информация, полученная в результате этих действий, не будет иметь доказательственного значения².

В связи с чем следует согласиться с мнением Я.М. Мазунина, который полагает, что в сегодняшних условиях «проблема перевода результатов ОРД

---

¹ По материалам практики ГУВД Алтайского края за 2004 г.

² Более подробно см.: Теория и практика использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. К.К. Горяинова. – М.: ВНИИ МВД России, 2002; Кириченко С.А., Мешков В.М. Использование криминалистически значимой информации, полученной оперативно-розыскными методами, при расследовании проявлений организованной преступности: Науч.-практ. пособие. – Калининград: КалЮИ МВД России, 2002; Чечетин А.Е. Оперативно-розыскные мероприятия: понятие, сущность, структура: Препринт. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2004 и др.

в доказательства состоит в том, чтобы, сохранив значение формы, найти такие способы ее видоизменения, которые исключают возможность разглашения государственной тайны и в то же время обеспечивают процессуально приемлемый доступ в сферу уголовного судопроизводства весьма ценных сведений, способных стать основой для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию»¹. Оперативно-розыскными мероприятиями, проводимыми органами дознания, применительно к корыстно-насильственным преступлениям, как показали исследования, являются:

- выявление и опрос очевидцев преступления;
- применение служебно-розыскной собаки;
- преследование по «горячим следам»;
- установление засад;
- прочесывание окружающей местности;
- розыск лиц, как совершивших преступление, так и потерпевших;
- оперативное наблюдение в местах вероятного появления преступников, а также реализации похищенного (рынки, ломбарды и т.д.);
- проверка лиц, задержанных за совершение незначительных преступлений, и лиц, доставленных в медвытрезвитель, с целью обнаружения у них похищенных предметов либо следов преступления на одежде, теле и т.д.

Нередко из поступившей информации становятся известными поисковые признаки преступника или похищенного им имущества, но не известно направление его отхода с места происшествия. В этой ситуации целесообразно применение заградительных мероприятий. Решение об этом принимается после оценки времени, прошедшего с момента совершения преступления до поступления сообщения, примерного расчета возможного передвижения преступников по различным маршрутам в пределах населенного пункта, района, области, края. Для этого на обслуживаемой территории производится блокировка всех вероятных путей отхода преступников и их поиск в местах воз-

---

¹ Мазунин Я.М. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 22.

возможного появления: шоссейных дорогах, автобусных остановках (автовокзалах), железнодорожных и аэровокзалах, закусочных, столовых, рынках и т.п. Одновременно производится ориентирование об этом близприлегающих органов внутренних дел и милиции на транспорте.

Дежурной частью министерства, управления внутренних дел при необходимости задержания вооруженных и иных опасных преступников на территории ряда районов или всей республики, края, области, города могут вводиться специальные оперативные (типовые) планы.

В тех случаях, когда в поступившем сообщении о преступлении не содержится исходных данных, необходимых для немедленного преследования, а оценка времени, прошедшего с момента совершения преступления, не дает основания полагать, что преступники находятся в районе места происшествия, на место происшествия организуется немедленный выезд следственно-оперативной группы (СОГ)¹.

По прибытии на место происшествия основной обязанностью членов СОГ является осуществление оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на выявление обстоятельств преступления, данных о предполагаемом преступнике, сбор сведений для экспресс-информации и организация на ее основе непрерывного взаимодействия между всеми членами группы во время работы по установлению и поиску неизвестных преступников. При построении и проверке версий, выборе направления расследования и тактических приемов неоценимую помощь оказывает информация, полученная в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий².

---

¹ Подробнее см.: Кокурин Г.А. Организационные основы деятельности следственно-оперативных групп: Учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: МЦ при ГУК МВД России, 1997; Он же. Теоретические и практические основы поисковой деятельности в процессе раскрытия и расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2001.

² Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под ред. проф. В.Т. Томина. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001; Бочкарев А.В., Федюнин А.Е. Некоторые уголовно-процессуальные вопросы получения и фиксации аудиальной информации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Следователь. – 2002. – № 6. – С. 30-33; Пономаренков В.А., Алферов В.Ю., Царева Н.П., Громов Н.А. Представление оперативными подразделениями материалов фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи органу дознания, следователю, прокурору или суду // Следователь. – 2002. – № 11. – С. 49-52 и др.

Как показывают проведенные исследования, по результатам работы СОГ на месте происшествия чаще всего поиск неизвестных преступников осуществляется с учетом следующих приемов:

- по внешним признакам (система словесного портрета);
- по следам и предметам, оставленным ими на месте происшествия;
- по похищенному имуществу, по следам, оставшимся на их теле и одежде;
- по способу совершения преступления, по кругу лиц, среди которых может находиться преступник.

По имеющимся признакам в картотеках информационных центров областных, краевых, республиканских органов внутренних дел, а также по фото- и видеотекам информационно-поисковых систем (ИПС) горрайорганов внутренних дел на первоначальном этапе рекомендуется проведение проверки лиц, состоящих на учете.

Достаточно эффективным средством для раскрытия преступлений по внешним признакам преступников является идентификационный комплект рисунков (ИКР). В последнее время, с внедрением в практическую деятельность правоохранительных органов различных технических средств и ЭВМ, достаточно широко применяются методики фотокомпозиционных и рисованных портретов (фотороботов)¹. Розыск преступников по внешним признакам (свыше 70% изученных дел) проводится во всех случаях, когда по научной системе словесного портрета становятся известными их приметы.

Сведения о предполагаемом преступнике, которые могут помочь в его установлении и поиске, можно разделить на следующие группы:

1. Сведения о физиологических и биологических признаках лица, совершившего преступление. К ним относятся: а) сведения о внешнем облике; б) сведения об особых признаках рук, ног, зубов, крови, выделений организ-

---

¹ Зуев В.Д., Красавин А.И., Фотографические материалы и их применение в оперативно-розыскной, следственной и экспертной работе. – М., 1970; Зинин А.М., Зотов А.Б., Зудин С.И., Буданов С.А. Использование информации очевидцев о признаках внешности человека при составлении субъективных портретов. – М., 1996 и др.

ма; в) признаки патологий; г) повреждения на теле, микрочастицы; д) иные сведения.

2. Сведения о социальных и поведенческих признаках. К ним относятся: а) установочные данные; б) сведения о способе совершения преступления; в) сведения о навыках, привычках, культурном уровне лица, совершившего преступление; г) иные сведения субъективно-психологического характера.

3. Сведения о «сопутствующих» объектах. К ним относятся: а) сведения о признаках одежды, обуви, иных вещей, имеющих у преступника; б) сведения о признаках оружия, других орудий преступления; в) сведения о транспортном средстве; г) иные сведения¹.

В настоящее время существует множество методик криминалистического описания человека, которые имеют, в первую очередь, экспертную направленность и считаются универсальными для целей розыска и портретной идентификации. Однако особого внимания заслуживает методика КРИМНЕТ, разработанная в Научно-производственном центре «Оптическое распознавание объектов» (г. Самара). В отличие от цели портретной идентификации – установление тождества, основой методики является розыск и принцип сходства, являющийся промежуточной стадией по отношению к тождеству. Основным объектом отображения внешности в портретной идентификации являются фото-видео, а в розыске – словесное описание, составленное по памяти потерпевшего, очевидца, основой которого является мысленный образ. Как известно, мысленный образ по отношению ко всем отображениям внешности, в частности фото-видео, является лимитирующим не только по степени полноты передачи информации признаков внешности, сколько трансформации признаков внешности, обусловленной общими закономерностями психологии восприятия внешности человека человеком. Главная идея описания внешности заключается в переходе от громоздкой экспертной сис-

---

¹ Лавров В.П., Чегодаев С.С. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений по горячим следам // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений. Спецкурс лекций: Учеб. пособие для вузов / Под ред проф. В.П. Лаврова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – С. 16.

темы к максимально простой системе описания, где в силу психологии восприятия внешности общие признаки воспринимаются мгновенно на подсознательном уровне, формируя общее представление о внешности, а акцент внимания переносится на фиксацию отклонений от нормы в элементах внешности, функциональных признаках, топографии видов особенностей. Основными положениями разработанного розыскного словесного портрета являются:

- 1) унификация розыскного словесного портрета;
- 2) учет свойств отображений внешнего облика;
- 3) психологический подход при описании внешности;
- 4) максимальное упрощение описания признаков внешности;
- 5) топография видов особенностей;
- 6) графический аналог внешнего облика человека;
- 7) интеллектуализация автоматизации розыска.

Кроме того, комплексное решение задачи автоматизации розыска преступников по признакам внешности предполагает обеспечение широкого доступа к базам данных криминалистической сети из любого места посредством Интернета¹.

Помимо словесного портрета розыск преступника может осуществляться по его следам в том случае, если на месте совершения преступления или на пути отхода с него оставлены следы с достаточными идентификационными признаками. Для их обнаружения по прибытии на место происшествия следователь, сотрудники уголовного розыска и другие участники производят тщательное обследование прилегающей местности. Нужно обращать внимание на следы транспорта, человека, животных, а также искать потерянные, брошенные или спрятанные преступником вещи и предметы. Преимущественное значение необходимо уделять «следам отхода».

При обнаружении и изъятии следов и иных объектов нередко возникает необходимость проверить их по криминалистическим учетам. В этом слу-

---

¹ Подробнее см.: Филатов А. Новая методика криминалистического описания человека для целей розыска // Профессионал. – 2002. – № 4. – С. 39-42.

чае СОГ, выехавшая на место происшествия, должна обладать необходимыми техническими средствами как приема и передачи информации, так и помогающими выделить криминалистически значимые объекты из окружающей среды, определить их, получить представление об их свойствах, признаках и т.д. В указанных целях успешно применяются передвижные криминалистические лаборатории.

Нередко, скрываясь с места происшествия, преступники теряют орудия преступления, одежду, головные уборы, пуговицы и другие предметы. Их тщательное изучение также позволяет осуществить по ним результативный розыск преступника.

Преступника можно установить и по похищенному им имуществу, если оно имело какие-либо индивидуальные признаки. Если в ходе работы по «горячим следам» обнаруживается спрятанное преступниками похищенное имущество, необходимо организовать засаду, чтобы задержать их с поличным.

Примером успешного проведения оперативно-розыскных мероприятий, повлекших раскрытие ряда преступлений, может служить дело Смирнова и его банды (фамилии участников изменены).

В августе 1998 г. за разбойное нападение на один из филиалов сбербанка был задержан Федоров, остальным соучастникам удалось с места преступления скрыться.

В ходе расследования была получена оперативная информация о возможной причастности к совершению данного преступления участников организованной преступной группы. Для документирования противоправной деятельности группы, установления всех ее участников, а также выявления иных фактов преступной деятельности сотрудниками уголовного розыска было заведено дело оперативного учета.

При реализации полученной информации в ходе работы установлено, что в разбое, помимо задержанного Федорова, участвовали Смирнов, Нуртазин и Краснов. В ходе дальнейших оперативных мероприятий был установ-

лен телефон сожительницы Смирнова, а по телефону не составило труда выяснить и адрес. За данным адресом было установлено наружное наблюдение. Оперативникам не пришлось долго ждать. Уже через два дня к дому подошел мужчина по приметам схожий с разыскиваемым. Сомнений не было – это был Смирнов. Задержание прошло успешно, преступник даже не успел среагировать.

В результате оперативной разработки Смирнова установлено, что он являлся лидером организованной преступной группировки, которая совершила ряд разбойных нападений в Алтайском крае и Новосибирской области. Дальнейшими мероприятиями были установлены и задержаны все члены банды. Всем им было предъявлено обвинение в бандитизме. Впоследствии они были признаны виновными и осуждены к различным срокам лишения свободы¹.

В своей деятельности субъекты доказывания зачастую сталкиваются с быстро меняющимися ситуациями, и им приходится принимать нестандартные решения. Этот процесс носит эвристический (творческий) характер. Связано это с особым свойством памяти, ее способностью обеспечивать хранение ранее полученной информации и проявляться в виде определенных данных оперативной, краткосрочной, либо долгосрочной памяти. В связи с этим хотелось бы особо отметить, что многие опытные сотрудники в своей деятельности пользуются приемами установления преступника по аналогии. В памяти таких работников в результате многолетнего опыта формируется и хранится своеобразный «банк данных» – деталей преступлений, совершаемых в сходных с расследуемым нераскрытым преступлением условиях. Использование этой весьма полезной, но нигде не зафиксированной информации может дать именно ту «ниточку», с помощью которой нередко устанавливается виновный. В подобных сложных ситуациях целесообразно проводить специальные собеседования с опытными специалистами. По их результатам и высказанным суждениям, основанным на личной осведомленности,

---

¹ Из практики работы ГУВД Новосибирской области за 1998 год.

можно конкретизировать или выдвинуть дополнительные оперативно-розыскные версии. Суждения опытных сотрудников, их «интуитивные догадки, возникающие на основе аналогии, часто играют важную роль в поиске преступника и раскрытии преступления»¹.

Интуиция опирается на данные прошлого сознательного и подсознательного опыта. Подсознательное сопоставление с этим прошлым опытом приводит к озарению, к неожиданному решению. Эта взаимосвязь большей частью остается скрытой для сознания, решающего задачу². Исследованиями в данной области занимается современная психология.

Эффективность быстрого поиска преступника по аналогии на основе информации розыскного назначения будет возрастать по мере развития и организации сбора, накопления и автоматизированной обработки информации с помощью автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС).

В наиболее сложных ситуациях, когда в результате осуществления первоначальных оперативно-розыскных мероприятий и неотложных следственных действий не удается получить даже минимальную поисковую информацию, оправданно практикуются подворные, поквартирные обходы для выявления среди жителей необходимой ориентирующей, поисковой информации. Все большее распространение получают обращения субъектов доказывания с вопросами к населению через средства массовой информации – печать, радио, телевидение. Изыскиваются и иные возможности. При использовании таких приемов в орган внутренних дел, ведущий розыск преступника, поступает обширная информация. Путем применения метода «просеивания» информации устанавливается все, что действительно имеет отношение к расследуемому преступлению.

В рассматриваемых нами условиях оперативно-розыскные меры способствуют быстрому и полному выяснению обстоятельств дела и собиранию

---

¹ Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. – М., 1981. – С. 79.

² Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: НОРМА-ИНФРА М, 2001. – С. 159.

доказательств, правильному выбору тактических приемов при проведении следственных действий, поиску, установлению и задержанию виновных лиц.

Вместе с тем еще раз подчеркнем, что все данные, добытые в результате осуществления оперативно-розыскных мероприятий, реализуются и становятся доказательствами только в процессе проведения следователем или лицом, производящим дознание, следственных действий, установленных уголовно-процессуальным законодательством.

В связи с чем особую актуальность приобретает вопрос о производстве следственных действий до возбуждения уголовного дела. Проблема допустимости производства следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела возникла давно и была предметом серьезных дискуссий на протяжении нескольких десятилетий. Высказывались различные, порой диаметрально противоположные точки зрения.

Одни авторы предлагали расширить перечень следственных действий, помимо осмотра места происшествия на этой стадии, т.к. это обеспечивает быструю и качественную проверку материалов (Р.С. Белкин, Н.Г. Мудьюгин, А.А. Чувилев, Ю.Н. Белозеров и др.).

Сторонники противоположной точки зрения (В.Д. Арсеньев, В.М. Савицкий, И.Н. Сорокотягин, В.И. Шиканов и др.) полагали, что такое решение ведет к стиранию граней между стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Кроме того, следственные действия, являясь мерами процессуального принуждения, затрагивают конституционные права личности, поэтому их применение в период, когда еще не установлены даже признаки преступления, ничем не оправдано.

Определенные надежды возлагались на новый УПК РФ. Казалось бы, законодатель должен был учесть опыт других государств бывшего Союза, где перечень следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела, был расширен¹. Однако сегодня можно с сожалением констатиро-

---

¹ Например, УПК Узбекистана (ст. 162), Латвии (ст. 180), Эстонии (ст. 150), Армении (ст. 150) помимо осмотра предусматривали проведение обыска и выемки, а УПК Республики Казахстан – производство экспертизы (ст. 184).

вать, что новый УПК РФ, принятый Государственной Думой 22 ноября 2001 г. «не решил все проблемы правовой регламентации следственных действий и в полной мере учел наработки процессуальной науки, имевшие своей целью уточнить познавательную характеристику и повысить доказательственную ценность того или иного следственного действия»¹.

Хотя и в УПК РФ нет нормы, запрещающей проводить следственные действия до возбуждения уголовного дела, однако в ч. 2 ст. 176 УПК РФ говорится, что в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела, при этом уже не требуется немедленно после осмотра возбуждать уголовное дело, даже если установлены соответствующие основания. В то же время в ч. 4 ст. 146 УПК РФ называются три следственных действия, материалы которых прилагаются к постановлению следователя о возбуждении уголовного дела, направляемому прокурору для согласования. Причем не совсем ясно, является ли этот перечень исчерпывающим. В этой связи совершенно прав профессор Ю. Орлов, который считает, что «в скобках может быть указан эквивалент, слово-синоним, например: субъекты (участники) судебной экспертизы; другой равноправный вариант, например: действие (бездействие) должностного лица; в скобках может быть дана расшифровка, детализация какого-то понятия, приведены варианты, причем не обязательно их исчерпывающий перечень»². Таким образом, – заключает он, – лингвистический анализ мало что дает. Единственный вывод (и то косвенный), который он позволяет сделать, это то, что такие следственные действия вроде можно проводить и до возбуждения уголовного дела³.

---

¹ Шейфер С.А. Правовая регламентация следственных действий в новом УПК РФ // Гос-во и право. – 2003. – № 2. – С. 55; См. также: Ковтун Н. Задержание подозреваемого: новые грани старых проблем // Российская юстиция. – 2002. – № 10. – С. 46; Ярыш В.Н., Францифоров Ю.В. Актуальные проблемы проведения освидетельствования // Следователь. – 2002. – № 12. – С. 37-38; Соловьев А., Токарева М., Воронцова Н. Проблемы законности и качества расследования в свете требований УПК РФ // Уголовное право. – 2002. – С. 73-76 и др.

² Орлов Ю. Возможно ли производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. – 2003. – № 9. – С. 20-21.

³ Там же. – С. 21.

Поскольку производство экспертизы проходит, как правило, в течение продолжительного времени, а законодатель требует направлять прокурору материалы незамедлительно, то возникает резонный вопрос: «Зачем назначать экспертизу, если до согласования с прокурором постановления о возбуждении уголовного дела результаты ее не будут известны»? Ведь смысл норм, закрепляющих производство следственных действий на этом этапе, – установление наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела. Ни для кого не секрет, что ряд категорий уголовных дел (например, связанных со сбытом наркотиков) возбуждается, когда имеются на то достаточные основания. Практические работники выходят из этой ситуации, проводя различного рода предварительные исследования. При этом следует учитывать, что зачастую вещество после исследования утрачивается и эксперт просто подменяет исследованием экспертизу, перенося содержание справки исследования в заключение экспертизы. Эту проблему можно было бы решить просто – указать в ст. 144 УПК РФ (примерно, как это было в ст. 109 УПК РСФСР), какие следственные действия можно проводить в ходе предварительной проверки, в том числе назначение и производство экспертизы. Однако этого сделано не было. В связи с чем заключение экспертизы (за редким исключением) вряд ли может быть источником доказательства на стадии возбуждения уголовного дела.

Анализ норм УПК РФ позволяет сделать вывод, что законодатель не учел достижения уголовно-процессуальной и криминалистической наук, которые в свою очередь основывались на «мольбах» практики. Почти во всех научных работах, посвященных проблемам стадии возбуждения уголовного дела, указывалось на то, что необходимо оптимизировать процессуальную регламентацию средств предварительной проверки, в том числе путем увеличения следственных действий¹.

---

¹ Павлов Н.Е. Возбуждение уголовного судопроизводства: Учеб. пособие. – М.: Академия МВД России, 1992; Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: НОРМА, 2001. – С. 204-208; Николук В.В., Кальницкий В.В., Марфицин П.Г. Стадия возбуждения уголовного дела (В вопросах и ответах): Учеб. пособие. – Омск: ОВШМ МВД России, 1995 и др.

Эффективным способом доказывания на стадии возбуждения уголовного дела, который был как в старом, так и остался в новом УПК, является осмотр места происшествия. Из буквального смысла ч. 2 ст. 176 УПК РФ вытекает, что производство данного следственного действия на первоначальном этапе разрешено не только потому, что без него невозможно принять обоснованное решение, а в связи с тем, что его производство не терпит отлагательств. И хотя этому следственному действию в литературе уделено достаточное внимание, исследования показывают, что по значительной части осмотров мест происшествия информация, имеющая важное поисковое значение, не обнаруживается. По данным А.С. Шаталова, в 108 случаях осмотров мест происшествия по преступлениям, совершенным в условиях массовых беспорядков, было обнаружено и изъято лишь 84 следа (в среднем 0,8 следа на осмотр), из них только 37,1% приобрели впоследствии доказательственное значение¹.

Так как содержание информации, полученной в ходе осмотра, определяет направленность последующих следственных и иных процессуальных и непроцессуальных действий, «следователь объективно заинтересован в существовании определенной системы правил и рекомендаций, которая с помощью криминалистических методов, приемов, средств поможет определить процесс переработки исходных данных о преступлении в искомые результаты расследования»².

В связи с чем особый интерес представляет информация, полученная в первую очередь в ходе осмотра места происшествия о форме преступного поведения и образе действий преступника. На основе нее можно сделать предположения о его росте, телосложении, физической силе, профессиональ-

---

¹ Шаталов А.С. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в условиях массовых беспорядков: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993. – С. 33-56.

² Шаталов А.С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. (научное издание). – М.: Лига Разум, 2000. – С. 178.

ных навыках, дефектах психики и иных признаках¹. В современной зарубежной науке система сведений о психологических и иных признаках разыскиваемого преступника, существенных с точки зрения его выявления и идентификации, получила название «психологического профиля», а в России – «психологического портрета» преступника. Поскольку в эту систему включаются признаки не только психологической природы, но и правовые, социально-демографические и иные, В.А. Образцов предлагает определять рассматриваемый объект как криминалистический «портрет» или криминалистическую характеристику преступника².

Указанные характеристики используются в целях выявления преступников, которые после совершения преступления скрылись с места происшествия. Делается это путем установления лиц, схожих по своим признакам с признаками человека, зафиксированными в модели, и их «просеивания» – проверки на предмет причастности к раскрываемому преступлению.

Психологический портрет отражает внутренние, психологические, а также поведенческие признаки человека. Его основная функция – быть средством поиска, выявления преступника, который не установлен. Психологический портрет формируется не на основе достоверных знаний об отражаемых в нем признаках, а знаний вероятностного характера.

Поэтому в основу разработки методики построения психологического портрета преступника положены частные психологические принципы анализа происшествия:

1. Элементы криминалистической характеристики рассматриваются как результаты поведения, реализованного лицом в условиях свободного вы-

---

¹ См.: Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого: (Понятие, предмет и методика изучения). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978; Шиканов В.И. Криминалистическая виктимология и практика расследования убийств. – Иркутск, 1979; Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. – М., 1981; Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Томск, 2006. – С. 34-36 и др.

² Образцов В.А. Криминалистика: Курс лекций. – М., 1996. – С. 184; Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТА – ДАНА, Закон и право, 2002. – С. 81.

бора, детерминированного системой как осознаваемых, так и неосознаваемых побуждений и направленного на достижение субъективно желаемой цели.

2. Элементы криминалистической характеристики преступления рассматриваются как единая система, системообразующим принципом которой выступает личность преступника в ее субъективном отношении к другим составляющим криминалистическую характеристику элементам¹.

Теоретическая основа метода строится на основе положения о личностной детерминированности поведения человека, т.е. утверждается, что «личность» преступника проявляется в его поведении. При этом часто повторяющиеся, привычные способы поведения доводятся до уровня автоматизма, неподвластного сознательному контролю человека². Следы, оставленные на месте преступления, позволяют судить о привычных способах поведения, а через них и о «личности» преступника³.

Психологический портрет (профиль) применяется при расследовании преступлений, в которых преступники в той или иной степени стараются индивидуализировать себя. В своих действиях они стараются выразить собственные фантазии, при этом «фантазия становится поводом»⁴.

Как показывают проведенные исследования и анализ научной литературы, поведение лица, совершившего серию однородных преступлений, подчинено не цели их совершения (например, удовлетворение сексуальной потребности), а алгоритму – то, как оно должно быть совершено, какие эмоции

¹ Прикладная юридическая психология [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: http://yurpsy.bu.ru/help/bib/stol/8_8.htm. (2003. 10 октября).

² Burgess, A. & Douglas, J. & Hartman, C., & McCormack, A. & Ressler, R. Sexual Homicide: A Motivational Model // *Journal of Interpersonal Violence*. – Vol. 1. – No.3. – Sept. 1986. – P. 251-272.

³ Hazelwood, R. & Reboussin, R. & Warren, J. Serial Rape: Correlates of Increased Aggression and the Relationship of Offender Pleasure to Victim Resistance // *Journal of Interpersonal Violence*. – Vol. 4. – No. 1. – March 1989. – P. 65-78; Hazelwood, R. & Warren, J. The Criminal Behavior of the Serial Rapist // *FBI Law Enforcement Bulletin*. – February 1990. – P. 11-16; Hazelwood, R. & Reboussin, R. & Warren, J. & Wright, J. Prediction of Rapist Type and Violence from Verbal, Physical, and sexual scales // *Journal of Interpersonal Violence*. – Vol. 6. – No. 1. – March, 1991. – P. 55-67.

⁴ Douglas J., Munn C. Violent Crime Scene Analysis: Modus Operandi, Signature and Staging // *FBI Law Enforcement Bulletin*. – 1992. – № 2. – P. 4.

при этом должен пережить преступник¹. Процедура преступления не может быть изменена. Отсутствие обязательного элемента сценария преступления порождает бессмысленность всего процесса преступления. Преступник либо прерывает намерение, либо, несмотря на совершенное преступление, вновь ищет жертву. Это правило характерно для большинства серийных преступлений.

При составлении психологического портрета учитывается очень важная, на наш взгляд, «деталь» – специфический набор так называемых жизненных ценностей². Именно через них, как это было показано выше, проявляется индивидуальность каждого человека. Благодаря ценностям многомерный мир человека, превращается в его в жизненный мир как пространство для реализации актуальных потребностей и возможностей³.

При этом имеют место два подхода к установлению связи между признаками преступления и преступника.

Статистический подход основывается на существующей статистике сопряжений признаков преступника с признаками криминалистической характеристики преступления (их совокупности), выявленной по аналогичной категории раскрытых дел. Он активно используется в практике следственно-розыскной деятельности полиции США, Англии, Голландии и некоторых других стран. Недостаток данного подхода – отсутствие содержательных суждений по поводу выводимых признаков преступника. В то же время по конкретному делу наименее статистически определенный признак может оказаться наиболее достоверным и информативным.

---

¹ См.: Серийные сексуальные убийства: Учебное пособие / Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: МЮИ МВД России, Изд-во «Щит-М», 1997. – С. 121-159; Сафуанов Ф.С. Пограничные психические расстройства и психологические механизмы криминально-агрессивных действий // Преступное поведение (новые исследования): Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2002. – С. 25-32 и др.

² Burgess A., Douglas J., Hartman C., McCormack A., Ressler R. Sexual Homicide: A Motivational Model // Journal of Interpersonal Violence. – 1986. – Vol. 1. – № 3. – September. – P. 251-272.

³ См.: Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – С. 92.

Аналитико-психологический подход нацелен на вскрытие субъективно-личностного содержания действий преступника, исходя из чего выдвигается аргументированная версия о его признаках. Иначе говоря, связь признаков лица с признаками поведения здесь опосредована их психологической, **смысловой** взаимосвязью¹.

Именно с учетом этих подходов в ФБР была разработана процедура составления «психологического профиля», состоящая из 5 шагов, или этапов.

1. Обстоятельное изучение, анализ природы и сущности преступления и криминальных типов лиц (психолого-психиатрическая типология), совершивших подобные деяния в прошлом.

2. Исчерпывающий анализ места расследуемого преступления.

3. Углубленное изучение ближайшего окружения, занятий и увлечений жертвы (жертв, если их несколько) и подозреваемого (подозреваемых).

4. Формирование возможных мотивирующих факторов всех задействованных в расследовании лиц.

5. Описание преступника (на основе внешних поведенческих проявлений его вероятной психологической сущности)².

Технологический алгоритм разработки психологического профиля (портрета) преступника включает три основных приема.

1. Прием реконструкции криминалистического механизма преступления.

2. Прием психологического моделирования поведения преступника.

3. Прием психологической интерпретации поведения преступника³.

¹ Прикладная юридическая психология [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: http://yurpsy.bu.ru/help/bib/stol/8_8.htm. (2003. 10 октября); см. также: Афиногенов А.И. Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 1997; Самовичев Е.Г. К методологии криминогенетического анализа. // Личность преступника: методы изучения и проблемы воздействия: Сб. научных трудов ВНИИ МВД России. – М., 1988. – С. 50-60.

² Образцов В.А., Богомоллова С.Н. Указ. раб. – С. 91-92.

³ Прикладная юридическая психология [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: http://yurpsy.bu.ru/help/bib/stol/8_8.htm. (2003. 10 октября).

В процессе реконструкции криминалистического механизма преступления особое внимание уделяется осмотру места происшествия. Любая, даже, на первый взгляд, незначительная «деталь» может способствовать сужению круга подозреваемых лиц. На этом этапе выделяют первичную и вторичную сцену места преступления (до осмотра и с учетом изменений, внесенных во время осмотра). Заключение будет тем эффективнее, чем меньше изменений в месте преступления внесено с момента его совершения, так как изменение обстановки может дать ложную трактовку предполагаемого преступника. Основными источниками информации выступают фотографии места происшествия. При этом используется цветная пленка. Считается, что на снимках экономить нельзя. Очень важно, чтобы были представлены как близкие, так и удаленные от места происшествия объекты. Причем на каждой фотографии указывается их природа – первичная или вторичная. Кроме того, важными источниками информации являются различные схемы, планы, карты, используемые при осмотре, а также специально разработанные анкеты, заполняемые субъектом доказывания во время проведения осмотра места происшествия, подробные результаты вскрытия трупа (если он имеется), максимально полная информация о потерпевшем (потерпевших). Сбор информации о жертве и составление ее «психологического профиля» осуществляют сотрудники, специализирующиеся в области криминалистической виктимологии. Широко используется помощь общественности. К сожалению, в отличие от американцев наши сограждане не выказывают особого желания помогать следствию и общаться с сотрудниками правоохранительных органов. Американцы же считают это своим гражданским долгом. Так, при расследовании преступлений снайпера в окрестностях Вашингтона в 2003 г. около 200 сотрудников правоохранительных органов США, отработывая 1400 версий, получили более 7500 сообщений от населения относительно предполагаемого преступника и его местонахождения.

На основе полученной информации дальнейшей задачей является выявление при помощи психологических приемов анализа «индивидуальных

действий» (черт) преступника. В основу приема психологического моделирования поведения преступника положены три параметра действия человека в зависимости от сложившейся ситуации¹.

1. Чем меньше согласуется действие человека с действиями большинства людей в той же ситуации, тем в большей степени оно обусловлено его индивидуальностью.

Так, жена и ближайшие знакомые Джона Даффи, известного маньяка-убийцы, в течение трех лет (с 1985 по 1988 гг.) державшего в страхе не только Лондон, но и всю Англию, утверждали, что, в отличие от большинства «нормальных» людей, сцены насилия и убийств доставляли ему наслаждение. Кроме того, Д. Даффи много читал книг, в которых воспевались «подвиги» нацистов, насилие и жестокость. Его настольной книгой был «Справочник анархиста» – своеобразное пособие для террориста с описанием различных способов убийств. Все полученные знания он реализовывал в убийствах и издевательствах над своей женой, что и явилось поводом для включения его в компьютерную систему по поиску маньяка-убийцы и в список подозреваемых. Впоследствии его вина в двух изнасилованиях и двух убийствах была полностью доказана, а 26 февраля 1988 г. оглашен приговор – сорок лет тюремного заключения. Профессор Дэвид Кантор, создавший психологический портрет преступника, и детектив Джон Херст, расследовавший эти громкие преступления, поясняли, что если бы не «странности» Д. Даффи, то полиции сложно было бы выйти на его след и еще неизвестно, попал бы он вообще в компьютерную систему.

2. Чем однотипнее действует человек в различных ситуациях, тем сильнее его поведение обусловлено индивидуальными особенностями.

При расследовании серии убийств женщин, сопряженных с изнасилованием, в пригороде Свердловска (Екатеринбурга) в 1982-1988 гг. прослеживался ряд общих признаков, которые послужили основанием для выдвижения версии о совершении их одним лицом:

---

¹ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – М., 1986. – С. 16.

1. Все убийства совершены одним и тем же способом – удушением путем сдавливания дыхательных органов потерпевшей руками и мягкой петлей.

2. Все преступления совершены на ограниченном участке местности в дневное время и сопряжены с изнасилованием потерпевших.

3. Во всех случаях имелись следы, указывающие, что преступник перемещал трупы потерпевших к местам их сокрытия путем волочения, удерживая за руки и плечи.

4. Тела потерпевших оставлялись в кустах и прикрывались снятой одеждой или ветками деревьев.

5. На момент обнаружения трупы Д., К., Л., Т. и Я. были обнажены частично или полностью.

6. Убийства Д., К., Л., Т. сопровождалось надругательством над трупами, выразившемся во введении в половые органы потерпевших на значительную глубину посторонних предметов (палок и веток). У К. и Т. одинаковым способом были отчленены соски молочных желез.

7. Преступник принимал меры к сокрытию одежды и предметов, находившихся у потерпевших, похищались ценные вещи и украшения¹.

Впоследствии был задержан печатник типографии «Уральский рабочий» Н.Б. Фефилов, который признался в совершении этих зверских преступлений. Места, где были обнаружены трупы, он называл «своими», хорошо ориентировался на местности, демонстрировал хорошую память, точно называл время и место содеянного.

В серии убийств, совершенных снайпером в американском городе Манассас штат Мэриленд в 2003 г., имелись существенные различия в ситуационных параметрах: пол жертв, их возраст и социальное положение (среди них были – таксист, домохозяйка, служащий магазина, пенсионер, школьник и т.д.). В то же время выделялся и общий признак – преступник стрелял из снайперской винтовки калибра 0,223, которую используют в основном ар-

---

¹ Подробнее см.: Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. – С. 36.

мейские снайперы. В частности, такое оружие широко использовали американские снайперы во время войн во Вьетнаме и Персидском заливе. Эти обстоятельства послужили основанием для выдвижения версии, что убийца, скорее всего, бывший снайпер, участвовавший в одной из войн, человек с богатым и очень специфичным армейским опытом. Он очень хорошо знает и любит оружие, передвигается на небольшом белом грузовике или микроавтобусе. Вполне вероятно, что у него есть сообщник¹.

Когда же его задержали, выяснилось, что он действительно был армейским снайпером, участвовал в операции «Буря в пустыне», передвигался на белом автомобиле и у него был сообщник.

Анализ этих и других дел показывает, что такие стабильно проявляющиеся действия, как по выбору места совершения преступления, так и по способу совершения преступления и сокрытия следов содеянного, необходимо рассматривать как «индивидуальное действие» и учитывать при расследовании преступлений.

3. Чем заметнее человек при похожих ситуациях меняет свое поведение, тем в большей степени оно детерминировано «личностными» факторами (при условии, что на ситуацию не влияют дополнительные внешние обстоятельства)².

Например, ростовский маньяк Чикатило на допросе по одному из эпизодов показал, что во время совершения преступления он завязал потерпевшей глаза шарфом, так как ему было страшно видеть ее взгляд. В то же время анализ преступлений Чикатило свидетельствовал, что у ряда потерпевших он после совершения сексуальных посягательств и убийств вырезал глазные яблоки³.

---

¹ Вашингтонский маньяк застрелил седьмого человека [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: www.nc.ru. (2003. 10 октября).

² См.: Прикладная юридическая психология [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: http://urpsy.bu.ru/help/bib/stol/8_8.htm. (2003. 10 октября).

³ Подробнее см.: Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. – С. 45-52.

Уже упоминавшийся выше «убийца с лазерным взглядом» Джон Даффи в октябре 1986 г., выбрав в жертву четырнадцатилетнюю школьницу, был поражен ее молодостью и красотой после того, как во время преступления повязка спала с ее глаз. Поколебавшись, он ее отпустил, хотя раньше этого никогда не делал.

Очевидно, что в этих приведенных случаях нарушена закономерность в поведении. Следовательно, эти «нарушения» нужно рассматривать как индивидуальные.

Что же касается приема психологической интерпретации поведения преступника (индивидуальных действий), то основной его задачей является объяснение, психологическое оправдание поведения преступника с учетом тех или иных складывающихся криминалистических ситуаций.

В рамках этого приема выявляются и объясняются «сильные» и «слабые» стороны преступника. Оцениваются действия преступника в контексте его личностных параметров, таких, как:

- направленность (потребности, мотивы, установки, жизненные планы, концепции, ценностные ориентации, склонности, вкусы, хобби);
- социально-психологические особенности поведения (в том числе демографические, культурные, социальный и межличностный статус, роли, стили жизни и общения);
- характерологические качества (характер, акцентуированные свойства личности);
- психические свойства и процессы (особенности интеллектуальной, эмоционально-волевой сфер, восприятия, внимания, речи);
- операциональные характеристики (привычки, умения, навыки, знания);
- биопсихические свойства (темперамент, половые, возрастные, морфологические, патологические свойства, состояние здоровья);

- особенности сексуальной сферы (сексуальная ориентация, биологические и социальные детерминанты личностной проблемы)¹.

Особое внимание здесь уделяется так называемому «операциональному смыслу». Данное понятие ввел О.К. Тихомиров, а впоследствии отдельные аспекты этого понятия изучались его учениками².

Феномен «операционального смысла» как механизма избирательности проявляет себя на подсознательном уровне реализации, зачастую выделяясь непривычным или редким для ситуации способом действия, употребления предмета, отличной от оптимального варианта линией поведения. Перестройка деятельности человека, начинаясь на бессознательном уровне, может и не выйти на уровень осознания и произвольной регуляции. Проведенное исследование показало, что правомерно говорить не только о смыслообразующих мотивах, но и мотивообразующих смыслах, зарождающихся в ценностно-смысловой структуре криминалистической ситуации, на основе которых формируются мотивы, трансформирующие всю деятельность человека. Поэтому изучение ценностно-смысловой характеристики криминалистической ситуации позволяет на более высоком качественном уровне связать в одну систему выявленные навыки, умения, привычки преступника с его признаками и свойствами, т.е. объяснить особенности его поведения.

Совершив убийство пятнадцатилетней школьницы Мартье Тамбезер, Д. Даффи, чтобы уничтожить следы спермы, сжег нижнюю часть ее тела. Но

---

¹ См.: Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого: (Понятие, предмет и методика изучения). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. – С. 37-39; Елисеев С.А. Личность корыстного преступника, ее криминологическое и уголовно-правовое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1980. – С. 8; Серийные убийства и социальная агрессия: Мат-лы междунар. конф. – Ростов н/Д.; М., 1994; Гавло В.К., Корчагин А.А. Расследование фактов безвестного исчезновения женщин при подозрении на их убийство: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 58-70 и др.

² Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. – М., 1969. – С. 132; Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1991; Телегина Э.Д. Психологическая регуляция и саморегуляция творческой мыслительной деятельности человека: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1993; Красноядцева О.М. Возникновение и регуляция мышления в реальной жизнедеятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1998; Васильев И.А. Эмоциональная регуляция мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1998 и др.

сам того не желая, он все же оставил очень важную для следствия информацию, сломав девушке шейный позвонок ударом, которым владеют только люди, занимающиеся боевыми искусствами. В результате была выдвинута версия о предполагаемом преступнике и роде его занятий, которая существенно сузила круг подозреваемых, а впоследствии привела к установлению и задержанию маньяка.

Рассмотренные приемы построения психологического портрета преступника доказывают, что установление субъективного содержания его действий, а также выявление лежащих за ними побуждений позволяют выдвигать более аргументированные версии относительно лица, совершившего преступление. Это, в свою очередь, способствует оптимизации расследования преступлений.

Однако указанный метод используется далеко не в каждом случае раскрытия преступлений. Нужно помнить, что это всего лишь одно из средств в достижении цели доказывания, которое не может претендовать на бесспорную научную целостность и самостоятельность.

Поэтому совершенно правы В.А. Образцов и С.Н. Богомолова, которые считают, что полем применения метода психологического портрета «являются лишь некоторые группы дел и прежде всего те, что связаны с раскрытием тяжких преступлений против личности. Метод психологического портрета реализуется в тех случаях, когда место происшествия и состояние жертвы позволяют заключить о наличии у неизвестного преступника каких-либо отклонений в поведении, психике, эмоциональном состоянии.

В то же время в случаях, когда убийство совершено с целью ограбления, а жертва – лишь средство достижения цели, применение психологического портрета считается нецелесообразным. Другая часть преступлений, непригодных для составления психологического портрета, – преступления, связанные с применением наркотиков, поскольку трудно отграничить устойчи-

вые личностные черты от состояния нарушенного сознания в момент совершения преступлений, обусловленных наркотическим отравлением»¹.

Однако указанные ограничения не умаляют значимости данного метода как средства, позволяющего разрешать наиболее проблемные ситуации, в которых другие методы оказываются бесполезными. Это прежде всего касается проблем раскрытия серийных убийств, совершаемых в разных местах и в разное время лицами с психосексуальными аномалиями. Поэтому если раньше эти проблемы относились к компетентности криминалистики и судебной медицины, то в последнее время наметилось интенсивное «подключение» в эту область психологов и психиатров, без знаний которых практически невозможно решить указанные задачи.

Еще одной проблемой, в первую очередь касающейся практики применения психологического портрета, является недостаток начальной информации, которая получила название «слепота на связи» (linkage blindness). Полагаем, что она может быть преодолена путем увеличения базы данных и разработкой АИПС. Такие системы уже созданы и внедрены в практику как за рубежом, так и у нас в России.

В США основными программами являются VICAP и SATSN. VICAP является единой национальной базой данных, которая объединяет всю информацию в отношении серийных преступников. Что же касается системы SATSN, то ее ядром является программное обеспечение, которое предназначено для имитации «мозговых процессов», проходящих в голове убийцы. Полиция заносит в банк данных информацию об убийствах, включая подробное описание увечий, нанесенных жертвам, орудие или предмет, которым пользовался преступник, время и место совершения преступления и т.д. (всего 200 параметров). Программа же пытается проанализировать эту информацию и сравнивает ее с теми моделями, которые разработали полицейские психологи и заложили в качестве шаблонов. Таким образом, система выдает приблизительный психологический портрет преступника.

---

¹ Образцов В.А., Богомолова С.Н. Указ. раб. – С. 91.

В России такие разработки ведутся на базе ВНИИ МВД России. Создана и внедрена в практику АИПС «Монстр», предназначенная для анализа информации о серийных убийствах и использования при построении поисковых портретов неизвестных преступников. Введены в эксплуатацию автоматизированные системы «Насилие» и «Досье», предназначенные для сбора и первичного анализа поисковой информации. АИПС «Сериал-2» позволяет создать психологический портрет серийного насильника. Апробация показала, что расследование с применением данной методики сокращается в среднем с четырех до полутора лет. АИПС «Диалог» осуществляет сбор, обработку, интерпретацию и выдачу рекомендаций по расследованию серийных преступлений (совпадаемость заключений при этом составляет 68%). Разработка таких программ представляется нам наиболее перспективной.

Наряду с сотрудниками ВНИИ МВД России исследованием проблем раскрытия преступлений, содержащих признаки серийности и анализа преступного поведения занимаются сотрудники Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, отдел судебно-психиатрических экспертиз Федерального центра им. В.П. Сербского (руководитель В. Шостакович) и лечебно-реабилитационный центр «Феникс» г. Ростов-на-Дону (руководитель А. Бухановский).

Исследования серийных убийств ведутся по следующим направлениям:

- разработка психологической и психиатрической типологии сексуальных серийных убийств;
- определение методов выявления основных признаков личности и поведения этих преступников;
- определение статистической значимости выявленных характерных признаков личности и поведения указанных правонарушителей;

- создание модели сексуального маньяка-убийцы и формирование психологического портрета по конкретным делам в целях розыска¹.

Исследования, проводимые в Ростовском государственном медицинском университете (А.О. Бухановский), позволили выделить и описать феномен серийного преступника – некий вариант «криминальной личности», этапное патологическое развитие которой приводит к возникновению, закреплению и трансформации потребности в совершении повторных преступлений против жизни граждан.

Как считает профессор А.О. Бухановский, у конкретного человека в силу определенных биологических, психосексуальных и психологических особенностей может существовать предрасположенность к совершению преступлений. При этом выделяется несколько важных факторов. Первый, и самый главный, – мозговой. Оказывается, структура головного мозга может иметь своеобразное состояние, выступающее в качестве одной из предпосылок возникновения и развития данного криминально-психиатрического феномена. Были выявлены два специфических изменения мозга. В первом случае поражены лобные и височные образования, ответственные за высшие формы психической деятельности: мировоззрения, морали, этики. Второе изменение, выявленное путем магнитно-резонансной томографии, происходило на уровне глубоких структур – в желудочках мозга. Они резко увеличены, а это означает, что количество мозгового вещества вокруг них уменьшилось. В одном из желудочков локализованы зоны, ответственные за инстинктивные желания. Кроме того, поражены участки, ответственные за прогностические функции и сознательную деятельность. Ученые доказали, что подобные специфические изменения возникают, как правило, еще до рождения человека, в результате чего ребенок рождается с характерными изменениями черепа: увеличенной лобной долей и лобной костью, формирующей надбровные дуги. Во время томографических исследований серийных преступ-

---

¹ Подробно см.: Образцов В.А. Выявление и избличение преступника. – М.: Юристъ, 1997. – С. 263.

ников была отмечена еще одна врожденная аномалия – опухоль (киста) в зоне желудочков. Она может быть как небольшого размера, так и очень большой. В мозгу человека четыре желудочка, а при наличии кисты возникает как бы пятый желудочек внутри мозга. Желудочки при этом суживаются, и мозг функционирует не совсем правильно. Эти выводы основаны на изучении 57 человек, проходящих в разное время обследование в клинике¹.

Второй существенный фактор – тяжелая беременность, протекающая в условиях либо плохой экологической ситуации, либо тяжелых хронических стрессов. Почти все те, кто становился серийным преступником, получили травму мозга во время родов. Это выяснилось во время бесед с матерями и родственниками практически всех опасных серийных преступников. У многих из них к тому же на этот фактор накладывается слабая или среднеслабая половая конституция², которая в сочетании с другими факторами может привести к серьезным последствиям. У таких людей не возникает свойственных человеку чувств любви и привязанности. Это заменяется, как правило, тем, что они живут в мире грез, фантазий, представляют себя романтическими героями, повелителями мира и вершителями судеб. Подсознательное представление впоследствии воплощается в реальность, являясь одним из побудительных мотивов к совершению садистских действий.

И третья составляющая – специфическое воспитание. Зачастую это эмоциональное отвержение ребенка с раннего возраста, в результате чего у него не формируются чувства привязанности, любви, сопереживания, симпатии. Структурно-динамический анализ выявил ряд схожих закономерностей. У таких людей с младенческого возраста отмечались признаки гипервозбудимости, которые позже трансформировались в гиперкинетические рас-

---

¹ См. подробнее: Санин Г., Мельникова С. Прирожденные убийцы [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Заглавие с экрана – Режим доступа: [www.Itogi/Архив/№ 21 \(2003. 10 октября\)](http://www.Itogi/Архив/№ 21 (2003. 10 октября)).

² Очень схожие данные получены и во ВНИИ МВД России. Установлено, что для серийных убийц в 80% характерна ослабленная эрекция или импотенция. См.: Серийные сексуальные убийства: Учеб. пособие / Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: МЮИ МВД России, Изд-во «Щит-М», 1997. – С. 121-140.

стройства. Большинство из них воспитывались в структурно или функционально неполных семьях. Доминирующая роль в их воспитании, как правило, принадлежала матери. Отец был подчиненно-угнетенным и приниженным, фактически отстраненным от воспитания ребенка. Воспитание носило характер патологического и отличалось противоречивостью: с одной стороны, гиперпротекция, назидательность, жестокость, с другой – явное или скрытое эмоциональное отвержение. Часто оно дополнялось жестокостью в обращении с ребенком. Характерными чертами являлись нарушение коммуникации со сверстниками, трудности в установлении неформального общения, избегание свойственных мальчикам агрессивных проявлений. Эти черты подмечались сверстниками и служили основанием для жестокого отношения: зачастую таким детям давались унижающие клички, они регулярно подвергались насилию даже в тех случаях, когда были явно сильнее своих противников, что вызывало у них ответную ожесточенность. Нарастающие признаки детской дезадаптации компенсировались фантазиями, в которых они представляли себя суперменами, физически сильными и способными к самозащите. Крайней формой патологической компенсации становилось садистское поведение. Самые известные серийные преступники последнего времени, с которыми работал А.О. Бухановский (Чикатило, Сливко, Цюман), имели в детском возрасте все перечисленные проблемы¹.

Исследования, проводимые группой ученых под руководством Ю.М. Антоняна, во многом подтверждают выводы А.О. Бухановского. В связи с чем интерес представляет классификация серийных сексуальных убийц.

В зависимости от образа действия и по способу причинения телесных повреждений серийных сексуальных убийц подразделяют на две большие группы (типы): «душителей» и «потрошителей». В свою очередь, «душителей» делят на три основные группы: которые «только» душили, не нанося телесных повреждений; которые наносили повреждения в половой сфере; ко-

---

¹ Санин Г., Мельникова С. Прирожденные убийцы [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Заглавие с экрана – Режим доступа: www.Itogi/Архив/№21 (2003. 10 октября).

торые помимо удушения наносили повреждения не в половой сфере. Для каждой группы характерны свои специфичные признаки¹.

А.А. Протасевич, предложив свою типовую модель портрета преступника, выделяет три блока признаков:

Признаки, характеризующие преступника как объект реального мира и как личность (социально-демографические, функциональные, психические и др.).

Признак типа связей и отношений (отношений преступника к потерпевшему, похищенному, к местности, на которой расположено место происшествия и т.д.).

Признаки преступника как субъекта криминальной активности и объекта, участвующего в процессе следообразования (действия до, в ходе и после совершения преступления, следы на одежде преступника и на взаимодействовавших с ним объектах и т.д.)².

В последнее время активно ведутся исследования по разработке психологических портретов не только серийных убийц, но и других категорий преступников (в сфере информационных технологий, корыстно-насильственных преступлений и т.д.)³. При этом отмечаются закономерные связи между элементами криминалистической характеристики преступлений.

В связи с чем прав С.Э. Воронин, указывающий на то, что построение адекватных психологических портретов как розыскных моделей возможно в случаях:

---

¹ Серийные сексуальные убийства: Учеб. пособие / Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: МЮИ МВД России, Изд-во «Щит-М», 1997. – С. 125-129.

² Протасевич А.А. Поисковый портрет преступника как интегративная система. – Иркутск, 1998.

³ Ахтырская Н. Проблемы ювенальной психологии лиц, совершивших преступления в сфере информационных технологий [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: Crime-research.org. (8 ноября 2003 г.); Падар Е.Е. О перспективах прогноза «психологического профиля» преступника на основании анализа способа действия при совершении преступлений // Современное российское право: федеральное и региональное измерение: Мат-лы конф. / Под ред. В.Я. Музюкина, В.В. Невинского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 240-243; Гавло В.К. Основы методики расследования и предотвращения убийства матерью новорожденного ребенка: Учеб. пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998 и др.

«1) Когда в самом механизме совершенного преступления заложен системообразующий фактор, например, серийность в убийствах на сексуальной почве.

2) Когда в основу розыскной модели положены действительно повторяющиеся доминантные признаки механизма преступления и устойчивые корреляционные связи элементов криминалистической характеристики преступления»¹.

Учитывая эти связи и основываясь на ситуационном подходе, полагаем, можно преодолеть информационную неопределенность и в целом оптимизировать процесс расследования преступлений.

Увеличение объема поступающей к субъекту доказывания уголовно значимой информации обеспечит максимальный поисковый эффект, который, как известно, способствует неременному установлению и задержанию лиц, причастных к совершению преступления, а это в свою очередь позволит точно определить и решить задачи дальнейших этапов расследования.

3.3. Криминалистические ситуации дальнейшего и заключительного этапов расследования

Первоначальный этап расследования, как это уже было сказано выше, характеризуется значительной неполнотой источников криминалистически значимой информации, которая хотя нередко и остается на дальнейшем этапе расследования, но степень ее неопределенности значительно снижается. На этом этапе субъект доказывания, как правило, обладает достаточным объемом доказательств, которые требуют дальнейшей всесторонней проверки. И если для первоначального этапа характерны задачи на поиск, то для дальнейшего этапа расследования – на доказывание. Сказанное не означает, что на первоначальном этапе расследования вообще не осуществляется доказы-

---

¹ Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве. Монография. – Барнаул: АГУ, 2000. – С. 77.

вание. Субъект доказывания на этом этапе не только обнаруживает и исследует доказательства о событии преступления и лице, его совершившем, но и, как только появляется это лицо, характер решаемых задач существенно меняется. Продолжается собирание доказательств и дальше, но уже с учетом позиции обвиняемого (подозреваемого), имеющимися доказательствами, условиями, в которых проводятся отдельные следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, тактические операции, а в целом со складывающимися криминалистическими ситуациями по делу. Обвиняемый (подозреваемый) на дальнейшем этапе приобретает значение центрального источника информации в доказывании, в связи с чем существенно меняются средства и методы процессуальной и негласной работы.

К типичным криминалистическим ситуациям на этом этапе, полагаем, можно отнести следующие:

1. Обвиняемый дает показания по существу расследуемого события преступления, признает себя виновным полностью под тяжестью доказательств, свою виновность может подтверждать новыми доказательствами.

2. Обвиняемый признает себя виновным в совершении преступления полностью, но в деле недостаточно убедительных доказательств, его изобличающих. Возникает проблема с получением доказательств виновности обвиняемого.

3. Несмотря на убедительные, проверенные доказательства, уличающие обвиняемого в совершении преступления, виновным он себя не признает полностью. В подтверждение этого он может приводить факты, аргументы либо, наоборот, замкнуться в себе и не отвечать на вопросы в соответствии со ст. 51 Конституции РФ.

4. Обвиняемый признает себя виновным частично (в части эпизодов), называет другие эпизоды и факты своей преступной деятельности и деятельности других лиц. Признание подкреплено собранными доказательствами

5. Обвиняемый признает себя виновным частично (в части эпизодов), доказательств, полностью его изобличающих, недостаточно¹.

Первая ситуация является наиболее благоприятной для расследования. Она, как правило, не вызывает затруднений у субъекта доказывания, ее решение не отмечается конфликтностью и разрешается типовыми методами. Направление расследования для этой ситуации: систематизация, оценка полученных доказательств и принятие решения об окончании предварительного расследования с направлением уголовного дела через прокурора в суд (ст. 220-222 УПК РФ).

Для второй ситуации необходимо сосредоточить усилия на проверке показаний обвиняемого, получении новых доказательств с помощью специалистов, экспертов, использовании психологических особенностей обвиняемого (соучастников), свидетелей с тем, чтобы можно было применить к ним наиболее эффективные тактические приемы повторных допросов. Очень результативным может оказаться взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Что же касается других ситуаций (3, 4, 5), то они встречаются чаще всего (в 70%) и вызывают наибольшую проблему у субъектов доказывания. Для этих ситуаций характерны элементы конфликтности (80%), тактического риска (около 40%). Кроме того, именно в них ярко выражено противодействие следствию со стороны заинтересованных лиц (около 70%).

В этих криминалистических ситуациях в первую очередь необходима проверка фактов, которые сообщил обвиняемый, закрепление уже имеющихся доказательств и получение новых, свидетельствующих о причастности обвиняемого к совершенному преступлению.

В процессе расследования преступлений вся информация, имеющая значение для дела, может быть получена при производстве процессуальных, розыскных и оперативно-розыскных действий. Различные источники крими-

---

¹ Подробно см.: Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 251.

налистически значимой информации порождают не только ее отличающий правовой режим, но и имеют неодинаковое методическое и тактическое значение.

Кроме того, следует заметить, что оперативные работники осуществляют свою деятельность не только в складывающихся криминалистических ситуациях, характерных для предварительного следствия (например, проводят следственные действия, принимают участие в составе следственно-оперативной группы и т.д.), но и в так называемых **оперативно-розыскных ситуациях**, для которых характерны в первую очередь методы негласной работы.

Понятие «оперативно-розыскная ситуация» не стало еще предметом широкого обсуждения среди ученых, однако появившиеся в последнее время отдельные работы (в основном ограниченного пользования) свидетельствуют о том, что это достаточно перспективное направление, которое требует своего дальнейшего изучения¹.

Под оперативно-розыскной ситуацией мы понимаем сложную динамическую систему информационного характера, возникающую в деятельности субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и влияющую на дальнейшую организацию этой деятельности в целях решения задач, стоящих перед оперативными аппаратами, путем применения ими специальных средств, приемов и методов.

При всей схожести с криминалистическими (следственными) ситуациями оперативно-розыскные ситуации имеют и существенные отличия.

---

¹ См., напр.: Гребельский Д.В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. – М., 1984. – С. 70; Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном производстве. – Барнаул: АГУ, 2000. – С. 86-128; Шумилов А.Ю. Новый оперативно-розыскной закон России. – М.: Издатель И.И. Шумилова, 1998; Букаев Н.М., Мальцев В.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений. – Томск: Печатная мануфактура, 2001. – С. 16-65; Давыдов С.И. Роль оперативно-розыскных ситуаций в методике раскрытия преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. памяти д.ю.н., проф. В.И. Горобцова (10-11 февраля 2005 г.). Ч. 2 / Отв. ред. С.Д. Назаров. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2006. – С. 203-206 и др.

Во-первых, они возникают в деятельности специальных субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Во-вторых, в отличие от субъектов доказывания, которые свою деятельность осуществляют в соответствии с уголовно-процессуальным законом гласно, оперативные работники в своей деятельности руководствуются Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») и применяют в своей работе как гласные, так и негласные средства, приемы и методы;

В-третьих, в отличие от целей, стоящих перед субъектами доказывания в рамках уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), основной целью субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность является непосредственное выявление и использование фактических данных, необходимых для решения задач оперативно-розыскной деятельности указанных в ст. 2 Закона «Об ОРД».

В-четвертых, с учетом указанных выше отличий, восприятие окружающей действительности субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, отличается от восприятия этой же действительности субъектами доказывания. В связи с чем, полагаем, можно говорить о совершенно иной природе возникновения и развития оперативно-розыскной ситуации в отличие от криминалистической (следственной) и, как следствие, об ином характере криминалистически значимой информации.

Учитывая это, по критерию значимости для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, вся криминалистическая информация может быть разделена на:

1) информацию об обстоятельствах расследуемого преступления, входящих в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ). Например, о месте преступления (квартира, подъезд, открытая местность); каким способом совершено преступление; каков характер и размер вреда, причиненного преступлением и т.д.;

2) информацию о доказательственных фактах;

3) ориентирующую информацию (например, известно, что в преступлении принимали участие мужчина и женщина, высокого и низкого роста; преступники скрылись с места происшествия на легковом автомобиле иностранного производства зеленого цвета).

Определенные трудности возникают у субъектов доказывания с невозможностью получения доказательств из известных источников. В связи с чем особое значение приобретают вопросы повышения эффективности взаимодействия органов дознания и предварительного следствия и вытекающие отсюда проблемы использования оперативно-розыскной информации в доказывании, на что правильно обращается внимание в литературе¹.

Сбор уголовно значимой информации, а также успешное решение задач расследования во многом зависит от взаимодействия органов дознания и предварительного следствия.

Необходимость взаимодействия возникает:

1) по уголовным делам, по которым предшествовало проведение оперативно-розыскных мероприятий с целью документирования неочевидных, замаскированных преступных эпизодов;

2) по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно (ст. 157 УПК РФ) либо которые возбуждены органом дознания, но впоследствии направлены прокурором для производства предварительного следствия в порядке ст. 226 УПК РФ;

3) при расследовании преступлений, когда не выявлено лицо, совершившее преступление;

4) когда неизвестно местонахождение обвиняемого;

---

¹ См.: Белкин А.Р. Теория доказывания: Науч.-метод. пособие. – М.: НОРМА, 1999. – С. 85-139, 167-176; Азаров В.А., Супрун С.В. Охрана имущественных интересов личности в сферах оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности: Монография. – Омск: ОА МВД России, 2001; Корневский Ю.В., Токарева М.Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. – М.: ООО «Юрлитформ», 2000. – С. 56-83; Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: Учеб.-практ. пособие / Под общ. ред. В.В. Черникова, В.Я. Кикотя. – М.: ИНФРА-М, 2002; Чечетин А.Е. Новый УПК и оперативно-розыскная деятельность // Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве: Мат-лы науч.-практ. конф. Ч. 1. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2002. – С. 109-113 и др.

5) когда требуется установить имущество (как похищенное, так и подлежащее аресту);

6) когда следователь испытывает затруднения в обнаружении доказательств и др.

Практикой выработаны формы взаимодействия, основными из которых являются:

1) рассмотрение органами дознания поступивших заявлений и сообщений о преступлениях;

2) принятие мер по охране места происшествия и задержанию предполагаемого преступника;

3) участие следователя в оценке оперативных материалов при решении вопроса о возбуждении уголовного дела;

4) совместное выполнение следственных и розыскных мероприятий;

5) выполнение органом дознания поручений следователя;

6) взаимный обмен информацией о добытых по делу данных;

7) согласованное планирование, т.е. совместная работа следователя и органа дознания при планировании расследования и др.

Анализ практики по корыстно-насильственным преступлениям показывает, что одним из наиболее сложных вопросов на дальнейшем этапе расследования является вопрос о розыске похищенного имущества. Нередко следователи полностью перекладывают всю работу по выявлению этого имущества на органы дознания, возлагая надежды на оперативно-розыскные мероприятия. Такая практика, безусловно, ошибочна. Передовой опыт работы показывает, что этот вопрос успешно решается тогда, когда сам следователь подключается к его решению при активном участии оперативных работников. Так, поставив на учет еще в начальный период расследования по делу все похищенные вещи, следователь в дальнейшем должен систематически обращаться к этой картотеке с целью проверки, не значатся ли они по

учету как изъятые при обыске тех или иных арестованных, задержанных, помещенных в медвытрезвитель лиц¹.

Важное значение также имеет оперативное обслуживание мест возможного сбыта похищенного. Практика показывает, что с места преступления преступники зачастую устремляются в заранее определенные места, где продают похищенное по договорной (как правило, сильно заниженной) цене продавцам коммерческих киосков, промтоварных и продуктовых магазинов, работникам столовых, парикмахерских и др. Иными словами, идут туда, где есть большая вероятность сбыть похищенное.

Так, в один из апрельских вечеров в г. Барнауле на привокзальной площади было совершено разбойное нападение на гр-на Васильева, у которого были похищены вещи на достаточно крупную сумму. Была выдвинута и отработана версия, согласно которой преступник мог быстро и дешево сбыть вещи в близлежащих магазинах – индивидуальных торговых точках. Версия подтвердилась. В ходе опроса очевидцев оперативники вышли на продавца коммерческого магазина – Павленко, который признался, что действительно купил вещи у неизвестного мужчины, ничего не зная о их похищении. В то же время он указал, что неизвестный достаточно часто появляется у торговых точек с различным «товаром». В результате дальнейших оперативных мероприятий был задержан гр-н Курусканов, который признался в совершении аналогичных преступлений².

Целесообразно также регулярно проверять не востребованные из камер хранения вещи, среди которых зачастую встречаются похищенные.

---

¹ По данным Е.И. Макаренко, более 85% изученных им дел о разбойных нападениях, совершенных с проникновением в жилище граждан, не содержат в своих материалах свидетельств обращения следователей к данному криминалистическому учету. См.: Макаренко Е.И. Расследование разбойных нападений с проникновением в жилища. – Ташкент, 1991. – С. 49; Клименко И.И. Проблемы расследования и судебного следствия по делам о разбойных нападениях, совершенных организованными группами с проникновением на охраняемые помещения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 3-15 и др.

² Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула. Д. № 1-25/97.

Взаимодействие органов следствия и дознания чаще всего выражается в соединении усилий по раскрытию преступлений, а также в согласованности действий и самостоятельном выполнении каждым из них своих обязанностей, при строгом соблюдении законности и руководящей роли следователя (ч. 1 ст. 152 УПК РФ).

Взаимодействие же указанных органов обусловлено, прежде всего, их общими задачами и целями в совместной деятельности по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений.

Данные, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, не являются доказательствами, они содержат лишь вспомогательную информацию. Однако эта информация имеет огромное практическое значение для оптимизации расследования.

В подтверждение сказанному можно привести пример из практики работы УБОП ГУВД Алтайского края.

Так, в ноябре 1998 г. было совершено дерзкое разбойное нападение на пассажиров частного автобуса ЛАЗ, следовавшего из г. Барнаула коммерческим рейсом в г. Новосибирск, в результате которого был смертельно ранен помощник водителя Поснов. Свидетели преступления и потерпевшие показали, что нападавших было четверо, они были вооружены пистолетом и обрезами. С места происшествия бандиты скрылись на иномарке.

В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий была получена информация, что преступление совершили члены организованной преступной группы «Бажановская»: Потапов, Татьянкин, Юдаков и лидер группы – Бажан. Было также установлено, что позже между членами банды возникли разногласия и Юдаков организовал свою группировку, в которую вошли Головин, Ермолов, а также граждане Казахстана Нигмедзянов и Зуев.

Обе банды вели активную деятельность и совершили в течение двух лет ряд тяжких преступлений, имевших большой общественный резонанс.

Так, банда Юдакова совершила разбойные нападения на зал компьютерных игр в г. Барнауле по ул. Попова, 119, коммерческий магазин «Лавка

Лукиных», квартиры Кузнецова и Фролова, а также грабеж в отношении Роговой и др.

Не «отставала» от них и «Бажановская» банда, которая специализировалась на разбойных нападениях на квартиры состоятельных граждан.

Допросы потерпевших позволили составить фотороботы преступников, кроме того, при осмотрах мест происшествий были обнаружены отпечатки пальцев нападавших. Все полученные в совокупности доказательства подтверждали причастность обеих групп к совершению указанных преступлений.

Однако на след группировок оперативникам долго не удавалось выйти. Преступники уходили от преследования, постоянно меняли место своей дислокации, поэтому перед руководством следственно-оперативной группы стояла задача принятия неординарных розыскных мер. Было решено привлечь к розыску население города и края. Ежедневно по всем радио- и телеканалам проходили сообщения, ориентировки, показывались фотороботы.

Принятые меры дали свои результаты. Анализ полученной информации позволил установить квартиру, в которой скрывались несколько розыскиваемых. В результате успешно проведенных мероприятий были задержаны члены «Бажановской» группы: Потапов, Татьянкин и сам лидер – Бажан.

Проведение очных ставок, предъявлений для опознания, допросов и др. следственных действий позволило следствию не только закрепить информацию, полученную из оперативных источников, и полностью доказать виновность всех членов банды Бажана, но и выйти на след Юдакова.

При совершении одного из преступлений Юдаков и его люди были задержаны. Впоследствии члены обеих банд были осуждены к различным срокам (от 10 до 25 лет) лишения свободы¹.

Таким образом, посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий орган дознания может получить данные, интересующие следствие и необходимые для раскрытия преступления. Получив эту информацию, сле-

---

¹ По материалам практики УБОП ГУВД Алтайского края за 2001 г.

дователь может более целенаправленно проводить расследование и получать доказательства. Поэтому для успешного решения задач предварительного расследования необходимо объединение усилий следователя и органа дознания на всех его этапах.

Однако для успешной реализации данного положения необходима соответствующая нормативно-правовая база. В то же время анализ нормативно-правовых актов, регулирующих этот вид деятельности, показывает, что на сегодняшний день существует ряд проблем, требующих своего дальнейшего законодательного регулирования.

Прежде всего, это касается оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Так, ст. 7 Закона «Об ОРД» исключает возможность оперативного наблюдения за криминальной средой, если нет возбужденного уголовного дела или сведений о подготавливаемом или уже совершенном тяжком преступлении. Но организованную преступность как раз и отличает то, что ее руководство («воры в законе», уголовно-преступные авторитеты) действует внешне в рамках закона, и лишь в редких случаях среднее, а чаще всего низшее звено совершает преступления.

Перед оперативными работниками встает вопрос: можно ли начинать и вести разработку преступных групп либо отдельных ее участников, пока с их стороны нет очевидных криминальных действий, тем более проводить оперативно-розыскные мероприятия, связанные с ограничением конституционных прав граждан?

Оперативная разработка серьезных организованных преступных групп (банд) требует, как правило, длительного времени. Сроки таких разработок по различным причинам затягиваются, одновременно не сохраняются следы преступной деятельности, которые могли бы иметь доказательственное значение. Все это в целом серьезно затрудняет процесс доказывания. Поэтому, полагаем, возникла необходимость в законодательном порядке закрепить положение, согласно которому оперативно-розыскные мероприятия в отноше-

нии лиц, заподозренных в связях с организованной преступностью, можно проводить и до возбуждения уголовного дела.

Не нашло отражения в Законе «Об ОРД» положение, связанное с процессом формирования, проверкой, оценкой и дальнейшим использованием оперативно-розыскной информации в процессе доказывания. Иначе говоря, речь идет о процессе оперативного доказывания, представляющего частный случай для решения задач и достижения целей, сформулированных в данном законе.

В настоящий момент среди ученых-юристов нет принципиальных разногласий о возможности ввода информации, полученной в результате оперативно-розыскных мероприятий, в процесс доказывания. Однако следует заметить, что неурегулированность в законе (и прежде всего в УПК РФ) открытых способов введения этой информации, неразработанность практических рекомендаций создают ряд проблем, до настоящего времени не получивших однозначного решения и в науке, и в правоприменительной практике¹.

По этому поводу интересную позицию высказал Н.С. Железняк. Он полагает, что «для признания доказательства, сформированного на основе результатов ОРД, вполне достаточным было бы подтверждение наличия источника информации и сообщенных им сведений компетентным представителем оперативного подразделения в ходе допроса»².

Такой подход успешно позволяет решить проблему, связанную с предоставлением информации конфидентом (штатным негласным сотрудником) и дальнейшим ее использованием в процессе доказывания. К сожалению, на

---

¹ См.: Птицын А.Г. Использование оперативно-розыскной информации на предварительном следствии. – Киев, 1977; Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. – М., 1991. – С. 115-117; Кручинина Н.В., Шиканов В.И. Процессуальные аспекты использования результатов оперативной видео-, кино-, фото-, звукозаписи при расследовании преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. – Свердловск, 1992. – С. 395; Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. – М., 1996. – С. 4; Белкин А.Р. Теория доказывания. Научно-методическое пособие. – М.: НОРМА, 1999. – С. 85-139 и др.

² Железняк Н.С. «Черные дыры» и «белые пятна» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Монография. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2006. – С. 43.

сегодняшний день в аналогичных, часто встречающихся на практике, ситуациях такая информация (полученная «со слов») не будет являться доказательством, т.к. не обладает признаком допустимости.

При решении указанной проблемы необходимо также учитывать положительный опыт других государств. Например, в Казахстане и Белоруссии результаты оперативно-розыскной деятельности, полученные при соблюдении требований закона, могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями, регламентирующими собирание, исследование и оценку доказательств¹.

Кроме того, в Казахстане уже более десяти лет действует норма, согласно которой лицо можно задержать в том случае, если в полученных в соответствии с законом материалах оперативно-розыскной деятельности в отношении лица имеются достоверные данные о совершенном или готовящемся им тяжком или особо тяжком преступлении².

В России же использование информации, полученной в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий напрямую, без проведения следственных и иных процессуальных действий, в качестве доказательств фактически невозможно.

Сразу оговоримся, что в настоящей работе мы не ставим цели исследовать все вопросы, касающиеся этой тематики, а остановимся лишь на некоторых, которые так или иначе возникают при расследовании корыстно-насильственных преступлений в складывающихся криминалистических ситуациях.

Для того чтобы сведения, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, приобрели доказательственное значение, их необходимо ввести в процесс доказывания, т.е. придать им процессуальную форму. Процессуальная форма закрепления оперативно-розыскной информации повышает уровень ее достоверности и обеспечивает результативное проведение раз-

---

¹ См.: ст. 130 УПК Республики Казахстан, ст. 101 УПК Республики Беларусь.

² Ст. 132 УПК Республики Казахстан.

личных следственных действий, тактических операций в процессе расследования, что также позволяет позже использовать ее в суде при доказывании.

Для использования результатов ОРД в доказывании по уголовному делу, на наш взгляд, необходимо:

1. Обеспечить точное исполнение предусмотренных законом правил их проведения и предоставления в органы дознания, следствия, прокуратуры и суда.

2. Установить порядок введения предоставленных данных в уголовный процесс – формирование на их основе процессуальных доказательств.

Изучение складывающейся судебной-следственной практики показывает, что введение данных, полученных в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, происходит чаще всего при помощи следственных действий. Так, в 97% случаев, если проводился опрос, то впоследствии полученная информация вводится в процесс доказывания путем производства допроса. Следственным осмотрам предшествует такое мероприятие, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности, транспортных средств (60%), назначению и производству судебной экспертизы – исследование предметов и документов (85%), получению образцов для сравнительного исследования, а также производству судебной экспертизы – сбор образцов для сравнительного исследования (90%) и т.д.¹

В ходе проверки анонимного заявления по факту исчезновения Бессонова оперативными мероприятиями было установлено, что убийство Бессонова совершила его сожительница Гладышева. Впоследствии полученная информация была введена в доказывание при помощи комплекса следственных действий: осмотра места происшествия, осмотра трупа Бессонова, до-

---

¹ Аналогичные результаты были получены Я.М. Мазуниным. По его данным, 63,2% опрошенных следователей пояснили, что результаты ОРД ими использовались как дополнительная информация при принятии процессуального решения, 41,3% – как основания для проведения следственных действий, 37,1% – для подготовки и проведения следственных действий. См. подробнее: Мазунин М.Я. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 26.

просов свидетелей, подозреваемого (обвиняемого), проведения ряда экспертиз (судебно-медицинской, судебно-биологической, физико-технической, психиатрической), следственного эксперимента и др. Что позволило полностью доказать причастность Гладышевой к совершению этого преступления¹.

Таким образом, следователь, с учетом сложившейся криминалистической ситуации, выбирает следственное(-ые) действие(-я), учитывая ту оперативную информацию, которая будет вводиться, определяет систему тактических приемов и обеспечивает их проведение. Само же введение информации в процесс доказывания представляет собой взаимосвязанную деятельность следователя и оперативного работника, которая, как и весь процесс расследования, осуществляется поэтапно, с учетом криминалистических ситуаций, складывающихся на тот или иной промежуток времени.

По мнению Е.А. Доли, помимо проведения следственных действий возможны и другие процессуальные варианты получения оперативно-розыскной информации. К ним автор относит: истребование, представление, проведение экспертиз. Полученные при этом доказательства будут иметь форму вещественного доказательства, заключения эксперта либо иного документа. Однако содержанием этих доказательств будет не та информация, которая была получена в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, а уже иная, сформировавшаяся в ходе процессуального доказывания².

Таким образом, информация, полученная в ходе оперативно-розыскных мероприятий, может обрести свойства доказательств только после ее проверки и оценки, а также придания этой информации соответствующей процессуальной формы. Если такая возможность отсутствует, то информация не является доказательством по уголовному делу, а может использоваться лишь в качестве ориентирующей информации.

---

¹ Архив Центрального районного суда г. Барнаула. Д. № 1-621/96.

² Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. – М., 1996. – С. 70.

Другой тактической задачей, которая возникает на первоначальном, а чаще всего на дальнейшем этапе расследования, является «нейтрализация противодействия со стороны заинтересованных лиц».

Интерес к проблеме противодействия расследованию как одной из ключевых проблем криминалистической тактики и методики ученые проявляли давно. Ей было посвящено немало работ¹. Одним из первых, обратившихся к этой проблеме, был А.Р. Ратинов, который разработал ряд рекомендаций, не потерявших свою актуальность и сегодня. В целях нейтрализации противодействия, по его мнению, необходимо:

- формирование у заинтересованных лиц ошибочного представления об осведомленности следователя относительно подлинных целей, которых они добиваются;
- формирование целей, попытка достижения которых поставит заинтересованных лиц в проигрышное положение;
- формирование у заинтересованных лиц намерения воспользоваться противозаконными средствами;
- создание затруднений для правильной оценки заинтересованными лицами подлинных целей следователя.

Поскольку не всегда можно скрыть от причастных к делу лиц свои намерения, то выполнять необходимые действия подчас лучше так, чтобы вывод о целях следователя был многозначным и допускал множество толкований. Тогда противостоять всем возможным замыслам следователя затруднительно, и нужная цель будет достигнута легче².

---

¹ Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. – Свердловск, 1992; Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. – М., 1997. – С. 355-378; Николайчук И.А. Соккрытие преступлений как форма противодействия расследованию: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 2000. – С. 3-18; Полстовалов О.В. Криминалистическая конфликтология: Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – С. 10-78; Бабаева Э.У. Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006 и др.

² Ратинов А.Р. Теория рефлексных игр в приложении к следственной практике // Правовая кибернетика. – М., 1970. – С. 194-196.

Как показало обобщение практики, противодействие предварительному расследованию в корыстно-насильственных преступлениях чаще всего проявляется в действиях, препятствующих выявлению события преступления в целом или его отдельных обстоятельств, установлению участия субъектов в преступлении и их роли и иных обстоятельств, характеризующих виновного и влияющих на степень и характер его ответственности. Это проявляется в отказе от дачи показаний (35%), в даче ложных показаний (20%), невыполнении требуемых действий (10%), сокрытии, уничтожении предмета посягательства (10%), запугивании свидетелей и других участников процесса (8%) и др.

Рассмотрим следующую типичную криминалистическую ситуацию по делу об убийстве Сидорова, характеризующуюся дачей ложных показаний.

Неоднократно допрошенный в ходе следствия по делу об убийстве Сидорова обвиняемый Стародубцев¹ постоянно менял свои показания об обстоятельствах конфликта с потерпевшим, всякий раз усиливая акцент на якобы агрессивный натиск последнего, а свои действия сводил не к превышению пределов необходимой обороны, а к состоянию, когда они, его действия, повлекшие смерть человека, становятся правомерными. Так, в своих первоначальных показаниях Стародубцев пояснил, что Сидоров избивал Александра и Дубова перед началом конфликта с ним. При проведении очной ставки с последним отказался от этого, а впоследствии заявил, что убийство совершил якобы некий «Александр», а он нанес лишь один удар. При допросе в качестве обвиняемого Стародубцев виновным себя в убийстве Сидорова из корыстных побуждений не признал и сообщил, что убийство совершил его друг Калкин. Раньше этого не говорил, потому что боялся расправы и думал, что будет осужден за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, но 21 июня 1996 г. встретил Калкина в СИЗО и потому решил рассказать всю правду.

---

¹ Архив Центрального районного суда г. Барнаула. Д. № 1-1033/96.

Проверяя эту версию, следователь допросил Калкина, который подтвердил показания Стародубцева. Выполняя отдельное поручение следователя, оперативные работники установили, что Калкин и Стародубцев некоторое время содержались в одной камере СИЗО. Проведенным расследованием было достоверно установлено, что к убийству Сидорова Калкин не имеет никакого отношения. Так, по заключению биологической экспертизы, на куртке-дубленке, изъятой у Стародубцева, обнаружены пятна крови, которые могли принадлежать потерпевшему. Причем пятна были в виде мелких брызг, что противоречило утверждению Калкина о механизме их образования. Кроме того, в ходе допросов Калкин, подробно рассказывая о мелких деталях произошедшего, путался в существенных вещах, и его показания противоречили материалам дела. Не соответствовали действительности прежде всего его показания о местах нанесения ударов Сидорову топором при расчленении трупа. Из протокола осмотра места происшествия и заключения судебно-медицинской экспертизы по трупу Сидорова следовало, что голова трупа не отчленялась, в то же время Калкин указывал на данное обстоятельство.

При проведении следственного эксперимента с целью проверки его показаний на месте было установлено, что Калкин, собственноручно нарисовавший схему расположения киоска Стародубцева, при допросе не ориентируется в обстановке и не может указать данный киоск – место убийства. Все это свидетельствовало о том, что, находясь в одной камере СИЗО, Калкин и Стародубцев вступили в сговор с целью освобождения Стародубцева от уголовной ответственности, а в последующем и Калкина. Эти обстоятельства подтвердились в суде. Стародубцев был признан виновным в убийстве Сидорова и приговором суда ему было назначено наказание – 7 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Следует заметить, что чем больше остаются невыясненными в процессе расследования обстоятельства, относящиеся к элементам криминалистической характеристики преступлений, тем больше возникает трудностей с преодолением противодействия виновными лицами. Между объемом уголовно

значимой информации и противодействием имеется, на наш взгляд, прямая зависимость. Противодействие со стороны обвиняемого может возникать уже с момента предъявления обвинения. На этом этапе расследования, как это было сказано выше, следователь продолжает собирать информацию, учитывая позицию этого участника уголовного процесса. Обвиняемый всегда располагает достоверным знанием о всех деталях совершения преступления, между тем субъект доказывания оперирует лишь его вероятностной моделью, в отдельных деталях которой имеются пробелы и недостоверные знания.

На данном этапе возникает криминалистическая ситуация, которая характеризуется тем, что следователь, применяя тактические приемы, старается получить новую интересующую его информацию. При этом он оперирует теми данными, которые уже известны, и той информацией, которую ему «предлагает» обвиняемый. Так как интересы участников крайне противоположны, то каждый из них заранее вырабатывает линию поведения. Причем обвиняемый, как правило, старается выгородить себя и создает «свой» вариант произошедшего события. Следует учитывать, что, создавая «свой» вариант, обвиняемому очень сложно удержать в памяти все детали, и поэтому, как показывает практика, он начинает путать то, что было, и то, что он старается выдать за достоверное, в результате чего следователь может «поймать его на противоречиях». С учетом этого в криминалистике разрабатываются многие тактические приемы¹. По мере получения новых фактических данных и формирования криминалистической ситуации уточняется комплекс следственных и иных действий и дальнейшее направление расследования. Этот комплекс зависит от складывающейся по делу криминалистической ситуации и ее информационной структуры. Субъект доказывания старается провести такие действия, которые бы давали больше информации и способствовали

---

¹ См., напр.: Дулов А.В. Судебная психология. – Минск, 1971; Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. – Мн., 1978; Баев О.Я. Тактика следственных действий. – Воронеж, 1995; Лившиц Е.М., Белкин Р.С. Тактика следственных действий. – М., 1997; Кривошеин И.Т. Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 72-111 и др.

«развертыванию расследования», выдвижению и проверке более или менее исчерпывающего круга версий.

Таким образом, постановка задач, разработка тактических операций подчиняется определенным закономерностям складывающегося хода и состояния расследуемого события преступления. При этом необходимо учитывать субъективные качества следователя, лица производящего дознание, прокурора, судьи и т.д. Чем большим запасом знаний типичных криминалистических ситуаций и алгоритмов их решения он обладает, тем эффективнее идет процесс раскрытия и расследования преступления. Конкретная разработка их и составляет главную проблему частных методик¹.

Деятельность субъекта доказывания в аспекте системного подхода можно представить как мысленное творческое сопоставление конкретной ситуации с типичной, ранее известной. В случае если они однотипны, предлагаемый алгоритм решения типичной ситуации может быть использован для ситуации конкретной. Сопоставление субъектом доказывания имеющейся у него информации с типичной ситуацией позволяет определить:

- 1) какие элементы ситуации отсутствуют;
- 2) какие проблемы в их выявлении имеются;
- 3) каким образом эти проблемы можно решить.

Но для того чтобы прийти к решению этих задач, субъект доказывания должен оценить ту криминалистическую ситуацию, в которой осуществляется его деятельность, т.е. «состояние» уже известных элементов ситуации. В самом общем виде доказывание в уголовном процессе можно представить как заполнение пустых ячеек недостающей информацией с учетом той, кото-

---

¹ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 265; Гринькин В.А. Теоретические проблемы и практика расследования убийства лиц, занятых в сфере бизнеса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2000; Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003; Щукин А.М. Особенности раскрытия и расследования преступлений, связанных с организацией и деятельностью наркопритонов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2004; Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. – М.: Юрист, 2005. – С. 32-164 и др.

рая известна на этот период, принимая во внимание, что все эти ячейки соединены закономерными связями, которые игнорировать нельзя. Чем больше ячеек заполнено, тем больше становится поток информации и открываются новые связи, которые в свою очередь позволяют выявить дополнительную информацию. Так происходит до тех пор, пока все ячейки не будут заполнены.

Определить же искомое можно по формуле:

$$a + B + C + \dots = X$$

где **a**, **B**, **C**... – известные элементы ситуации,

X – то, что требуется установить.

Сама же формула представляет собой ту криминалистическую ситуацию, в которой эту задачу необходимо решить.

Диагностируя ситуацию и определяя данные об элементах криминалистической характеристики, которые уже известны, а какие сведения еще подлежат дополнительной проверке (то есть какую еще информацию необходимо выявить), субъект доказывания определяет конкретные цели и задачи выбранного им процессуального и иного действия¹. Неустановление того или иного элемента повышает вероятность того, что задачи расследования не будут решены, а проблема обострится.

Так, например, Шмелев, обвинявшийся в совершении грабежа в отношении Плясунова, в судебном заседании заявил, что он назвался именем своего родного брата – Алексея, хотя на самом деле он Андрей.

---

¹ См., напр.: Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. – М., Калининград, 1997. – С. 157; Видонов Л.Г. Криминалистическая характеристика убийств и система типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. – Горький, 1978; Дулов А.В. Использование корреляционных зависимостей для выявления хищений социалистической собственности. – Мн., 1983; Гавло В.К., Ким Д.В. Некоторые вопросы дальнейшего развития ситуационного подхода в расследовании преступлений // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Вып. 2: Мат-лы региональной ежегодной науч.-практ. конф. 21-22 марта 2002 г. / Под ред. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 37-41 и др.

При выяснении других обстоятельств было установлено, что в материалах дела имеется справка о судимости Шмелева Алексея, где указано, что у него судимостей нет. По справке же ГИЦ МВД России видно, что Шмелев Андрей осужден в мае 1993 г. к 2 годам лишения свободы за кражу, но 4 июля 1994 г. бежал из мест заключения Кемеровской области.

По мнению суда, предоставленная в суд дактилоскопическая карта с отпечатками пальцев и ладоней, принадлежащих якобы Шмелеву Алексею, не может являться документом, удостоверяющим личность подсудимого. С учетом этого суд направил дело на дополнительное расследование.

В своем частном протесте прокурор утверждал, что определение суда о направлении дела на дополнительное расследование незаконно, так как заключение ГИЦ МВД России о принадлежности отпечатков пальцев рук и ладоней Шмелеву Алексею Геннадьевичу 6 июля 1972 года рождения является документом, удостоверяющим личность подсудимого. Прокурор также просил отменить определение и направить дело на новое судебное рассмотрение.

Судебная коллегия Алтайского краевого суда, проверив материалы дела, заслушав прокурора, поддержавшего протест, обсудив доводы протеста, нашла определение районного суда законным и обоснованным.

В своем определении коллегия указала, что в соответствии с УПК РФ, при производстве предварительного следствия подлежат доказыванию событие преступления (место, время, способ и другие обстоятельства совершения преступления), а также обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. В период же предварительного следствия личность обвиняемого не была надлежащим образом установлена. Согласно обвинительному заключению и постановлению о привлечении в качестве обвиняемого к уголовной ответственности привлечен Шмелев Андрей Геннадьевич, 1969 года рождения. В судебное заседание было представлено заключение ГИЦ МВД России, согласно которому по отпечаткам пальцев и ладоней рук Шмелева Андрея Геннадьевича, он признан как Шмелев Алексей Геннадьевич, 1972 года рождения, ранее неоднократно судимый, последняя судимость 7 мая 1993 г. по

ст. 144 ч. 2 УК РСФСР к двум годам лишения свободы, совершивший побег из мест заключения 4 июля 1994 г. Данное обстоятельство влияет на квалификацию содеянного Шмелевым, требует времени, в случае установления вины Шмелева в хищении имущества, квалифицирующего признака – совершения преступления повторно, что отягчает вину Шмелева, поэтому не может быть решено судом.

С учетом того, что перечисленные проблемы предварительного следствия невосполнимы в судебном заседании, судебная коллегия оставила определение Железнодорожного районного суда г. Барнаул о направлении дела на дополнительное расследование без изменения, а частный протест прокурора – без удовлетворения.

В процессе дополнительного расследования было установлено, что обвиняемый является Шмелевым Алексеем. Впоследствии он был осужден по двум статьям, как за уклонение от отбывания наказания осужденным, отбывающим наказание в колонии-поселении (ст. 188-1 УК РСФСР), так и за грабеж, совершенный неоднократно (ч. 2 п. «б» ст. 161 УК РСФСР), поскольку имел непогашенную судимость за совершение аналогичного преступления¹.

Таким образом, выявление отдельных обстоятельств информационной структуры криминалистической ситуации способствует определению основных направлений расследования, первоочередных задач, выдвижению следственных версий как общих (относительно общей характеристики преступления), так и частных (относительно отдельных обстоятельств расследуемого преступления). Эффективное же использование данной информации связано с хорошим знанием и умелым применением методических рекомендаций об основных направлениях расследования на первоначальном, дальнейшем и заключительном этапах расследования.

Успешному выдвижению следственных версий о круге лиц, среди которых может быть преступник, а также других обстоятельствах расследуемого преступления должно служить знание о вероятностном – статистических

---

¹ Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула. Д. № 1-271/97.

связях между элементами криминалистической характеристики отдельных видов (групп) преступлений.

Знание об отдельных обстоятельствах расследуемого события позволяет также конкретизировать круг источников криминалистически значимой информации, на основе которых можно выдвинуть и проверить версии о мотиве преступления и личности предполагаемого преступника: образе жизни потерпевшего, круге знакомых, интересах и т.д.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что криминалистически значимая информация, прямо указывающая на подлежащие установлению обстоятельства, облегчает определение круга факторов, выяснение которых позволило бы проверить данную информацию и считать само обстоятельство доказанным. Определение таких источников должно осуществляться на основе выяснения закономерных связей между доказываемым обстоятельством со всеми остальными элементами, входящими в систему криминалистической характеристики преступления¹.

Например, при расследовании убийства Сидорова² виновность Стародубцева могла быть доказана лишь при наличии системы доказательств, подтверждающих выдвинутую следствием версию. И они были получены.

Следователь рассудил, что в случае виновности Стародубцева между ним и потерпевшим Сидоровым должны были существовать закономерные связи взаимодействия, следы которых могли остаться на орудиях преступления (кровь потерпевшего на топоре и других предметах, обнаруженных при осмотре места происшествия); на одежде подозреваемого (кровь потерпевшего и микрочастицы его одежды); на теле потерпевшего (характер телесных повреждений должен был свидетельствовать о связи между орудием преступления и временем их нанесения). Кроме того, связь между потерпевшим и

---

¹ См.: Гавло В.К. Проблемы разработки методики расследования корыстно-насильственных преступлений // Проблемы применения нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. – Томск, 1997. – С. 77-81; Ким К.В. Комплексное применение криминалистических методов расследования. – Караганда, 1995. – С. 82.

² Архив Центрального районного суда г. Барнаула. Д. № 1-1033/96.

подозреваемым (обвиняемым) должна была заключаться и в наличии мотива, объяснявшего действия Стародубцева.

Следователь проделал большую работу по установлению этих связей. Были допрошены свидетели (многие из них повторно), проведен дополнительный осмотр места происшествия, назначен ряд судебных экспертиз, проведен следственный эксперимент с участием Калкина.

Было установлено, что Стародубцев задолжал потерпевшему крупную сумму денег и последний требовал ее вернуть с процентами. В день убийства Сидоров собирался зайти к Стародубцеву именно за получением долга, о чем говорил своим друзьям.

Выяснение этих связей в совокупности свидетельствовало о виновности Стародубцева и позволило определить круг новых источников информации, а также полностью доказать непричастность Калкина к этому преступлению, который настаивал на том, что именно он совершил убийство Сидорова.

Сведения о новых возможных источниках криминалистически значимой информации всегда должны сопоставляться с той информацией, которая уже известна по уголовному делу и ее источниками. Это позволяет правильно определить место подлежащего исследованию источника информации среди уже исследованных, а также содержание предположительно заключающейся в нем информации. Такой анализ способствует обоснованному принятию решения о виде, очередности, тактике и технике следственного действия, направленного на их исследование. К сведениям о возможных источниках криминалистически значимой информации следует отнести не только такие, которые позволяют индивидуализировать их, но и определяющие лишь направления поиска таких источников.

Примером может служить дело по обвинению Скворцова в совершении им разбойного нападения на Белозерова и Загайнову. При обыске в квартире у подозреваемого были обнаружены и изъяты документы (паспорт на имя Кострицина, документы на АОЗТ «Черный рай» и др.), различные вещи,

патроны. Эти доказательства стали центральными по уголовному делу, были выдвинуты версии, вещи и документы проверены по картотекам, проведены следственные и оперативно-розыскные мероприятия, в ходе которых была выявлена причастность задержанного к другим аналогичным преступлениям. В ходе исследования связей «орудие преступления – преступник – потерпевший», «предмет преступного посягательства – потерпевший – преступник», «способ совершения преступления – преступник» установлено, что, используя поддельный паспорт, Сковорцов совершал сделки по купле-продаже автомобилей, а через документы АОЗТ брал под реализацию продукты питания и строительные материалы, после чего скрывался. Таким образом, было раскрыто несколько преступлений, которые уже длительное время были приостановлены либо прекращены¹.

С учетом вышеизложенного следует констатировать, что методика расследования может основываться на принципе знания закономерностей информационной структуры криминалистической ситуации:

- во-первых, данных об элементах криминалистической характеристики соответствующего вида преступления;
- во-вторых, данных об элементах криминалистической характеристики его раскрытия, расследования и предупреждения как на предварительном следствии, так и в ходе судебного разбирательства².

Г.А. Густов также пришел к выводу о существовании криминалистической характеристики предварительного расследования³, а О.Н. Коршунова и др., основываясь на этих исследованиях, предложили интересную систему рекомендаций государственному обвинителю при судебном разбирательстве

---

¹ Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула. Д. № 1-762/97.

² Гавло В.К. Проблемы разработки методики расследования корыстно-насильственных преступлений // Проблемы применения нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. – Томск, 1997. – С. 77-81.

³ Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика / Под. ред. О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 112-147.

уголовных дел¹. Такой подход, полагаем, является значительным шагом вперед. Он позволяет в полной мере (не только на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, но и на судебных стадиях) применять на практике рекомендации, разработанные криминалистической наукой.

С этих позиций представляют определенный интерес связи между элементами криминалистической характеристики корыстно-насильственных преступлений на дальнейшем этапе расследования с учетом позиции обвиняемого.

В тех ситуациях, когда потерпевший установлен, первоначальному поиску подлежит информация о его социальных связях, контактах, его поведении в предкриминальной и криминальной ситуациях. Потерпевший, оказывая сопротивление преступнику, может оставить как на нем, на его одежде, так и в иной информационной обстановке следы, анализ которых позволяет получить информацию о способе, субъекте преступления, механизме преступления и т.д.

Преступник, оценивая предкриминальную ситуацию, учитывает будущую жертву (пол, возраст, телосложение, интеллект и т.д.) и именно с учетом этого выбирает способ совершения преступления, а в некоторых случаях время и место его совершения.

В конце 90-х гг. в Алтайском крае была обезврежена банда Воробьева, которая совершала разбойные нападения и убийства водителей, занимавшихся частным извозом. Преступления совершались по одному, заранее спланированному сценарию. В вечернее или ночное время в автомобиль садились несколько мужчин, из которых 1-2 обязательно сзади водителя. Под различным предлогом отъезжали в безлюдное место, где сидящий сзади набрасывал петлю на шею водителю либо душил его руками. После чего забирали выручку и вещи, имеющие ценность. Машину же бросали либо поджигали. Правоохранительным органам долго не удавалось выйти на след банды, не-

---

¹ Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003.

смотря на то, что были задействованы все силы и средства. Оперативники дежурили круглосуточно, были установлены передвижные посты, информированы водители и население, однако никаких положительных результатов получено не было. Помог, как это часто бывает, случай.

Одному из потерпевших удалось бежать. Добравшись до города, он позвонил в милицию и описал приметы преступников и марку машины. В результате проведенной операции всех членов банды удалось задержать. Позднее они были осуждены и приговорены к длительным срокам лишения свободы¹.

Если преступник использует какое-либо орудие преступления, то на нем или на объектах материального мира также остаются следы, закономерные связи между которыми позволяют идентифицировать это орудие. Участие потерпевшего в уголовном процессе имеет и тактическое значение, а именно позволяет более эффективно проводить вербальные следственные действия с его участием (допросы, очные ставки, предъявление для опознания, следственные эксперименты и т.д.), что в свою очередь способствует решению как тактических, так и стратегических задач расследования.

Вот один из примеров. Утром в квартире были обнаружены трупы молодой женщины и ее малолетнего ребенка. У женщины было перерезано горло, а ребенок был задушен. Но старший сын потерпевшей спрятался под кроватью и видел убийцу. В ходе расследования было установлено, что муж потерпевшей – сотрудник милиции – находился в командировке. Его сослуживец, завидуя успехам и продвижению по службе, в состоянии алкогольного опьянения решил выяснить с ним отношения. Под утро он пришел в квартиру, дверь открыла женщина. Узнав, что мужа нет дома, преступник ворвался в квартиру и стал избивать жертву, после чего перерезал ей горло. Зайдя в спальню, он задушил ребенка о спинку кровати. Старший ребенок часто находился у бабушки, поэтому преступник не стал его даже искать. О том, что мальчик находился дома и все видел, убийца не подозревал. Выждав какое-то

---

¹ По материалам практики прокуратуры Алтайского края. Д. № 82203.

время после ухода мужчины, ребенок постучал к соседям, которые и вызвали милицию.

Проведенное расследование успехов не дало. Спустя несколько месяцев среди пришедших гостей мальчик увидел убийцу, о чем сообщил отцу. В процессе дальнейшего расследования мальчик был допрошен в качестве свидетеля и подробно описал события того утра, когда были зверски убиты его мать и младший брат. В совокупности с другими доказательствами его показания позволили изобличить виновного, который был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу¹.

Что же касается связей обстановки совершения преступления, то как верно считает Н.П. Яблоков, они образуются взаимодействием совокупности следующих факторов: вещественных, пространственно-конструктивных, природно-климатических, временных, производственно-бытовых, поведенческо-психологических², и не учитывать их просто нельзя.

Так, например, при осмотре места происшествия исследование материальных следов и обстановки в целом позволяет следователю выявить сведения следующего характера: какие из числа отмеченных условий и факторов непосредственно предшествовали преступлению, каково было их содержание и характер последующих изменений, что в обстановке совершения преступления было специально подготовлено преступником, а что не зависело от него; что препятствовало или способствовало подготовке преступления и сокрытию его следов; что привело к тем или иным несоответствиям в способе и механизме совершения преступления, какие факторы нетипичного для данной ситуации свойства отразились в обстановке, кто мог воспользоваться сложившейся обстановкой для совершения преступления и т.д.³

---

¹ Из практики прокуратуры Карагандинской области Республики Казахстан.

² Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования. – М., 1985. – С. 60-61.

³ Яблоков Н.П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений. – М., 1984. – С. 35.

Представляя обстановку преступления в виде закономерной связи «субъект преступления – обстановка преступления», нужно учитывать, что исследование криминалистически значимой информации в этой системе позволяет субъекту доказывания установить обстоятельства по делу, применяя самые разнообразные методы расследования (системный, комплексный, моделирование, анализ, синтез и др.).

В связи с чем криминалистическую ситуацию следует рассматривать в динамике, с учетом обстановки, предшествовавшей совершению преступления, обстановки совершения преступления и обстановки, сложившейся после совершения преступления.

Полагаем, целесообразно группировать имеющуюся информацию относительно: места преступления; места нахождения объекта преступного посягательства; места изготовления орудия преступления; места работы, отдыха, жительства потерпевших, обвиняемых, а также места предполагаемого сбыта похищенного имущества и т.д.

Это позволяет:

- а) получить представление о начальной обстановке и этапах, предшествовавших преступному деянию, месте, времени, условиях, в которых действовал субъект преступления, его взаимоотношениях с объектом посягательства, цели и т.п.;
- б) обнаружить и использовать полученную информацию для дальнейшего расследования преступления¹.

Успешным результатом проведенных действий по сбору доказательств является формирование новых криминалистических ситуаций, когда субъект доказывания располагает достаточно полной информацией о совершенном преступлении и его участниках, что позволяет перейти к итоговому – **заключительному этапу расследования**. На этом этапе субъект доказывания, признав собранные доказательства виновности обвиняемого в совершении пре-

---

¹ Подробнее см.: Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 181-182.

ступления достаточными для составления обвинительного заключения, объявляет заинтересованным лицам, что предварительное следствие по уголовному делу окончено и выполняет ряд действий, предусмотренных УПК РФ.

Для этого этапа характерны следующие типичные криминалистические ситуации:

- 1) после ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела никаких ходатайств с их стороны не поступило;
- 2) после ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела от них поступили какие-либо ходатайства;
- 3) обвиняемый отказывается от ознакомления с материалами дела.

Если первая и третья ситуации характеризуются относительной стабильностью и решаются алгоритмическим путем, то вторая ситуация может вызвать определенную проблему, выражающуюся в разрешении ходатайства (ст. 219 УПК РФ)¹. В случае полного или частичного отказа в удовлетворении ходатайства следователь выносит отдельное постановление, которое должно быть мотивированным. При удовлетворении же ходатайства следователь сообщает о своем решении и производит необходимые действия. Об удовлетворении ходатайства или об отклонении его во всех случаях должно быть сообщено как обвиняемому, так и его защитнику, независимо от того, кто из них заявил ходатайство. В числе задач, решаемых субъектом доказывания на заключительном этапе, следует выделить: систематизацию всех материалов уголовного дела и ознакомление с ними тех участников, кому это право предусмотрено законом; рассмотрение ходатайств и при необходимости проведение дополнительных следственных и иных действий; подготовку окончательных выводов и их формулирование в обвинительном заключении (обвинительном акте); обобщение материалов о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, и принятии мер по их устранению и др.

---

¹ Подробнее см.: Алексеев А.Г. Вопросы теории и практики заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2005.

В заключение можно сделать некоторые выводы.

Криминалистическая ситуация является сложной динамической системой, возникающей в деятельности по расследованию преступлений и влияющей на дальнейшую организацию этой деятельности.

На разных этапах расследования преступлений конкретного вида (группы) существуют особые закономерности целеобразования, а также формирования смыслов элементов, которые составляют структуру криминалистической ситуации. Так, если на первоначальном этапе расследования (этапе возникновения) ситуация характеризуется объективированностью процесса целеобразования, то на дальнейших этапах расследования на ее формирование оказывают решающее влияние субъективные факторы (опыт, установки, знания, умения и т.д.). Вышесказанное позволяет рассматривать деятельность субъекта доказывания не только с учетом целей, действий, операций, но и личностного смысла, который элементы криминалистической ситуации для него имеют¹.

Основные же принципы методики расследования отдельных видов (групп) преступлений, на наш взгляд, должны строиться на знании закономерностей информационной структуры криминалистической ситуации, что позволит оптимизировать процесс раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

---

¹ Ким Д.В. Ценностно-смысловая структура следственной ситуации как предмет криминалистического исследования // Актуальные проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в современных условиях: Мат-лы междунар. конф. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2000. – С. 44-47; Он же. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 83-153.

ГЛАВА 4. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ И ИХ РАЗРЕШЕНИЕ НА СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

4.1. Судебно-криминалистическая ситуация.

Ее понятие, значение и место в системе криминалистики

В предыдущих параграфах было отмечено, что объективный ход становления и развития криминалистики заставляет исследователей переосмыслить прежние представления о предмете этой науки и сфере ее научного приложения. Сегодня все решительнее становятся утверждения, что криминалистика не может быть ограничена рамками предварительного расследования, но ее рекомендации могут быть использованы и в судебном производстве¹.

Полагаем, что, исходя из принципа состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), суд создает необходимые условия для реализации сторонами своих прав и обязанностей, в связи с чем возникает проблема разработки криминалистической тактики и методики судебного следствия.

Без знания этих вопросов выполнить требования ст. 6 УПК РФ (назначение уголовного судопроизводства) и ст. 73 УПК РФ по обстоятельствам, подлежащим доказыванию, весьма проблематично. Все опрошенные нами судьи (73 человека) заявили о необходимости дальнейшей разработки тактики и методики судебного следствия, в том числе и для мировых судов. Такие знания, как свидетельствует история развития науки криминалистики, обоснованно являются объектом и предметом ее исследования. Познавая их, криминалистика выполняет свою практическую задачу, разрабатывая для суда

---

¹ См., напр.: Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. – М. – Калининград, 1997. – С. 111-114; Бозров В.М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1999. – С. 40-45; Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. – М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2001; Кисленко С.Л., Комиссаров В.И. Судебное следствие: состояние и перспективы развития. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2003. – С. 51; Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 190-212 и др.

(судьи) оптимальные рекомендации по проведению судебных действий в складывающихся судебных ситуациях.

Следует полностью поддержать мнение Р.С. Белкина, который утверждал, что изучаемые наукой криминалистики закономерности лежат в сфере судебного исследования, т.е. «совокупной деятельности органов дознания, следствия, суда, экспертных учреждений по установлению истины в процессе судопроизводства»¹. В таком понимании предмета криминалистики нас привлекает точность очерчивания границ научных и практических интересов криминалистики, а именно: от дознания и предварительного следствия по делу о событии с признаками преступления до решения задач уголовного судопроизводства судом. На этом поле, полагаем, складывается целостная информационно-познавательная система в деятельности по раскрытию, расследованию и судебному разбирательству преступления. В основе нее лежат знания о преступной деятельности лиц по совершению преступлений, с одной стороны, и законной, правоохранительной деятельности – с другой.

Досудебное и судебное производство – это единое и неделимое поле деятельности для науки криминалистики². Нельзя разрабатывать криминалистическую технику, тактику и методику для предварительного следствия без учета ситуаций судебного следствия, как и криминалистическую технику, тактику и методику судебного следствия без учета ситуаций предварительного следствия и деятельности участников уголовного судопроизводства. «Без знания рекомендаций криминалистики, без их грамотного использования, – как верно пишет В.И. Комиссаров, – суду уголовной юрисдикции вряд ли

---

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. – М.: Юрид. лит., 1987. – С. 47.

² Подробнее см.: Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения криминалистической методики отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 66-74.

удастся объективно установить все процессуально значимые нюансы совершения преступления»¹.

Криминалистика одинаково обслуживает и предварительное следствие, и судебное разбирательство с учетом целей и задач осуществления правосудия по уголовным делам, объединенных единым целым – предметом доказывания (ст. 73 УПК РФ) и пределами судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ).

Криминалистическая методика расследования характеризуется интегративными приемами криминалистической техники и тактики, включает в себя познание закономерностей противоправной деятельности по подготовке, совершению, сокрытию отдельных видов преступлений и их противодействию расследуемым событиям, и правоохранительной, законом предусмотренной деятельности по их раскрытию, расследованию и судебному разбирательству **на основе целостного возникновения и движения по делу всей уголовно значимой информации.**

Именно в криминалистической методике расследования на этой основе возможны выделение и познание своеобразных закономерностей информационных структур, систем и процессов, разработка оптимальных вариантов (серий) правил и алгоритмов действий органу дознания, следователю, прокурору и суду в различных ситуациях возбуждения, расследования и разрешения дела по существу.

В связи с чем традиционная структура криминалистической методики расследования, полагаем, должна быть перестроена, так как не отвечает уровню нынешнего развития криминалистики и требованиям судебно-следственной практики. В качестве ее составляющих можно выделить три взаимосвязанных блока: 1) криминалистическая характеристика совершения

---

¹ Комиссаров В.И. Проблемы борьбы с преступностью и их место в предмете криминалистики // Актуальные проблемы криминалистики: Мат-лы междунар. конф. – Харьков, 2003. – С. 27; см. также Комиссаров В.И., Кисленко С.Л. Тактика судебного следствия, содержание и понятие // 50 лет в криминалистике. К 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина: Мат-лы междунар. науч. конф. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 130-145.

отдельных видов и групп преступлений; 2) криминалистическая характеристика раскрытия, расследования и предотвращения отдельных видов и групп преступлений; 3) криминалистическая характеристика судебного разбирательства отдельных видов и групп преступлений. В учебниках по криминалистике, полагаем, необходимо показывать особенности методики и судебного следствия. Криминалистическая методика расследования преступлений при таком ее толковании может выступать как специфическая информационно-познавательная система в деятельности по решению задач уголовного судопроизводства, рассчитанная на определенные ситуации предварительного и судебного следствия¹.

Именно судебное следствие в состязательном процессе больше всего нуждается в использовании рекомендаций, разработанных криминалистической тактикой и методикой². Отрадно отметить появление в этом направлении интересных диссертационных работ, выполненных под руководством В.И. Комиссарова³, Т.С. Волчецкой⁴ и др.

Ситуационный подход, таким образом, позволяет разрабатывать конкретные методики по ведению судебного разбирательства с учетом складывающихся судебных ситуаций.

Поскольку судебные ситуации не дублируют следственные ситуации, постольку в суде не может быть использована методика расследования, рассчитанная на предварительное следствие с его следственными ситуациями.

---

¹ Подробно см.: Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения криминалистической методики отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 130-212.

² См., напр., интересное учебное пособие: Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб. «Юрид. центр Пресс», 2003. – С. 15; См. также: Эксархопуло А.А. Основы криминалистической теории. – СПб: Изд-во СПб ун-та, 1992; Макарова З.В. Гласность уголовного процесса. – Челябинск: Изд-во Южноурал. гос. тех. ун-та, 1993. – С. 116 и др.

³ Кисленко С.Л. Тактика судебного следствия и ее место в системе криминалистики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002.

⁴ Фалеев В.И. Уголовно-процессуальные аспекты выявления и устранения судебных ошибок: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2003; Кузнецова О.Д. Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004; Румянцева И.В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004.

«Познание и использование этих ситуаций, – как верно заметил В.К. Гавло, – есть важнейшая задача криминалистической методики как раздела науки криминалистики в повышении качества предварительного следствия и судебного разбирательства дела»¹.

Что же касается самого понятия судебной ситуации, то в теории криминалистики среди ученых по этому поводу нет единого мнения. Появившись сравнительно недавно, в последнее время оно стало предметом широкого обсуждения как одна из центральных научных категорий, с которой связано дальнейшее развитие предмета криминалистики.

Одним из первых сформулировал определение судебной ситуации В.К. Гавло. Он определил ее как «складывающуюся в ходе судебного следствия обстановку, характеризующуюся наличием у суда установленных на предварительном следствии и в суде доказательств события преступления и лица, его совершившего, и условиями и обстоятельствами, в которых эти доказательства исследуются, устанавливаются и добываются новые, характеризующие состояние и перспективу судебного следствия в целях установления истины по делу»². В этом универсальном по своему содержанию определении впервые были выделены не только существенные признаки судебной ситуации, но и обозначена природа ее возникновения и развития.

Следует заметить, что большое влияние на становление понятия судебной ситуации «оказала» следственная ситуация, занявшая к тому времени прочное место в категориальном аппарате криминалистической науки. Не случайно большинство ученых и сегодня отождествляют судебную ситуацию со следственной, а в определениях четко прослеживается заимствование признаков одного понятия у другого.

---

¹ См.: Гавло В.К. Проблемные вопросы предмета и структуры криминалистической методики расследования преступлений // Современное российское право: федеральное и региональное измерение: Материалы конференции / Под ред. В.Я. Музыкина, В.В. Невинского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 14-20.

² Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 69.

Так, Ю.В. Корневский говорит о следственной ситуации применительно к судебному разбирательству как о «сложившейся к этому этапу производства по делу совокупности данных о существенных обстоятельствах дела, исходя из которых определяются направления и пути дальнейшего получения информации, необходимой для принятия правильного решения по делу»¹.

Следует подчеркнуть, что в приведенном выше определении судебной ситуации отражается в первую очередь объективное состояние рассмотрения уголовного дела, характеризующееся совокупностью данных о его существенных обстоятельствах. Такой подход нам представляется весьма спорным, т.к. не учитывает субъективный аспект ситуации².

Предпочитает подходить к определению судебной ситуации как объективно существующей категории И.В. Румянцева. В то же время она совершенно правильно отмечает, что «любой субъект воспринимает ситуацию, исходя из субъективных характеристик, и принимает решение на основе того, как он лично ее воспринимает»³. Саму же ситуацию судебного следствия она определяет как «формирующееся в ходе исследования доказательств в суде положение, отражающее информационное содержание доказательств, поведение участников судебного следствия и их взаимоотношения»⁴.

Предложенное понятие включает различные характеристики ситуации, такие, как: особенности судебного следствия, данные об обстоятельствах дела, отношения участников, возникающие в ходе судебного следствия, поведение этих лиц. Однако автор все же оставляет в стороне сложную субъект-объектную природу судебной ситуации, которая, по нашему мнению, должна присутствовать в определении, отражая его суть.

---

¹ Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. – М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2001. – С. 65.

² Более подробно см. п. 2.2 настоящей работы.

³ Румянцева И.В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. – С. 53.

⁴ Там же. – С. 56.

Достаточно многочисленная группа авторов в определении судебной ситуации придерживается концепции, согласно которой ситуация понимается как информационная модель.

Так, В.В. Конин считает, что «судебная ситуация – это строго индивидуальная информационная модель, не имеющая жесткой конструкции и способная к изменениям, отображающая совокупность реально существующих условий и обстоятельств, возникающих в ходе судебного разбирательства в результате деятельности его участников, на основании которых участниками принимается решение о выборе конкретного тактического приема с целью получения необходимого результата»¹.

В этом определении указаны такие основные признаки ситуации, как индивидуальность и информационность. В то же время во второй части определения автор противоречит себе, указывая на то, что ситуация «отображает совокупность реально существующих условий и обстоятельств», т.к. реальность уже предполагает объективность. В этом случае говорить о ситуации для субъекта вряд ли возможно. Здесь, на наш взгляд, более точно было бы указать не на «совокупность реально существующих условий и обстоятельств», а «с учетом условий и обстоятельств».

Кроме того, говоря о тактическом приеме, выбираемом участником судебного разбирательства, нужно учитывать само понятие «участники уголовного судопроизводства», под которыми законодатель понимает «лиц, принимающих участие в уголовном процессе» (п. 58 ст. 5 УПК РФ). Таким образом, в законе участник уголовного процесса трактуется достаточно широко, т.е. это не только суд и стороны (обвинения и защиты), а все лица, которые так или иначе задействованы в уголовном судопроизводстве, в том числе и в рамках судебного разбирательства. В связи с чем не совсем понятно, кто выбирает тактические приемы: суд (судья), государственный обвинитель, за-

---

¹ Конин В.В. Участие защитника в судебном разбирательстве: ситуационный подход // Актуальные вопросы развития государства и права: Юбилейный сб. науч. тр. Ч. 2. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. С. 201.

щитник или к этому списку можно отнести также свидетеля, потерпевшего, эксперта, секретаря судебного заседания, переводчика и т.д.? Если перечень участников судебного разбирательства достаточно широк, то приведенное В.В. Кониным определение судебной ситуации, по нашему мнению, выходит за рамки криминалистики и является спорным.

В судебной ситуации С.Э. Воронин видит мыслительную деятельность судьи. Судебную ситуацию он предлагает именовать судебной проблемно-поисковой следственной ситуацией (судебная ППСС), определив ее как «психологизированный тип следственной ситуации, порожденной мыслительной деятельностью судьи, протекаемой в узком информационном поле, ограниченном, с одной стороны – материалами предварительного расследования, с другой – жестко регламентированной уголовно-процессуальной процедурой исследования доказательств и принятия решений по делу»¹.

Очертив достаточно точно границы информационного поля анализируемого понятия, автор делает упор на ее субъективный аспект, при этом не учитывается сложная субъект-объектная природа судебной ситуации. Кроме того, при рассмотрении судебной ситуации как «психологизированного типа следственной ситуации» возникают следующие вопросы: что имел в виду автор под понятием психологизированный тип; чем он отличается от других типов (видов) ситуаций, менее психологизированных или не являющихся такими? К сожалению, ответов на эти вопросы в работах С.Э. Воронина мы не находим.

Полагаем, что судебная ситуация как разновидность криминалистической ситуации должна быть представлена целостной сложной самоорганизующейся системой информационно-познавательного характера, объединяющей в себе как человека, так и окружающую его действительность. Это необходимо учитывать при определении судебной ситуации.

---

¹ Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 36.

В последнее время предпринимаются попытки объединить уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты понятия судебной ситуации.

Так, О.Д. Кузнецова, взяв за основу определение судебной ситуации В.К. Гавло, с учетом принципа состязательности понимает ее как «обстановку, характеризующуюся доказательствами, представленными сторонами в судебном разбирательстве доказательствами, полученными судом по ходатайству сторон и по собственной инициативе в пределах предоставленных ему полномочий с учетом требований принципа состязательности, об обстоятельствах совершенного преступления и об обстоятельствах производства следственных действий, и условиями, в которых эти доказательства исследуются, характеризующие состояние и перспективу судебного следствия»¹.

Приведенное выше определение, полагаем, достаточно сложно для восприятия, при этом не учитываются существенные признаки не только судебной ситуации, но и доказательств. Так, например, автор ограничивается доказательствами, полученными на стадии предварительного расследования при производстве следственных действий, тогда как ст. 74 УПК РФ называет и иные виды доказательств.

Анализ приведенных выше определений показывает, что в современной криминалистической науке наметилась устойчивая тенденция в развитии ситуационного подхода применительно к судебному разбирательству. Однако саму судебную ситуацию большинство ученых отождествляют со следственной ситуацией либо с ситуацией судебного следствия, вкладывая в эти понятия различное содержание. В связи с чем следует заметить, что указанные понятия не совпадают как по объему, так и по содержанию. С учетом приведенной в п. 2.3 настоящей работы классификации ситуаций, все рассматриваемые ситуации, на наш взгляд, являются криминалистическими, т.к. изучаются криминалистической наукой. При этом следственная ситуация характерна для досудебных стадий уголовного судопроизводства, а судебная

---

¹ Кузнецова О.Д. Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. – С. 114.

ситуация может возникать как на досудебных (например, когда суд в ходе досудебного производства принимает решение об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого (обвиняемого), о продлении срока содержания под стражей, о производстве обыска и (или) выемки в жилище и т.д.)¹, судебных, так и исключительных стадиях уголовного процесса. Что же касается ситуации судебного следствия, то по отношению к судебной ситуации оно является видовым.

С учетом изложенного судебная ситуация, в нашем понимании, является **судебно-криминалистической ситуацией**, которую в самом общем виде можно определить как **сложную динамическую систему информационного характера, складывающуюся в процессе осуществления судом (судьей) своей деятельности, влияющую на решение суда и на перспективу по уголовному делу.**

В отличие от судебно-криминалистической ситуации, **ситуацию судебного следствия** можно определить как **сложную динамическую систему информационного характера, складывающуюся в ходе судебного следствия, отражающую его состояние и перспективу по уголовному делу и характеризующуюся наличием у суда установленных в процессе предварительного расследования и судебного следствия доказательств, а также условиями и обстоятельствами, в которых эти доказательства исследуются.**

Обращаясь к новому УПК РФ необходимо констатировать, что в процессе судебного разбирательства имеются свои особенности проведения процессуальных (следственных) действий, существенно отличающиеся от проведения следственных действий на досудебных стадиях уголовного процесса. Так, например, если следственный осмотр (ст. 177, 178 УПК РФ) следователь проводит в присутствии понятых, а также в необходимых случаях с участием других лиц (подозреваемых, обвиняемых, специалистов и т.д.) и оформляет это протоколом следственного действия, то судебный осмотр, согласно

---

¹ См.: ч. 2 и 3 ст. 29; гл. 9, 14, 15 УПК РФ.

ст. 287 УПК РФ, проводит суд с участием сторон, а при необходимости и других участников судебного разбирательства (свидетелей, экспертов, специалистов и т.д.). В судебном осмотре не требуется участие понятых. Весь ход и итоги судебного осмотра отражаются в протоколе судебного заседания. Огромные тактические возможности открываются перед судом в допросах с использованием тактического приема – перекрестный допрос, который является важным средством исследования доказательств в состязательном судопроизводстве, «возможно, самым важным и, несомненно, самым трудным и опасным для допрашивающего. В суде с участием присяжных заседателей значимость перекрестного допроса возрастает многократно: он становится **доминантой** (выделено нами. – Д.К.) судебного состязания»¹. Такие особенности характерны и для других действий.

Все это, несомненно, влечет за собой тактические особенности проведения следственных (судебных) действий в ходе судебного разбирательства, что является прерогативой криминалистики². При этом для суда открывается творческий простор для исследования конкретных ситуаций судебного следствия и их наиболее эффективного разрешения. Ситуационный подход, таким образом, позволяет разрабатывать конкретные методики по ведению судебного разбирательства с учетом складывающихся судебных ситуаций.

С введением УПК РФ обострился ряд проблем, связанных с производством по уголовным делам, подсудным мировому судье (глава 41 УПК РФ)³. Учитывая то, что обязанность сбора доказательств по этим категориям дел возложена на стороны, которые лишены права проводить следственные

---

¹ Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 3.

² См., напр.: Карагодин В.Н. Перспективы расширения предмета криминалистической тактики // Современное российское право: федеральное и региональное измерение. – Барнаул, 1998. – С. 213-217; Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: Учебное пособие. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2000. – С. 17-37; Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. – М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2001. – С. 142-190. и др.

³ Хотя указанные нормы были закреплены Федеральным законом от 07.07.2001 г. и в УПК РСФСР, следует отметить, что данный институт находится в стадии становления, а судебный корпус укомплектован не во всех регионах России.

действия, а судебное разбирательство имеет свою специфику, не трудно видеть, что мировые судьи нуждаются в методических рекомендациях, касающихся процессуальных и тактических вопросов возбуждения уголовных дел частного обвинения, подготовки их к слушанию, а также по рассмотрению данной категории дел в судебном заседании¹.

В связи с этим, необходимы научные разработки и по такому забытому, но возрожденному вновь в УПК РФ производству, как апелляция. Эта процедура позволяет не формально, а по существу приговора, с новым исследованием доказательств в суде вышестоящей инстанции проверить правосудность приговора, вынесенного по первой инстанции, с правом его замены новым решением (приговором), принятым на основе собственного познания фактов и обстоятельств дела².

Вышеизложенное позволяет констатировать, что тенденции развития криминалистической науки относительно своего предмета, ситуационная природа судебного производства (в частности, судебного следствия), объективная потребность судей в рекомендациях тактического и методического характера обуславливают активизацию исследований в области судебно-криминалистических ситуаций в целях оптимизации судебной деятельности.

При этом основной задачей ситуационного подхода на судебных стадиях уголовного процесса является типизация ситуаций, возникающих при реализации судом (судьей) своей деятельности, и создание алгоритмов их разрешения.

---

¹ См., напр.: Гавло В.К. Проблемы рассмотрения уголовных дел мировыми судьями (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // Информационный бюллетень Управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в Алтайском крае. – Барнаул, 2002. – С. 17-20.

² См.: Александров А.С., Ковтун Н.Н. Апелляционное производство в уголовном процессе России: Учеб. пособие. – Н. Новгород: Нижегородский юрид. ин-т МВД РФ, 2000. – С. 4.

4.2. Системообразующая роль криминалистических ситуаций на судебных стадиях уголовного судопроизводства

Многообразие ситуаций, с которыми приходится сталкиваться суду в своей деятельности, получение новых знаний об этих ситуациях в целях разработки конкретных рекомендаций по их разрешению предполагает научно обоснованную классификацию изучаемых объектов.

Существенный интерес при этом представляет вопрос о классификации судебно-криминалистических ситуаций, который в настоящее время находится в начальной стадии исследования и не стал еще предметом широкого обсуждения¹. Анализ позиций ученых показывает, что основной проблемой на сегодняшний день является выработка объективного критерия приведения всех ситуаций, складывающихся в судебном производстве, в единую систему.

Так, в зависимости от стадий уголовного процесса В.К. Гавло и С.Э. Воронин выделяют ситуации, возникающие в судах 1-й, кассационной и надзорной инстанций². Полагаем, с учетом УПК РФ указанную классификацию можно дополнить еще одним видом ситуаций, складывающихся в апелляционной инстанции.

В зависимости от уровня познания, судебные ситуации (по аналогии со следственными) В.К. Гавло подразделяет на типовые и реальные, где типовые характеризуют теоретический, а реальные – эмпирический уровень познания. Реальные в свою очередь делятся на типичные и атипичные³.

Полагаем, реальные ситуации более правильно именовать индивидуальными (конкретными), в связи с тем что реальность, как это было показано

---

¹ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. – М., Калининград, 1997. – С. 111-114; Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1999. – С. 130-145; Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: Учеб. пособие. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2000. – С. 17-37 и др.

² Гавло В.К., Воронин С.Э. Указ. раб. – С. 18.

³ Гавло В.К. О диалектике типичного и атипичного в методике расследования // Повышение эффективности расследования. – Иркутск, 1986. – С. 21-30.

в предыдущих параграфах работы, «предстает» перед субъектом доказывания (в нашем случае перед судьей) в субъективном аспекте, а поэтому для каждого субъекта ситуация будет своя, индивидуальная, как воспринятая и оцененная им по-своему.

С учетом роли составляющих компонентов ситуации целесообразно выделять:

1. Судебно-криминалистические ситуации с элементами конфликтности.
2. Судебно-криминалистические ситуации с элементами тактического риска.
3. Судебно-криминалистические ситуации с элементами организационной неупорядоченности.
4. Смешанные судебно-криминалистические ситуации, в которых присутствуют элементы ситуаций 1-3.

Проблемность и конфликтность чаще всего проявляются при производстве отдельных следственных действий. Например, ситуации с элементами конфликтности часто возникают при допросе подсудимых, свидетелей, потерпевших, особенно при перекрестном допросе по сложным делам и противоречивых показаниях – 38% (от изученных нами дел), в ситуациях, когда суд отказывает стороне защиты раскрыть подлинные сведения о лице, дающем показания в условиях визуальной недоступности, или при отказе потерпевшего от дачи показаний. Для преодоления таких ситуаций важно соблюдать требования уголовно-процессуального закона и тактические приемы, находящиеся в арсеналах криминалистики¹.

---

¹ Интересные рекомендации на этот счет см.: Александров А.С., Гришин С.Н. Перекрестный допрос. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 156; Печерский В.В. Типовые программы допроса на предварительном и судебном следствии: Учеб.-практ. пособие. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2005. – С. 24-64; Панасюк А. Разрешение конфликтных ситуаций; стратегия и тактика судьи // Российская юстиция. – 1997. – № 5. – С. 51-52; Комаров И.М. Теоретическая концепция тактической комбинации судебного исследования и предотвращения преступлений // Вестник Барнаульского юридического института. – Барнаул: БЮИ МВД России, 1999. – С. 29-52; Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. – М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2001 и др.

Типовые судебно-криминалистические ситуации могут различаться по характеру возникшей и разрешаемой судом (судьей) проблемы, по исследованию судом доказательств, достаточных для принятия решения по существу дела (ст. 274 УПК РФ). В связи с этим С.Э. Воронин выделяет четыре типовые ситуации:

1. Судебные ситуации, связанные с сохранением в суде доказательств, полученных на предварительном следствии;
2. Судебные ситуации, связанные с восполнением пробелов в материалах предварительного следствия;
3. Судебные ситуации, связанные с оценкой доказательств в суде;
4. Судебные ситуации, связанные с принятием решения по существу дела¹.

По степени информационной определенности ситуации классифицируют на детерминированные и рандомизированные². Данная классификация необходима для раскрытия диалектики единства необходимости и случайности в развитии судебно-криминалистических ситуаций.

Одним из оснований классификации ситуаций, могут выступать те фактические и иные данные, которые формируют ситуацию относительно определения этапов и направления судебного разбирательства. С учетом изложенного, полагаем, можно выделить:

1. Судебно-криминалистические ситуации, характеризующие ход и результаты судебного разбирательства в целом (общие судебные ситуации).
2. Судебно-криминалистические ситуации, характеризующие ход и результаты судебного разбирательства относительно отдельных эпизодов.
3. Судебно-криминалистические ситуации, характеризующие ход и результаты судебного разбирательства при производстве отдельных судебных (следственных) и иных процессуальных действий.

---

¹ Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 37-38.

² Гавло В.К., Воронин С.Э. Указ. раб. – С. 35.

Подчеркивая значимость информационного компонента судебно-криминалистических ситуаций, влияющего на определение их вида и правильную диагностику, в зависимости от количества доказательств, ставших предметом рассмотрения в судебном разбирательстве, в литературе выделяют три большие группы судебных ситуаций:

1 – количество доказательств не изменяется по сравнению с предварительным расследованием;

2 – количество доказательств уменьшается;

3 – количество доказательств увеличивается¹.

Преимущество этих двух классификационных систем, по нашему мнению, заключается в том, что они нацеливает суд и стороны на комплексное использование достижений криминалистики, накопленных ею в рамках тактики и методики расследования преступлений. При этом тактическое, организационно-управленческое и иное решение на том или ином этапе судебного разбирательства различно, поскольку содержательная, информационная база и условия формирования этих ситуаций отличаются друг от друга, хотя они и находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости.

С учетом мыслительной деятельности субъектов все судебные ситуации (по аналогии с криминалистическими ситуациями) можно разделить на репродуктивные (алгоритмические) и продуктивные. Продуктивные в свою очередь – на эвристические и творческие.

В зависимости от уровней решаемых задач можно выделить общие (стратегические) и частные (тактические) судебно-криминалистические ситуации.

Учитывая систему стадий уголовного процесса (в данном случае связанных с производством в суде), полагаем, что все судебно-криминалистические ситуации можно разделить на:

---

¹ Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 59; Коршунова О.Н. Теоретические и прикладные проблемы уголовного преследования: Монография. – СПб., 2006. – С. 138.

1. Ситуации подготовки к судебному заседанию;
2. Ситуации судебного разбирательства;
3. Ситуации апелляционного производства;
4. Ситуации кассационного производства;
5. Ситуации исполнения приговора;
6. Ситуации производства в надзорной инстанции;
7. Ситуации возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

При этом каждая из вышеназванных ситуаций может в свою очередь подразделяться на более частные, которые будут рассмотрены ниже.

Значение выделения ситуаций в зависимости от стадий уголовного процесса заключается в необходимости изучения их особенностей и динамики с целью создания научных методик и практических рекомендаций по их разрешению.

Систематизация указанных ситуаций, а также знание их особенностей позволяет, на наш взгляд, оптимизировать деятельность суда и способствует решению стоящих перед ним задач.

Оценка криминалистической ситуации судьей происходит уже на **стадии подготовки к судебному заседанию**. При этом следует обратить внимание на то, что порядок подготовки к судебному заседанию может осуществляться в двух формах: в общем порядке и в форме предварительного слушания.

Выясняя вопросы по поступившему в суд уголовному делу, указанные в ст. 228 УПК РФ, судья не просто знакомится с материалами уголовного дела, а анализирует предшествующие ситуации – криминальную и криминалистическую. В то же время судья должен не только оценить сложившуюся на данный момент времени судебную ситуацию, но и предвидеть ситуации, которые могут возникнуть после принятия соответствующего решения.

Так, например, в случае положительного решения вопроса об удовлетворении заявленного ходатайства (п. 4 ст. 228 УПК РФ) судья должен про-

вести предварительное слушание в соответствии с гл. 34 УПК РФ, при этом ему целесообразно смоделировать ситуации, которые могут возникнуть и подготовиться к их разрешению.

Проведенные исследования показали, что хотя стороны и заявляют ходатайства об исключении доказательств, однако при рассмотрении этих ходатайств на предварительном слушании стороны не используют все предусмотренные законом возможности по доказыванию изложенных доводов, что влечет за собой отказ в удовлетворении ходатайств. Кроме того, ряд нарушений допущенных при собирании доказательств не могут служить основаниями для признания доказательств недопустимыми, а носят формальный характер и даже характер технических ошибок¹. В дальнейшем спор сторон относительно исключения доказательств может перерасти в ситуацию с элементами конфликтности, которая в свою очередь на последующих стадиях уголовного процесса вызывает проблемы более серьезного порядка.

Так, осужденные приговором Алтайского краевого суда от 24.12.2003 г. за убийство директора птицефабрики «Молодежная» Сироты М.М. – Зотов А.Н., Тарлыков О.А., Газенбуш О.В. и Мануйлов Е.Д. виновными себя не признали и в своих кассационных жалобах указали на незаконность приговора, который, по их мнению, был постановлен на недопустимых доказательствах. В частности, они указывали на фальсификацию доказательств следователем, который не ознакомил обвиняемых с составом следственной группы и правом на отвод ее членов, не разъяснил права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ, не допустил к участию в деле одного из защитников, грубо нарушил процессуальный закон при производстве следственных действий, оказывал давление на участников процесса. Кроме того, они указали на то, имело место отклонение ходатайств обвиняемых и их защитников, в то же время ходатайства стороны обвинения удовлетворялись.

---

¹ Более подробно см.: Алексеев А.Г. Вопросы теории и практики заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2005.

Конфликт, возникший на стадии предварительного расследования, перешел и на судебные стадии. В тех же жалобах осужденные подчеркивали, что судебное заседание проведено необъективно, с обвинительным уклоном и нарушением закона. В судебном заседании было изменено обвинение в части мотивов преступления, что повлекло якобы нарушение права на защиту. С участием присяжных заседателей исследовались обстоятельства, которые не подлежали исследованию, в то же время не исследовались обстоятельства, которые имели существенное значение. На присяжных оказывалось давление со стороны СМИ и т.д. Адвокаты осужденных приводили аналогичные доводы, считали приговор незаконным и просили его отменить.

Конфликт был разрешен только в Верховном Суде РФ, который выступал в качестве кассационной инстанции по делу. В своем кассационном определении от 6 июля 2004 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала на то, что доводы, изложенные в кассационных жалобах, не нашли своего подтверждения и являются несостоятельными. С учетом изложенного, коллегия приговор Алтайского краевого суда оставила без изменения, а кассационные жалобы без удовлетворения¹.

В приведенном примере хорошо прослеживается динамика криминалистической ситуации с элементами конфликтности. Возникнув еще на стадии предварительного расследования, конфликт на судебных стадиях не только не был урегулирован, но и еще более усугубился, что явилось основанием для якобы предвзятого отношения суда (следует заметить, что суд проходил с участием присяжных заседателей) по отношению к обвиняемым. Полагаем, что если бы у судьи были конкретные рекомендации по разрешению сложившейся ситуации, дело могло развиваться совсем по другому сценарию.

В связи с этим заслуживает внимания позиция И.В. Румянцевой, предлагающей для судьи на стадии подготовки к судебному заседанию, в частно-

---

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 июля 2004 г. № 51-004-53 сп.

сти при проведении предварительного слушания смоделировать общую характеристику судебного следствия, которая может сформироваться исходя из анализа материалов уголовного дела, а также из оценки степени активности реализации позиции по делу обвинителем и защитником, характером и содержанием заявленных ими ходатайств¹.

С учетом типовых ситуаций, в ходе предварительного слушания она предлагает судье моделировать:

- 1) поведение обвинителя и защитника в судебном следствии;
- 2) поведение подсудимого;
- 3) поведение лиц в подсистеме «подсудимый – потерпевший – свидетель»;
- 4) проведение судебных действий, ход которых может вызвать возникновение конфликтных ситуаций судебного следствия, которые могут воспрепятствовать проведению судебного следствия².

Считаем, что указанные предложения имеют практическое значение и нуждаются в дальнейших исследованиях.

Завершающим этапом стадии подготовки к судебному заседанию является принятие судьей одного из решений, указанных в ч. 1 ст. 231 и ч. 1 ст. 236 УПК РФ. Принимая решение, судья на основе анализа (сопоставления) криминальной и криминалистической ситуаций, которые отражены не только в материалах дела, но и в позициях сторон, высказанных в рамках предварительного слушания, фактически разрешает для себя сложившуюся на данном этапе судебно-криминалистическую ситуацию. Причем уголовно-процессуальный закон содержит исчерпывающий перечень вопросов, которые должен решить для себя судья, а также указывает на обстоятельства, которые необходимо отразить в постановлении о назначении судебного заседания (ст. 231 УПК РФ). В противном случае ситуация будет не решена, а вынесенный приговор подлежит отмене.

---

¹ Румянцева И.В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. – С. 108.

² Там же. – С. 111.

Так, отменяя приговор в отношении П., Судебная коллегия по уголовным делам Алтайского краевого суда указала, что в соответствии с ч. 3 ст. 231 УПК РФ в постановлении о назначении судебного заседания должны содержаться решения о назначении судебного заседания с указанием фамилии, имени и отчества каждого обвиняемого и квалификации вменяемого ему в вину преступления. Согласно обвинительному заключению, П. обвинялся в совершении ряда преступлений. Однако в постановлении о назначении судебного заседания не все преступления нашли свое отражение. По мнению кассационной инстанции, суд в нарушение ч. 3 ст. 231 УПК РФ в постановлении о назначении судебного заседания не указал квалификацию вмененных П. преступлений по ч. 3 ст. 158 УК РФ по части эпизодов¹.

Следующей судебной стадией, являющейся центральной в уголовном судопроизводстве, является **стадия судебного разбирательства**.

С учетом этапов, выделяемых в уголовно-процессуальной науке, все ситуации судебного разбирательства, по нашему мнению, можно классифицировать следующим образом:

1. Ситуации первоначального этапа судебного разбирательства (охватывают подготовительную часть судебного разбирательства).
2. Ситуации дальнейшего этапа судебного разбирательства (охватывают судебное следствие, прения сторон, последнее слово подсудимого).
3. Ситуации заключительного этапа судебного разбирательства (охватывают постановление и провозглашение приговора)².

Практическое значение указанной классификации состоит в том, что судья (суд) имеет возможность спрогнозировать примерный ход развития судебного разбирательства и выбрать варианты своего поведения в целях наиболее эффективного разрешения дела по существу.

---

¹ Определение Судебной коллегии Алтайского краевого суда № 22-40/2005 г.

² Схожую позицию по этому вопросу занимает И.В. Посохина. См.: Посохина И.В. Типичные судебно-следственные ситуации по делам о взяточничестве // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 3(15). – М.: Спарк, 2005. – С. 78-85.

Для ситуаций первоначального этапа судебного рассмотрения уголовных дел характерно то, что на этом этапе совершаются действия, направленные на проверку наличия процессуальных условий, необходимых для рассмотрения конкретного дела при данном составе суда (наличии состава участников разбирательства, прибывших в суд экспертов, свидетелей и т.д.). В случае обнаружения недостаточности каких-либо процессуальных условий (замена отведенного судьи, прокурора, эксперта; отсутствие потерпевшего, свидетеля и т.д.) необходимо принять меры по обеспечению явки, а также на подготовку нормального, отвечающего требованиям закона процесса во всех следующих частях судебного разбирательства.

Помимо процессуальных вопросов, определенных уголовно-процессуальным законом, участники судебного разбирательства оценивают криминалистическую ситуацию, отраженную в обвинительном заключении (обвинительном акте), в самом общем виде с позиции возможности (невозможности) ее разрешения в ходе судебного разбирательства с учетом той ситуации, которая возникла на данный момент судебного разбирательства. Опросы судей показали, что почти каждое третье уголовное дело откладывается по различным причинам, среди которых первое место занимает неявка участников процесса (в 80% случаев).

Так, например, предварительное расследование по уголовному делу в отношении Чурсина, Булгакова и Устинова, обвинявшихся в разбойных нападениях на граждан было окончено в срок. Тем не менее суд неоднократно откладывал судебное разбирательство в связи с неявкой потерпевшего Раченко и свидетеля Сысоева, признав их участие в судебном заседании обязательным в связи с тем, что остальные потерпевшие отказались от явки в суд, боясь за свою жизнь¹.

Для ситуаций второго этапа судебного рассмотрения уголовных дел характерно то, что судом с участием сторон производится непосредственное исследование всех доказательств, необходимых для обоснования при-

---

¹ Архив Колпашевского городского народного суда Томской области. Д. № 1-42/98.

говора, либо иного решения, которое может быть принято судом. Необходимо отметить то, что на этом этапе суд может выявить новые данные, и тогда они подвергаются новой более глубокой проверке с привлечением как отсеявшихся, так и новых доказательств. Однако следует заметить, что в соответствии с УПК РФ доказательства должны рассматриваться в рамках предъявленного обвинения (ст. 252 УПК РФ). Здесь могут возникнуть новые версии, выявиться новые обстоятельства и новые доказательства, касающиеся мотивов преступления, обстоятельств его совершения, личности преступника, соучастников и т.д.

На данном этапе суд в процессе оценки криминалистической ситуации, сложившейся на момент окончания предварительного расследования и отраженной в обвинительном заключении, создает фундамент будущего приговора. В рассматриваемом этапе целесообразно выделять подэтапы (судебное следствие, судебные прения и т.д.). Выделение подэтапов диктуется необходимостью целенаправленной проверки версии в складывающихся новых ситуациях, если, например, в ходе судебных прений или последнего слова подсудимого могут появиться новые, существенные для дела обстоятельства (о способе преступления, соучастниках и т.д.), которые не были рассмотрены ранее. Для этих подэтапов характерны свои методы исследования доказательств, присущие той или иной судебно-криминалистической ситуации.

Ситуации заключительного этапа судебного рассмотрения уголовных дел характеризуются тем, что суд, оценив доказательства и доводы сторон, принимает решение о виновности или невиновности подсудимого и о применении или неприменении к нему наказания, т.е. окончательно разрешает криминалистическую ситуацию, отраженную в обвинительном заключении (обвинительном акте).

Все рассмотренные выше ситуации характеризует то, что восприятие и оценка информации судом существенно отличается от восприятия и оценки

той же самой информации следователем¹, а значит, и криминалистическая ситуация воспринимается этими субъектами по-разному. Это, на наш взгляд, проявляется в следующем.

Во-первых, в процессе предварительного расследования субъект доказывания работает по свежим следам, широко используя научно-технические средства, тактические приемы и методические рекомендации по расследованию преступлений. Суд же (в том числе и мировой судья) чаще всего исследует доказательства, которые отражены в материалах уголовного дела и получены в ходе судебного следствия.

Во-вторых, если судебное следствие происходит в суде присяжных, то присяжные заседатели, не имея специальной подготовки, оценивают собранные доказательства не с точки зрения закона, а со своих жизненных позиций (нравственности, этики, добра, справедливости и т.д.).

В-третьих, возможности суда ограничены, так как он в своей деятельности не может выходить за рамки предъявленного обвинения и рассматривает уголовное дело в пределах, установленных законом (ст. 252 УПК РФ). А это в свою очередь не может не отразиться на тактическом арсенале судебного разбирательства в складывающихся в суде ситуациях. Тактические приемы, применяемые в досудебном и судебном производстве, различны, что требует их дальнейшей разработки.

В-четвертых, различие между предварительным расследованием и судебным разбирательством заключается в различном значении выводов, которые делаются по результатам обнаружения и исследования доказательств².

---

¹ Ковтун Н.Н. О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса. // Гос-во и право. – 1998. – № 6. – С. 59-63; Белкин А.Р. Теория доказывания: Науч.-метод. пособие. – М.: НОРМА, 1999; Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. Научно-практическое пособие. – М.: «Прспект», 2000; Алиев Т.Т., Межуева Е.А., Понамаренков В.А., Громов Н.А. Понятие и структура уголовно-процессуального доказывания // Следователь. – 2003. – № 2. – С. 12-20 и др.

² См., напр.: Миньковский Г.М. Пределы доказывания // Теория доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1973. – С. 195; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. – М.: Юристъ, 2002. – С. 470, 484-485, 522-524 и др.

Основная оценка доказательств и доказательственной информации в суде происходит в ходе судебного следствия и складывающихся его ситуаций. Анализ криминалистической литературы показывает, что учеными предпринимались попытки классифицировать ситуации судебного следствия, а также предлагались рекомендации по их разрешению¹.

В дополнение к уже имеющейся классификации, в зависимости от позиции подсудимого как одного из основных участников процесса можно выделить следующие ситуации судебного следствия:

1. Ситуация, когда подсудимый признает себя виновным полностью.
2. Ситуация, когда подсудимый признает себя виновным частично.
3. Ситуация, когда подсудимый меняет свои показания на протяжении всего судебного следствия.
4. Ситуация, когда подсудимый не признает себя виновным и полностью отрицает свою причастность к совершенному преступлению.

Возможны и более частные варианты указанных ситуаций². Выделенные ситуации предлагается решать следующим образом.

1. Ситуация, когда подсудимый признает себя виновным полностью, встречается в 28% случаев по изученным нами материалам судебной практики.

---

¹ См.: Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: Учеб. пособие. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2000; Клименко И.И. Проблемы расследования и судебного следствия по делам о разбойных нападениях, совершенных организованными группами с проникновением в охраняемые помещения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001; Беспечный О.В. Теоретические и практические проблемы расследования преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2003; Корчагин А.А. Расследование убийств, связанных с исчезновением лиц женского пола: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2003; Псарева Б.В. Расследование корыстно-насильственных преступлений в отношении водителей автотранспорта, пассажиров и перевозимых грузов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2003; Румянцева И.В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. – С. 75-102 и др.

² См., напр.: Конин В.В. Тактика защиты подсудимого в суде I инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2003; Румянцева И.В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. – С. 112.

Подобные ситуации складываются, когда в деле имеется достаточно данных, свидетельствующих о причастности подсудимого к совершенному преступлению. Чаще всего эти ситуации являются следствием криминалистических ситуаций, которые имели место на стадии предварительного расследования, когда обвиняемый с самого начала признавал свою вину и активно помогал следствию. Своей позиции он придерживается и на судебном следствии.

В таких ситуациях государственному обвинителю очень важно акцентировать внимание на детализации показаний подсудимого относительно обстоятельств совершенного преступления, применяя криминалистический метод детализации преступного события. Это есть «специальный метод познания закономерностей совершения преступлений, который применяется в ходе предварительного и судебного следствия и основан на учете и выделении мелких деталей и отдельных частей как следов-последствий содеянного, причинно связанных с расследуемым событием преступления. Наличие или отсутствие мелких деталей, отдельных частей как следов-последствий содеянного, в таком случае выступает как средство познания происшедшего события преступления и как судебное, прямое или косвенное доказательство по уголовному делу»¹.

Применительно к судебному следствию суть указанного метода заключается в том, что участники процесса, анализируя криминальную и криминалистическую ситуации, обязаны обращать внимание на мелкие, на первый взгляд несущественные детали. В частности, в ходе допроса подсудимого должны быть выяснены вопросы, касающиеся элементов криминалистической характеристики преступления. Кроме того, государственный обвинитель должен выяснить все детали относительно предмета доказывания, указанные в ст. 73 УПК РФ.

---

¹ См.: Гавло В.К. Метод криминалистической детализации преступного события и его роль в расследовании преступлений // Актуальные вопросы государства и права: Сб. статей. – Томск, 1987. – С. 233-234.

При допросе других участников судебного следствия (потерпевшего, свидетеля, гражданского истца и т.д.) как в анализируемой ситуации, так и в остальных ситуациях, указанных выше, нередки случаи, когда участники, вызванные в суд, меняют свои показания, данные на предварительном следствии. В этом случае суд обязательно должен устанавливать причину такого искажения информации.

Одним из самых распространенных следственных (судебных) действий является допрос свидетеля. В зависимости от формируемых показаний этого участника процесса относительно подсудимого, И.В. Румянцева выделяет три типовые ситуации, характерные для судебного следствия:

1. Ситуация активной защиты подсудимого путем дачи положительных характеристик его личности, когда свидетель (близкие родственники, лица) испытывают к нему жалость, сочувствие и т.д.

2. Ситуация пассивной защиты, когда свидетель (как правило, безразличный к судьбе подсудимого, не относящийся к близким для него лицам, или, наоборот, близкий, но отчаявшийся в его исправлении) дает безоценочную и неэмоциональную констатацию фактов, известных из его биографии, помогая его защите только фактом своего присутствия в суде.

3. Ситуация, в которой свидетель по различным мотивам дает отрицательную характеристику подсудимого, причем как правдивую, так и не отвечающую действительности¹.

Выделенные ситуации имеют практическое значение, так как могут помочь в анализе поведения свидетеля при даче своих показаний на этапе судебного следствия.

В частности, судебная практика показывает, что в первой ситуации свидетели, как правило, заинтересованы в судьбе подсудимого, поэтому открыто его защищают и приукрашивают события, имевшие место в действительности.

---

¹ Румянцева И.В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. – С. 114.

Так, в судебном заседании по делу о заказном убийстве директора птицефабрики «Молодежная» Сироты М.М. подсудимый Мануйлов утверждал, что потерпевший расплатился с ним лично по всем долгам за строительство дороги еще в апреле 2000 г., поэтому каких-либо претензий материального характера у него к директору птицефабрики не было, в связи с чем отсутствовали основания для высказывания угроз в адрес Сироты, а также мотив для организации его убийства.

Эти доводы Мануйлова в судебном заседании подтвердили зять Мануйлова – Речкин, а также свидетели со стороны защиты Скрыниченко, Колесникова и Волокитин.

Однако их доводы были опровергнуты материалами дела и свидетельскими показаниями Мурыгина, Халилова и других работников птицефабрики. Было установлено, что какие-либо бухгалтерские документы, подтверждающие факт выплаты Сиротой Мануйлову суммы в 200 тыс. рублей наличными, как это пытался представить Мануйлов, отсутствуют. Личные отношения между Сиротой и Мануйловым из деловых переросли в конфликтные в связи с принципиальной позицией потерпевшего и его отказом Мануйлову заплатить деньги за строительство дороги, из-за чего последний систематически звонил Сироте, требовал деньги, угрожал, направлял лиц криминальной направленности с требованием вернуть денежный долг.

В собственноручном заявлении, адресованном прокурору Алтайского края, датированном 25 июня 2000 г. Мануйлов, поясняя о злоупотреблениях Сироты как директора птицефабрики, указывал и о том, что последний не выплатил ему деньги за строительство дороги, что в очередной раз опровергало его же показания и показания свидетелей.

В связи с изложенным судебная коллегия критически отнеслась к показаниям Мануйлова и его свидетелей. В своем приговоре указала, что свидетели дали показания в пользу Мануйлова, т.к. заинтересованы в благополучном для Мануйлова исходе дела, находясь с последним не только в деловых,

но и дружеских отношениях, а также в дружеских отношениях с членами его семьи¹.

В то же время нередки случаи, когда свидетель дает крайне негативную оценку подсудимому, которая не всегда соответствует действительности.

Так, Постановлением Президиума Верховного Суда РФ кассационное определение по уголовному делу в отношении Исакова, осужденного судом присяжных Алтайского краевого суда 24 октября 2003 г. по ряду тяжких преступлений, в том числе и за разбойное нападение на Бетенькова с применением оружия, а также покушение на убийство, сопряженное с разбоем, было отменено и направлено на новое кассационное рассмотрение.

Одним из оснований принятого решения явилось то, что в своей жалобе адвокат указывал на показания свидетеля обвинения Шатого, который не только крайне негативно отзывался о личности подсудимого, но и в нарушение ч. 8 ст. 335 УПК РФ сообщил присяжным заседателям о судимости Исакова².

В случае когда на судебном следствии суду не удастся выяснить у свидетеля обстоятельства, о которых он сообщал в ходе предварительного расследования либо когда свидетель не может присутствовать в судебном заседании, стороне обвинения следует заявить ходатайство об оглашении показаний свидетеля в порядке ст. 281 УПК РФ. При этом суду необходимо выяснить, вызвано ли отсутствие свидетеля уважительной причиной. При необходимости, суд должен отложить судебное заседание и в случае заявленного ходатайства одной из сторон, принять все меры по явке свидетеля в суд, вплоть до принудительного привода. Невыполнение указанных действий может привести к отмене приговора.

Так, Радюк и Холманов были осуждены судом присяжных за тяжкие преступления, в том числе и за убийство Махова. Однако в своих кассацион-

---

¹ Из практики Алтайского краевого суда за 2002 год.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 3 ноября 2004 г. № 556п04.

ных жалобах осужденные и их адвокаты просили приговор суда отменить, считая его основанным на недопустимых доказательствах. Одним из оснований они указывали на принятие решения судьей об оглашении показаний, данных на предварительном следствии свидетелем Ш., не явившейся в судебное заседание. При этом судья сослался на рапорты работников милиции и признал исключительными причины неявки в суд данного свидетеля.

Между тем кассационная инстанция установила, что при обсуждении заявленного ходатайства государственного обвинителя об оглашении показаний свидетеля Ш. рапорты работников милиции не исследовались. Об отсутствии рапортов в деле на момент рассмотрения ходатайства свидетельствует и сделанное адвокатом заявление при возражении на оглашение показаний свидетеля, отраженное в протоколе судебного заседания: «Государственный обвинитель не представил никаких доказательств, подтверждающих невозможность доставить Ш. на судебное заседание».

Кроме того, обсуждение и принятие решения по оглашению показаний свидетеля Ш. происходили 5 февраля 2004 г., а имевшийся в деле рапорт датирован 6 февраля 2004 г. и передан в суд по телефаксу 9 февраля 2004 г.

Таким образом, председательствующий при принятии решения сослался на документ, который не был предметом исследования в суде.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала решение об оглашении протокола допроса свидетеля Ш. незаконным, приговор отменила, а дело направила на новое судебное рассмотрение¹.

После допросов подсудимых и свидетелей при разрешении рассматриваемой ситуации судебного следствия исследуются материалы уголовного дела, обстоятельства, характеризующие личность подсудимого.

---

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 июня 2004 г. № 4-О04-74сп.

2. Ситуации, когда подсудимый признает себя виновным частично.

По исследованным делам такие ситуации составили около 50%. Для более детального рассмотрения выделенную ситуацию можно подразделить на две частные:

1. Когда признаки преступления, несмотря на отрицание их подсудимым, находят свое подтверждение в материалах дела и устанавливаются в суде.

2. Когда признаки преступления, которые отрицает подсудимый, в суде не подтверждаются.

Разрешая первую из вышеуказанных ситуаций, стороне обвинения, прежде всего, необходимо в ходе допроса подсудимого выяснить, какие обстоятельства он признает, а какие отрицает и почему. В случае расхождения показаний, данных подсудимым в ходе предварительного расследования и в судебном следствии, стороной обвинения должно быть заявлено ходатайство об оглашении первоначальных показаний. После чего необходимо выяснить, давал ли подсудимый такие показания и как происходил допрос (соблюдались ли требования уголовно-процессуального закона, не было ли воздействия со стороны органов предварительного расследования и т.д.). Позиция подсудимого может быть опровергнута материалами дела, путем проведения допросов потерпевших, свидетелей, а также проведения иных судебных (следственных) действий.

Следует заметить, что по поводу целесообразности проведения в ходе судебного следствия судебных (следственных) действий в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе высказывались различные мнения¹.

---

¹ См., напр.: Воробьев Г.А. Тактические особенности судебного осмотра места происшествия // Актуальные проблемы государства и права. Уголовное право, уголовный процесс, криминалистика. Кн. 1. – Краснодар, 1976. – С. 75-77; Бозров В.М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1999; Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 33-40; Кореневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. – М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2001. – С. 142-189 и др.

Полагаем, ответ здесь должен быть положительным, тем более что УПК РФ предусматривает такие возможности. В то же время, при проведении судебных (следственных) действий в рамках судебного разбирательства нужно исходить из потребностей, возможностей, а самое главное – процессуального порядка их производства. Это подтверждается и нашими исследованиями. Опрошенные судьи указали на то, что у 85% из них не возникает необходимости в проведении судебных (следственных) действий (за исключением допроса), 88% никогда в своей практике их не проводили, 5% – назначали экспертизу, 4% – проводили осмотр места происшествия, 3% – проводили освидетельствование.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что судьи в ходе судебного разбирательства очень редко проводят судебные (следственные) действия. Конечно, не следует забывать, что в условиях судебного разбирательства и с позиции уголовно-процессуального закона производство некоторых судебных (следственных) действий затруднительно, а порой даже не возможно.

Если проанализировать УПК РФ, то можно сделать следующие выводы:

1. Законодатель прямо разрешает проводить в ходе судебного разбирательства ряд судебных (следственных) действий, таких, как осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, допрос, предъявление для опознания, производство судебной экспертизы.

2. Такие судебные (следственные) действия, как обыск (в том числе и личный), выемка, очная ставка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, эксгумация, проверка показаний на месте, получение образцов для сравнительного исследования, контроль и запись переговоров в гл. 37 УПК РФ не названы, но, полагаем, по смыслу закона, не запрещены.

В частности, в ч. 1 ст. 86 УПК РФ закреплено, что **«собираание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных**

и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом (выделено нами. – Д.К.)».

В то же время, учитывая цели и процессуальный порядок производства указанных выше действий, следует констатировать, что некоторые из них на этапе судебного следствия проводить нецелесообразно. Например, обыск и выемку, т.к. судом необходимые материалы или документы на основании определения или постановления могут быть истребованы и приобщены к материалам дела (ст. 286 УПК РФ).

Необходимо отметить, что проведение судебных (следственных) действий в рамках судебного следствия сопряжено с организационными проблемами (ситуации с элементами организационной неупорядоченности), кроме того, следует строго соблюдать установленный законом процессуальный порядок их производства. Невыполнение последнего требования влечет за собой отмену судебного решения.

Так, в своих кассационных жалобах осужденные судом присяжных к длительным срокам лишения свободы за убийство Махова Радюк и Холманов и их адвокаты просили приговор отменить, считая его основанным на недопустимых доказательствах. В частности, они указывали на то, что заключение судебно-медицинского эксперта является недопустимым доказательством, так как дано по наводящим вопросам председательствующего.

Анализ протокола судебного заседания показал, что во время допроса эксперта-биолога в суде в присутствии присяжных заседателей содержание вопросов председательствующего предопределяло выводы эксперта.

«Вопрос председательствующего судьи эксперту:

– Результаты не исключают происхождение пота Радюка или Петрова, либо от смешения пота Радюка и Петрова, а от Холманова он произойти не мог?

Ответ: – Да.

Вопрос:

– В пятнах крови на горлышках бутылок № 4 и № 5 обнаружены пятна крови с примесями пота, которые не исключают происхождение от Холманова, а от Петрова они произойти не могли?

Ответ: Да, верно».

Таким образом, вышеуказанная выдержка из протокола судебного заседания свидетельствует о том, что председательствующий фактически не задавал вопросы, а высказывал свое суждение, с которыми согласился эксперт.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор отменила, а дело направила на новое судебное рассмотрение¹.

Возвращаясь к разрешению ситуации судебного следствия, когда вмененные подсудимому признаки преступления не находят свое подтверждение в суде полностью либо частично, суд (в зависимости от ситуации) должен исключить их из объема обвинения либо переквалифицировать действия подсудимого на менее тяжкое преступление.

Так, в приговоре суда действия Мануйлова, обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ были переквалифицированы на ч. 4, 5 ст. 33, а также п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как подстрекательство и пособничество в убийстве, т.е. в умышленном причинении смерти другому человеку, совершенному по найму. При этом суд исключил из обвинения квалифицирующий признак «из корыстных побуждений» как излишне вмененный.

Суд, мотивировав свое решение, указал на то, что по смыслу ч. 3 ст. 33 УК РФ, организатор преступления должен выполнять организационные функции с начала приготовления преступления и до его завершения, при этом решать вопросы, касающиеся способа и орудий преступления, подыскания соучастников, их сплочения, определения места совершения преступле-

---

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 июня 2004 г. № 4-О04-74сп.

ния и других обстоятельств совершенного преступления. Однако выполнение Мануйловым таких организационных функций при убийстве Сироты не усматривается.

Из материалов дела установлено, что Мануйлов при посредничестве Березовского лишь нанял исполнителя предполагаемого убийства – Тарлыкова, предложив совершить убийство Сироты, пообещав за это деньги, т.е. за материальное вознаграждение, на что Тарлыков согласился. Тем самым Мануйлов выступил подстрекателем к убийству Сироты по найму. Кроме того, Мануйлов передал Тарлыкову информацию о жертве – об анкетных данных, месте работы, должности и месте жительства Сироты, о наличии фотографии потерпевшего на стенде в здании птицефабрики, выступив при этом пособником в убийстве Сироты по найму.

Осуществляя «заказ» на убийство Сироты, Мануйлов руководствовался корыстными побуждениями – стремлением извлечь материальную выгоду, однако корыстный мотив его действий полностью охватывается квалифицирующим признаком того же преступления – по найму, и дополнительной квалификации его действий в этой части не требуется.

Отказались от обвинения Мануйлова в части данного квалифицирующего признака и представители государственного обвинения.

3. Ситуация, когда подсудимый меняет свои показания на протяжении всего судебного следствия.

Такие ситуации по исследованным делам встречаются достаточно редко (около 5%). В этих ситуациях многое зависит от системы доказательств, собранных на этапе предварительного расследования. В ходе каждого допроса подсудимого необходимо как можно более подробно детализировать его показания, выясняя причину их изменения. Его показания должны сопоставляться с другими, в первую очередь, прямыми доказательствами, подтверждающими виновность подсудимого в совершении преступления.

Для упрочения позиции обвинения в некоторых случаях целесообразно проводить судебные (следственные) действия, руководствуясь рекомендациями, изложенными при рассмотрении предыдущей ситуации.

4. Ситуация, когда подсудимый не признает себя виновным и полностью отрицает свою причастность к совершенному преступлению.

По нашим данным, такие ситуации составили 27%. Указанную ситуацию можно подразделить на два вида:

а) когда подсудимый не признает себя виновным, полностью отрицает свою причастность к совершенному преступлению и в суде данные предварительного следствия не подтверждаются;

б) когда подсудимый не признает себя виновным, полностью отрицает свою причастность к совершенному преступлению, но в суде данные предварительного следствия подтверждаются полностью или частично.

Такие ситуации, как показывает практика, складываются в тех случаях, когда подсудимый считает, что в материалах дела нет достаточных доказательств, свидетельствующих о его виновности, либо при собирании доказательств были допущены нарушения уголовно-процессуального закона. Система доказательств основывается преимущественно на косвенных доказательствах.

Выделенные ситуации, как правило, – результат некачественного проведения расследования, они зачастую не могут быть восполнены в ходе судебного следствия и, как итог, выносятся оправдательный приговор.

Что касается путей разрешения указанных ситуаций, то они будут даны ниже, при анализе следующей группы ситуаций судебного следствия.

Классификационным основанием этой группы ситуаций являются данные предварительного расследования, находящие или не находящие свое

подтверждение в суде¹. С учетом изложенного можно выделить следующие ситуации, характерные для судебного следствия, и предложить общие алгоритмы их разрешения:

1. Данные предварительного расследования в суде подтверждаются полностью. Для этих ситуаций характерно то, что версия обвинения полностью доказана материалами дела в ходе судебного следствия, а элементы состава преступления и доказательства, отраженные в обвинительном заключении (обвинительном акте) подтвердились в суде. По нашим данным, эти ситуации встретились в 60% от общего числа дел по корыстно-насильственным преступлениям, рассмотренных в суде первой инстанции.

Для государственного обвинителя в этой ситуации важно представить суду убедительную систему доказательств, свидетельствующих о совершении подсудимым преступления. В своих выступлениях он должен акцентировать внимание на доказательствах об умышленном характере совершенного преступления. Отраженные в обвинительном заключении, эти обстоятельства чаще всего устанавливаются в суде следующими алгоритмами действий: посредством допроса подсудимых, свидетелей, потерпевших, экспертов и других участников судебного заседания, предъявлением для опознания вещей, предметов, людей, осмотром вещественных доказательств и т.д.

Состязательный процесс предполагает высокую активность государственного обвинителя и профессиональной защиты. Государственный обвинитель должен предвидеть возможные контрдействия защиты, которые могут проявляться в предоставлении новых доказательств, выдвижении новых версий произошедшего события, заявлении ходатайств, подачи жалоб и т.д.

---

¹ Придерживаясь аналогичного мнения, О.Н. Коршунова выделяет пять групп ситуаций, складывающихся в суде первой инстанции, и предлагает пути их решения применительно к деятельности государственного обвинителя. См. подробнее: Коршунова О.Н. Действия государственного обвинителя в зависимости от ситуаций, складывающихся в суде первой инстанции при рассмотрении дела // Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 59-67; Она же. Теоретические и прикладные проблемы уголовного преследования: Монография. – СПб., 2006. – С. 138-143.

Защита в данной ситуации решает следующие задачи.

Во-первых, исследование всех существенных обстоятельств дела с учетом позиции обвинения.

Во-вторых, установление характера, пределов и степени виновности подсудимого. (В случае соучастия – необходимо дать сравнительный анализ степени виновности подзащитного с другими подсудимыми).

В-третьих, дать анализ личности подсудимого, его нравственного облика, поведения на следствии и в суде.

Не следует забывать и о случаях самоговора (оговора) или дачи показаний вследствие неправомерных действий органов предварительного расследования. В данном случае возникает проблемная ситуация, в процессе которой необходимо выяснить причины возможного оговора, на котором строится обвинение.

Так, в процессе судебного разбирательства по обвинению Басинского и Можарского в совершении разбойного нападения на Белозерова было установлено, что «участие» Можарского стало возможным в результате оговора Басинского и дачи ложных показаний свидетелями Ходыревым и Плотниковым. Впоследствии Можарский был оправдан¹.

2. Данные предварительного расследования в суде подтверждаются частично. При этом могут быть изменения по объему обвинения, исключение некоторых эпизодов преступной деятельности, не нашедших своего отражения в судебном следствии, изменение обвинения на менее тяжкое (но в пределах квалификации статьи УК), неподтверждение некоторых признаков преступления. Исследования показали, что чаще всего в суде не подтверждаются данные о мотивах (23%), обстановке преступления (10%), действиях преступника, направленных на подготовку к преступлению (14%), его сокрытие (10%), в 5% не подтвердились данные о субъекте преступления.

Государственному обвинителю в первую очередь необходимо представить убедительную систему доказательств причастности подсудимого к пре-

---

¹ Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула. Д. № 1-675.

ступлению. Для этого следует акцентировать внимание на протоколах осмотра места происшествия, допросов свидетелей и потерпевших, заключениях экспертов. Если приведенные доказательства взаимно дополняют друг друга и версия обвинения подтверждается, необходимо представить суду доводы, относительно мотива и цели совершения преступления подсудимым.

После этого целесообразно в процессе допроса подсудимого акцентировать внимание на установление формы его вины и обстоятельства совершенного преступления.

Защита в свою очередь в этой ситуации тщательно исследует следующие важные вопросы:

1. Насколько безупречны и качественны источники доказательств, положенные следствием в основу обвинения?
2. Уделено ли внимание личности подсудимого, его нравственному облику.
3. Правильно ли квалифицированы действия подсудимого и были ли основания у органов предварительного расследования рассматривать его действия иначе?

Этому вопросу следует уделить пристальное внимание, разобраться в нем серьезно, ибо от его решения будет зависеть правовая оценка, законность и обоснованность приговора, его соответствие собранным по делу доказательствам, юридическая безупречность.

Так, Скворцов и Жилкин обвинялись в совершении разбойного нападения на Белозерова и Заламаеву при следующих обстоятельствах: около 18 часов обвиняемые, вооружившись пистолетом и топором, остановили машину, на которой ехали потерпевшие, после чего, угрожая расправой, забрали у них золотые изделия на общую сумму свыше 500 долларов США.

В процессе расследования Жилкин свою вину признал полностью, а Скворцов от дачи показаний отказался.

В судебном заседании оба подсудимых свою вину не признали, а в кассационной жалобе указали, что при расследовании и судебном рассмотрении

уголовного дела не были учтены некоторые, на их взгляд, важные обстоятельства совершения преступления.

В кассационной инстанции действительно ряд обстоятельств не подтвердилось, поэтому в своем определении суд кассационной инстанции указал, что действия подсудимого Скворцова следует квалифицировать по п. «б», «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ – разбой, т.е. нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с угрозой применения такого насилия, совершенный неоднократно, с применением предметов, использованных в качестве оружия. Действия Жилкина – по ст. 213 УК РФ, как грубое нарушение общественного порядка, сопровождавшееся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, совершенное с применением предметов, используемых в качестве оружия.

При этом суд исключил из обвинения признаки «группой лиц по предварительному сговору» и «лицом, ранее два раза судимым за хищения» как не установленные в ходе судебного заседания¹.

3. Данные предварительного расследования в суде не подтверждаются. Такая ситуация складывается чаще всего при неполноте предварительного следствия либо когда суд придет к выводу, что подсудимый совершил иное преступление (предусмотренное другой статьей УК РФ).

В этих ситуациях сегодняшние условия, при которых осуществляется судебное разбирательство, создают, на наш взгляд, серьезные ограничения для отправления правосудия и решения задач уголовного судопроизводства.

Так, до 1999 г. суд имел право возвращать дело на дополнительное расследование по основаниям, указанным в ст. 232 УПК РСФСР.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 20.04.1999 г. указал, что «...положения п.п. 1 и 3 ст. 232 и ч. 1 ст. 258 УПК РСФСР, как возлагающие на суд обязанность в случае невозможности в судебном заседании неполноты расследования, а также при наличии оснований

---

¹ Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула. Д. № 1-762/97.

для предъявления обвиняемому другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении, признать несоответствующими Конституции РФ»¹.

Данное постановление было совершенно оправданным и продиктовано принципом состязательности, в соответствии с которым суд не вправе брать на себя функции обвинения и уголовного преследования.

Тем не менее в этом же постановлении Конституционный Суд РФ предусмотрел норму, в соответствии с которой суд имел право возвращать уголовное дело на дополнительное расследование по мотивам неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, если имелись об этом ходатайства сторон². Тем самым Конституционный Суд РФ давал возможность сторонам (обвинению и защите) самим, с учетом исследованных в суде материалов, решать вопрос о возможности возвращения уголовного дела на дополнительное расследование. При этом Конституционный Суд РФ указал, что «с точки зрения интересов защиты возвращение дела для производства дополнительного расследования в таких случаях не является необходимым, поскольку при полной или частичной недоказанности, а также сомнительности обвинения защита вправе рассчитывать на признание подсудимого виновным в менее тяжком преступлении, чем ему вменяли органы расследования...»³.

Обобщение практики свидетельствует о том, что в суде всегда возникали и продолжают возникать ситуации, в которых получение новых данных не представляет особой сложности, но эти данные не могут быть положены в

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 г. по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой, статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 17. – Ст. 2205.

² Там же.

³ Там же.

основу приговора, пока не приобретут статус доказательств в процессе предварительного расследования.

Примером может служить уже упоминавшееся дело в отношении Шмелева А.Г., обвинявшегося по ч. 2 ст. 145 УК РСФСР (грабеж). В ходе судебного заседания при выяснении личности подсудимого Шмелев заявил, что он Андрей, а обвинение предъявлено Алексею. У него есть родной брат Алексей, который был ранее судим. Хотя в деле и имелась дактилоскопическая карта с отпечатками пальцев и ладоней, принадлежащих якобы Шмелеву Алексею, суд в своем определении указал, что она не может являться документом, удостоверяющим личность подсудимого, а других документов (паспорта, формы № 1 и т.д.) в деле нет. На основании чего суд не мог в судебном заседании достоверно уточнить личность подсудимого, поэтому дело направил для производства дополнительного расследования¹.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ, принятый Государственной Думой 22.10.2001 г., вообще исключает возможность направления дела судом на дополнительное расследование в стадии судебного разбирательства. Такой подход законодателя, полагаем, ставит практические органы в затруднительное положение, так как суд вынужден рассматривать уголовное дело в рамках предъявленного обвинения даже тогда, когда всем будет ясно, что преступление имело место, но по различным причинам те или иные обстоятельства не нашли своего подтверждения в судебном заседании (даже в том случае, когда следует квалифицировать деяние как более тяжкое, например, с кражи на грабеж), либо вынужден прекращать уголовное дело.

Всем понятна позиция законодателя, но возникает вопрос – почему потерпевшие должны страдать за огрехи органов, осуществляющих уголовное преследование?

В связи с чем следует согласиться с мнением Ю.В. Корневского, считающего, что «при существующей сейчас в России структуре уголовного судопроизводства, когда судебному разбирательству предшествует предвари-

---

¹ Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула. Д. № 1-271/97.

тельное расследование, в задачи которого входит всестороннее и полное исследование обстоятельств дела, обойтись без института направления дела на дополнительное расследование вряд ли возможно»¹.

Это подтверждают и проведенные исследования. Так, из 50 опрошенных судей районных народных судов Алтайского края 47 отрицательно относятся к ограничению своих процессуальных полномочий (94%), а из 30 опрошенных судей – членов Президиума и коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда 26 человек (86,7%) также отрицательно высказались против нововведения и отметили появившиеся проблемы в процессе принятия решений, в том числе при кассационном и надзорном пересмотре уголовных дел².

Разрешая указанную проблему, М.Е. Пучковская предложила предусмотреть в нормах УПК РФ «право сторон ходатайствовать о возвращении дел на дополнительное расследование и, соответственно, обязанность суда разъяснять сторонам это право»³.

Полагаем, что приведенная позиция является правильной и нуждается в законодательном закреплении.

Еще одной проблемой судебного разбирательства является проблема неадекватности оценки участниками процесса судебной ситуации. Корни этого мы видим в следующем.

Деятельность суда предполагает как одно из требований дать точную квалификацию преступления. В уголовно-правовой литературе обращено внимание на то, что «в области права квалифицировать – значит выбрать ту правовую норму, которая предусматривает данный случай, – иными словами

---

¹ Кореневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. – С. 97; Гавло В.К., Дудко Н.А. Необходимость совершенствования института возвращения судом уголовных дел на дополнительное расследование // Известия Алтайского государственного университета. – 2001. – № 2(20). – С. 45-50.

² Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: Учеб. пособие. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2000. – С. 33.

³ Пучковская М.Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде I инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2004. – С. 24.

– подвести этот случай под общее правило»¹. Именно подведение под общее правило поневоле «огрубляет» восприятие действительности, лишает ее массы оттенков, что влечет за собой формализацию деятельности. В этой связи деятельность суда тяготеет к тому, что не всегда выясняется личностный смысл, которым руководствовался совершивший преступление и в котором отражается соотношение мотива деяния и его цели. В этом проявляется так называемая профессиональная деформация, нередко выражающаяся в обвинительном уклоне, в распространении на людей свойств, наблюдаемых у преступников. Ее трагичность заключается в том, что работники правоохранительных органов (к которым относятся и судьи) не осознают зависимости своего сознания и своих оценок от них. Опрошенные нами судьи (около 60%) указали на то, что уже на момент начала судебного разбирательства у них сложилась достаточно твердая позиция в отношении подсудимого, а 40% опрошенных почти определились с видом и размером наказания. Нередко это приводит к тому, что подсудимый в судебном разбирательстве не узнает той ситуации, участником которой он является, так как его действия содержали иной смысл, нежели тот, который был реконструирован в ходе судебного разбирательства. Помимо этого, как судьи, так и присяжные заседатели при оценке ситуации связаны с конкретным мировоззрением, существующим в той социальной группе, слое, классе, к которому он себя относят.

Для подтверждения сказанного проанализируем развитие криминалистической ситуации по следующему уголовному делу. При анализе целесообразно выделить несколько этапов развития ситуации расследования по делу об убийстве Турова.

Первый этап. Задержанный Рубаник показал, что он 1 октября около 21 часа возвращался от своей матери. Проходя мимо дома своего соседа Турова

---

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 1972. – С. 6; Уголовное право. Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. – М., 1997. – С. 9-13; Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова. – М., 1996. – С. 12-15.

увидел, что Туров и его знакомый Чаршин распивают спиртное. Во дворе дома между Рубаником и Чаршиным возникла ссора, в ходе которой Рубаник нанес последнему не менее 14 ударов ножом в области головы, лица, живота, верхних и нижних конечностей, от которых Чаршин скончался на месте.

Второй этап. В процессе предварительного расследования были проведены следственные и иные действия, направленные на установление обстоятельств совершенного преступления и личность виновного (осмотр места происшествия, допросы свидетелей, экспертизы, следственный эксперимент, очные ставки и т.д.). С самого начала следствие заняло обвинительную позицию. В материалах дела появились такие фразы, как «из личных неприязненных отношений», «будучи в нетрезвом состоянии», «возник умысел на убийство» и т.д. Такого рода клише часто встречаются в протоколах следственных действий. Они способствуют квалификации преступления, но, превратившись именно в клише, только в какой-то мере передают смысл происходящего и, тем более, побуждения участников. Они, скорее, отражают стереотипное восприятие событий, нежели помогают в каждом конкретном случае выявить всю полноту картины преступления. Поэтому это и придало событиям смысл, который понятен был лишь одной стороне.

Потерпевший превратился в положительного человека, хотя из материалов усматривалось, что он злоупотреблял спиртными напитками, был агрессивным и мог позволить себе «поучить» других при помощи силы.

Соседи и родственники Рубаника полагали, что он не мог завязать ссору, так как в состоянии опьянения оставался спокойным и контролировал свои действия.

Свидетель Туров давал противоречивые показания. Причину изменения своих показаний объяснял тем, что сначала жалел Чаршина, кроме того, к нему приезжали незнакомые мужчины и просили оговорить Рубаника, так как ему все равно «сидеть», но так как его «мучила» совесть все-таки решился рассказать правду.

Его показания совпадали с показаниями самого обвиняемого – Рубаника, который пояснил, что Чаршин первый начал оскорблять его, пытался «поучить молодого», ударил ломом, попавшимся «под руку», и он, защищаясь, нанес несколько ударов ножом.

Следователь не придавал этому значения и окончил дело, направив его в суд с обвинительным заключением по ст. 103 УК РСФСР (умышленное убийство без отягчающих обстоятельств). В ходе следствия не исследовались и нормы поведения, бытующие среди той группы населения, к которой принадлежали Рубаник и Чаршин. Конечно, они не могли оказать влияние на квалификацию, но они помогли бы установить не только причины, способствовавшие совершению преступления, но и, наверняка, убедили бы обвиняемого в неправомерности действий.

Третий этап. Именно такой обвинительный подход к следствию послужил основанием для направления дела на дополнительное расследование, по окончании которого оно вновь поступило в суд.

Четвертый этап. В судебном заседании государственный обвинитель в своей речи дал оценку ситуации с помощью обобщенных фраз типа «именно систематическое пьянство Рубаника привело к преступлению», «образ жизни подсудимого способствовал совершению преступления» и т.д.

Защитник построил свое выступление на «высвечивании» светлых пятен в биографии подсудимого, тем самым как бы принял позицию обвинения.

Вопросы судьи и народных заседателей касались в основном деталей, способных уточнить квалификацию. Не случайно речь прокурора и решение суда вызвали у осужденного протест, так как это был его образ жизни. В этой связи сложилось впечатление, что приговор излишне суров и поэтому несправедлив. Вследствие чего Рубаник подал кассационную жалобу, рассмотрев которую, Алтайский краевой суд оставил приговор без изменения (ст. 103 УК РСФСР) и назначил наказание – лишение свободы сроком на 9 лет в исправительной колонии общего режима¹.

---

¹ Архив Центрального районного суда г. Барнаула. Д. № 1-683.

Исследование других дел показало, что выявленное положение не редкость. Так, почти в 90% случаев осужденные и их защитники в кассационной жалобе указывали такие основания, как: необоснованность приговора, недостаточное рассмотрение всех обстоятельств дела, игнорирование судом смягчающих обстоятельств и т.д. В итоге это ведет к тому, что осужденные не убеждены в справедливости оценки, данной на суде, а значит, и в наказании. Следовательно, индивидуальный опыт словно подготавливает осужденного к негативному восприятию морального и нормативного сознания сообщества, складывающегося в местах лишения свободы.

Эту проблему, полагаем, может преодолеть суд присяжных, возродившийся в России как альтернативное судопроизводство с 1993 г. Анализ научной литературы и судебной-следственной практики показывает, что суд присяжных является определенным компромиссом между формальными нормами общества, закрепленными в законе, и социальными представлениями о их справедливости в обыденном сознании¹.

Суд присяжных примечателен тем, что двенадцать представителей народа самостоятельно решают вопрос о виновности подсудимого, а представители обвинения и защиты стараются доказать присяжным заседателям виновность или невиновность подсудимого. Так как это обычные люди, оценивающие деяние с позиции «суда улицы», то и обвинение и защита обращаются в первую очередь не к проблеме квалификации и даже не к анализу изобличающих или оправдывающих доказательств, а к обрисовке побудительных причин, толкнувших человека к нарушению закона. Поэтому разворачивающаяся перед присяжными картина «внутренней» жизни подсудимого помогает им понять побудительные силы поступка, а принимаемое ими решение отвечает и представлениям подсудимого о том же. В соответствии с чем ему уже труднее противиться решению суда как несправедливому.

---

¹ Суд присяжных: Пособие для судей. – М., 1994; Пашин С.А. Судебная реформа и суд присяжных. М., 1995; Радутная Н.В. Зачем нам нужен суд присяжных. – М., 1995; Немытина М.В. Российский суд присяжных: Учеб.-метод. пособие. – М., 1995 и др.

При вынесении «вердикта» присяжные заседатели оценивают ситуацию совсем по-другому, нежели профессиональные судьи, и даже не так, как народные заседатели, мнение которых зачастую совпадает с мнением судьи. В их оценке лежит иная ценностно-смысловая структура восприятия ситуации. В частности, основное значение играет внешний облик прокурора, защитника, подсудимого и других участников, а также их речь и поведение во время судебного разбирательства. Это подтверждают и исследования, проведенные Н.А. Яновой по заказу Алтайской краевой прокуратуры. Они показали, что основными смыслообразующими критериями восприятия прокурора присяжными являются следующие факторы:

- 1) профессионализм, поведение и внешние признаки;
- 2) осмотрительность в поведении;
- 3) волевой характер и прямота в общении;
- 4) восприятие убежденности прокурора в правоте;
- 5) активность в позиции;
- 6) умение быть интересным.

Главными же факторами обыденного сознания в восприятии присяжных является первый и четвертый¹. Причем для присяжных в фактор «успешности» (доверия) вошли не только профессионально значимые качества, отражающие объективность и справедливость обвинителя, но и внешние характеристики поведения, связанные с умением расположить к себе (симпатичность, обаятельность, интересность), и антропометрический показатель – рост. Прокурор высокого роста характеризуется присяжными принципиальностью, объективностью, но при этом не является чистосердечным. Таким образом, можно сделать вывод, что присяжные заседатели подсознательно проецируют внешние поведенческие характеристики на данные профессиональные качества и могут подменять одни другими². Это необходимо учиты-

---

¹ Янова Н.А. Социальный имидж прокурора в стереотипах обыденного сознания коллегии присяжных: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Барнаул, 1999. – С. 16.

² Там же. – С. 16-17.

вать всем участникам судебного разбирательства (прокурору, защитнику и т.д.). В связи с чем возникает вопрос о необходимости разработки методических и тактических рекомендаций для судебного разбирательства с учетом конкретных ситуаций и включения их в предмет криминалистики.

Развитие судебно-криминалистических ситуаций происходит и на иных стадиях уголовного судопроизводства. На этих стадиях фактически продолжается защита участниками судебного разбирательства своих интересов в новых процессуальных условиях. Этим обстоятельством во многом обусловлено единство целей и задач осуществляемой деятельности на стадиях **апелляционного, кассационного и надзорного производства**. Включение в ч. 4 ст. 377 УПК РФ нормы о том, что при рассмотрении дела в кассационном порядке суд вправе (по ходатайству стороны) непосредственно исследовать доказательства по правилам судебного следствия в суде первой инстанции (гл. 37 УПК РФ), позволяет констатировать вывод о фактическом тождестве апелляционного и кассационного порядка рассмотрения жалоб (представлений) участников уголовного процесса.

Хотя порядок производства в указанных стадиях во многом схож с порядком рассмотрения дел в суде 1 инстанции, при анализе судебно-криминалистических ситуаций, характерных для этих стадий, необходимо учитывать имеющиеся отличия не только в процессуальной форме, но и в тактике и методике судебного разбирательства.

Основанием к рассмотрению дела вышестоящим судом является принесенная участником уголовного судопроизводства, указанным в законе, жалоба (представление), в которой ставится под сомнение правосудность вынесенного нижестоящим судом решения, а также приводятся соответствующие доводы (мотивы). Именно учитывая этот критерий, полагаем, все судебно-криминалистические ситуации, в рамках их судебного рассмотрения присущие вышеназванным стадиям, можно подразделить на три:

1. Судебно-криминалистическая ситуация, в которой информация, изложенная в жалобе (представлении), в суде вышестоящей инстанции не находит своего подтверждения.

2. Судебно-криминалистическая ситуация, в которой информация, изложенная в жалобе (представлении), в суде вышестоящей инстанции находит свое подтверждение полностью.

3. Судебно-криминалистическая ситуация, в которой информация, изложенная в жалобе (представлении), в суде вышестоящей инстанции находит свое подтверждение частично.

Не останавливаясь подробно на решениях выделенных ситуаций, т.к. они во многом схожи с рассмотренными выше ситуациями судебного следствия в суде 1 инстанции, проанализируем лишь особенности, присущие этим ситуациям, а также итоговые решения, которые может принять вышестоящий суд.

Для всех анализируемых ситуаций характерно то, что инициаторы обжалования приговора и их представители могут представить с суд вышестоящей инстанции новые (дополнительные) материалы как до, так и во время рассмотрения дела (ч. 3 ст. 363, ч. 5 ст. 377, п. 3 ч. 2 ст. 404 УПК РФ). В интересах всей проверки материалы могут быть затребованы и самой апелляционной (ч. 1 ст. 364 УПК РФ) или кассационной (ч. 6 ст. 377 УПК РФ) инстанцией. Если дополнительные материалы представлены сторонами, они должны доказать суду кассационной инстанции невозможность их своевременного представления и исследования в суде 1 инстанции.

Следует отметить, что если при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции возможно проведение судебных (следственных) действий, направленных на получение новых доказательств, то в кассационной и надзорной инстанциях производство таких действий недопустимо.

Назначение новых материалов состоит в дополнительном подтверждении наличия или отсутствия в деле оснований для отмены обжалованных судебных решений. Представленные материалы должны оцениваться судом

только в совокупности с другими, уже имеющимися, доказательствами и материалами дела (ч. 7 ст. 377 УПК РФ).

Таким образом, можно констатировать, что в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях суду приходится сталкиваться как с ретроспективным, так и перспективным моделированием ситуаций (криминальной, криминалистической, судебно-криминалистической). Однако, если в апелляционном производстве суд и участники процесса могут более активно влиять на развитие сложившейся ситуации путем заявления ходатайства о вызове новых свидетелей, производстве судебной экспертизы, об истребовании вещественных доказательств и документов, в исследовании которых им было отказано судом первой инстанции (ч. 5 ст. 365 УПК РФ), то в кассационной и надзорной инстанциях как суд, так и участники процесса ограничены в своих действиях (ст. 377 и 407 УПК РФ) нормами закона.

В судебно-криминалистической ситуации, когда информация, изложенная в жалобе (представлении), в суде вышестоящей инстанции не находит своего подтверждения, суд выносит решение, в котором оставляет предыдущее судебное решение без изменения, а жалобы или представления – без удовлетворения (ч. 3 ст. 367, ч. 1 ст. 378, ч. 1 ст. 408 УПК РФ).

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев в судебном заседании уголовное дело по кассационным жалобам осужденных Тарлыкова О.А., Газенбуша О.В., Мануйлова Е.Д. и их защитников на приговор суда присяжных Алтайского краевого суда, установила следующее: при обстоятельствах, указанных в приговоре, осужденные признаны виновными в создании устойчивой вооруженной группы (банды) и участии в совершаемых ею нападениях. Кроме того, все трое признаны в убийстве директора птицефабрики «Молодежная» Сироты М.М.¹

В кассационных жалобах указывалось на незаконность приговора, ввиду того что он был постановлен на недопустимых доказательствах, в том числе противоречивых показаниях свидетелей, сфальсифицированных дока-

---

¹ Обстоятельства дела приводились в работе ранее.

зательствах следствия, грубых нарушениях уголовно-процессуального законодательства в суде и т.д.

При кассационном рассмотрении, проверяя материалы уголовного дела, ни один из доводов, изложенных в кассационных жалобах, не нашел своего подтверждения. С учетом этого Судебная коллегия оставила приговор без изменения, а кассационные жалобы без удовлетворения, указав, что «наказание осужденным назначено в соответствии с требованиями закона, с учетом характера и степени общественной опасности совершенных преступлений, данных о личности виновных, а также обстоятельств дела, является справедливым и оснований для его смягчения кому-либо из осужденных не имеется»¹.

При рассмотрении судебно-криминалистических ситуаций, в которых информация, изложенная в жалобе (представлении), в суде вышестоящей инстанции находит свое подтверждение полностью либо частично, следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Как показывают судебно-следственная практика и проведенные исследования, указанные выше ситуации возникают вследствие различного рода ошибок в восприятии ситуаций (криминальных, криминалистических, судебно-криминалистических) субъектами доказывания, ошибок, связанных с ненадлежащим порядком собирания доказательств, а в некоторых случаях и с нарушениями уголовно-процессуального закона.

Суд в таких ситуациях либо отменяет предыдущее (предыдущие) судебное решение (решения), либо изменяет его, а в некоторых случаях и прекращает уголовное дело.

В подтверждение сказанного можно привести следующий пример из практики. Валимухаметова была осуждена по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство Ардашировой и Каримовой. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах. При распитии спиртного между Валимухамето-

---

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 июля 2004 г. № 51-004-53 сп.

вой, Ардашировой и Каримовой возникла ссора, и Каримова ударила ладонью по голове Валимухаметову, а Ардаширова толкнула ее. В ответ Валимухаметова ударила ножом Каримову не менее четырех раз и не менее двух – в руку, причинив ей телесные повреждения, от которых Каримова скончалась на месте преступления. Затем Валимухаметова догнала убегавшую с места происшествия Ардаширову и ножом нанесла ей удары в грудь, поясницу, в руку и ногу. В результате причиненных телесных повреждений Ардаширова также скончалась на месте.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор оставила без изменения.

В надзорной жалобе адвокат Валимухаметовой поставил вопрос о пересмотре судебных решений, считая, что приговор основан на недопустимых доказательствах.

Президиум Верховного Суда РФ отменил судебные решения по следующим обстоятельствам.

Валимухаметова добровольно явилась в РОВД, где прокурор-криминалист составил протокол о ее явке с повинной. Однако в тот же день при допросе в качестве подозреваемой она пояснила, что обстоятельства, о которых она сообщила при явке с повинной, ею надуманы. От дальнейших показаний она отказалась, сославшись на ст. 51 Конституции РФ.

Допрошенная вновь в качестве подозреваемой с участием адвоката, Валимухаметова призналась в совершении ею убийства Каримовой и Ардашировой. При проверке показаний на месте преступления она подтвердила свои показания, указала, где конкретно, при каких обстоятельствах совершила убийство двух лиц.

Вместе с тем все показания от подозреваемой Валимухаметовой получены в отсутствие ее законного представителя. Валимухаметова являлась несовершеннолетней и согласно ст. 48 и ч. 1 ст. 426 УПК РФ законный представитель должен быть допущен к участию в уголовном деле с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве обвиняемого.

Мать осужденной была допущена в качестве законного представителя только спустя несколько дней. В постановлении о допуске к участию в уголовном деле в качестве законного представителя она записала: «С первых дней задержания моей дочери я и дочь просили допустить меня к следствию. Считаю, что допущена чрезмерно поздно».

Валимухаметова при допросе в качестве обвиняемой и в судебном заседании от данных ранее показаний отказалась, заявив, что убийства не совершала. Признание в убийстве и заявление о явке с повинной сделала под психологическим давлением сотрудников милиции. Что же касается отпечатков пальцев, обнаруженных на бутылке из-под пива, то за два дня до убийства она, сестра, Галиев и его брат ходили в тот же лес и тоже пили пиво.

Ни одна из судебных инстанций на это внимание не обратила, вопроса о допустимости первоначально полученных доказательств не обсудила, хотя защита об этом просила.

В связи с этим Президиум отменил приговор суда и определение Судебной коллегии и передал дело на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе судей¹.

В этой и подобных ситуациях достаточно хорошо видно, что на стадии предварительного расследования были допущены ошибки, связанные с собиранием доказательств, а также не были опровергнуты показания подозреваемой. Органы, осуществляющие предварительное расследование, оценив криминальную ситуацию, не установили все элементы криминалистической характеристики преступления. Не были точно поставлены цели и задачи, т.к. не была уяснена криминалистическая ситуация. В результате криминалистическая ситуация на этапе окончания предварительного расследования разрешена не была.

В судебном заседании ситуация усугубилась, приобрела более проблемный характер. В частности, суд не исследовал вопрос о допустимости ряда доказательств (показаний Валимухаметовой, данные в качестве подоз-

---

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 489п04 по делу Валимухаметовой.

реваемой и при проверке показаний на месте, а также явки с повинной), как того требует ст. 75 УПК РФ, имея в виду, что недопустимые доказательства не могут быть положены в основу обвинения, а также использованы для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Те же самые ошибки повторились при рассмотрении дела в кассационной инстанции, которая, как и суд 1 инстанции, сложившуюся криминалистическую ситуацию, переросшую к тому времени в судебно-криминалистическую, не разрешила.

Следствием этого явилась надзорная жалоба адвоката, рассмотрение уголовного дела в порядке надзора и отмена предыдущих судебных решений.

Полагаем, такого развития событий можно было избежать, если бы на каждой стадии уголовного процесса субъекты доказывания осуществляли свою деятельность, имея в своем арсенале соответствующие рекомендации по разрешению конкретных криминалистических ситуаций, позволяющие прогнозировать будущий результат. Работа в этом направлении нам кажется достаточно перспективной.

Реализация вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, а также разрешение судом вопросов, возникающих как при обращении их к исполнению, так и в ходе исполнения приговора является специфической задачей обязательной завершающей стадии уголовного судопроизводства – **стадии исполнения приговора**.

Начальным моментом этой стадии является вступление приговора (определения или постановления суда) в законную силу. Конечным моментом – исполнение наказания по приговору (либо определения или постановления суда). Протяженность во времени данной стадии по каждому уголовному делу индивидуальна и зависит от срока наказания, его вида и решений, принятых судом во время исполнения приговора.

Непосредственно исполнению приговора предшествует самостоятельная часть – обращение приговора к исполнению (ст. 393 УПК РФ), в ходе ко-

торой применение рекомендаций, разработанных криминалистикой, полагаем, не требуется.

В то же время, с учетом специфических черт, присущих указанной стадии, и в первую очередь вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора можно, на наш взгляд, выделить следующие судебно-криминалистические ситуации.

1. Судебно-криминалистические ситуации, возникающие при рассмотрении вопросов в суде, постановившем приговор (ч. 1 ст. 396 УПК РФ).

2. Судебно-криминалистические ситуации, возникающие при рассмотрении вопросов в суде по месту отбывания наказания осужденным (ч. 3 ст. 396 УПК РФ).

3. Судебно-криминалистические ситуации, возникающие при рассмотрении вопросов в суде по месту жительства осужденного (ч. 4 ст. 396 УПК РФ).

Каждая из трех ситуаций в свою очередь может быть подразделена на более частные:

- с учетом этапов рассмотрения;
- с учетом вопросов, подлежащих рассмотрению;
- а также участников, по чьей инициативе вынесен вопрос, подлежащий рассмотрению.

Возможны и другие основания классификации.

Разрешение указанных выше ситуаций происходит в рамках судебного заседания, порядок которого определен в ст. 399 УПК РФ. Следует отметить, что в судебном заседании исследуются представленные материалы, заслушиваются объяснения лиц, явившихся в судебное заседание, мнение прокурора. В случае, когда в судебном заседании участвует осужденный, он вправе знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять отводы, ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы.

Полагаем, что при осуществлении своей деятельности на этом этапе субъектам успешно можно использовать криминалистические рекомендации по разрешению ситуаций описанные выше, с учетом особенностей, характерных для стадии исполнения приговора. Кроме того, в соответствии со ст. 401 УПК РФ на постановление суда, вынесенное при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, могут быть поданы жалоба или представление в кассационном порядке, установленном гл. 45 УПК РФ (для которого характерны свои судебно-криминалистические ситуации). Исследования в этом направлении нам представляются достаточно перспективными, тем более что первые такие попытки уже предпринимаются¹.

Завершающей (исключительной) стадией уголовного процесса является **стадия возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств**. Несмотря на специфичность, ей также присуща ситуационность, что позволяет успешно применять рекомендации по выявлению и разрешению криминалистических ситуаций.

Так, для этапа возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (ст. 415 УПК РФ) можно использовать рекомендации по моделированию криминальных ситуаций, а также разрешению криминалистических ситуаций, характерных для стадии предварительного расследования.

Что же касается порядка разрешения судом вопроса о возобновлении производства по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (ст. 417 УПК РФ), то здесь вполне подойдут рекомендации по разрешению судебно-криминалистических ситуаций (в частности, на стадии производства в надзорной инстанции).

В зависимости от установления (доказанности) в суде новых или вновь открывшихся обстоятельств можно выделить две ситуации:

---

¹ См.: Алексеев А.Г. Вопросы теории и практики заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2005. – С. 20-21.

1. Материалы, изложенные в заключении прокурора, нашли свое подтверждение в суде.

2. Материалы, изложенные в заключении прокурора, не нашли свое подтверждение в суде.

В первом случае суд, рассмотрев заключение прокурора, принимает решение о его отклонении (п. 3 ст. 418 УПК РФ). Во втором случае отменяет приговор, определение или постановление суда и передает уголовное дело для производства нового судебного разбирательства (цикл судебно-криминалистических ситуаций повторяется) либо отменяет приговор, определение или постановление суда и прекращает уголовное дело (п. 1 ст. 418 УПК РФ).

Рассмотрев динамику судебно-криминалистических ситуаций на различных стадиях уголовного судопроизводства, можно сделать вывод о том, что ситуационный подход позволяет полно и всесторонне исследовать ситуации, складывающиеся на судебных стадиях уголовного судопроизводства с учетом их этапов и инстанций. Сами же судебно-криминалистические ситуации играют системообразующую роль в деятельности субъектов доказывания, что в свою очередь способствует рациональному решению разнообразных прикладных задач криминалистическими средствами, приемами и методами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование дает полное основание утверждать, что сегодня в криминалистике все больше обнажаются противоречия, заключающиеся не только в определении предмета науки, ее методологии, но и в ее категориальном аппарате, и только через призму общих закономерностей научного познания, внутренних тенденций развития науки можно понять те преобразования, в которых происходит постижение их сущностных характеристик.

Научная дискуссия относительно предмета криминалистики, развернувшаяся в последнее время, свидетельствует о том, что криминалистика претерпевает определенный кризис, свойственный всем наукам на определенном этапе, поднимающий их на более высокий уровень развития. Криминалистическая наука поднимается к более сложному (системному, теоретическому) уровню определения своего предмета, получая возможность объяснить избирательность поведения субъекта доказывания и его детерминацию не просто «внешними причинами» (следами преступления) или «внутренними основаниями» (опыт, знания и т.д.), а тем системным единством, которое порождается при взаимодействии субъекта с объектом.

Эмпиризм, свойственный наукам на ранних стадиях их становления, уходит, уступая место теоретическим конструктам, фиксирующим сложную («совмещенную», субъект-объектную) онтологию. При этом принцип отражения, понимавшийся как главный системообразующий принцип науки, сменяется другим, более системным – **кримосинергетическим**.

Перенос синергетических идей на криминалистику позволяет рассматривать все существующие на сегодняшний день в криминалистике теории в одной системе и на более высоком качественном уровне.

Криминалистика отреагировала на это появлением нового понятия – «криминалистическая ситуалогия», всплеском интереса к теории криминалистических (следственных) ситуаций. И это не случайно, ибо именно ситуаци-

онный подход является основополагающим и центральным при определении предмета криминалистики.

Таким образом, то, что сегодня происходит в криминалистике, есть нечто иное, как смена парадигмы, связанной с переопределением своего предмета как развивающейся системы, способной придать, в свою очередь, системность всему категориальному строю науки.

Исследуя с этих позиций предмет криминалистики и учитывая опережающее развитие ее теоретических структур и процессов (научная криминалистика) перед практикой по раскрытию, предварительному расследованию и предотвращению преступлений (практическая криминалистика), требуется определить ее систему знаний. В качестве такой криминалистической системы знаний, требующей дальнейшего изучения, на наш взгляд, выступают: с одной стороны – закономерности проявления механизма подготовки, совершения и сокрытия преступлений (преступная деятельность) с учетом криминальных ситуаций и создание криминалистической характеристики преступлений (преступной деятельности); с другой стороны – закономерности механизмов раскрытия, расследования и предотвращения преступлений и их судебного разбирательства в складывающихся криминалистических ситуациях, познание которых ведет к созданию типовых криминалистических характеристик предварительного расследования и судебного разбирательства преступлений как итоговой деятельности в осуществлении задач уголовного судопроизводства. Система развивающихся закономерных знаний о них позволяет разрабатывать на их основе более совершенные технические, тактические и методические рекомендации по эффективному обнаружению, фиксации, изъятию и использованию доказательств на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства в складывающихся криминалистических ситуациях, как того требует УПК РФ.

С точки зрения кримосинергетического подхода криминалистическая ситуалогия может быть представлена как общая криминалистическая теория, изучающая закономерности процессов возникновения и развития кримина-

листических ситуаций в целях создания научных основ и практических рекомендаций для решения задач уголовного судопроизводства специальными средствами, приемами и методами.

Информационная структура (база) криминалистической ситуалогии состоит, на наш взгляд, из данных, относящихся к криминалистической характеристике преступлений, криминалистической характеристике раскрытия, предварительного расследования и предупреждения преступлений, а также криминалистической характеристике судебного рассмотрения уголовных дел. Все эти характеристики взаимосвязаны, взаимообусловлены и составляют единую систему, пронизывающую все разделы криминалистики.

Рассматривая информационную структуру криминалистической ситуалогии более детально, полагаем, что криминалистическую характеристику преступлений можно определить как систему типичных сведений, раскрывающих основные черты преступления в ситуациях его подготовки, совершения и сокрытия.

Преступная деятельность, в широком смысле, понимается как динамическая система поведения субъекта преступления в окружающей среде, с ее закономерными для заданной ситуации следами-последствиями содеянного.

Механизм преступления представляет собой взаимодействующую систему элементов криминалистической характеристики преступлений, отражающую процесс подготовки, совершения и сокрытия преступления, приводящую к образованию следов, имеющих значение для решения задач уголовного судопроизводства.

Криминалистическая категория «личность преступника» как элемент криминалистической характеристики преступлений есть особое «системное качество» человека, характеризующее его как открытую, самоорганизующуюся систему. Именно благодаря такому качеству, как «личность», человек получает возможность взаимодействовать с окружающим его миром, менять свой образ жизни, стимулируя тем самым дальнейшее свое развитие. В связи

с чем следует говорить не о личности преступника, а о преступнике – лице, совершившем преступление.

Способ совершения преступления как элемент криминалистической характеристики преступления – это система действий (бездействия), направленных на достижение определенной цели, с присущими ей следами-последствиями содеянного, избираемая субъектом преступления в соответствии с его свойствами и сложившейся на данный период времени криминальной ситуацией.

Криминальная ситуация – это динамическая система, возникающая в определенных пространственно-временных рамках, при индивидуальном сочетании элементов преступной деятельности, с учетом их оценки субъектом преступления.

Криминалистическая характеристика раскрытия, предварительного расследования и предотвращения преступлений представляет собой систему обобщенных сведений, раскрывающих основные закономерные черты механизма расследования преступлений в складывающихся криминалистических ситуациях.

Криминалистическая методика выступает как специфическая информационно-познавательная система в деятельности по решению задач уголовного судопроизводства, рассчитанная на определенные ситуации досудебного и судебного производства.

Криминалистической деятельности присуща ситуационная природа, поэтому можно утверждать, что системообразующим фактором предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел являются криминалистические ситуации, что в свою очередь способствует рациональному решению разнообразных прикладных задач криминалистическими приемами и методами.

Саму же криминалистическую ситуацию можно определить как сложную динамическую систему информационного характера, которая возникает в деятельности по расследованию преступлений и их судебному разбира-

тельству, является ее результатом и, одновременно, новообразованием деятельности, определяющим ее дальнейшую организацию.

За понятием «криминалистическая ситуация» стоит не комплекс завязанных в систему элементов «объективной действительности» и не субъективный фактор. Ситуация – это то, что происходит между человеком и средой. Ситуация отличается от «среды», от всей окружающей человека «действительности», «объективной реальности» тем, что для описания последних достаточно четырех координат – три пространственных координаты и время. Ситуация же включает в себя еще как минимум три субъективных координаты – значение, смысл и ценность. С учетом этого структура криминалистической ситуации, полагаем, может быть представлена в виде двух тесно взаимосвязанных составляющих (характеристик). Первой составляющей является так называемая логико-формальная (формализованная) структура криминалистической ситуации, которая отражает природную (вне и независимо от человека существующую) взаимосвязь предметов и явлений. Помимо этой составляющей, ориентируясь на достижения современной психологии, можно выделить неформальную, ценностно-смысловую структуру криминалистической ситуации, которая характеризует соответствие природных свойств действующему человеку.

Неформальная, ценностно-смысловая структура (ЦСС) криминалистической ситуации – это структура ситуации, в которой как сами ее элементы (объективные обстоятельства по уголовному делу), так и их взаимосвязь оказываются детерминированными значениями, смыслами и ценностями, которые они имеют для субъекта доказывания.

Полагаем, многообразие криминалистических ситуаций требует их классификации по различным основаниям в целях решения теоретических и практических (прикладных) задач.

Трансформацию криминалистической ситуации в зависимости от этапов и задач уголовного судопроизводства необходимо учитывать в практической деятельности правоохранительных органов по раскрытию, предвари-

тельному расследованию, предупреждению преступлений и их судебному рассмотрению. Так, на разных этапах расследования преступлений конкретного вида (группы) существуют особые закономерности целеобразования, а также формирования смыслов элементов, которые составляют структуру криминалистической ситуации. Если на первоначальном этапе расследования криминалистическая ситуация характеризуется объективированностью процесса целеобразования, то на дальнейших этапах расследования на ее формирование оказывают решающее влияние субъективные факторы (опыт, установки, знания, умения и т.д.). Вышесказанное позволяет рассматривать деятельность субъекта доказывания не только с учетом целей, действий, операций, но и личностного смысла, который элементы криминалистической ситуации для него имеют.

От криминалистической ситуации следует отличать оперативно-розыскную ситуацию, которая понимается нами как сложная динамическая система информационного характера, возникающая в деятельности субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и влияющая на дальнейшую организацию этой деятельности в целях решения задач, стоящих перед оперативными аппаратами, путем применения ими специальных средств, приемов и методов. При всей схожести с криминалистической ситуацией она имеет и свои существенные отличия.

Основные же принципы методики расследования отдельных видов (групп) преступлений, на наш взгляд, должны строиться на знании закономерностей информационной структуры криминалистической ситуации, что позволит оптимизировать процесс раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В первую очередь это касается дальнейшей разработки компьютерного обеспечения поддержки принятия тактических решений на основе автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС).

Следует отметить, что тенденции развития криминалистической науки относительно своего предмета, ситуационная природа судебного производства, объективная потребность судей в рекомендациях тактического и методи-

ческого характера обуславливают активизацию исследований в области судебно-криминалистических ситуаций в целях оптимизации судебной деятельности.

При этом основной задачей ситуационного подхода на судебных стадиях уголовного процесса является типизация ситуаций, возникающих при реализации судом (судьей) своей деятельности, и создание алгоритмов их разрешения.

Судебная ситуация, в нашем понимании, является сложной динамической системой информационного характера, которая складывается в процессе осуществления судом (судьей) своей деятельности и влияет на решение суда и на перспективу по уголовному делу.

Криминалистическая характеристика судебного рассмотрения уголовных дел есть система обобщенных сведений, раскрывающих основные черты механизма судебного рассмотрения отдельных видов и групп преступлений с учетом его этапов и версий в складывающихся судебных ситуациях.

Анализ развития судебно-криминалистических ситуаций на различных стадиях уголовного судопроизводства приводит к выводу о том, что ситуационный подход позволяет полно, всесторонне исследовать ситуации, складывающиеся на судебных стадиях уголовного судопроизводства, с учетом их этапов и инстанций.

Представляется, что сформулированные положения окажутся полезными для дальнейших теоретических исследований и могут быть использованы не только в практической деятельности правоохранительных органов, но и в процессе обучения студентов, курсантов и слушателей юридических вузов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Законы, подзаконные акты и официальные документы

- 1.1. Конституция (Основной закон) Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. – СПб.: Альфа, 1995. – 64 с.
- 1.2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996 г.) (ред. от 21.07.2005 г.) [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Программа информационной поддержки российской науки и образования: Консультант Плюс: Высшая школа / справочные правовые системы. – 2005. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
- 1.3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.11.2001 г.) (ред. от 01.06.2005 г.) [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Программа информационной поддержки российской науки и образования: Консультант Плюс: Высшая школа / справочные правовые системы. – 2005. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
- 1.4. О милиции: Федеральный закон от 18 апреля 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 16. – Ст. 503; 1993. – № 10. – Ст. 360; № 32. – Ст. 1231; Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2964; 1999. – № 14. – Ст. 1666.
- 1.5. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349; 1997. – № 29. – Ст. 3502; 1998. – № 30. – Ст. 3613; 1999. – № 2. – Ст. 233.
- 1.6. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 (в ред. от 15.07.2005 г.) [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Программа информационной поддержки российской

науки и образования: Консультант Плюс: Высшая школа / справочные правовые системы. – 2005. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

- 1.7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 г. по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой, статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 17. – Ст. 2205.
- 1.8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. – Алматы, ТОО «Аян Эдет», 1998. – 224 с.
- 1.9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. – 2-е изд., испр. и доп. – Мн.: Тесей, 2001. – 360 с.
- 1.10. О порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд: инструкция // Приказ ФСАП России, ФСБ, МВД, ФСО, ФПС, ГТК, СВР России от 13 мая 1998 г. – № 175/226/336/201/286/410/56.

2. Книги и монографии

- 2.1. Аббасова И.С., Кручинина Н.В. Шиканов В.И. Время как базисный элемент криминалистически значимой информации о событии преступления. – Иркутск, 1994. – 232 с.
- 2.2. Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. – М.: Юнити-Дана, 2000. – 207 с.
- 2.3. Абызов Р.М. Типология личностных деформаций несовершеннолетних преступников: Монография. – Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2002. – 236 с.
- 2.4. Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.

- 2.5. Азаров В.А., Супрун С.В. Охрана имущественных интересов личности в сферах оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности: Монография. – Омск: ОА МВД России, 2001. – 268 с.
- 2.6. Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. статей: В 3 ч. Ч. 1: Вопросы уголовного судопроизводства. – М.: Академия управления МВД России, 2004. – 124 с.
- 2.7. Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. статей: В 3 ч. Ч. 2: Вопросы современной криминалистики. – М.: Академия управления МВД России, 2004. – 226 с.
- 2.8. Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. статей: В 3 ч. Ч. 3: Вопросы теории и практики судебной экспертизы. – М.: Академия управления МВД России, 2004. – 112 с.
- 2.9. Александров А.С., Гришин С.Н. Перекрестный допрос. – М.: ТК Велби, Проспект, 2005. – 296 с.
- 2.10. Александров А.С., Ковтун Н.Н. Апелляционное производство в уголовном процессе России: Учеб. пособие. – Н. Новгород: Нижегородский юрид. ин-т МВД России, 2000. – 84 с.
- 2.11. Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. – М., 1991. – 248 с.
- 2.12. Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики. – М.: «ЛексЭст», 2001. – 112 с.
- 2.13. Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. – М., 1964. – 224 с.
- 2.14. Арцишевский Г.В. Выдвижение и проверка следственных версий. – М., 1978. – 104 с.
- 2.15. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 768 с.

- 2.16. Асмолов А.Г. Психология личности: Принцип общепсихологического анализа. – М.: «Смысл», ИЦ «Академия», 2002. – 416 с.
- 2.17. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 210 с.
- 2.18. Ахпанов А.Н., Кусаинов Ш.К. Привлечение в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: Монография. – Караганда: Караганд. юрид. ин-т МВД Респ. Казахстан, 2005. – 183 с.
- 2.19. Баев О.Я. Тактика следственных действий. – Воронеж: НПО «Модек»1995. – 224 с.
- 2.20. Бахин В.П., Карпов Н.С., Цымбал П.В. Преступная деятельность: понятие, характеристика, принципы, изучение: Монография / Под ред. П.В. Мельника. – Киев, 2001. – 275 с.
- 2.21. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. – М.: Юрид. лит., 1991. – 205 с.
- 2.22. Белкин А.Р. Криминалистические классификации. – М.: Мегатрон, 2000. – 223 с.
- 2.23. Белкин А.Р. Теория доказывания: Науч.-метод. пособие. – М.: НОРМА, 1999. – 429 с.
- 2.24. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: НОРМА, 2001. – 240 с.
- 2.25. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. – М.: Юрид. лит., 1987. – 272 с.
- 2.26. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. – М., 1988. – 304 с.
- 2.27. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М.: БЕК, 1997. – 342 с.
- 2.28. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – 406 с.
- 2.29. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. – М.: Юристъ, 1997. – 464 с.

- 2.30. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997. – 480 с.
- 2.31. Белкин Р.С. Очерки криминалистической тактики. – Волгоград, 1993. – 200 с.
- 2.32. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. – М.: Наука, 1966. – 296 с.
- 2.33. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. – М., 1969. – 264 с.
- 2.34. Беляков А.А. Криминалистическое взрывоведение. – Красноярск: Универс, 2003. – 472 с.
- 2.35. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. – М.: Наука, 1973. – 270 с.
- 2.36. Большой толковый психологический словарь. – М.: Изд-во «Вега-Акт», 2000. – 548 с.
- 2.37. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: «Большая Российская энциклопедия»; СПб.: «Норинт», 2002. – 1456 с.
- 2.38. Букаев Н.М., Малышев В.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений. – Томск: Печатная мануфактура, 2001. – 144 с.
- 2.39. Вандышев В.В. Связь «жертва – преступник» и ее использование в раскрытии и расследовании умышленных тяжких телесных повреждений. – М., 1987.
- 2.40. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 72 с.
- 2.41. Васильев А.Н. Следственная тактика. – М.: Юрид. лит., 1976. – 197 с.
- 2.42. Васильев А.Н. Советская криминалистика. – М.: Знание, 1979. – 47 с.
- 2.43. Васильев А.Н., Мудьюгин Г.Н., Якубович Н.А. Планирование расследования преступлений. – М.: Госюриздат, 1957. – 199 с.
- 2.44. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 143 с.

- 2.45. Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. – М., 1980. – 191 с.
- 2.46. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого: (Понятие, предмет и методика изучения). – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. – 174 с.
- 2.47. Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев. – Горький: Прокуратура Горьковской области 1978. – 122 с.
- 2.48. Винберг А.И., Шавер Б.М. Криминалистика: Учебник для юрид. школ. – М., 1950.
- 2.49. Возгрин И.А. Криминалистическая методика. – Мн.: Изд-во Высшая школа, 1983. – 215 с.
- 2.50. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Ч. 1. – СПб.: Санкт-Петерб. ин-т МВД России, 1992. – 100 с.
- 2.51. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Ч. 2. – СПб.: Санкт-Петерб. ин-т МВД России, 1992. – 48 с.
- 2.52. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – М. – Калининград: Калинингр. ун-т, 1997. – 248 с.
- 2.53. Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования: Мат-лы Минской науч. конф. – М., 1973. – 105 с.
- 2.54. Воробьев Г.А. Планирование судебного следствия – М.: Юрид. лит., 1978. – 80 с.
- 2.55. Воробьев Н.Н. Развитие науки и теории игр. Методологический аспект. – М., 1972. – 495 с.
- 2.56. Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: Монография. – Барнаул: АГУ, 2000. – 211 с.

- 2.57. Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. – Т. 1. – М., 1982. – 488 с.
- 2.58. Гавло В.К. Основы методики расследования и предотвращения убийства матерью новорожденного ребенка: Учеб. пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – 43 с.
- 2.59. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: Изд-во ТГУ, 1985. – 333 с.
- 2.60. Гавло В.К., Алешин В.В. Расследование преступлений, сопряженных с отчуждением жилья граждан: Учеб. пособие. – Барнаул, 1998. – 63 с.
- 2.61. Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: Учеб. пособие. – Барнаул: Барнаулский юрид. ин-т МВД России, 2000. – 42 с.
- 2.62. Гавло В.К., Клочко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 226 с.
- 2.63. Гавло В.К., Корчагин А.А. Расследование фактов безвестного исчезновения женщин при подозрении на их убийство: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 300 с.
- 2.64. Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. – Иркутск: Иркутский юрид. ин-т ГП РФ, 2003. – 342 с.
- 2.65. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. – Т. 2. – М., 1971.
- 2.66. Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. – Свердловск, 1975. – 184 с.
- 2.67. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. – М.: «ЛэксЭст», 2002. – 336 с.
- 2.68. Гранат Н.Л., Ратинов А.Р. Решение следственных задач: Учеб. пособие. – Волгоград, 1978. – 118 с.
- 2.69. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие: Методика расследования преступлений. – М: ЛэксЭст, 2003. – 470 с.

- 2.70. Громов Н.А. Уголовный процесс России: Учеб. пособие. – М.: Юристъ, 1998. – 552 с.
- 2.71. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – М.: ЛексЭст, 2002. – 1088 с.
- 2.72. Густов Г.А. Моделирование в работе следователя. – Л., 1980. – 187 с.
- 2.73. Данилов Ю.А. Роль и место синергетики в современной науке // Онтология и эпистемология синергетики. – М.: Ин-т философии РАН, 1997. – 697 с.
- 2.74. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. – М.: Изд-во «Спарк», 1996. – 111 с.
- 2.75. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 168 с.
- 2.76. Драпкин Л.Я., Кокурин Г.А. Организационные и тактические основы поисковой деятельности в расследовании преступлений: Учеб. пособие. – Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 1997.
- 2.77. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведения, ответственность. – М., 1989. – 215 с.
- 2.78. Дубривный В.А. Деятельность следователя по расследованию преступлений. / Под ред. В.Я. Чеканова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 94 с.
- 2.79. Дубягин Ю.П. Руководство по розыску и расследованию неочевидных убийств. – М., 1997. – 480 с.
- 2.80. Дулов А.В. Использование корреляционных зависимостей для выявления хищений социалистической собственности. – Мн., 1983. – 128 с.
- 2.81. Дулов А.В. Судебная психология. – Мн., 1971. – 462 с.
- 2.82. Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. – М., 1996. – 631 с.
- 2.83. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. – Мн.: Амалфея, 2001. – 304 с.

- 2.84. Железняк Н.С. «Черные дыры» и «белые пятна» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Монография. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2006. – 64 с.
- 2.85. Закатов А.А. Криминалистическое учение о розыске. – Волгоград, 1988. – 24 с.
- 2.86. Зейгарник Б.В. Теория личности К. Левина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 116 с.
- 2.87. Зейгарник Б.В., Братусь Б.С. Очерки по психологии аномального развития личности. – М., 1980. – 169 с.
- 2.88. Зинин А.М., Зотов А.Б., Зудин С.И., Буданов С.А. Использование информации очевидцев о признаках внешности человека при составлении субъективных портретов. – М., 1996. – 165 с.
- 2.89. Зорин Г.А. Криминалистическая эвристика. – В 2 т. – Гродно, 1994.
- 2.90. Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Мн.: Амалфея, 2000. – 416 с.
- 2.91. Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. – М., 1993.
- 2.92. Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990.
- 2.93. Карагодин В.Н, Никитина Е.В., Зашляпин Л.А. Расследование убийств. – Екатеринбург, 1993. – 96 с.
- 2.94. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. – Свердловск, 1992. – 175 с.
- 2.95. Ким Д.В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 206 с.
- 2.96. Ким К.В. Комплексное применение криминалистических методов расследования. – Караганда, 1995. – 135 с.
- 2.97. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. – М., 1995.
- 2.98. Кириченко С.А., Мешков В.М. Использование криминалистически значимой информации, полученной оперативно-розыскными методами, при расследовании проявлений организованной преступности: Науч.-практ.

- пособие. – Калининград: Калинингр. юрид. ин-т МВД России, 2002. – 52 с.
- 2.99. Кисленко С.Л., Комиссаров В.И. Судебное следствие: состояние и перспективы развития. – М.: Юрлитинформ, 2003. – 175 с.
- 2.100. Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. – 384 с.
- 2.101. Клочко В.Е. Культурно-историческая психология и психосинергетика. Образование в информационном обществе: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – Бийск: НИЦ БиГПИ, 2000. – 122 с.
- 2.102. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Томский гос. ун-т, 2005. – 174 с.
- 2.103. Клочко В.Е. Саморегуляция мышления и ее формирование: Учеб. пособие. – Караганда. Изд-во КарГУ, 1987. – 94 с.
- 2.104. Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – 154 с.
- 2.105. Кокурин Г.А. Организационные основы деятельности следственно-оперативных групп: Учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: МЦ при ГУК МВД России, 1997. – 68 с.
- 2.106. Колдин В.Я., Полевой Н.С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 134 с.
- 2.107. Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. – Харьков: Харьковский ЮИ, 1976. – 28 с.
- 2.108. Комаров И.М. Криминалистическая операция в досудебном производстве: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 346 с.
- 2.109. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. – М.: Юристъ, 2002. – 1039 с.

- 2.110. Коновалов С.И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики. – Ростов н/Д: Ростовский юрид. ин-т МВД России, 2001. – 208 с.
- 2.111. Копылов И.А. Следственная ситуация и тактическое решение. – Волгоград: ВШ МВД СССР, 1988. – 214 с.
- 2.112. Кореневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. – М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2001. – 198 с.
- 2.113. Кореневский Ю.В., Токарева М.Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. – М.: ООО «Юрлитформ», 2000.
- 2.114. Коршунова О.Н. Теоретические и прикладные проблемы уголовного преследования: Монография. – СПб., 2006. – 148 с.
- 2.115. Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений (история возникновения и развития): Монография / Под ред. И.А. Возгина. – СПб.: Санкт-Петерб. ун-т МВД России, 2004. – 259 с.
- 2.116. Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений (становление и перспективы развития): Монография / Под ред. И.А. Возгина. – СПб.: Санкт-Петерб. ун-т МВД России, 2005. – 307 с.
- 2.117. Кривошеин И.Т. Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 114 с.
- 2.118. Криминалистика / Под ред. А.Н. Васильева – М.: МГУ, 1971. – 564 с.
- 2.119. Криминалистика / Под ред. Н.П. Яблокова. – М.: Изд-во БЕК, 1995. – 708 с.
- 2.120. Криминалистика / Под ред. С.А. Голунского. – М., 1959. – 492 с.
- 2.121. Криминалистика социалистических стран / Под ред. В.Я. Колдина. – М., 1986. – 512 с.
- 2.122. Криминалистика. Кн. 1. Техника и тактика расследования преступлений. – М.: «Советское законодательство», 1935. – 251 с.
- 2.123. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1999. – 704 с.

- 2.124. Криминалистика: Учебник / Под. ред. Л.Я. Драпкина, В.Н. Карагодина. – М.: Юрид. лит., 2004. – 896 с.
- 2.125. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. В.А. Образцова. – М., 1997. – 557 с.
- 2.126. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. – М.: Высш. шк., 1994. – 528 с.
- 2.127. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. – М.: НОРМА, 2000. – 646 с.
- 2.128. Криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений: Учеб. пособие. В 2 ч. / Под ред. А.П. Резвана, М.В. Субботиной. – Ч. 1. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 264 с.
- 2.129. Криминалистическая тактика: Курс лекций / Под ред. В.П. Лаврова, Б.М. Нургалиева. – Караганда: Караганд. юрид. ин-т МВД Респ. Казахстан, 1999. – 190 с.
- 2.130. Криминология: Учебник для юрид. вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 443 с.
- 2.131. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учеб. пособие. – М., 1998. – 216 с.
- 2.132. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 1972. – 352 с.
- 2.133. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. – М., 1968. – 176 с.
- 2.134. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. – М., 1984. – 208 с.
- 2.135. Кузьмин В.П. Принципы системности в теории и методологии К. Маркса. – М., 1980. – 320 с.
- 2.136. Куклин В.И. Методика расследования отдельных видов преступлений. – Иваново, 1983. – 92 с.
- 2.137. Кун Т. Структура научных революций. – М., 1977. – 288 с.
- 2.138. Курс криминалистики / Отв. ред. В.Е. Корноухов. Т. 1. – Красноярск, 1996. – 448 с.

- 2.139. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика / Под ред. О.Н. Коршуновой, А.А. Степанова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 683 с.
- 2.140. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Криминалистическая методика: Методика расследования преступлений против личности, общественной безопасности и общественного порядка / Под ред. О.Н. Коршуновой, А.А. Степанова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 639 с.
- 2.141. Курс советской криминологии. – Т. 1. – М., 1985. – 416 с.
- 2.142. Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления: Цикл лекций. – М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002. – 304 с.
- 2.143. Ларин А.М. От следственной версии к истине. – М., 1976. – 199 с.
- 2.144. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975. – 302 с.
- 2.145. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. – М., 1971. – 134 с.
- 2.146. Леонтьев А.Н. Философия психологии. – М., 1994. – 164 с.
- 2.147. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.
- 2.148. Лившиц Е.М, Белкин Р.С. Тактика следственных действий. – М., 1997. – 176 с.
- 2.149. Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация: сущность и тенденции развития. – Саратов: Саратовск. ун-т, 2001. – 168 с.
- 2.150. Ломов Б.Ф. Человек и техника. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 243 с.
- 2.151. Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. – Н. Новгород, 1997. – 334 с.
- 2.152. Лубшев Ю.Ф. Деятельность судов по борьбе с преступлениями против личности. – М., 1977. – 96 с.
- 2.153. Лузгин И.М. Ситуационный подход в решении криминалистических задач: Фондовая лекция. – М., 1987. – 28 с.

- 2.154. Лузгин И.М. Методические проблемы расследования. – М., 1973. – 215 с.
- 2.155. Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. – М., 1981. – 152 с.
- 2.156. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. – М., 1969. – 114 с.
- 2.157. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. – М.: Наука, 1991. – 383 с.
- 2.158. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. – М., 1997. – 525 с.
- 2.159. Макаренко Е.И. Расследование разбойных нападений с проникновением в жилища: Учеб. пособие. – Ташкент, 1991. – 104 с.
- 2.160. Макарова З.В. Гласность уголовного процесса. – Челябинск: Южноурал. гос. тех. ун-т, 1993.
- 2.161. Мамардашвили М.М. Как я понимаю философию. – М., 1990. – 368 с.
- 2.162. Механизм преступного поведения / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев – М.: Наука, 1981. – 248 с.
- 2.163. Мешков В.М. Основы криминалистической теории о временных связях – Калининград: КЮИ МВД России, 1999. – 194 с.
- 2.164. Митричев С.П. Предмет, метод и система советской криминалистики. – М., 1956. – 48 с.
- 2.165. Николук В.В., Кальницкий В.В., Марфицин П.Г. Стадия возбуждения уголовного дела (в вопросах и ответах): Учеб. пособие. – Омск: ОВШМ МВД России, 1995.
- 2.166. Новая философская энциклопедия. – Т. 3. – М., 2001. – 680 с.
- 2.167. Облаков А.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации: Учеб. пособие. – Хабаровск: Хабаровск. высш. шк. МВД СССР, 1985. – 87 с.
- 2.168. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. – М.: Юристъ, 1997. – 336 с.
- 2.169. Образцов В.А. Криминалистика: Курс лекций. – М., 1996. – 448 с.

- 2.170. Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. – Красноярск, 1988. – 176 с.
- 2.171. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2002. – 447 с.
- 2.172. Огородников В.П. Познание необходимости. – М., 1985. – 204 с.
- 2.173. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз, 1990. – 917 с.
- 2.174. Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: Учеб.-практ. пособие / Под общ. ред. В.В. Черникова, В.Я. Кикотя. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 86 с.
- 2.175. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: Науч.-практ. пособие. – М.: Проспект, 2000. – 144 с.
- 2.176. Особенности расследования тяжких преступлений (руководство для следователей) / Отв. ред. Б.П. Смагоринский, А.А. Закатов. – Волгоград, 1995. – 200 с.
- 2.177. Павлов Н.Е. Возбуждение уголовного судопроизводства: Учеб. пособие. – М.: Академия МВД России, 1992. – 71 с.
- 2.178. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998. – 528 с.
- 2.179. Печерский В.В. Типовые программы допроса на предварительном и судебном следствии. Учеб.-практ. пособие. – М.: Юрлитинформ, 2005. – 336 с.
- 2.180. Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. – М.: МГУ, 1989. – 324 с.
- 2.181. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под ред. проф. В.Т. Томина. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. – 262 с.
- 2.182. Попов В.И. Розыскная деятельность при расследовании преступлений. – М., 1965. – 150 с.

- 2.183. Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. – Мн., 1978. – 152 с.
- 2.184. Полстовалов О.В. Криминалистическая конфликтология: Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 152 с.
- 2.185. Преступное поведение (новые исследования): Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: ВНИИ МВД России, 2002. – 298 с.
- 2.186. Пригожин И. В поисках нового мировидения: И. Пригожин, Е. и Н. Рерихи: Сборник. – М.: Знание, 1991. – 62 с.
- 2.187. Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках / Пер. с англ. Ю.А. Данилова; под ред. Ю.Л. Климентовича. – М.: Наука, 1985. – 327 с.
- 2.188. Прикладная юридическая психология [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: http://yurpsy.bu.ru/help/bib/stol/8_8.htm (10 октября 2003 г.).
- 2.189. Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовно-процессуального законодательства: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф., д-ра юрид. наук, заслуж. юриста РФ И.Ф. Герасимова. – Екатеринбург: Чароид, 2003. – 570 с.
- 2.190. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть: Учеб. пособие. – Красноярск, 1997. – 256 с.
- 2.191. Протасевич А.А. Поисковый портрет преступника как интегративная система. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. – 151 с.
- 2.192. Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. – Екатеринбург: Изд-во «Чароид», 2002. – 192 с.
- 2.193. Птицын А.Г. Использование оперативно-розыскной информации на предварительном следствии. – Киев, 1977. – 40 с.
- 2.194. Радутная Н.В. Зачем нам нужен суд присяжных. – М., 1995. – 120 с.
- 2.195. Расследование преступлений против личности: Учеб. пособие / Под ред. О.Я. Баева. – Воронеж, 1998. – 240 с.

- 2.196. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 352 с.
- 2.197. Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: Мат-лы междунар. науч. конф. – М., 2002. – 458 с.
- 2.198. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 328 с.
- 2.199. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. – М., 1958. – 147 с.
- 2.200. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М.: Наука, 1973. – 423 с.
- 2.201. Рубцов И.И. Криминалистическая характеристика преступлений: генезис, понятие, проблемы: монография. – СПб.: Санкт-Петерб. ун-т МВД России, 2002. – 174 с.
- 2.202. Руководство для государственных обвинителей: криминалистические аспекты деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 688 с.
- 2.203. Руководство для следователей / Под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. – М., 1998. – 732 с.
- 2.204. Рыжаков А.П. Уголовный процесс: возбуждение и отказ в возбуждении уголовного дела. – Тула, 1996. – 137 с.
- 2.205. Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. – М., 1989. – 184 с.
- 2.206. Селиванов Н.А., Танасевич В.Г., Эйсман А.А., Якубович К.А. Советская криминалистика. Теоретические проблемы. – М., 1978.
- 2.207. Серийные сексуальные убийства: Учеб. пособие / Под ред. Ю.М. Антонына. – М.: Моск. юрид. ин-т МВД России, Изд-во «Щит-М», 1997. – 202 с.
- 2.208. Серийные убийства и социальная агрессия: Мат-лы междунар. конф. – Ростов н/Д. – М., 1994. – 194 с.

- 2.209. Следственная ситуация и раскрытие преступлений: Научные труды Свердловск. юрид. ин-та. – Вып. 41. – Свердловск, 1975.
- 2.210. Следственная ситуация: Сб. науч. тр. – М.: Всесоюзн. институт прокуратуры, 1985. – 80 с.
- 2.211. Снетков В.А., Зинин А.М., Виниченко И.Ф. Частота встречаемости признаков элементов лица. – М., 1972. – 241 с.
- 2.212. Советская криминалистика. Ч. 1 / Под ред. С.П. Митричева, Н.В. Терзиева. – М., 1958.
- 2.213. Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста. – СПб.: Питер, 1999. – 258 с.
- 2.214. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. – М.: Процесс-традиция, 2000. – 743 с.
- 2.215. Суд присяжных: Пособие для судей. – М., 1994. – 135 с.
- 2.216. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. – 2-е изд испр. и доп. – М.: Юрид. лит., 1973. – 736 с.
- 2.217. Теория и практика использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: Мат-лы междунар. науч.-пр. конф. / Под ред. К.К. Горяинова. – М.: ВНИИ МВД России, 2002. – 136 с.
- 2.218. Типология личности преступника и индивидуальное предупреждение преступлений: Сб. науч. тр. – М., 1979. – 156 с.
- 2.219. Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. – М., 1969. – 408 с.
- 2.220. Турчин Д.А. Теоретические основы учения о следах в криминалистике. – Владивосток, 1983. – 186 с.
- 2.221. Тяжкие и особо тяжкие преступления: квалификация и расследование: Руководство для следователей / Под общ. ред. С.Г. Кехлерова; науч. ред. С.П. Щерба. – М.: Спарк, 2001. – 494 с.
- 2.222. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова. – М., 1996. – 162 с.

- 2.223. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. – М., 1997. – 480 с.
- 2.224. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. – 591 с.
- 2.225. Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; науч. ред. В.Т. Томин. – М.: Юрайт-Издат, 2003. – 821 с.
- 2.226. Уголовный процесс России: Учеб.-метод. пособие / В.Я. Гельмелъ, Д.В. Ким, С.В. Кравцова, Е.Н. Петухов. – Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2004. – 113 с.
- 2.227. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М., 1978.
- 2.228. Узнадзе Д.Н. Теория установки. – М. – Воронеж, 1977. – 447 с.
- 2.229. Уткин В.А. Европейские тюремные правила и проблемы их реализации: Учеб. пособие. – Томск: Томск. ун-т, 1996. – 64 с.
- 2.230. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск, 1981. – 213 с.
- 2.231. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
- 2.232. Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. – М., 2001.
- 2.233. Хакен Г. Синергетика: иерархии неустойчивостей. – М., 1985.
- 2.234. Хеккхаузен Х. Мотивация и деятельность. – Т. 1. – М., 1986.
- 2.235. Хижняк Д.С. Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий. – М.: Юрлитинформ, 2004.
- 2.236. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). – СПб.: Питер Ком, 1999. – 608 с.
- 2.237. Чеджемов Т.Б. Судебное следствие. – М., 1989. – 88 с.

- 2.238. Чечетин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: Монография. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. – 180 с.
- 2.239. Чечетин А.Е. Оперативно-розыскные мероприятия: понятие, сущность, структура: Препринт. – Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2004. – 49 с.
- 2.240. Чурилов С.Н. Общий метод расследования преступлений: Учеб. пособие. – М.: Союз, 1998. – 339 с.
- 2.241. Шаталов А.С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты: Научное издание. – М.: Лига Разум, 2000. – 252 с.
- 2.242. Шепитько В.Ю. Криминалистика: Курс лекций. – 2-е изд. – Харьков: ООО «Одиссей», 2005. – 368 с.
- 2.243. Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. – Иркутск, 1978. – 190 с.
- 2.244. Шиканов В.И. Криминалистическая виктимология и практика расследования убийств. – Иркутск, 1979. – 45 с.
- 2.245. Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. – Иркутск, 1983. – 200 с.
- 2.246. Шмонин А.В. Методика расследования преступлений: Учеб. пособие. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2006. – 464 с.
- 2.247. Шумилов А.Ю. Новый оперативно-розыскной закон России. – М.: Издатель И.И. Шумилова, 1998.
- 2.248. Эйсман А.А. Логика доказывания. – М., 1971. – 111 с.
- 2.249. Эксархопуло А.А. Основы криминалистической теории. – СПб: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1992. – 117 с.
- 2.250. Юнг К.-Г. Психологические типы. – М., 1996. – 715 с.
- 2.251. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования. – М., 1985. – 87 с.

- 2.252. Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. – М.: Юристъ, 2005. – 174 с.
- 2.253. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. – М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1925. – 430 с.
- 2.254. Якимов И.Н. Криминалистика. Уголовная тактика. – М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1929. – 312 с.
- 2.255. Яшин В.Н., Победкин А.В. Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. – 184 с.

3. Статьи и публикации

- 3.1. Аверьянова Т.В. Формирование взглядов Р.С. Белкина на предмет криминалистики // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: Мат-лы междунар. науч. конф. – М., 2002. – С. 17-22.
- 3.2. Алиев Т.Т., Межуева Е.А., Понамаренков В.А., Громов Н.А. Понятие и структура уголовно-процессуального доказывания // Следователь. – 2003. – № 2. – С. 12-20.
- 3.3. Антонян Ю.М. Роль потерпевшего в возникновении криминогенной ситуации // Механизм преступного поведения. – М., 1984. – С. 114-122.
- 3.4. Асмолов А.Г. О предмете психологии личности // Вопр. психологии. – 1993. – № 3. – С. 113-130.
- 3.5. Ахтырская Н. Проблемы ювенальной психологии лиц, совершивших преступления в сфере информационных технологий [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: crime-research.org (8 ноября 2003 г.).
- 3.6. Бабаева Э.У. Криминалистика – наука и учебная дисциплина // Вестник криминалистики. – Вып. 1(13). – М.: Спарк, 2005. – С. 4-11.

- 3.7. Багаутдинова Н.Г., Багаутдинова А.З. Ситуационный подход в маркетинге // Ситуационные исследования. Вып. 1: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 124-128.
- 3.8. Баев М.О., Баев О.Я. Стратегические принципы тактики защиты по уголовным делам // Тактика, методика и стратегия профессиональной защиты. – Екатеринбург, 2002. – С. 10.
- 3.9. Баев О.Я. Методические основы расследования преступлений против личности // Расследование преступлений против личности: Учеб. пособие / Под ред. О.Я. Баева. – Воронеж, 1998. – С. 10-13.
- 3.10. Баев О.Я. Следственные ситуации: их тактическая и методическая сущность // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: Мат-лы междунар. науч. конф. – М., 2002. – С. 107-112.
- 3.11. Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. 1. – М., 2000. – С. 16-21.
- 3.12. Белкин Р.С., Быховский И.Е., Дулов А.В. Модное увлечение или новое слово в науке? // Соц. законность. – 1987. – № 9. – С. 56-58.
- 3.13. Белкин Р.С., Краснобаев Ю.И. О предмете советской криминалистики // Правоведение. – 1967. – № 4. – С. 90-94.
- 3.14. Бочкарев А.В., Федюнин А.Е. Некоторые уголовно-процессуальные вопросы получения и фиксации аудиальной информации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Следователь. – 2002. – № 6. – С. 30-33.
- 3.15. Васильев А.Н. Тактический прием – основа следственной тактики // Соц. законность. – 1974.- № 4. – С. 46.
- 3.16. Вашингтонский маньяк застрелил седьмого человека [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: www.nc.ru (10 октября 2003 г.).

- 3.17. Ведерников Н.Т. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступления // Криминалистическая характеристика преступлений. – М., 1984. – С. 74-77.
- 3.18. Винберг А.И. О сущности криминалистической техники и криминалистической экспертизы // Сов. гос-во и право. – 1955. – № 8. – С. 82-88.
- 3.19. Возгрин И.А. Актуальные проблемы современной отечественной криминалистики // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. статей. В 3 ч. Ч. 2: Вопросы современной криминалистики. – М.: Академия управления МВД России, 2004. – С. 16-21.
- 3.20. Возгрин И.А. Криминалистическая тактика: понятие и предмет исследования // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2. – М.: Спарк, 2001. – С. 11-12.
- 3.21. Возгрин И.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в системе частных методик расследования // Следственная ситуация: Сб. науч. тр. – М., 1984. – С. 66-70.
- 3.22. Возгрин И.А. О соотношении следственных ситуаций и алгоритмов расследования преступлений // Вопросы профилактики преступлений. – Л., 1977. – С. 60-67.
- 3.23. Волчецкая Т.С. Развитие криминалистической науки и предмет криминалистики // 50 лет в криминалистике. К 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина: Мат-лы междунар. науч. конф. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 61-72.
- 3.24. Волчецкая Т.С. Ситуационный подход в криминалистике // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: Мат-лы междунар. науч. конф. – М., 2002. – С. 77-80.
- 3.25. Воробьев Г.А. Тактические особенности судебного осмотра места происшествия // Актуальные проблемы государства и права. Уголовное право, уголовный процесс, криминалистика. – Кн. 1. – Краснодар, 1976. – С. 75-77.

- 3.26. Вытовтова Н.И. Основы информационно-управленческой концепции расследования преступлений // Вестник криминалистики. – Вып. 4(12). – М.: Спарк, 2004. – С. 33-40.
- 3.27. Гавло В.К. О первоначальных следственных действиях при расследовании преступлений // Докл. итоговой науч. конф. юрид. факультетов. Ч. 3. – Томск, 1968. – С. 90.
- 3.28. Гавло В.К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. – Томск, 1980. – С. 120-122.
- 3.29. Гавло В.К. Некоторые вопросы предмета криминалистики // Проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. – С. 106-107.
- 3.30. Гавло В.К. Криминалистический механизм преступления и его значение в расследовании // Борьба с преступностью на современном этапе. – Барнаул, 1982. – С. 59-61.
- 3.31. Гавло В.К. О понятии, значении и задачах методики расследования отдельных видов преступлений // Борьба с преступностью на современном этапе. – Барнаул, 1982. – С. 109-118.
- 3.32. Гавло В.К. О диалектике типичного и атипичного в методике расследования // Повышение эффективности расследования. – Иркутск, 1986. – С. 21-30.
- 3.33. Гавло В.К. Метод криминалистической детализации преступного события и его роль в расследовании преступлений // Актуальные вопросы государства и права: Сб. статей. – Томск, 1987. – С. 233-234.
- 3.34. Гавло В.К. Проблемы разработки методики расследования корыстно-насильственных преступлений // Проблемы применения нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. – Томск, 1997. – С. 77-81.
- 3.35. Гавло В.К. Проблемные вопросы предмета и структуры криминалистической методики расследования преступлений // Современное россий-

- ское право: федеральное и региональное измерение: Мат-лы науч. конф. / Под ред. В.Я. Музюкина, В.В. Невинского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 14-20.
- 3.36. Гавло В.К. Проблемы рассмотрения уголовных дел мировыми судьями (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // Информационный бюллетень Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ в Алтайском крае. – Барнаул, 2002. – С. 17-20.
- 3.37. Гавло В.К. Методологические аспекты и некоторые пути развития криминалистики // Актуальні проблеми криміналістики: Матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Харків, 25-26 верес. 2003 р.) / Ред. кол.: М.І. Панов (голов. ред.), В.Ю. Шепітько, В.О. Коновалова та ін. – Х.: Гриф, 2003. – С. 18-21.
- 3.38. Гавло В.К. Проблемы предмета криминалистики в свете состояния и перспективы развития криминалистической методики расследования преступлений как ее части // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: Мат-лы третьей междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2005. – С. 8-10.
- 3.39. Гавло В.К., Дудко Н.А. Необходимость совершенствования института возвращения судом уголовных дел на дополнительное расследование // Известия Алтайского гос. ун-та. – № 2 (20) – 2001. – С. 45-50.
- 3.40. Гавло В.К., Ким Д.В. Некоторые вопросы дальнейшего развития ситуационного подхода в расследовании преступлений // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Вып. 2: Мат-лы региональной ежегодной науч.-пр. конф. (Барнаул, 21-22 марта 2002 г.) / Под ред. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 37-41.
- 3.41. Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Некоторые методологические проблемы криминалистики в свете реализации нового УПК РФ // Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве: Мат-лы науч.-практ. конф. в 2 ч. – Ч. 1. – Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2002. – С. 33-44.

- 3.42. Гавло В.К., Клочко В.Е., Ким Д.В. Методологические аспекты криминалистики на современном этапе ее развития // Вестник криминалистики. Вып. 2(14). – М.: Спарк, 2005. – С. 4-12.
- 3.43. Гарин К. Криминалистику – на службу следствию // Соц. законность. – 1955. – № 9. – С. 13-15.
- 3.44. Герасимов И.Ф. К вопросу о следственной ситуации // Следственная ситуация: Сб. науч. тр. – М., 1984. – С. 8-9.
- 3.45. Герасимов И.Ф. Криминалистическая тактика и следственные ситуации // Теоретические проблемы криминалистической тактики. – Свердловск, 1981. – С. 18.
- 3.46. Герасимов И.Ф. Принципы построения методики раскрытия преступлений // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. – М., 1973. – С. 82-83.
- 3.47. Герасимов И.Ф. Этапы раскрытия преступлений // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. – Свердловск, 1975. – С. 10.
- 3.48. Герасимов И.Ф. Пути повышения эффективности методик раскрытия и расследования преступлений: К проблеме алгоритмизации деятельности следователя // Алгоритмы и организация решений следственных задач. – Иркутск, 1982. – С. 33-35.
- 3.49. Глазырин Ф.В. Изучение личности потерпевшего по делам о «заказных убийствах» // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы: Сб. науч. ст. / Под ред. В.В. Козлова. – Саратов, 1998. – С. 31-35.
- 3.50. Голубович И.В. Ситуационный подход в контексте современного гуманитарного знания // Ситуационные исследования. Вып. 1: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 15-20.
- 3.51. Грановский Г.Л. Алгоритмические и эвристические методы решения экспертных задач // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР: Сб. науч. тр. ВНИИСЭ. – Вып. 42. – М., 1980. – С. 32.

- 3.52. Гребельский Д.В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. – М., 1984. – С. 70.
- 3.53. Густов Г.А. Программирование расследования // Проблемы программирования, организации и информационного обеспечения предварительного следствия: Межвуз. сб. научных трудов. – Уфа, 1989. – С. 17-18.
- 3.54. Давыдов С.И. Роль оперативно-розыскных ситуаций в методике раскрытия преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. памяти д.ю.н., проф. В.И. Горобцова (10-11 февраля 2005 г.) / Отв. ред. С.Д. Назаров. – Ч. 2. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2006. – С. 203-206.
- 3.55. Данилов Ю.А., Кадомцев Б.Б. Что такое синергетика? [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Режим доступа: http://vec.nm.ru/inform/synergy/sob_sm.htm.
- 3.56. Делокаров К.Х., Демидов Ф.Д. Синергетика и образовательные ценности [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.biophys.msu.ru/awse/confer/MSE00/197.html-3К.-08.08.2000>.
- 3.57. Деркач А.О. Методика профессиональной защиты от обвинения в насильственно-корыстных преступлениях // Криминалистические аспекты профессиональной защиты по уголовным делам. – Екатеринбург, 2001. – С. 19-20.
- 3.58. Драпкин Л.Я. О некоторых дискуссионных проблемах периодизации процесса расследования // Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений. – Свердловск, 1988. – С. 3-4.
- 3.59. Драпкин Л.Я. Предмет доказывания и криминалистические характеристики преступлений // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. – Свердловск, 1978. – Вып. 69. – С. 11-18.
- 3.60. Драпкин Л.Я. Ситуационный подход в криминалистике и проблема периодизации процесса расследования преступлений // Проблемы оптими-

- зации первоначального этапа расследования преступлений. – Свердловск, 1988. – С. 8.
- 3.61. Дружинин Д.Л., Ванярхо В.Г. Синергетика и методология системных исследований // Системные исследования: Ежегодник-88. – М., 1989. – С. 283-303.
- 3.62. Жалинский А.Э., Герасун А.А. Криминологические аспекты непредумышленных преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1972. – С. 9-10.
- 3.63. Зашляпин Л.А. Криминалистика как основа разработки теоретических аспектов профессиональной защитительной деятельности // Криминалистические аспекты профессиональной защиты по уголовным делам. – Екатеринбург, 2001. – С. 42-54.
- 3.64. Зейгарник Б.В. Патопсихологический метод в изучении личности // Психол. журнал. – Т. 3. – № 1. – 1982. – С. 43-51.
- 3.65. Зорин Г.А. Современные проблемы криминалистики сегодняшнего и завтрашнего дня с позиции исследования и развития научного наследия профессора Р.С. Белкина // 50 лет в криминалистике. К 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина: Мат-лы междунар. науч. конф. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 73-98.
- 3.66. Зорин Г.А., Зорин Р.Г. Концепция криминалистики защиты // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. – Екатеринбург: Изд-во «Чароид», 2002. – С. 56-69.
- 3.67. Иосебадзе Т.Г., Иосибадзе Т.Ш. Проблема бессознательного и теория установки школы Узнадзе // Бессознательное: природа, функции. – Т. 4. – Тбилиси, 1985. – С. 36-37.
- 3.68. Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Вестник криминалистики. – Вып. 1(3). – М.: Спарк, 2002. – С. 8-14.
- 3.69. Каневский Л.Л. Дискуссионные проблемы сущности типовой криминалистической характеристики преступлений и ее использование в процес-

се расследования // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – М.: Спарк, 2002. – Вып. 1. – С. 27-29.

- 3.70. Каневский Л.Л. Особенности расследования преступлений против личности, совершаемых несовершеннолетними // Расследование преступлений против личности: Учеб. пособие / Под ред. О.Я. Баева. Воронеж, 1998. – С. 131-139.
- 3.71. Карагодин В.Н. Перспективы расширения предмета криминалистической тактики // Современное российское право: федеральное и региональное измерение. – Барнаул, 1998. – С. 213-217.
- 3.72. Ким Д.В. Ценностно-смысловая структура следственной ситуации как предмет криминалистического исследования // Актуальные проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в современных условиях: Мат-лы междунар. конф. – Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2000. – С. 44-47.
- 3.73. Ким Д.В. Следственная ситуация как системообразующий фактор в расследовании преступлений // Российская правовая система: становление, проблемы, пути совершенствования: Мат-лы республиканск. науч. конф. / Под ред. В.К. Гавло, В.Я. Музюкина, В.В. Невинского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 326-330.
- 3.74. Ким Д.В. Следственная ситуация как многомерное явление // Следователь. – 2003. – № 9. – С. 33-35.
- 3.75. Ким Д.В. Преодоление информационной неопределенности как основная задача первоначального этапа расследования преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (5-6 февраля 2004 г.). Ч. 2 / Отв. ред. В.И. Горобцов. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2004. – С. 307-310.
- 3.76. Ким Д.В. Кримосинергетика: новый взгляд на старую проблему // Вестник Московского университета МВД России. – № 4 – 2005. – С. 101-104.

- 3.77. Ким Д.В. Методы историко-криминалистического познания и их роль в выявлении тенденции развития науки // История государства и права. – № 6. – 2005. – С. 2-3.
- 3.78. Китаев Н.Н. Нужна ли следователям «криминалистическая гипнология»? // Российская правовая система: становление, проблемы, пути совершенствования: Мат-лы республиканск. науч. конф. / Под ред В.К. Гавло, В.Я. Музюкина, В.В. Невинского. – Барнаул: Изд-во Алт. унта, 2001. – С. 330-331.
- 3.79. Клочко В.Е. Человек как психологическая система // Сибирский психол. журнал. – Вып. 2. – Томск, 1996. – С. 7-18.
- 3.80. Клочко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психол. журнал. – Вып. 8-9. – Томск, 1998. – С. 7-15.
- 3.81. Клочко В.Е. Методологические принципы теории психологических систем // Фиксированные формы поведения в образовании, науке и культуре: Мат-лы 1-й региональной школы молодых ученых-психологов. – Бийск: НИЦ БиГПИ, 2000. – С. 8-16.
- 3.82. Клочко В.Е. Психосинергетика: новый взгляд на старые проблемы // Психологическая диагностика в образовательной практике: Мат-лы краевой науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. – С. 3-7.
- 3.83. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика и принципы коэволюции сложных систем // Проблемы общественного развития. – 1998. – № 3-4. – С. 3-6.
- 3.84. Ковтун Н. Задержание подозреваемого: новые грани старых проблем // Рос. юстиция. – 2002. – № 10. – С. 46.
- 3.85. Ковтун Н.Н. О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса // Гос-во и право. – 1998. – № 6. – С. 59-63.

- 3.86. Колдин В.Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология? // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 2000. – № 4. – С. 3-19.
- 3.87. Колдин В.Я. Предмет, методология и система криминалистики / Криминалистика социалистических стран. – М., 1986. – С. 24-25.
- 3.88. Колдин В.Я., Поташник Д.П. Информационные основы экспертно-криминалистического анализа // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 1999. – № 4. – С. 14.
- 3.89. Колесниченко А.Н., Парфенков С.В. Способ хищения: Понятие и сущность // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1983. – Вып. 27. – С. 9.
- 3.90. Комаров И.М. Теоретическая концепция тактической комбинации судебного исследования и предотвращения преступлений // Вестник Барнаульского юридического института. – Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 1999. – С. 29-52.
- 3.91. Комисаров В.И., Кисленко С.Л. Тактика судебного следствия, содержание и понятие // 50 лет в криминалистике. К 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина: Мат-лы междунар. науч. конф. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 130-145.
- 3.92. Комиссаров В.И. Проблемы борьбы с преступностью и их место в предмете криминалистики // Актуальные проблемы криминалистики: Мат-лы междунар. конф. – Харьков, 2003. – С. 27.
- 3.93. Корноухов В.Е. Основные положения методики расследования отдельных видов преступлений // Мат-лы науч. конф. – Красноярск, 1972. – С. 93.
- 3.94. Корноухов В.Е. О структуре методик по расследованию преступлений // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. 2(10). – М.: Спарк, 2004. – С. 21-28.

- 3.95. Корухов Ю.Г. Значение творческого наследия Р.С. Белкина в развитии отечественной криминалистики // Вестник криминалистики. – Вып. 1(3). – М.: Спарк, 2002. – С. 4-7.
- 3.96. Коршунова О.Н. Действия государственного обвинителя в зависимости от ситуаций, складывающихся в суде первой инстанции при рассмотрении дела / Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 59-67.
- 3.97. Котляков В.М., Трофимов А.М., Селивестров Ю.П. , Солодухо Н.М. Моделирование экологических ситуаций // Известия РАН. Сер. геогр. – 1995. – № 1. – С. 5-20.
- 3.98. Кручинина Н.В., Шиканов В.И. Процессуальные аспекты использования результатов оперативной видео-, кино-, фото-, звукозаписи при расследовании преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. тр. – Свердловск, 1992. – С. 395.
- 3.99. Кузнецова О.Д. Новый УПК: идеи и реальность // Новое в уголовно-процессуальном законодательстве РФ: проблемы теории и практики: Мат-лы науч.-пр. конф. / Под ред. проф. Т.С. Волчецкой. – Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 2003. – С. 46.
- 3.100. Кузьмин В.П. Различные направления разработки системного подхода и их гносеологические основания // Системные исследования. Методологические проблемы. – М, 1984. – С. 7-29.
- 3.101. Курапка В.Э., Малевски Г., Матулене С. О понятии криминалистической характеристики преступлений и ее уровнях // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. 2(14). – М., 2005. – С. 13-23.
- 3.102. Кустов А.М. Криминалистика – этапы эволюционного развития // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. 2(10). – М: Спарк, 2004. – С. 4-10.
- 3.103. Лавров В.П., Чегодаев С.С. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений по горячим

следам / Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений: Спецкурс лекций: Учеб. пособие для вузов / Под ред проф. В.П. Лаврова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – С. 8-26.

- 3.104. Лаврухин С.В. Проблемы криминалистического исследования преступлений // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. 2(4). – М., 2002. – С. 29-37.
- 3.105. Лаврухин С.В. Система криминалистики // Гос-во и право. – 1999. – № 8. – С. 31-36.
- 3.106. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Моск. ун-та. – 1979. – № 2. – С. 3-13.
- 3.107. Лузгин И.М. Информационная природа доказывания в расследовании преступлений // Правовая кибернетика. – М., 1973. – С. 107-116.
- 3.108. Лузгин И.М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. – 1977. – № 2. – С. 58-65.
- 3.109. Лукьянова Л.М. Применение криминалистических познаний в суде // Правовые нормы и эффективность доказывания по уголовным делам. – Тольятти, 1994. – С. 66-73.
- 3.110. Лупинская П. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Рос. юстиция. – 2002. – № 7. – С. 6-8.
- 3.111. Майлис Н.П. Интеграция знаний как закономерность формирования новых научных направлений в судебной экспертизе // Криминалистика: XXI век: Мат-лы науч.-пр. конф. – Т. 1. – М., 2001. – С. 71-75.
- 3.112. Мешков В.М. Развитие современных концепций криминалистики (на примере криминалистической теории о временных связях и отношениях при расследовании преступлений) // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. статей. – В 3 ч. – Ч. 2: Вопросы современной криминалистики. – М.: Академия управления МВД России, 2004. – С. 72-74.

- 3.113. Миньковский Г.М. Пределы доказывания / Теория доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1973. – С. 186-196.
- 3.114. Образцов В.А. К вопросу о методике раскрытия преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. – Вып. 27. – М., 1977. – С. 108.
- 3.115. Образцов В.А. Криминалистическая характеристика раскрытия преступлений // Борьба с преступностью на современном этапе. – Барнаул, 1982. – С. 120.
- 3.116. Огородникова Ю.Г. Системный и ситуационный подходы в экономической новации // Ситуационные исследования. Вып. 1: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казанск. гос. тех. ун-та, 2005. – С. 129-132.
- 3.117. Орлов Ю. Возможно ли производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. – 2003. – № 9. – С. 20-21.
- 3.118. Павлов В.П. Ситуационный подход перспективы его использования в менеджменте // Ситуационные исследования. Вып. 1: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казанск. гос. тех. ун-та, 2005. – С. 120-124.
- 3.119. Падар Е.Е. О перспективах прогноза «психологического профиля» преступника на основании анализа способа действия при совершении преступлений // Современное российское право: федеральное и региональное измерение: Мат-лы науч. конф. / Под ред. В.Я. Музюкина, В.В. Невинского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 240-243.
- 3.120. Панасюк А. Разрешение конфликтных ситуаций; стратегия и тактика судьи // Рос. юстиция. – 1997. – № 5. – С. 51-52.
- 3.121. Пантелеев И.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений // Методология криминалистики. – М., 1982. – С. 68-69.
- 3.122. Пономаренков В.А., Алферов В.Ю., Царева Н.П., Громов Н.А. Представление оперативными подразделениями материалов фото- и кино-

- съемки, аудио- и видеозаписи органу дознания, следователю, прокурору или суду // Следователь. – 2002. – № 11. – С. 49-52.
- 3.123. Попов В.И. Советская криминалистика и ее роль в претворении ленинского принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление // Некоторые вопросы борьбы с преступностью. – Алма-Ата, 1970. – С. 59-61.
- 3.124. Посохина И.В. Типичные судебные-следственные ситуации по делам о взяточничестве // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. 3(15). – М.: Спарк, 2005. – С. 78-85.
- 3.125. Ратинов А.Р. Теория рефлексных игр в приложении к следственной практике // Правовая кибернетика. – М., 1970. – С. 194-196.
- 3.126. Россинская Е.Р. Проблемы систематизации и классификации методов экспертного исследования // Проблемы криминалистической теории и практики. – М., 1995. – С. 59.
- 3.127. Салтевский М.В. О структуре криминалистической характеристики хулиганства и типичных следственных ситуациях // Криминалистика и судебная экспертиза. – 1982. – Вып. 25. – С. 16-17.
- 3.128. Самовичев Е.Г. К методологии криминогенетического анализа // Личность преступника: методы изучения и проблемы воздействия: Сб. науч. тр. ВНИИ МВД России. – М., 1988. – С. 50-60.
- 3.129. Санин Г., Мельникова С. Прирожденные убийцы [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Заглавие с экрана – Режим доступа: [www.Itogi/Архив/№ 21 \(10 октября 2003 г.\)](http://www.Itogi/Архив/№ 21 (10 октября 2003 г.)).
- 3.130. Сафуанов Ф.С. Пограничные психические расстройства и психологические механизмы криминально-агрессивных действий // Преступное поведение (новые исследования): Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: ВНИИ МВД России, 2002. – С. 14-54.
- 3.131. Селиванов Н.А. Криминалистическая характеристика преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Соц. законность. – 1977. – № 2. – С. 56.

- 3.132. Скиннер Б. Оперантное поведение // История зарубежной психологии. 30-е – 60-е годы XX века. – М., 1986. – С. 60-97.
- 3.133. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. – 1998. – № 6. – С. 3-18.
- 3.134. Снетков В.А. Элементы технико-криминалистической ситуации осмотра места происшествия // Следственная ситуация: Сб. науч. тр. – М., 1985. – С. 16.
- 3.135. Солдаткин В.М. Основы синтеза информационно-управляющих систем обеспечения безопасности полета // Известия вузов. Авиационная техника. – 1994. – № 2. – С. 18-23.
- 3.136. Соловьев А., Токарева М., Воронцова Н. Проблемы законности и качества расследования в свете требований УПК РФ // Уголовное право. – 2002. – С. 73-76.
- 3.137. Солодухо Н.М. Манифест ситуационного движения // Ситуационные исследования. Вып. 1: Ситуационный подход. По материалам всерос. семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. тех. ун-та, 2005. – С. 172-175.
- 3.138. Солодухо Н.М. Методология ситуационного подхода в научном познании // Фундаментальные исследования: Научно-теоретический журнал Рос. акад. естествознания. – М., 2005. – № 8. – С. 85-88.
- 3.139. Солодухо Н.М., Трофимов А.М. Ситуационный подход в комплексной географии // Ситуационные исследования. Вып. 1: Ситуационный подход. По материалам всерос. семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. тех. ун-та, 2005. – С. 132-137.
- 3.140. Статкус В.Ф. Криминалистика – наука о раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений // Вестник криминалистики. – Вып. 2(4). – М.: Спарк, 2002. – С. 15-19.
- 3.141. Степин В.С. Наука и образование в эпоху цивилизованных перемен // Устойчивое развитие. Наука и Практика. – 2002. – № 1. – С. 143-152.

- 3.142. Танасевич В.Г., Образцов В.А. О криминалистической характеристике преступления // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1976. – Вып. 25. – С. 94-104.
- 3.143. Тарасов-Родионов П.И. Советская криминалистика // Соц. законность. – 1951. – № 7. – С. 12.
- 3.144. Телегина Э.Д. Мотивация в структуре мыслительной деятельности // Искусственный интеллект и психология. – М., 1976. – С. 41-96.
- 3.145. Тихомиров О.К., Ключко В.Е. Эмоциональная регуляция мыслительной деятельности // Вопросы психологии. – 1982. – № 5. – С. 23-31.
- 3.146. Тищенко В.В. Криминалистическое значение связи «преступник – жертва» для методики расследования // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1978. – Вып. 16. – С. 35-39.
- 3.147. Трофимов А.М., Солодухо Н.М., Панасюк М.В. Математическое моделирование географических систем и геоситуационный подход // Математизация естествознания: пути и тенденции. – Казань: КГУ, 1984. – С. 156-167.
- 3.148. Турчин Д.А. О разработке теории следственных ситуаций // Следственная ситуация: Сб. науч. тр. – М., 1985. – С. 27-30.
- 3.149. Филатов А. Новая методика криминалистического описания человека для целей розыска // Профессионал. – 2002. – № 4. – С. 39-42.
- 3.150. Филиппов А.В., Ковалев С.В. Ситуация как элемент психологического тезауруса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1986. – № 1. – С. 14-21.
- 3.151. Филиппов А.Г. Еще раз к вопросу о системе криминалистики // Вестник криминалистики. – Вып. 2. – М.: Спарк, 2001. – С. 43-52.
- 3.152. Филиппов А.Г. Криминалистика и теория профессиональной защиты по уголовным делам // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. – Екатеринбург: Чароид, 2002. – С. 125-134.

- 3.153. Филиппов А.Г. О системе отечественной криминалистики // Гос-во и право. – 1999 – № 8 – С. 37-41.
- 3.154. Филиппов А.Г. О соотношении понятий криминалистической характеристики преступлений и следственной ситуации // Следственная ситуация: Сб. науч. тр. – М., 1984. – С. 70-74.
- 3.155. Филиппов А.Г. Субъективные заметки (о статье М.К. Каминского) // Вестник криминалистики. – Вып. 1(3). – М.: Спарк, 2002. – С. 15-18.
- 3.156. Филиппов А.Г., Целищев А.Я. Понятие и криминалистическое значение следственной ситуации // Сов. гос-во и право. – 1982. – № 8. – С. 71-75.
- 3.157. Фомина А.С. Расследование убийств, совершенных по сексуальным мотивам / Расследование преступлений против личности: Учеб. пособие / Под ред. О.Я. Баева. – Воронеж, 1998. – С. 67-70.
- 3.158. Фрейд З. Я и Оно // Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. – М.: Просвещение, 1989. – С. 425-439.
- 3.159. Хмыров А.А. Криминалистическая характеристика преступлений и пути доказывания по уголовному делу // Правоведение. – 1978. – № 3. – С. 59-66.
- 3.160. Цыпкин А. Криминалистика и судебное следствие // Соц. законность. – 1938. – № 12.
- 3.161. Чечетин А.Е. Новый УПК и оперативно-розыскная деятельность // Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве: Мат-лы науч.-пр. конф. – Ч. 1. – Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2002. – С. 109-113.
- 3.162. Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики // Соц. законность. – 1938. – № 6. – С. 66.
- 3.163. Шейфер С.А. Правовая регламентация следственных действий в новом УПК РФ // Гос-во и право. – 2003. – № 2. – С. 55.
- 3.164. Шепитько В.Ю. Предмет и природа криминалистики: научные дискуссии и тенденции // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в станов-

- лении современной криминалистики: Мат-лы междунар. науч. конф. – М., 2002. – С. 200-203.
- 3.165. Шиканов В.И. Разработка теории тактических операций – важнейшее условие совершенствования методики расследования преступлений // Методика расследования преступлений (общие положения): Мат-лы науч.-пр. конф. – М., 1976. – С. 156-157.
- 3.166. Шмонин А.В. Криминалистическая характеристика как составная часть частных криминалистических методик // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: Мат-лы междунар. науч. конф. (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина). – М., 2002. – С. 190-196.
- 3.167. Эксархопуло А.А. О предмете криминалистики и его определении // Вестник криминалистики. – Вып. 4(8). – М.: Спарк, 2003. – С. 19-28.
- 3.168. Эксархопуло А.А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. 2. – М.: Спарк, 2001. – С. 23-28.
- 3.169. Яблоков Н.П. Нужно ли менять предметную область и систему современной криминалистики // Актуальні проблеми криміналістики: Матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Харків) 25-26 верес. 2003 р. / Ред. Кол.: М.І. Панов (голов. ред.), В.Ю. Шепітько, В.О. Коновалова та ін. – Х.: Гриф, 2003. – С. 14-17.
- 3.170. Яблоков Н.П. Следственные ситуации в методике расследования преступлений // Актуальные направления развития криминалистической методики и тактики расследования: Мат-лы расширенного заседания Ученого совета Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М., 1978. – С. 24.
- 3.171. Яблоков Н.П. Совершенствование криминалистической классификации преступлений в методике расследования // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 1988. – № 2. – С. 18.

- 3.172. Ярошевский М.Г. О категориальном анализе развития психологического познания // Вопросы психологии. – 1973. – № 3. – С. 15-31.
- 3.173. Ярошевский М.Г. Предмет психологии и ее категориальный строй // Вопросы психологии. – 1971. – № 5. – С. 111-121.
- 3.174. Ярыш В.Н., Францифоров Ю.В. Актуальные проблемы проведения освидетельствования // Следователь. – 2002. – № 12. – С. 37-38.

4. Диссертации и авторефераты

- 4.1. Аббасова И.С. Время совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1992. – 22 с.
- 4.2. Алексеев А.Г. Вопросы теории и практики заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2005. – 22 с.
- 4.3. Афиногенов А.И. Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 1997. – 187 с.
- 4.4. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Томск, 2006. – 48 с.
- 4.5. Бабаева Э.У. Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – 44 с.
- 4.6. Баланев Д.Ю. Кибернетический редукционизм в психологии в контексте историко-системного подхода: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 1999. – 19 с.
- 4.7. Беспечный О.В. Теоретические и практические проблемы расследования преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2003. – 24 с.

- 4.8. Бозров В.М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1999. – 45 с.
- 4.9. Бойков А.Д. Проблемы эффективности судебной защиты: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1974. – 38 с.
- 4.10. Бочкарева Е.В. Тактика профессиональной защиты от обвинения в совершении преступлений против собственности на этапе предварительного расследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Сургут, 2003. – 24 с.
- 4.11. Васильев И.А. Эмоциональная регуляция мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1998. – 45 с.
- 4.12. Великородный П.Г. Сравнительное криминалистическое исследование способов совершения преступлений с целью идентификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1981. – 24 с.
- 4.13. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1997. – 48 с.
- 4.14. Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – 44 с.
- 4.15. Гавло В.К. Проблемы теории и практика криминалистической методики расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1988. – 38 с.
- 4.16. Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – 39 с.
- 4.17. Герасимов И.Ф. Теоретические проблемы раскрытия преступления: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1978. – 49 с.
- 4.18. Гранат Н.Л. Характеристика следственных задач и психологические механизмы их решения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1973. – 24 с.

- 4.19. Гринькин В.А. Теоретические проблемы и практика расследования убийства лиц, занятых в сфере бизнеса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2000. – 26 с.
- 4.20. Густов Г.А. Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений. Дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. – М., 1993. – 63 с.
- 4.21. Джатиев В.С. Общая методология и современные проблемы обвинения и защиты по уголовным делам: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Владикавказ, 1995. – 40 с.
- 4.22. Джуманбетова А.А. Использование специальных знаний при установлении связи «преступник – жертва»: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 23 с.
- 4.23. Елисеев С.А. Личность корыстного преступника, ее криминологическое и уголовно-правовое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1980. – 24 с.
- 4.24. Золотарев А.С. Методика расследования корыстно-насильственной организованной преступной деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – 224 с.
- 4.25. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1970. – 31 с.
- 4.26. Иванов И.И. Криминалистическая превенция (комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2004. – 36 с.
- 4.27. Иванов К.Г. Теоретические проблемы и практика поисковой деятельности в раскрытии и расследовании преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 268 с.
- 4.28. Ищенко Е.П. Алгоритмизация первоначального этапа расследования преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1989. – 44 с.
- 4.29. Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений (по материалам

- корыстно-насильственных преступлений): Дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1999. – 208 с.
- 4.30. Кисленко С.Л. Тактика судебного следствия и ее место в системе криминалистики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 24 с.
- 4.31. Клименко И.И. Проблемы расследования и судебного следствия по делам о разбойных нападениях, совершенных организованными группами с проникновением на охраняемые помещения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – 24 с.
- 4.32. Ключко А.В. Проблема личности в психологии в контексте понимания человека как открытой системы: Дис. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 2001. – 177 с.
- 4.33. Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1991. – 46 с.
- 4.34. Кокурин Г.А. Теоретические и практические основы поисковой деятельности в процессе раскрытия и расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – 50 с.
- 4.35. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1967. – 28 с.
- 4.36. Комаров И.М. Проблемы теории и практики криминалистических операций в досудебном производстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Барнаул, 2003. – 58 с.
- 4.37. Конин В.В. Тактика защиты подсудимого в суде 1 инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2003. – 165 с.
- 4.38. Корчагин А.А. Расследование убийств, связанных с исчезновением лиц женского пола: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2003. – 23 с.
- 4.39. Краснорядцева О.М. Возникновение и регуляция мышления в реальной жизнедеятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1998. – 47 с.

- 4.40. Кручинина Н.В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – 54 с.
- 4.41. Крылов В.В. Основы криминалистической теории расследования преступлений в сфере информации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1998. – 23 с.
- 4.42. Кузнецова О.Д. Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. – 180 с.
- 4.43. Куцонис П.Б. Проблемы построения и использования криминалистических классификаций в методике расследования преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1990. – 264 с.
- 4.44. Лифшиц Л.В. Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 1998. – 24 с.
- 4.45. Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 1997. – 32 с.
- 4.46. Мазунин М.Я. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 51 с.
- 4.47. Михеева И.В. Трансформация ценностно-смысловой сферы личности в условиях современной России в контексте исследования правосознания: Дис. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 2004. – 23 с.
- 4.48. Николайчук И.А. Соккрытие преступлений как форма противодействия расследованию: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 2000. – 56 с.

- 4.49. Пименова З.И. Криминалистические аспекты участия государственного обвинителя в рассмотрении дел об убийствах по найму: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2003. – 24 с.
- 4.50. Полевой Н.С. Методические и правовые основы решения криминалистических задач с использованием математических методов и вычислительной техники: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1984. – 42 с.
- 4.51. Псарева Б.В. Расследование корыстно-насильственных преступлений в отношении водителей автотранспорта, пассажиров и перевозимых грузов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2003. – 24 с.
- 4.52. Пучковская М.Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде I инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2004. – 25 с.
- 4.53. Румянцева И.В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. – 190 с.
- 4.54. Стулин О.Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 1999 – 24 с.
- 4.55. Субботина М.В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2004. – 43 с.
- 4.56. Телегина Э.Д. Психологическая регуляция и саморегуляция творческой мыслительной деятельности человека: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1993. – 31 с.
- 4.57. Ульянов В.Г. Государственное обвинение в Российском уголовном судопроизводстве (процессуальные и криминалистические аспекты): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2002. – 58 с.
- 4.58. Фалеев В.И. Уголовно-процессуальные аспекты выявления и устранения судебных ошибок: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2003. – 169 с.

- 4.59. Цветков С.И. Криминалистическая теория принятия решения: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1991. – 30 с.
- 4.60. Центров Е.Е. Основы криминалистического учения о потерпевшем: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1993. – 56 с.
- 4.61. Щукин А.М. Особенности раскрытия и расследования преступлений, связанных с организацией и деятельностью наркопритонов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2004. – 22 с.
- 4.62. Яблоков Н.П. Проблемы расследования и предупреждения преступлений в области охраны труда и техники безопасности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1972. – 36 с.
- 4.63. Янова Н.А. Социальный имидж прокурора в стереотипах обыденного сознания коллегии присяжных: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Барнаул, 1999. – 19 с.

5. Литература на иностранных языках

- 5.1. Adler A. What life should mean to you. – London: George Allen and Unwin, 1980.
- 5.2. Burgess A., Douglas J., Hartman C., McCormack A., and Ressler R. Sexual Homicide: A Motivational Model // Journal of Interpersonal Violence. – 1986. – Vol. 1 – № 3. – September. – P. 251-272.
- 5.3. Douglas J., Munn C. Violent Crime Scene Analysis: Modus Operandi, Signature and Staging // FBI Law Enforcement Bulletin. – 1992. – № 2 – P. 4.
- 5.4. Forker A., Rothe K. Besonderheiten der Untersuchungsplanung bei der Bekämpfung von Brennpunkten // Forum der Kriminalistik. – 1976. – № 2. – S. 18.
- 5.5. Gerting B., Schadlich K. Lehrbuch für Kriminalisten. – Berlin, 1955. – S. 43-45.

- 5.6. Hazelwood, R. & Reboussin, R. & Warren, J. & Wright, J. Prediction of Rapist Type and Violence from Verbal, Physical, and sexual scales // Journal of Interpersonal Violence. – 1991. – Vol. 6. – № 1. – March. – P. 55-67.
- 5.7. Hazelwood, R. & Reboussin, R. & Warren, J. Serial Rape: Correlates of Increased Aggression and the Relationship of Offender Pleasure to Victim Resistance // Journal of Interpersonal Violence. – 1989. – Vol. 4. – №. 1. – March. – P. 65-78.
- 5.8. Hazelwood, R. & Warren, J. The Criminal Behavior of the Serial Rapist // FBI Law Enforcement Bulletin. – 1990. – February. – P. 11-16.
- 5.9. Jaspers K. Geistige Situation der Zeit. – Berlin, 1931.
- 5.10. Leonardt R., Hauptwege zur Ermittlung des unbekanten Taters im Anfangsstadium einer kriminologischen Untersuchung // Kriminalistik und forensische Wissenschaften. – 1976. – № 25. – S. 5-16.
- 5.11. Lewin K. Field theory in social science. – N.Y., 1951.
- 5.12. Russell H. and Beigel A. Understanding human behavior for effective police work. – N.Y.: Basic Books, 1976.
- 5.13. Wilson J. Criminal investigations. A behavioral approach. – Waveland Press, Inc., 1993.

6. Материалы судебно-следственной практики

- 6.1. Архив Верховного Суда РФ за 1994-2006 гг.
- 6.2. Архив Алтайского краевого суда за 1995-2006 гг.
- 6.3. Архив Новосибирского областного суда за 1998-2006 гг.
- 6.4. Архив Кемеровского областного суда за 1998-2006 гг.
- 6.5. Архив Томского областного суда за 1998-2005 гг.
- 6.6. Архивы федеральных судов Центрального, Октябрьского, Ленинского, Индустриального, Железнодорожного районов г. Барнаула, Павловского и Славгородского судов Алтайского края за 1995-2006 гг.
- 6.7. Архив Колпашевского городского суда Томской области за 1998 г.

- 6.8. Материалы следственной практики прокуратуры Алтайского края за 1995-2006 гг.
- 6.9. Материалы следственной практики ГСУ при ГУВД Алтайского края и ГУВД г. Бийска Алтайского края за 1995-2006 гг.
- 6.10. Материалы следственной практики прокуратуры Республики Алтай и СЧ СУ при МВД Республики Алтай за 1995-2006 гг.
- 6.11. Материалы следственной практики прокуратуры Новосибирской области 1995-2006 гг.
- 6.12. Материалы следственной практики прокуратуры Карагандинской области Республики Казахстан за 1994-1995 гг.

АНКЕТА – кодировочный лист

по изучению уголовных дел по программе

«Ситуационный подход как методологическая основа предварительного
расследования и судебного разбирательства уголовных дел»

1. Ф.И.О. обвиняемого ст. УК № дела
  2. Пол (муж.)
  3. Пол (жен.)
  4. Возраст (лет)
  5. Образование до 8 классов
  6. Образование до 11 классов
  7. Образование среднее специальное
  8. Образование высшее
  9. Работает
  10. Не работает
  11. Учится
  12. Судим, да
  13. Не судим
  14. Характеристика обвиняемого положительная
  15. Характеристика обвиняемого отрицательная
  16. Состояние опьянения, да
  17. Состояние опьянения, нет
  18. Признал вину полностью
  19. Признал вину частично
  20. Вину отрицает
-
21. Краткая фабула на момент возбуждения уголовного дела (что, где, когда...). Исходная криминалистическая ситуация.
  22. Время (дата) совершения преступления

23. утро 24. день 25. вечер 26. ночь
27. Время сообщения в следственные органы.
28. Время возбуждения уголовного дела.
29. Место совершения преступления (город...
30. Место совершения преступления (улица, двор...
31. Место совершения преступления (квартира...
32. Место совершения преступления (село...
33. Иное.
34. Способ совершения преступления (одиночка).
35. Способ совершения преступления (группа).
36. Способ совершения преступления с применением холодного оружия.
37. Способ совершения преступления с применением огнестрельного оружия.
38. Способ совершения преступления с применением бытового.
39. Иное (палка, камень и т.д.)
40. В чем выразилась подготовка к преступлению (приобретение орудий, вы-
сматривание объекта и т.д.)
41. В чем выразилось сокрытие преступления (инсценировка, уничтожение
следов и т.п.)
42. Предмет посягательства (деньги...
43. Предмет посягательства (вещи...
44. Предмет посягательства (иное...
45. Мотив и цели преступления (месть...
46. Мотив и цели преступления (корысть...
47. Мотив и цели преступления (ссора, хулиганство...
48. Мотив и цели преступления скрыть другие (ое) преступления (ие).
49. Иное.
50. Потерпевший, возраст.
51. Пол (муж.)
52. Пол (жен.)
53. Состояние опьянения, да

54. Состояние опьянения, нет
  55. Отношение потерпевшего к обвиняемому (знакомый).
  56. Отношение потерпевшего к обвиняемому (незнакомый).
  57. Иное
-

Для следственных действий (указать сроки проведения, применение технических средств (каких), участие специалистов (каких), результаты, повторность и другие особенности. Также необходимо указать как изменялась криминалистическая ситуация после проведения следственного действия и ОРД).

58. Осмотр места происшествия (трупа, предметов и т.п.)
59. Допрос свидетелей.
60. Допрос потерпевших.
61. Допрос подозреваемого (указать о признании (непризнании) вины).
62. Допрос обвиняемого.
63. Очная ставка.
64. Экспертиза судебно-медицинская.
65. Экспертиза криминалистическая.
66. Экспертиза психиатрическая.
67. Экспертиза почерковедческая.
68. Иные экспертизы.
69. Предъявление для опознания (личности...
70. Предъявление для опознания вещей.
71. Предъявление для опознания по фото.
72. Предъявление для опознания трупа.
73. Выемка (документов, предметов и т.п.)
74. Обыск (личный, в помещении).
75. Задержание.
76. Арест на имущество.
77. Арест на денежные вклады.
78. Арест на телефонно-телеграфную корреспонденцию.

79. Следственный эксперимент.
  80. Эксгумация трупа.
  81. Освидетельствование.
  82. Оперативно-розыскная работа (взаимодействие в чем...)
  83. Помощь общественности (в чем...)
  84. Представление следователя.
-
85. Сроки расследования два месяца.
  86. Сроки расследования три месяца.
  87. Сроки расследования свыше трех месяцев.
  88. Расследование приостановлено (указать основание).
  89. Расследование возобновлено (указать основания и срок).
  90. Обвинение предъявлено (срок).
  91. Мера пресечения (когда и какая).
  92. Обвинение перепредъявлено.
  93. Следствие по делу окончено (когда).
  94. Определение (постановление) о возвращении дела для производства дополнительного расследования (основания). Как изменилась после этого криминалистическая ситуация.
  95. Обвинительное заключение. Криминалистическая ситуация конечного этапа расследования.
  96. Приговор, квалификация. Срок. Подтвердились ли в суде выводы обвинительного заключения:
-
97. о характере преступления (да, нет);
  98. о мотивах (да, нет);
  99. о квалификации (да, нет) /основания переквалификации/.
  100. Частное определение.
  101. Определение кассационной инстанции.
  102. Определение надзорной инстанции.

103. Выяснились причины и условия, способствовавшие совершению преступления. Да (какие).
104. Выяснились ли причины и условия, способствовавшие преступлению.
Нет.
105. Положительное и отрицательное в расследовании с учетом криминалистических ситуаций.

АНКЕТА – кодировочный лист

по изучению причин прекращения уголовных дел по программе
«Ситуационный подход как методологическая основа предварительного
расследования и судебного разбирательства уголовных дел»

- 1.01. № уголовного дела по обвинению... (квалификация)
- 2.02. Криминалистическая ситуация на момент возбуждения уголовного дела.
(Исходная криминалистическая ситуация)
- 3.03. Когда возбуждено уголовное дело _____
- 4.04. Кем возбуждено уголовное дело (нужное подчеркнуть)
  05. следователем.
  06. прокурором.
- 5.07. Сроки проведения проверки в порядке ст. 144 УПК РФ (нужное подчеркнуть)
  08. до 3 суток.
  09. от 3 до 10 суток.
  10. свыше 10 суток.
- 6.11. Когда прекращено уголовное дело _____
- 7.12. Основание прекращения (указать какое)
- 8.13. Стаж следственной работы:
  14. до 1 года.
  15. до 3 лет.
  16. свыше 3 лет.
- 9.17. Какие следственные действия проведены? (подчеркнуть какие и указать дату проведения)
  18. Осмотр места происшествия (трупа, предметов и т.д.)
  19. Задержание.
  20. Допрос свидетелей.
  21. Допрос потерпевших.

22. Допрос подозреваемого (указать о признании (непризнании) вины)
23. Допрос обвиняемого.
24. Очная ставка.
25. Экспертиза судебно-медицинская.
26. Экспертиза криминалистическая.
27. Экспертиза психиатрическая.
28. Иные экспертизы.
29. Предъявление для опознания личности.
30. Предъявление для опознания вещей.
31. Предъявление для опознания по фото.
32. Предъявление для опознания трупа.
33. Выемка (документов, предметов и т.п.).
34. Обыск (личный, в помещении).
35. Арест на имущество.
36. Следственный эксперимент.
37. Эксгумация трупа.
39. Освидетельствование.
40. Проверка показаний на месте.
- 10.41. Криминалистическая ситуация на момент прекращения уголовного дела.
- 11.42. Положительное и отрицательное в расследовании с учетом криминалистических ситуаций.

Опросный лист осужденных

за корыстно-насильственные преступления по программе
«Ситуационный подход как методологическая основа предварительного
расследования и судебного разбирательства уголовных дел»

1. Возраст:
  - а) 18-25 лет;
  - б) 25-40 лет;
  - в) свыше 40 лет.
2. По какой статье Уголовного кодекса РФ осуждены:
  - а) ст. 105 (убийство);
  - б) ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью);
  - в) ст. 131 (изнасилование);
  - г) ст. 161 (грабеж);
  - д) ст. 162 (разбой);
  - е) ст. 163 (вымогательство).
3. Какой раз осуждены:
  - а) первый;
  - б) второй;
  - г) третий;
  - д) более трех раз.
4. Продумывали ли Вы способ совершения преступления до его совершения:
  - а) да, продумывал детально;
  - б) да, в общих чертах;
  - в) нет, не думал – как получится;
  - г) нет, потому что совершил преступление неожиданно
5. Если продумывали, то что именно:
  - а) выбор объекта посягательства;
  - б) способ проникновения на этот объект;

- в) способ вступления в контакт с жертвой;
  - г) способ маскировки;
  - д) способ сокрытия следов преступления;
  - е) способ реализации (сбыта) похищенного;
  - ж) иное.
6. Что послужило основой для определения способа совершения преступления:
- а) приобретенные навыки;
  - б) собственные рассуждения;
  - в) рассказы и советы ранее судимых;
  - г) знакомство с литературой (детективной, специальной и т.д.)
  - д) иное.
7. Какие были допущены Вами ошибки, приведшие к установлению и изобличению в совершении преступления:
- а) в выборе объекта посягательства;
  - б) в определении способа совершения преступления;
  - в) в недостаточной подготовке к его совершению;
  - г) в неправильном определении условий совершения преступления (время, место и т.д.);
  - д) в неудачном выборе средств для совершения преступления;
  - е) в неудачном выборе соучастников;
  - ж) в непринятии мер для сокрытия следов преступления;
  - з) иное.
8. Если совершали преступления неоднократно, то меняли ли вид совершаемых преступлений:
- а) да;
  - б) нет.
9. Если совершали другой вид преступлений, то почему:
- а) разочаровался в выгоде предшествующего вида преступлений;

- б) решил себя проверить применительно к условиям другого вида преступлений;
- в) так получилось, заранее не планировал совершать преступление;
- г) иное.

10. При неоднократности совершения преступлений одного и того же вида изменяли ли способ совершения преступлений:

- а) да;
- б) нет.

11. Если изменяли, то по каким причинам:

- а) изменились условия совершения преступлений;
- б) разочаровался в прежнем способе;
- в) с учетом приобретенного опыта;
- г) не задумывался об этом;
- д) иное.

12. При подготовке к совершению преступления думали ли о принятии мер к сокрытию следов преступления:

- а) да;
- б) нет.

13. Если да, то каких именно:

- а) уничтожении следов на месте пребывания;
- б) изменении в обстановке места совершения преступления;
- в) принятии мер к маскировке (изменению) внешности;
- г) выработке позиции на случай задержания;
- д) разработке ложного алиби;
- е) иное.

